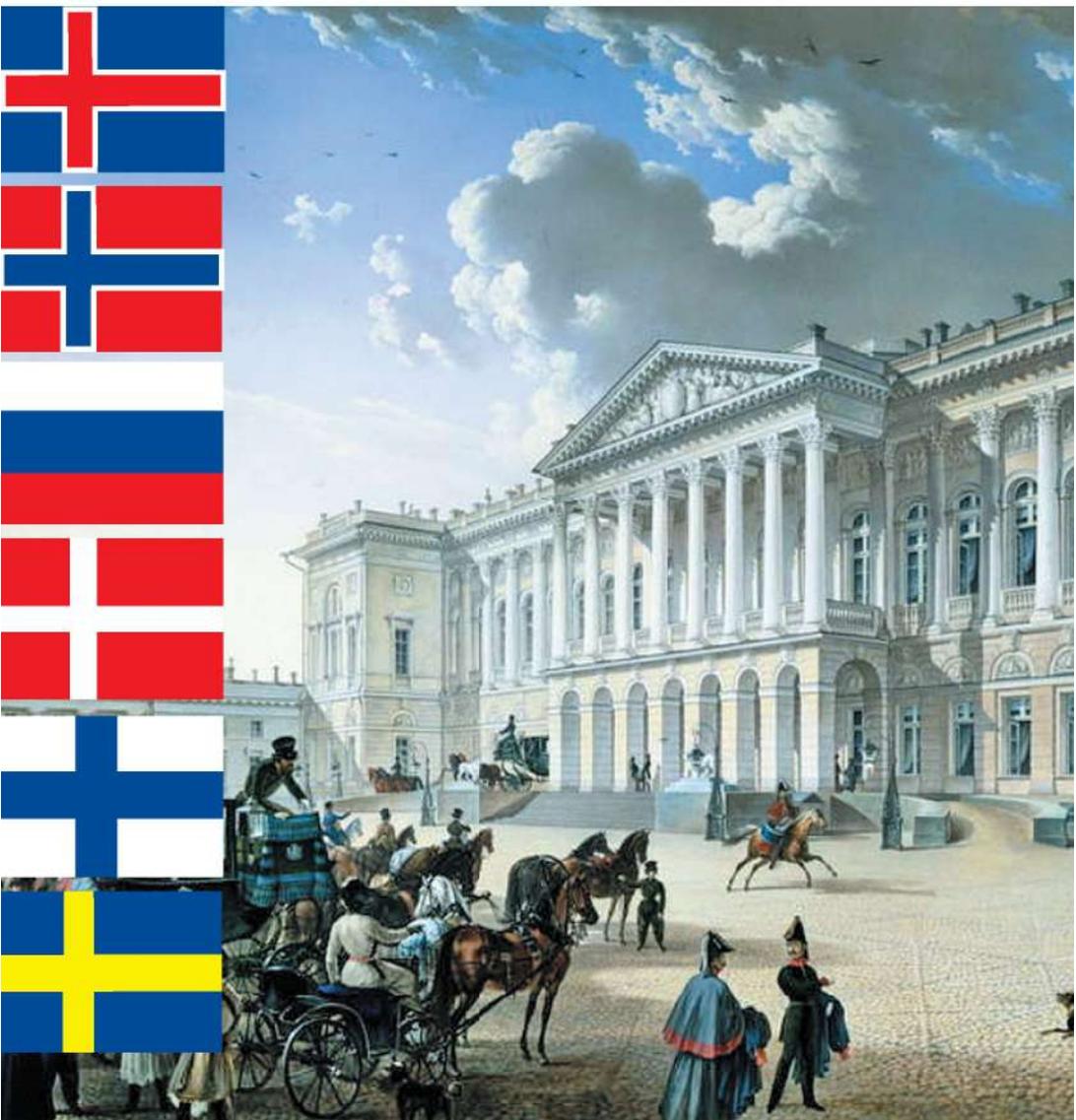

Санкт-Петербург и страны Северной Европы

22 (1-2)
2020

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНТР ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

22 (1-2)

ISSN 2411-8796
Санкт-Петербург
2020

ST. PETERSBURG SCANDINAVIAN CENTER
SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
DEPARTMENT OF HISTORY
THE RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES

22 (1-2)

ISSN 2411-8796
Saint-Petersburg
2020

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор В. Н. Барышников
(ответственный редактор),
доктор философских наук профессор Д. К. Богатырёв,
В.-Т. Васара, доктор исторических наук, профессор В. Е. Возгрин,
доктор исторических наук, профессор П. А. Кротов
(зам. ответственного редактора), Д. Р. Лобанова,
доктор исторических наук, профессор А. В. Смолин,

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент А. В. Лихоманов
(Российская национальная библиотека);
кандидат исторических наук А. И. Терюков
(Музей антропологии и этнографии РАН)

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-09-20024*

Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2020. Вып. 22 (1–2) /

Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — СПб.: Издательство РХГА,
2020. — 355 с.

ISSN2411-8796

Журнал рассчитан на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

Выпуск содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Двадцать второй Международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

© Авторы выпуска, 2020

© В. Н. Барышников, сост., 2020

© Издательство РХГА, 2020

The Editorial Board:

PhD in History, professor V. N. Baryshnikov (managing editor),
PhD in Philosophy, professor D. K. Bogatyrev,
PhD in History, professor V. E. Vozgrin,
PhD in History, professor P. A. Krotov (assistant editor),
PhD in History, professor A.V. Smolin, V.-T. Vasara,
D. R. Lobanova

Reviewers:

Candidate of Historical science A. V. Likhomanov
(The Russian National library);
Candidate of Historical science A. I. Teryukov
(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries. 2020. Issue 22(1–2) /

Edited by V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov. — SPb., RCAH, 2020. — 355 p.

ISSN 2411-8796

The journal is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries.

The issue consists of scientific articles based on the materials of the reports of the twenty second annual international scientific conference «Saint-Petersburg and North European countries».

© Authors, 2020

© V. N. Baryshnikov, edited, 2020

© Russian Christian academy for humanities
publishing house, 2020

*Выпуск посвящается памяти члена редколлегии журнала,
доктора исторических наук, профессора
Возрина Валерия Евгеньевича*

Профессор В. Е. Возрин (1939-2020)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журнал содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Двадцать второй Международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии, кафедрой Истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала».

Конференция проходила 6–7 октября 2020 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. Традиционно на конференции принимали активное участие ученые Института истории СПбГУ, РХГА, а также исследователи Российской Академии наук, ряда музеев и архивов.

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими в 2020 г. отношения Санкт-Петербурга и России со скандинавскими странами и Финляндией. Выпуск журнала посвящен памяти профессора Возгрина В. Е.

Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»¹. Все материалы конференций размещены на сайте — <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

¹Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001, № 2; Санкт-

Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002, № 3; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003, № 4; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004, № 5; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005, № 6; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006, № 7; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007, № 8; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008, № 9; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009, № 10; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010, № 11; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011, № 12; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012, № 13; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2013, № 14; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2014, № 15; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2015, № 16; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2016, № 17 (1); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016, № 17 (2); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2017, № 18 (1–2); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2018. № 19 (1); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2019, № 20 (1); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2019, № 20 (2); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2019, № 21 (1).

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the twenty second annual International conference «Saint Petersburg and Northern European countries». The conference was organized by St. Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the the Institute of History of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for the Humanities (RCAH) and the Historical-ethnographic museum-reserve «Yalkala» took part in organizing the conference too.

The conference was held 5–6 of 5 October 2020. Historians, philologists, ethnographers, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, international relations faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland in 2020. Issue of the magazine is dedicated to the memory of Professor V. E. Vozgrin.

The materials of previous conferences were published in volume «Petersburg readings 98–99» and further editions called «Saint Petersburg and Northern European countries»¹. All the materials can be found on site: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

¹ Petersburg and North European countries// Petersburg readings 98–99. The materials of Encyclopedia's library "Saint Petersburg 2003". SPb., 1999. Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2001, № 2; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2002, № 3; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2003, № 4; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2004, № 5; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2005, № 6; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2006, № 7; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2007, № 8; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2008, № 9; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2009, № 10; Saint Petersburg and North European

countries. SPb., 2010, № 11; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2011 № 12; Saint Petersburg and North European countries. Pb., 2012, № 13; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2013; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2014, № 15; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2015 № 16; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2016, № 17 (1); Saint Petersburg and North European countries. Vyborg, 2016, № 17 (2); Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2017, № 18 (1–2); Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2018. № 19 (1); Saint Petersburg and North European countries.. Vyborg, 2019, № 20 (1); Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2019. № 20 (2); Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2019. № 21 (1).

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

П. А. Кротов

«СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ» НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ («СЛУЧАИ» ВИЦЕ-АДМИРАЛА Н. А. СЕНЯВИНА И ПОРУЧИКА П. Г. ГОЛОВКОВА)*

«Знатное дворянство по годности считат[ь]» — такой была резолюция Петра Великого на докладе Военной коллегии от 11 ноября 1724 г.¹ Резолюция монарха выразила его подход к формированию государственной и военной элиты Российской империи.

Корни такого подхода первого русского императора к конструированию верхнего правящего слоя строившегося им государства нового типа, Российской империи, абсолютистской монархии, как представляется автору, уходили во времена складывания Римской империи. Первый император Древнего Рима, с правом передачи титула и власти по своей воле, Юлий Цезарь был взят Петром Великим за один из главных образцов государственного деятеля на собственном пути построения Всероссийской империи. Именно такой подход позволил Древнему Риму в полной мере использовать «человеческий фактор» для построения великой империи, ставшей основой европейской цивилизации будущих времён. В римском обществе времен кризиса республиканских форм правления и рождения империи (эпоха Юлия Цезаря) в качестве основы римского могущества и успешной государственной службы виделось понятие доблести (*virtus*), в первую очередь воинской доблести (*bellica virtus*). Доблесть в принци-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-09-42011 «Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738)».

пе являлась и чертой всего римского народа, и всего войска, и отдельных воинов. Но в первую очередь настоящими и едва не монопольными носителями этого свойства считались люди не простонародные, но благородного и в особенности знатного происхождения (*virī boni, nobiles*). Можно считать этот слой в смысле социальной модели некой отдалённой временем аналогией для России Петровской эпохи русского дворянства. Главное же заключалось в том, что не само по себе благородство, знатность происхождения продвигали наверх людей во времена становления и первых веков Римской империи, во времена наивысшего подъема Рима, но именно добытая личными заслугами *virtus* рассматривалась в качестве дающей права на должности, почести, славу, высокий общественно-государственный статус².

Подход по отбору даровитых и амбициозных людей в новую элиту нового Российского государства — самодержавной Российской империи — неуклонно соблюдавшийся Петром I и неоднократно заявлявшийся официально, открывал возможности для «социального лифта» в верхний слой государственной иерархии представителям средних и низших прослоек дворянства, а прослойке «ниже шляхетства» — в дворянство. Такое направление кадровой политики самодержца стало одной из основных предпосылок успеха его государственной реформы. При слабости материальных и финансовых предпосылок для проведения радикальных преобразований в стране поиск одарённых, имевших неординарные личные амбиции людей, создание им условий для служебного роста, для повышения социального статуса, для улучшения материального благосостояния создавали основу для качественного рывка в развитии нуждавшегося в глубокой модернизации Русского государства. По существу такой «кадровый подход» Петра I сохранял опробованную при создании Римской империи модель службы: выходцы из *virī boni* и римских *nobiles* могли выйти путём неординарных заслуг перед отечеством в высший правящий слой империи и даже кто-то из них мог стать императором, как это сделал Юлий Цезарь.

«Случай» вице-адмирала Наума Акимовича Сенявина (1681–1738) как раз является показательным примером для того, чтобы проследить, как на практике Петр Великий на пользу отдельной личности и во благо страны воплощал свою кадровую политику, в определенном смысле «римскую модель» службы государству — важнейшую часть его концепции созидания Новой России. Жизненный путь Н. А. Сенявина иллюстрирует, как «римская модель» с эффективностью применялась к российской действительности переломной Петровской эпохи. Сенявин за 40 лет службы прошёл путь от рядового солдата и матроса до вице-адмирала; погиб от чумы при осаде турецкой крепости Очаков в качестве

командующего Днепровской военной флотилией (1738). Если оценить итог его службы Отечеству с точки зрения карьеры, можно сказать, что он остановился на самом пороге высшего слоя правящей элиты Российского государства.

Стартовое положение молодого Наума Акимовича накануне вступления на стезю службы «за веру, царя и Отечество» можно оценить следующим образом.

Прежде всего, следует охарактеризовать положение его рода на лестнице служилых чинов русского дворянства. Н. А. Сенявин принадлежал к не слишком богатому дворянскому роду средней руки. В 1646 г. Сенявины (тогда Синявины³) владели одной вотчиной с 11 дворами и 21 «душой» крепостных крестьян мужского пола⁴. Согласно «сказкам» помещиков 1700 г. о числе и размещении дворов их крепостных крестьян, 12 представителей рода Сенявиных владели 88 дворами⁵.

Важно также отметить, что «репутация» рода Сенявиных к началу государственной модернизации Петра Великого была очень высокой. Н. А. Сенявин принадлежал к роду, в традициях которого была ревностная служба России.

По изысканиям сына Н. А. Сенявина адмирала Алексея Сенявина (1722–1797), родовое гнездо их предков располагалось на польско-русском порубежье — на реке Сеняве, впадающей в Сан, который несёт свои воды в Вислу. Известная в Речи Посполитой фамилия Сенявских имела общее с российскими Сенявиными происхождение⁶. Родоначальником Сенявиных в России стал на грани XV и XVI столетий Алёхна Сенявин, сыну которого Ивану Василий III выдал грамоту, в которой говорилось о пожаловании его «в Смоленской земле его отчиною». В великокняжеской грамоте при этом было упомянуто: «...и бояре нам сказали, что та земля — отчина из старины его»⁷. В Смутное время начала XVII в. Сенявины шестого колена защищали Русскую землю. Из четырёх сыновей Фёдора Сенявина один был «убит на службе под Кромами», другой — под Калугою, третий получил раны под Кромами и Смоленском, дважды содержался «в Литве в полону», один раз «сидел в Москве в осаде» при царе Василии Шуйском, второй раз при Михаиле Федоровиче «в королевичев приход» (1618). На протяжении XVII столетия Сенявины занимали устойчивое положение в средней прослойке российского дворянства. Они не входили в круг родовой знати, не назначались в Боярскую думу. Они служили «по московскому списку», «в житье», «по выбору», «в стряпчих», некоторые имели чины стольников, а двоюродный дед адмирала Алексея Сенявина Елисей «за его службы, и за кровь, и за рану» удостоился чести и ответственности быть в 1664–1674 гг. воеводой в Орле⁸.

Отец Н. А. Сенявина, Аким (Яким, Иоаким) Иванов, сын Синявин служил «по московскому списку». Известно, что он получил рану «в разинской поход» (1671)⁹. В 1688 г. цари Петр I и Иван V, «похваляя его службу, промыслы и храбрость» в действиях против турок и крымских татар, жалованной грамотой перевели часть его поместий в вотчинное владение¹⁰. С 1703 г. А. И. Синявин числился отставным дворянином. На склоне лет ему было определено «жить на Москве для посылок»¹¹.

Можно предполагать, что на складывание жизненной установки Наума Акимовича решающим образом повлияли слова царской грамоты, выданной его отцу Акиму Ивановичу, о пожаловании ему в вотчинное владение части его поместий «на память впред[в] будущим рода его... за мужественное и храброе... в воинских делах стояние ... чтобы впредь, на его службы смотря, дети его, и внучата, и правнучата, и кто по нем роду его будет так же ... за свое отечество стояли крепко и мужественно»¹².

Именно так и были воспитаны дети Акима Ивановича. Старший сын Илларион (Ларион) служил воеводой кетским и нарымским (1697–1698), кузнецким (1699–1703), иркутским (1704–1710), потом комендантом соликамским и чердынским (1711–1715), кунгурским (1715 — не ранее 1717 г.), Бахмутской провинции (1726–1727). Он также замещал и другие управленческие должности¹³. Фёдор был администратором на различных должностях и тоже достиг уровня воеводы (Бахмутской провинции в 1727–1731 гг.)¹⁴. Ульян получил чин генерал-майора, в 1703–1715 гг. был на значимом посту директора Канцелярии городовых дел Санкт-Петербурга. Иван Акимович «большой» стал бригадиром¹⁵. Иван Акимович «меньшой», с которым Наум был особенно тесно связан по долгу военно-морской службы, начав в 1694 г. солдатом Преображенского полка, дослужился до чина шаутбенахта (1725) и в конце жизни являлся главным командиром Каспийской флотилии (ум. в 1726 г.)¹⁶; полковником (с 1726 г.)¹⁷ завершил служебный путь Борис Акимович (ум. до марта 1735 г.)¹⁸. Однако выше всех своих братьев по служебной лестнице чинов поднялся младший, седьмой, сын Наум.

Именно «репутация» рода, как представляется автору, дала Науму Сенявину возможность быть отобранным на смотре при распределении новиков-дворян на службу на место, которое давало большие возможности проявить себя и быть замеченным в качестве человека, способного в будущем стать значительным военным деятелем. Именно на такое место, как думается, отнюдь не случайно, был определен в 1698 г. для начала службы Н. А. Сенявин. Служебный путь Сенявин начал, как он сам писал, в качестве солдата Бомбардирской роты царской гвардии — Преображенского полка и одновременно матроса в Воронеже, где сооружались корабли Азово-Черноморского флота. Капитаном роты бомбардиров-

преображенцев был сам монарх. Именно это обстоятельство, по мнению автора, стало архиважным для карьеры Наума Акимовича. Наум проходил службу на глазах монарха. Монарх, сохранивший за собой должность капитана Бомбардирской роты Преображенского полка вплоть до своей кончины, обычно пребывал значительную часть времени именно в непосредственном окружении своих соратников-бомбардиров, в том числе в походах не только сухопутных, но и морских. Уже в 1699 г. в походе по Азовскому морю к Керчи молодой бомбардир и матрос Н. Сенявин, как он писал, нес службу «на собственном Его Величества корабле»¹⁹.

Служебное рвение молодого солдата-артиллериста и матроса мог оценивать сам самодержец. Однако лишь малое число рядовых чинов Бомбардирской роты достигли службой высоких чинов. Каким образом выдающуюся карьеру удалось сделать Н. А. Сенявину?

Изучение служебного пути Наума Сенявина показывает, что выделиться из рядовых чинов ему позволило особое обстоятельство — совершенный, в том числе и по его почину, дерзкий, получивший широкую огласку в войсках подвиг.

В октябре 1706 г., после возвращения флота к Санкт-Петербургу, Сенявин участвовал в походе русской армии к Выборгу. Вечером 12 октября 1706 г. в Выборгский залив на 5 лодках был послан отряд для захвата «языка» со шведских торговых судов, которые тянули лодками подальше в море от города. В отряд входили 45 русских grenадеров во главе с их капитаном Е. Бахтеяровым и ещё 7 рядовых Бомбардирской роты Преображенского полка, среди которых был и Наум Сенявин (всего 53 чел.). Общую команду «имел» любимец Петра I, входивший в его ближнюю «компанию», сержант Преображенского полка М. И. Щепотев. В тумане и наступившей ночной темноте отряд непредвиденно натолкнулся на вооружённый 4 пушками шведский адмиральский бот «Эсперн», экипаж которого состоял из 103 человек, включая 3 обер-офицеров. Силы были неравными, но, пользуясь темнотой и внезапностью, русские grenадеры и бомбардиры атаковали неприятельский корабль и вступили в жестокую схватку. Уцелевшие в рукопашном бою шведы бросились под палубу, где и были заперты (27 человек). Ещё не закончив рукопашной схватки со шведами, россияне отбили из пушек «Эсперна» подошедший на звуки боя другой шведский бот. В составе героев были и профессиональные артиллеристы, бомбардиры. Трофейный бот был приведён к русскому лагерю. После этой жестокой схватки в живых осталось только 13 русских, из которых только 7 человек не были ранены. Многие были ранены так тяжело, что «с мертвыми лежали на палубе»²⁰. Сенявин тогда был ранен «в руку пулею навывлет»²¹.

28 ноября 1706 г. царь издал указ военному служащим-иноземцам, «чтоб они из нижних чинов в вышние и, не заслужа... урочных лет, о пе-

ремене не били челом», где приводил этот пример настоящей службы: «А кто покажет какую явную службу, то не токмо чрез чин, но и через два пожалован будет, как ныне учинили некоторые солдаты, под командою Щепотева будущие, что... взяли адмиралтейский «Эсперн»-бот... за что пожалованы из рядовых в фендрики»²² (от швед. *fänrik* — первое офицерское звание, прапорщик). Н. А. Сенявин зафиксировал в своём журнале, что за тот бой был «пожалован от Его Величества в ботсманы»²³.

В ходе последующей службы Н. А. Сенявин успешно выполнял все поручения монарха и постепенно продвигался все выше по лестнице чинов. Звездным часом его службы Отечеству стало командование в победоносной для русского оружия Эзельской морской баталии 24 мая 1719 г. Сенявин был назначен командовать отрядом русских кораблей личным указом Петра I. Во время сражения ему удалось пленить шведские линейный корабль, фрегат и шлюп. За эту первую победу русского флота в открытом море царь произвёл Сенявина во флагманский чин капитан-командора²⁴.

Историю служебного возвышения Н. А. Сенявина продуктивно сравнить со службой в годы Северной войны П. Г. Головкина — другого участника героического взятия на абордаж шведских боевых судов 12 октября 1706 г. У обоих, таким образом, началом карьерного взлёта стал подвиг, выделивший их из числа рядовых деятелей Петровской эпохи.

Потап Григорьев сын Головкин происходил из феодально зависимой категории боевых холопов (по своему происхождению это выходцы из низшей прослойки феодалов — так называемых «детей боярских»). В 1700 г. он записался добровольцем («волею своею») в солдаты пехотного полка полковника Т. Юнгера (Владимирский с 1708 г.). В том же году П. Г. Головкин стал участником похода русских войск к Нарве, потом ходил под Ригу с войсками А. И. Репнина (1701), осаждал Нотебург (1702), в последующие годы действовал в Приневье. Наконец 12 октября 1706 г. он вместе с Н. А. Сенявиным совершил свой подвиг. Вот как он сам его описывал: «А в 706-м был в первом Выборгском походе, и командован на лодках из помянутого полку с Михаилом Ивановичем Щепотевым штурмовать неприятельскую шкуту, и оную шкуту взяли, и на оном штурме изранен. И за взятие оной шкуты и за раны по именному Его Царского Величества указу того ж году ноября 8 дня пожалован из рядовых в Азовский полк прапорщиком»²⁵. Чин прапорщика дал бывшему холопу дворянство — коренная перемена сословного статуса. В 1708 г. П. Г. Головкин был переведён в новонабранный драгунский полк. Под общим командованием генерал-адмирала Ф. М. Апраксина он участвовал в сражении у Сойкиной мызы 16 октября 1708 г. После баталии Апраксин пожаловал его в полковые квартирмейстеры. В 1710 г. Головкин участво-

вал в осаде Выборга и блокаде Ревеля. Приказом генерала М. М. Голицына в 1712 г. получил чин поручика Азовского пехотного полка. П. Г. Головкин выделил за последующие годы своё участие в походе на галерах к Гельсингфорсу и в боевых действиях в шведских шхерах вблизи Стокгольма в 1719 г.²⁶

Таким образом, П. Г. Головкин за годы войны со Швецией (1700–1721) сумел совершить, благодаря военной службе, на которую он пришёл добровольно, рывок из низкой сословной группы феодально зависимых людей в сословие потомственного дворянства. Однако имя П. Г. Головкина закономерно теряется среди тысяч подобных людей, верой и правдой служивших Отечеству, но не сумевших войти в слой военной элиты. Напротив, Н. А. Сенявин ныне известен в России как славный флотоводец, один из представителей «молодой волны» сподвижников Петра Великого.

Почему Н. А. Сенявин сумел собственной службой вплотную приблизился к кругу высших должностных лиц вблизи Петра Великого, а участник того же штурма шведских судов П. Г. Головкин остался среди других рядовых деятелей Петровской эпохи?

Прежде всего, Головкин и Сенявин имели разные стартовые позиции: боевой холоп и потомственный дворянин. Далее, П. Г. Головкин не пребывал, как Н. А. Сенявин в служебном окружении монарха. Это было неслучайно — монарх окружал себя в Бомбардирской роте представителями дворянского сословия. Соответственно монарх не давал Головкину личных ответственных и сложных поручений, успешное выполнение которых позволяло получать служебные повышения. Следовательно, возможностей проявить себя дальнейшей службой у Головкина было несравненно меньше. Как результат, в конце войны со Швецией П. Г. Головкин служил в невысоком обер-офицерском чине армейского поручика, а Н. А. Сенявин в 1721 г. получил флагманский чин шаутбенахта (контр-адмирала).

Итак, проведено сравнение служебного пути Н. А. Сенявина, потомственного дворянина, представителя рода, столь самоотверженно служившего Отечеству с XVI столетия, и выходца из много более низкой сословной прослойки боевых холопов П. Г. Головкина. Началом служебного роста у обоих был один и тот же воинский подвиг, совершенный ими рука об руку в 1706 г. Однако итоги их служебного пути в годы Северной войны разительно отличаются. Вполне очевидно, что существовавшая при Петре I в вооруженных силах система кадрового продвижения создавала предпосылки, «случаи» для того, чтобы позволить раскрыться воинским дарованиям дворянина Н. А. Сенявина. Напротив, имевшаяся система не позволяла высоко подняться, проявив себя в дальнейшем, П. Г. Головкину. После совершения подвига прилежной службой он сумел

достигнуть чина армейского поручика, однако, не более того. П. Г. Головкин стал благодаря служебным заслугам, совершенному подвигу одним из представителей самого широкого слоя дворянства, образовывавшего лишь основание пирамиды дворянского сословия.

Особенностью Петровской эпохи стало то, что в офицерский корпус вооружённых сил страны влились значительные сословные группы, не относившиеся к дворянству: выходцы из боярских и дворовых людей (холопы), люди «старых служб по прибору», посадские люди, купцы, дети подьячих, «поповичи» и др. На исходе войны со Швецией, в 1720–1721 гг., 13,9% армейского офицерского корпуса (штаб- и обер-офицеры) не имели дворянского происхождения²⁷. В корабельном флоте Балтийского моря на 20 мая 1723 г. среди обер-офицеров выходцев не из дворян имелось всего 20 чел. (8%), в числе штаб-офицеров только один (3%), во флагманских чинах — ни единого человека²⁸. С получением первого обер-офицерского чина все выходцы из сословий «ниже шляхетства» становились дворянами. Для этих людей это был социальный рыбок, возможность для которого была открыта в ходе преобразований Петра Великого. Примером данного рода является рассмотренный в статье «случай» П. Г. Головкина.

Таким образом, рассмотрены «случаи» служебного пути в Петровскую эпоху Н. А. Сенявина, ставшего в 1721 г. контр-адмиралом, и армейского поручика П. Г. Головкина. Проведенный анализ показывает, что при Петре I существовала глубоко продуманная система кадровых продвижений представителей разных сословий. Она позволяла высоко подняться по служебной лестнице наиболее даровитым и стремящимся выделиться из ряда малозаметных личностей дворянам, которые стремились сыграть значимую роль в истории («случай» Н. А. Сенявина). Эта система, как она была ранее названа, «римская модель» служебного роста, создавала также мощные стимулы для ревностной службы «за веру, царя и Отечество» и выходцам из сословий низкого статуса («случай» П. Г. Головкина). Тем не менее, существовала система мер и ограничений, не позволявшая большому числу выходцев из низких сословных групп продвигаться в высокие офицерские чины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 150.

² *Махлаюк А. В.* Римская «доблесть» и virtutes полководца // Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова: Тезисы докладов

межвузовской научной конференции. Нижний Новгород, 29–30 октября 2004. Н. Новгород, 2004. С. 38–39.

³ До 1722 г. Н. А. Сенявин подписывался через «и» (Наум Синявин), с 1723 г. исключительно через «е» — Наум Сенявин (*Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 170, прим. 194).

⁴ *Шватченко О. А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (Историко-географический очерк). М., 1996. С. 278.

⁵ Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII — первая половина XVIII в. / Сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко. М., 1989. С. 78.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343 (Департамент герольдии). Оп. 29. Д. 2486. Л. 12.

⁷ Письма и указы Его императорского Величества государя императора Петра Великого, писанные к Науму Акимовичу Синявину. СПб., 1786. Прилож. С. II–III.

⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 2486. Л. 12–13.

⁹ Там же. Л. 12 об.

¹⁰ Письма и указы Его императорского Величества государя императора Петра Великого, писанные к Науму Акимовичу Синявину. Прилож. С. VI–X.

¹¹ *Захаров А. В.* Государев двор Петра I: Публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009. С. 370, 377.

¹² Письма и указы Его императорского Величества государя императора Петра Великого, писанные к Науму Акимовичу Синявину. Прилож. С. VI–X.

¹³ *Бабич М. В., Бабич И. В.* Областные правители России, 1719–1739 гг. М., 2008. С. 74, 584.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГИА. Ф. 1685 (Сенявины). Оп. 1. Д. 162. Л. 142 об.

¹⁶ *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. С. 156, Примечание 58.

¹⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 2486. Л. 13 об.; Походный журнал 1726 года. СПб., 1855. С. 17.

¹⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1455 (Коллекция государственных и частных актов поместно-вотчинных архивов XVI — нач. XX вв.). Оп. 6. Д. 1956; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. С. 211–212.

¹⁹ Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб., 1875. Ч. 5. С. 381.

²⁰ История свейской войны (Подённая записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 270.

²¹ Письма и указы Его императорского Величества государя императора Петра Великого, писанные к Науму Акимовичу Синявину. Прилож. С. III.

²² МИРФ. СПб., 1866. Ч. 3. С. 13.

²³ Письма и указы Его императорского Величества государя императора Петра Великого, писанные к Науму Акимовичу Синявину. Прилож. С. IV.

²⁴ *Кротов П. А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. С. 492–507.

²⁵ Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Полевая армия. Сб. док-в в 2-х томах. М., 2015. Т. 1. С. 1183–1184.

²⁶ Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 153.

²⁷ Там же. С. 171.

²⁸ Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. С. 576.

ЛИТЕРАТУРА

Бабич М. В., Бабич И. В. Областные правители России, 1719–1739 гг. М.: РОССПЭН, 2008. 831 стр.

Возгрин В. Е. Морские журналы Н. А. Синявина и Ф. М. Апраксина как источник по истории Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008, № 9. С. 206–214.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. 1. XLIV, 602 стр.

История свейской войны (Подённая записка Петра Великого). М.: «Кругъ», 2004. Вып. 1. 632 стр.

Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII — первая половина XVIII в. / Сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко. М.: Б. и., 1989 (1990). 181, [2] стр.

Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб.: «Историческая иллюстрация», 1999. 192 стр.

Захаров А. В. Государев двор Петра I: Публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2009. 447 стр.

Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: «Историческая иллюстрация», 2017. 744 стр.

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга / Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. 2. 488 стр.

Материалы для истории русского флота. СПб.: Тип. Морского министерства, 1866. Ч. 3. XX, 727 стр.

Материалы для истории русского флота. СПб.: Тип. Морского министерства, 1875. Ч. 5. IV, 885 стр.

Махлаюк А. В. Римская «доблесть» и virtutes полководца // Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Нижний Новгород, 29–30 октября 2004. Н. Новгород: Тип. Нижегородского госуниверситета, 2004. С. 37–40.

Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Полевая армия. Сб. док-в в 2-х томах. М.: «Старая Басманная», 2015. Т. 1. 1352 стр.

Письма и указы Его императорского Величества государя императора Петра Великого, писанные к Науму Акимовичу Синявину. СПб.: Б. и., 1786. XVIII, 75, X стр.

Походный журнал 1726 года. СПб.: Б. и., 1855. [6], 46 стр.

Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М.: «Наука», 1973. С. 133–171.

Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (Историко-географический очерк). М.: Изд. «Центр ИРИ», 1996. 286 стр.

Б. С. Жаров

**ЗАХОРОНЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ДАТСКОЙ ЗЕМЛЕ.
К 100-ЛЕТИЮ ВОССОЕДИНЕНИЯ
СЕВЕРНОГО ШЛЕЗВИГА С ДАНИЕЙ**

В 2020 г. Королевство Дания отмечает столетие важного события в своей истории. 10 июля 1920 г. датский король Кристиан X верхом на белом коне пересек датско-германскую границу в районе городка Тарс и был встречен восторженными приветствиями населения Северного Шлезвига, который вновь стал частью Королевства Дания. Эта часть входила позже в состав нескольких амтов Дании и является сейчас одним из пяти регионов страны под названием Южная Ютландия.

Можно предположить, что у Кристиана X к радости примешивалась некоторая горечь, так как его пожеланием было получить более значительное расширение территории страны с включением города Фленсбург. Но это не было реализовано, несмотря на предпринятую им попытку сменой правительства добиться выборов нового состава парламента. Попытка изменить ход истории сорвалась. «Пасхальный кризис 1920 года» оказался последним покушением датского монарха на власть парламента.

В соответствии с решением европейских держав от 14 марта 1920 г. в двух частях Шлезвига был проведен референдум о будущем этих территорий. Если население в южной выразило явное предпочтение остаться в составе Германии, то в северной большинство безоговорочно захотело воссоединиться с Данией. «Дания получила весьма необычное приобретение в виде территориального завоевания в результате войны, в которой сама участия не принимала»¹.

Именно таким образом на вновь обретенной датской территории оказались захоронения военных из различных стран, попавших в германский плен. В большинстве случаев это были солдаты из различных частей Российской империи, что объясняет парадоксальный факт наличия захоронений русских воинов в Дании, хотя между Россией и Данией

военных конфликтов никогда не было. Известно, что факт длительного мира между странами — скорее исключение, чем правило в истории многострадаальной Европы². В дальнейшем изложении используется материал о военнопленных периода Первой мировой войны, находившихся в 1914–1920 гг. в германском тогда и ставшем позднее датским Северном Шлезвиге, собранный датским историком Инге Адриансен в книге «Иван из Одессы. Военнопленные в Северном Шлезвиге и в Дании 1914–1920 гг.»³.

На протяжении веков королю Дании помимо собственной территории подчинялись герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург. Однако сложилось так, что они вошли в состав сначала королевства Пруссии, а позже Германской империи согласно условиям мирного договора, заключенного в Вене 30 октября 1864 г. после разгромного поражения Дании во Второй Шлезвигской войне, которую она вела против Пруссии и Австро-Венгрии. «Датская монархия лишилась двух пятых своего населения и территориальных владений и превратилась в незначительное по европейским меркам малое государство с территорией примерно 39 тыс. кв. км и численностью населения 1,7 млн. человек»⁴.

В герцогствах, начиная с 1864 г., действовали прусские, затем общегерманские законы и порядки. При этом настроения местных жителей были весьма разными. Поскольку в семьях родственные связи были сложными, датские историки избегают делить жителей на датчан и немцев и используют термины: «продатски настроенное население» (*dansksindede*) и «пронемецки настроенное население» (*tysksindede*). На протяжении этого периода первые стремились в любом виде сохранять исторические связи с Данией, вторые поддерживали германские власти и их решения. В то же время единственным официальным языком на всей территории был немецкий.

Все резко обострилось, когда 1 августа 1914 г. началась Первая Мировая война, и в Германии, в том числе в Шлезвиге, была объявлена всеобщая мобилизация. Отношение к войне у жителей Шлезвига было опять-таки разным: у продатски настроенного населения — весьма скептическим и скорее отрицательным, поскольку для них это была чужая война, у пронемецки настроенного — безусловно радостным при полной уверенности в скорой победе⁵.

Количество работавших в промышленности и сельском хозяйстве мужчин в связи с мобилизацией резко сократилось. Стали использоваться военнопленные, которые в герцогствах, как и во всей Германии, появились уже в 1914 г. Всего за четыре года войны в германский плен попало около 1 700 000 военнопленных из стран Антанты, воевавших с Германией, из них существенно больше половины составляли граждане

Российской империи⁶. Шлезвиг изначально был отсталым сельскохозяйственным районом, в котором нужда в труде военнопленных была наибольшей. Германские власти создали два больших лагеря (Лёгумклостер и Байструп) и несколько малых.

Часть военнопленных использовалась на торфоразработках, мелиоративных работах. Другие группами по 8–20 человек направлялись для сельскохозяйственных работ к крупным и средним землевладельцам в сопровождении охраны, которая, как правило, состояла из местных мобилизованных солдат самого младшего или самого старшего возраста. Использование труда военнопленных вскоре стало вызывать опасения властей, так как общение с местным населением могло привести к созданию у последнего слишком положительного представления о «враге». В связи с этим были установлены твердые правила, которые подлежали обязательному исполнению. Предписания начальства требовали препятствовать слишком тесному общению с пленными. Но когда пленные оказывались в местах, где преобладало протестантски настроенное население, то эти предписания, как правило, не соблюдались⁷. Запрещалось, например, фотографироваться вместе с пленными, и тем не менее у жителей, как позже выяснилось, сохранилось довольно много совместных фотографий, часть из которых приводится в книге. Не полагалось хозяевам принимать пищу вместе с пленными, но этот запрет также нарушался⁸.

В крупнейшем из лагерей на этой территории — Лёгумклостере — размещалось до 3000 человек разных национальностей. Условия жизни были тяжелыми, особенно у тех, кто трудился на торфоразработках. Тем, кто направлялся на сельскохозяйственные работы к местным хозяевам, было полегче. Можно вспомнить, что почти все солдаты, прибывшие из России, были крестьянами, и этот вид деятельности им был наиболее близок.

Дошедшие до наших дней данные о количестве военнопленных в разных местах весьма неполные. Только в архиве амта Обенро (позже вошедшего в состав региона Южная Ютландия) сохранилась картотека, из которой видно, что в 1915–1918 гг. было 1692 военнопленных, из них 1279 россиян и 413 представителей других стран, впрочем в состав последних включено также 176 человек, национальная принадлежность которых неизвестна (вероятно, большинство русских). Россияне подразделялись на лица, прибывшие из России (без уточнения) — 742, Великороссии — 351, Белоруссии — 14, Украины — 115, Сибири — 10, Грузии — 4, Бессарабии — 20, стран Балтии — 21⁹.

На территории Северного Шлезвига/Южной Ютландии до сих пор существуют захоронения военнопленных из России данного периода. В книге И. Адриансен дается карта с указанием особых кладбищ, а так-

же отдельных могил в других местах, где покоятся останки 175 русских воинов¹⁰. Более трех захоронений зафиксированы в Лёгумкlostере (54), Обенро (26), Хадерслеве (21), Нуструпе (17), Тинглеве (6), Сённерборге, Тофтлунне, Тённере (по 5), Граме, Соммерстеде (по 4). Говорится, что за могилами ведется уход силами церковных общин. В Лёгумкlostере поставлен большой обелиск в память умершим русским, французским и бельгийским солдатам¹¹.

Пленные, естественно, умирали, в том числе от эпидемий. Так, летом 1915 г. в лагере Лёгумкlostер разразилась эпидемия тифа. Заболевших было несколько сот человек, 70 из которых умерло¹². В других случаях пленные были застрелены при попытке к бегству. Граница с нейтральной Данией располагалась заманчиво близко. Туда разными путями: по суше и по воде — стремились попасть многие военнопленные, и некоторым это удалось. Один местный житель рассказывал позже в воспоминаниях, что некоему пленному русскому это удалось, причем только с седьмой (!) попытки¹³. Но так везло далеко не всем. На одной из сохранившихся могил есть надпись: «Здесь покоится военнопленный Иван Рудин, родившийся в России. Застрелен при попытке к бегству на датской границе 30.10.1915»¹⁴.

Одна неудавшаяся попытка бегства получила неожиданное отражение в датской литературе. Русский военнопленный Иван Абонасьев (по-видимому, искажение при первоначальной записи, фамилия, скорее всего, была Апанасьев или Афанасьев) из Одессы попал в заголовок книги И. Адриансен. Этот Иван (по-датски произносился с ударением на первом слоге) стал героем стихотворения тогда начинающего поэта Мартина Н. Хансена (Martin Nicolai Hansen, 1893–1976), жившего на острове Альс. Стоит отметить, что местный поэт был таким большим патриотом своего острова, что всю жизнь писал стихи не на общепринятом датском языке, а на альсском диалекте — одном из нескольких южноютландских диалектов. Печальная судьба россиянина взволновала поэта, и в 1918 г., когда остров был еще германским, он написал стихотворение, первые две строфы из восьми звучит так:

Ivan, Ivan Abonasjoff!
Jo, ham hovser æ så godt.
Ja, den stakkel, da han flygted,
kam e vagt, og han bløv skådt.
Han var hielt nenn fro Odessa,
høer' ålde fro sit hjem –
hans *madame* og hans *malinka*,
mon di no mod dem var slemm'?¹⁵

(Дословно: Иван, Иван Абонасьев! / Он попал в передрыгу. / Да, когда бедняга захотел совершить побег, / появился охранник и пристрелил его. // Он приехал из Одессы, / его дом далеко отсюда — / там его *мадам* и *маленькие дети*, / им, наверное, сейчас плохо?).

Дальше говорится, что он уважал датчан (*Danski gut!*) и желал поражения Германии¹⁶. Была ли создана музыка к этому трогательному произведению, неизвестно, но в нем последовательно выдержан стиль средневековой датской народной баллады.

После Брестского мира 1918 г., заключенного между Советской Россией и Германией, у военнопленных появилась надежда на освобождение, но в действительности никакого изменения в их жизни не произошло. Первые перемены проявились лишь после революции в Германии 9 ноября 1918 г., когда военная администрация лагерей уступила место гражданской. Пленные стали готовиться к отправке домой. Однако из-за гражданской войны в России в первую очередь были репатриированы представители других стран Антанты¹⁷. Возвращение военнопленных из России происходило в течение 1919 г. Некоторые использовали возможность перебраться в Данию, откуда отправились на пароходе «Оссиян» в Россию вместе с теми, кто попал туда раньше и приобрел статус беженцев, в апреле 1919 г.¹⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Палудан Х., Ульсиг Э., Расмуссен К. П., Бондеруп Г., Петерсен Э. С., Пульсен Х., Расмуссен С. Х. История Дании. М.: Весь мир, 2007. С. 401.

² Как известно, российский император Петр III в 1760–1761 гг. усиленно готовился к войне с Данией, но его супруга, став венценосной Екатериной II, помешала ему в этом.

³ *Adriansen I. Ivan fra Odessa: Krigsfanger i Nordslesvig og Danmark 1914–1920.* Sønderborg: Historisk Samfund for Als og Sundeved, 1991. 135 s. (Fra Als og Sundeved, bd 69).

⁴ Палудан Х., Ульсиг Э., Расмуссен К. П., Бондеруп Г., Петерсен Э. С., Пульсен Х., Расмуссен С. Х. История Дании. М.: Весь мир, 2007. С. 337.

⁵ *Adriansen I. Ivan fra Odessa.* S. 12.

⁶ *Ibid.* S. 15.

⁷ *Ibid.* S. 17.

⁸ *Ibid.* S. 42.

⁹ *Ibid.* S. 20.

¹⁰ *Ibid.* S. 66.

¹¹ Во время учебной поездки в 1990-е годы группа студентов датского отделения СПбГУ во главе с автором статьи посетила это кладбище и возложила цветы

на могилы соотечественников, призванных, чтобы защитить Родину и усопших вдали от нее.

¹² *Adriansen I. Ivan fra Odessa. S. 17.*

¹³ *Ibid. S. 52.*

¹⁴ *Ibidem.*

¹⁵ *Ibid. S. 51.*

¹⁶ *Полный литературный перевод стихотворения:*

Бедный, бедный Афанасьев.

Как мне жаль тебя, Иван.

Ты бежать хотел из плена,

Был застрелен как баран.

Ты приехал из Одессы,

Это страшно далеко.

Там жена твоя и детки,

Им живется нелегко.

Думал ты о них все время.

Вспоминая их, рыдал,

Словно ты, громадный русский,

Вдруг ребенком снова стал.

Был Иван обычно тихим

И не шел наперерез.

Но порой казалось будто,

Что в него вселялся бес.

Я с ним жестами общался.

Говорил он: “Данске гут!”

Каждый раз вопрос любимый

Задавал: “Герман капут?”

Но Германия держалась,

Не свалилась в пустоту.

Годы шли, и вот Ивану

Стало вдруг невольно.

Забывают люди скоро

Всех чужих, Иван из них.

Пусть же память об Иване

Сохранит вот этот стих.

Войны — время расставанья.

Кто остался, близких ждет.

Кто ушел, вернуться хочет.

Но увы, он не придет.

¹⁷ *Adriansen I. Ivan fra Odessa. S. 59.*

¹⁸ *Ibid. S. 90.*

ЛИТЕРАТУРА

История Дании. XX век. М.: Наука, 1998. 379 с.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1996. 502 с.

Палудан Х., Ульсиг Э., Расмуссен К. П., Бондеруп Г., Петерсен Э. С., Пульсен Х., Расмуссен С. Х. История Дании. М.: Весь мир, 2007. 608 с.

Партала М. А. Малоизвестные документы о захоронениях германских моряков на Балтике в годы Первой мировой войны (по материалам Российского государственного архива Военно-Морского Флота) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004, № 5. С. 165–171.

Adriansen I. Ivan fra Odessa: Krigsfanger i Nordslesvig og Danmark 1914–1920. Sønderborg: Historisk Samfund for Als og Sundeved, 1991. 135 s. (Fra Als og Sundeved, bd 69).

В. И. Мусаев

ВОСТОЧНО-КАРЕЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ФИНЛЯНДИИ В 1920-е — 1930-е гг.: ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ

Проблема возвращения карельских беженцев и вопрос о деятельности на финской территории активных участников восстания 1921–1922 гг. не раз ставились на повестку дня заседаний Центральной смешанной российско-финляндской комиссии в Хельсинки в сентябре–октябре 1922 г.

Председатель российской делегации И. Франкфурт на заседании 13 сентября утверждал, что «на финляндской территории и даже в пределах установленной пограничной полосы не только нарушается Соглашение об обеспечении неприкосновенности границы между Россией и Финляндией [это соглашение было подписано 1 июня 1922 г. — *Авт.*], но при попустительстве и с ведома финляндских пограничных властей происходит открытое приготовление [так в тексте. — *Авт.*] новых бандитских набегов на КТК»¹. 19 сентября Франкфурт вновь поставил этот вопрос, заявив, что карельские беженцы по-прежнему находятся в пограничной полосе и продолжают, «при содействии и попустительстве финляндских властей, заниматься не мирной работой, а подготовлением нового нападения на Карелию», и что «по-прежнему существуют целые организации, из коих одни ставят своей исключительной целью вооруженную борьбу против России...»². От имени советской делегации Франкфурт потребовал «удаления всех беженцев, за исключением тех, которым, по соглашению контрольных комиссий, будет предоставлено право как лицам семейным и непричастным к бандитизму остаться в тех местах», и «немедленного выселения из пограничной полосы всех руководителей так называемого «карельского восстания», каковые лица все без исключения занимаются исключительно подготовкой нового такого же «восстания»...»³. Глава финской делегации А. Ахонен в ответ заявил: «Что касается беженцев и участников нападений на Карелию, то финляндские контрольные комиссии не имеют сведений о проживании этих

лиц в пограничной полосе, но как только гг. русские представители в этих контрольных комиссиях дадут нужные сведения, мы не сомневаемся, что беженцы будут выселены. Организации также будут закрыты, поскольку русские контрольные комиссии укажут на существование таковых»⁴. Позднее Ахонен выдвинул ответные претензии по поводу разведывательной деятельности против Финляндии, которая велась с территории КТК и Кольского полуострова, и подготовки в Советской России отрядов, составленных из «явно враждебных Финляндии элементов»⁵.

Проблемы возвращения беженцев затрагивались также в разговорах советского полпреда А. С. Черных с министром иностранных дел Финляндии К. Энкелем. 26 сентября 1922 г. Энкель сообщил, что министерством внутренних дел Финляндии приняты меры к выселению карельских беженцев из пограничной полосы, и ознакомил его с телеграммами комендантов пограничных участков, опровергающими сообщенные ранее советским полпредом сведения о переходе «вооруженных банд» из Финляндии в Карелию. По вопросу об амнистии для беженцев Черных заявил, что она будет предоставлена только тем, кто не принимал активного участия в беспорядках, «активные же участники авантюры амнистии не получили и неизвестно, когда получат и получат ли вообще». При этом он увязал проблему амнистии для карельских беженцев с амнистией в Финляндии для красных финнов, находившихся в Советской России. Здесь собеседникам было очень трудно найти взаимопонимание⁶.

Хотя, по мнению Карельского областного отдела ГПУ, к концу сентября 1922 г. обстановка в Карельской Трудовой Коммуне (КТК) несколько разрядилась и перспектива нового восстания казалась маловероятной⁷, активность беженских организаций в Финляндии и в дальнейшем продолжала вызывать беспокойство советских властей.

Уполномоченный контрразведывательного отдела ГПУ Э. Хенттонен 28 ноября 1922 г. сообщал руководству КТК о наличии 11 «белокарельских группировок» на территории Финляндии, главным образом в пограничных местностях (г. Каяни, с. Суомуссалми, Кухмониemi, Куусамо, Куолаярви, Кюминлинна), в каждую из которых входило от 100 до 300 вооруженных людей. Этими группировками якобы велась подготовка нового налета на Советскую Карелию⁸. Еще одним обстоятельством, затруднявшим проблему возвращения беженцев, было то, что многие дома в Восточной Карелии, надолго оставленные без присмотра, пришли в ветхость. Финский посланник в Москве А. Хаксель докладывал в МИД: «В комиссариате мне объяснили, что сейчас не представляется возможным принять большое число желающих вернуться карелов, так как их дома в Карелии, будучи брошенными, перешли в руки других лиц, так

что беженцы по возвращении оказались бы в крайне сложном положении»⁹.

Естественно, что дипломатические разногласия и взаимное недоверие между двумя сопредельными государствами осложняли и тормозили ход возвращения карельских беженцев. Тем не менее, репатриация продвигалась. Для ускорения возвращения беженцев немало сделал А. Хакцель, пользуясь своими старыми связями с Гюллингом¹⁰. 30 апреля 1923 г. ВЦИК принял, наконец, постановление об амнистии для карельских беженцев¹¹. Первый пункт постановления гласил: «Даровать амнистию всем лицам, бежавшим в связи с карельской авантюрой 1921–1922 гг. на территорию Финляндии, за исключением руководителей и тех, кои, находясь за пределами Карельской Трудовой Коммуны, продолжали свою активно-враждебную РСФСР деятельность»¹². Срок подачи заявлений о репатриации был установлен до 1 января 1924 г.

На границе стали действовать несколько пунктов перехода. На севере это были Раате в Суомуссалми, Сиикаярви в Куусамо и Кививаара в Пиелисъярви, южнее — район Лепяниemi в Суоярви и Мансила в Салми. Небольшая группа прошла через пункт на Карельском перешейке в Раййоки, через который проходила большая часть возвращавшихся в Россию ингерманландцев и «кронштадтцев». В противоположном направлении следовали бывшие подданные Великого княжества¹³. С июля 1922 г. до конца 1923 г. в Россию вернулось, по официальным данным, около 1000 восточнокарельских беженцев¹⁴. Однако эти данные могут быть несколько заниженными, так как в них не учитывались те, кто переходил границу нелегально¹⁵.

В 1924–1925 гг. возвратилось еще около 2000 человек¹⁶. 21 апреля 1925 г. ЦИК Автономной Карельской ССР (КАССР) принял постановление о персональной амнистии для беженцев. При этом предельный срок подачи заявлений в советское полпредство в Финляндии о желании возвратиться был установлен на 1 января 1926 г.¹⁷ Беженцы, не подавшие к указанному сроку соответствующие заявления, согласно решению СНК АКССР от 14 мая 1926 г., утрачивали право на амнистию и связанные с ней льготы, в частности, на возвращение своих домов (за исключением тех, которые находились во владении вовремя вернувшихся или не уехавших из Карелии членов беженских семей) и земельных участков. Беженцы, вернувшиеся позднее 31 января 1926 г., приравнивались к иностранным иммигрантам¹⁸.

Собственно, именно к этому сроку репатриация в основном закончилась, хотя в 1926–1927 гг. вернулось еще около 300 человек, причем, начиная с 1927 г. восточные карелы могли переходить границу только в районе Раййоки¹⁹. От очередного продления срока амнистии в Москве

отказались. В письме члена коллегии НКВД Б. С. Стомякова новому полпреду СССР в Финляндии И. Л. Лоренцу от 2 января 1927 г. отмечалось, что после того, как в КАССР наметились ощутимые хозяйственные достижения, пребывание карелов в Финляндии стало для СССР политически выгодно. Безработица и конкуренция на рынке труда в Финляндии должна была способствовать отходу беженцев от активистов²⁰.

Общее количество вернувшихся в 1920-е гг. в Советскую Карелию беженцев составило около 8200 человек²¹. В Финляндии к концу 1920-х гг. оставалось от 5000 до 6000 восточнокарельских беженцев²². Основным районом сосредоточения беженцев оставалась Приграничная Карелия.

Коллективизация, раскулачивание и религиозные преследования в СССР в начале 1930-х гг. вызвали новый приток беженцев из Ингерманландии и Советской Карелии в Финляндию. В 1934 г., по данным «Центрального бюро соплеменных организаций», число восточнокарельских беженцев в Финляндии составляло 6791 человек²³. Органы сысской полиции утверждали, что среди олонецких беженцев есть подозрительные и ненадежные элементы. Отмечались случаи, когда среди беженцев оказывались агенты НКВД, которые проводили некоторое время в Финляндии, а затем возвращались в СССР. Звучали предложения не давать новым беженцам разрешение на пребывание в пограничной полосе²⁴. В дальнейшем число лиц, имевших статус беженцев, постепенно сокращалось по мере натурализации соплеменников. На конец 1939 г. численность карельских беженцев оценивалась в 4729 человек²⁵.

Процесс адаптации карельских беженцев в Финляндии в 1920-х — 1930-х гг. протекал схожим образом с аналогичным процессом, через который проходили выходцы из Ингерманландии. Считаясь соплеменниками, восточные карелы, как и ингерманландцы, пользовались большим сочувствием местного населения и более благожелательным отношением со стороны властей, чем выходцы с Востока в целом. Из всех категорий беженцев восточные карелы в наибольшей степени были охвачены государственной поддержкой. Однако и для них помощь год от года сокращалась. Так же, как и русским и ингерманландским беженцам, карелам приходилось искать возможности самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Многие беженцы работали на деревообрабатывающих предприятиях в Суоярви, где находился крупный завод компании «The Wiborg Wood», в Пиелисъярви, в районах Оулу и Кеми. Некоторые отправлялись на лесозаготовки в северные районы вплоть до Петсамо²⁶.

Карельский областной отдел НКВД докладывал о случаях использования карельских беженцев во время забастовок в лесопромышленных обществах в качестве штрейкбрехеров, причем беженцы соглаша-

лись работать за вдвое более низкую плату, чем местные рабочие (5–6 марок в час вместо 10–12)²⁷. В отличие от ингерманландцев, восточные карелы не проявляли большой тяги к обработке земли, так как на родине они привыкли добывать себе средства не столько земледелием, сколько различными промыслами и торговлей. В середине 1930-х гг. около 650 восточнокарельских беженцев занимались торговлей в качестве либо владельцев, либо помощников владельцев торговых предприятий или разъездных торговцев. Тогда же 3583 беженца работали на различных предприятиях, 213 — в сельском хозяйстве, 80 — в качестве священников, учителей или чиновников²⁸.

Школьное обучение детей карельских беженцев проходило примерно по той же схеме, как это имело место у ингерманландцев. В начале 1920-х гг. с государственной помощью были основаны народные школы специально для детей беженцев. В 1922/1923 учебном году действовало 13 школ для беженцев из Советской Карелии. В отличие от ингерманландских школ, которые работали в арендованных деревенских домах, карельские школы, как правило, проводили занятия в вечернюю смену в помещениях народных школ. При каждой школе имелся интернат, в котором ученики могли жить в течение всего учебного года. Такая практика вызывалась необходимостью, так как многие дети приезжали издалека²⁹. В 1924/1925 учебном году насчитывалось семь карельских школ, в которых обучались около 500 человек³⁰.

Общими проблемами для «беженских» школ были скудость средств, недостаток помещений и учебного материала, а в школах для восточных карелов особо сильно ощущалась нехватка квалифицированных учителей. Если все ингерманландские школы к концу 1920-х гг. уже закрылись, у восточных карелов в 1929–1930 гг. еще имелись четыре свои школы. Две из них были закрыты в 1930 г., но две другие — в Кюминлинна и Майккула — продолжали функционировать вплоть до 1940 г.³¹ Школа в Майккула, куда съезжались дети беженцев со всей Северной Финляндии в 1924 г. (после закрытия школы в Куусамо, число учеников в школе в Майккула достигло 141 человека³²), отличалась неплохим уровнем преподавания.

Поскольку возможности «беженских» школ были крайне ограничены и они давали лишь самое элементарное образование, беженцы искали иные возможности для продолжения обучения. В 1920-е гг. наблюдался наплыв беженцев, главным образом карельских, в народные училища, привлекавшие прежде всего дешевой обучением.

К весне 1924 г. в этих училищах насчитывалось около 470 беженцев (более 390 восточных карелов и более 70 ингерманландцев). Беженцы-соплеменники составляли свыше 10 % учащихся финноязычных народных училищ. С осени того же года, однако, в связи с финансовыми трудно-

стями, вызванными общим сокращением расходов на беженцев, число беженцев-соплеменников среди учеников народных училищ резко сократилось. Для многих все же курсы народных училищ стали основной формой продолжения образования после окончания начальной школы. К концу 1930-х гг. народные училища закончили в общей сложности почти 900 беженцев (более 680 восточных карелов и 219 ингерманландцев)³³.

Свои особенности имела и проблема «духовного призрения» среди восточнокарельских беженцев. Выходцы из Олонецкой Карелии находились, главным образом, на территории Приладожской Карелии. Здесь издавна действовали православные приходы для местного населения, к которым беженцы имели возможность присоединяться. В то же время беломорские карелы в Северной Финляндии оказались в преимущественно лютеранском окружении.

В январе 1922 г., во время массового наплыва беженцев из Советской Карелии, вопрос об их духовном призрении рассматривался на совещании священников в Сортавале под председательством протоиерея С. Окулова. В соответствии с решением совещания, его участники обратились в Государственный совет с просьбой приступить к организации духовной работы среди восточнокарельских беженцев. Уже в конце месяца правительство выделило для этой цели определенные средства.

Руководить «духовным призрением» беженцев был назначен бывший настоятель прихода Реболы Михаил Филин (Микаэль Фиилин), вепс по происхождению. В организационном отношении беженцы составляли особый приход. Поскольку беженцы были разбросаны на обширном пространстве, территория их расселения, в соответствии с циркуляром министерства внутренних дел, осенью 1922 г. была разделена на четыре попечительских округа. Первый округ охватывал территорию от Нурмеса до Кюминлинна, второй — Кухмониemi и его окрестности, третий — Каяни, Хюрюнсальми и Суомуссалми и четвертый — Куусамо и Тайвалкоски. Канцелярия «духовного призрения» находилась в Йоэнсуу, где М. Филин с 1923 г. состоял настоятелем местного православного прихода. В качестве помощников Филина действовали священники Михаил Исаев (Еванен) в Кухмониemi, который с 1924 г. отвечал за работу во втором и третьем округах, и Симеон Мусовский в Куусамо³⁴. В 1931 г. число членов карельского беженского прихода, согласно церковным книгам, насчитывало 5319 человек (из них 2667 мужчин и 2652 женщины)³⁵.

Церковная работа среди православных карельских беженцев, помимо материальных сложностей, антиправославных настроений в Финляндии и территориальной разбросанности тех, кто подлежал «духовному призрению», затруднялась, особенно в первые годы, вследствие тех кон-

фликтов и противоречий, которые имели место внутри и вокруг Финляндской Православной церкви. Канонические и прочие нововведения в ФПЦ, имевшие место после 1917 г., впрочем, не вызвали особого сопротивления ни в приходах Западной Карелии, ни среди восточнокарельских беженцев, но споры вокруг юрисдикции, летоисчисления и языка богослужений не могли не отразиться и на положении православных карелов. Часть беженцев оставалась за пределами духовной опеки: умерших не отпевали, новорожденных не крестили, супружеские пары жили без венчания.

Серьезной проблемой было православное духовное воспитание детей, обучавшихся в обычных школах. Помощь в проведении духовной работы среди беженцев оказывало Братство Св. Сергия и Германа. Его члены ездили по стране с проповедями среди беженцев, дарили им духовную литературу. Пастырские поездки к беженцам в середине 1920-х гг. совершал архиепископ Герман³⁶. М. Филин был руководителем духовной работой среди беженцев до 1937 г. Его преемником в этой должности стал настоятель финского православного прихода в Выборге Леонидас Хоманен. Тогда же канцелярия духовного призрения была переведена из Йюэнсуу в Выборг. В 1938 г. произошли территориально-административные изменения в попечительских округах. Первый округ, за который лично отвечал Л. Хоманен, охватывал всю Южную Финляндию. Территория, подотчетная М. Исаеву, была переименована во второй округ. Третий округ, попечителем которого стал разъездной священник Ниило Ходью, составила Северная Финляндия³⁷. Духовная работа среди беженцев была нарушена войной 1939–1940 гг. и последующими событиями. Часть населения отправилась в эвакуацию вместе со своими пастырями. Л. Хоманен продолжал работать в южных районах; он и его канцелярия обосновались в Турку. Попечительский округ в Северной Финляндии был ликвидирован, хотя протоиерей Исаев (Еванен) все еще трудился на этой территории, имея резиденцию сперва в Нивала, а затем в Кухмо. Карельский беженский приход оказался долговечнее ингерманландского, просуществовав до начала 1950-х гг. Его ликвидация была поставлена на повестку дня в Министерстве просвещения в 1953 г., когда в попечительских списках числилось не более 500 человек. Л. Хоманен перевел последних восточных карелов в приходы по месту их проживания в начале 1955 г.³⁸

Организационная работа среди выходцев из Восточной Карелии в Финляндии велась еще с 1917 г. Карельские организации, возникшие в Финляндии во время «племенных войн», продолжали существовать и в 1920-е гг. Важнейшими среди них оставались Карельский национальный союз и действовавший на правах его отделения Восточнокарельский

комитет. В уставе Карельского национального союза целью его деятельности определялись пробуждение национального духа среди карелов и организация совместной работы патриотических групп и организаций³⁹. В различных городах и селах Финляндии действовали карельские клубы. В 1927 г. во время проведения карельского праздника в Каяани было принято решение об образовании «Центрального союза карельских клубов» («Karjala-kerhojen Keskusliitto»). Его учредителями выступили Академическое карельское общество, Восточнокарельский комитет, Карельская зарубежная делегация (Karjalan ulkomainen valtuuskunta) и Карельский спортивный комитет (Karjalan kisakomitea). Всего союз объединил 22 организации⁴⁰.

К концу 1920-х гг. советские спецслужбы отмечали возникновение разногласий в карельских клубах между приверженцами идеи «Карелия карелам» и сторонниками включения Советской Карелии в состав «Великой Финляндии», что мешало сплочению всех клубов вокруг Центрального союза. Отмечалось, впрочем, что «несмотря... на разногласия организационного порядка, стремления тех и других (т. е. сепаратистов и сторонников объединения с Финляндией — В. М.) к свержению советской власти и отделению Карелии от СССР в основном совпадают»⁴¹.

Главное содержание деятельности карельских организаций в 1920-е гг. составляла просветительская работа среди беженцев и оказание им различных видов помощи. Восточнокарельский комитет принимал активное участие в организации и поддержке беженских школ и приютов. С августа 1920 г. комитет начал издавать еженедельную газету «Vapaa Karjala» («Свободная Карелия»). С конца года ответственным редактором газеты был инспектор А. Садовников. Газета в течение первых трех лет выходила в Сортавала, затем её издание было перенесено в Выборг⁴². Центральный союз карельских клубов, вскоре после своего образования, принял решение основать собственный печатный орган «Karjalan Kannel»⁴³.

Одним из видов работы была организация так называемых «карельских вечеров» («Karjala-iltoja»). В 1920-е гг. они проводились в Сортавале, Импилахти, Ляскеля, Питкяранта и в других местах. Их активно посещали как беженцы, так и финляндские граждане⁴⁴. В 1920 г. Восточнокарельский комитет организовал в Салми первый карельский летний праздник, после чего такие праздники стали проводиться ежегодно в разных местах: В 1921 и 1932 гг. — в Сортавала, в 1922 г. — в Суйстамо, в 1923 г. — на Валааме, в 1924 г. — в Суоярви, в 1925 г. — в Лиекса, в 1926 и 1930 гг. — в Оулу, в 1927 г. — в Каяани, в 1928 и 1931 гг. — в Кюминлинна, в 1929 г. — в Салми⁴⁵. Карельские праздники послужили образцом для ингерманландцев, которые начали проводить свои праздники такого же типа с 1923 г.

Организационная деятельность среди карельских беженцев в целом проходила в политическо-пропагандистских рамках так называемой «соплеменной работы» (heimotyö). Пропагандистский характер имели многие материалы, публиковавшиеся на страницах газеты «*Vapaa Karjala*». Беженцам старались внушать идеи «племенного родства», единения родственных народов. Правда, это не всегда делалось последовательно и не всегда достигало цели.

К тому же среди выходцев из Олонецкой Карелии имелось некоторое число лиц, которые, вследствие своих прорусских симпатий, а отчасти, возможно, из-за разочарования в финской помощи обнаруживали тенденцию к сближению с русскими эмигрантами. Часть из них отозвалась на адресованный к эмигрантам призыв, опубликованный в русской хельсинкской газете (видимо, «Новые русские вести»), избрать своих представителей для участия в Русском зарубежном съезде, проведение которого было намечено на апрель 1926 г. в Париже. В марте 1926 г. около 50–60 олонечких беженцев собрались в деревне Тулема в приходе Салми и избрали прапорщика Федора Николаева представителем беженцев на Парижском съезде⁴⁶.

Политические организации русских эмигрантов также искали возможности сотрудничества с беженцами-соплеменниками, прежде всего с олонечкими карелами. Представитель Высшего монархического совета полковник А. Григорьев утверждал, что ингерманландцы и карелы охотно шли на сотрудничество в эмигрантских организациях. Григорьев писал: «Для истории могу сказать, что моя деятельность, направленная на пробуждение русского духа среди русских беженцев Олонецкой губернии — карелов — и среди русских беженцев Петроградской губернии — ингерманландцев — дала определенно положительные результаты. Они, в 1919 г. боявшиеся России и русских, в 1924–1927 гг. шли ко мне, вступали охотно в нашу организацию и настолько хорошо себя зарекомендовали, что в некоторых из организованных мной местных отделов они были главарями, руководителями и совершенно ничем не отличались от коренных русских... В семь отделов входило значительное количество (уже не десятки, а сотни) олончан-карелов в особенности, да и петроградцев-ингерманландцев»⁴⁷.

Роль выходцев из Советской Карелии в культурной жизни Финляндии была, пожалуй, еще менее значительной, чем у ингерманландцев. Некоторые из деятелей культуры, имевших карельское происхождение (как, например, композитор и преподаватель музыки П. Акимов) совершенно обрусели. Другим, наоборот, патологическая неприязнь к русским мешала заниматься серьезным творчеством и создавать что-либо значительное. Из лиц, занимавшихся литературством, дальше других продвинулся

Микко Карвонен, автор нескольких романов как на исторические темы, так и с описанием жизни восточнокарельских беженцев⁴⁸.

Во время «зимней войны» значительная часть карельских беженцев, в отличие от русских и ингерманландцев, сумела избежать необходимость эвакуации, так как в Северной Финляндии лишь небольшая часть территории была после войны передана Советскому Союзу (эвакуироваться пришлось тем, кто до войны жил южнее, в Приладожской Карелии). Послевоенный процесс ассимиляции, тем не менее, затронул их едва ли в меньшей степени. Ускорению процесса натурализации беженцев и членов их семей, начавшегося еще в межвоенный период, способствовал, наряду с закрытием особых школ для беженцев и ликвидацией беженских церковных приходов, роспуск почти всех эмигрантских организаций, предпринятый вскоре после перемирия 1944 г. по требованию союзной контрольной комиссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее: НАРК). Ф. 549. Оп. 1. Д. 126. Л. 101.

² Там же. Л. 62.

³ Там же. Л. 63.

⁴ Там же. Л. 64.

⁵ Там же. Л. 118–119.

⁶ Там же. Л. 84–86.

⁷ *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 70.

⁸ НАРК. Ф. 549. Оп. 1. Д. 126. Л. 121, 123.

⁹ *Yläräkkölä A.* Edvard Gylling. Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Helsinki, 1976. S. 212.

¹⁰ Ibid. S. 213.

¹¹ *Килин Ю. М.* Карельский вопрос в Финляндии и СССР (1920-е годы) // Север. 1997. № 7. С. 123.

¹² *Kosonen M.* Karjalan pakolaiset Pielisjärvellä 1920-luvulla // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikiin riitamaalla. S. 170. Tampere, 1994.

¹³ *Невалайнен П.* Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 55.

¹⁴ *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1918–1922. Jyväskylä, 1980. S. 73.

¹⁵ *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства. С. 68.

¹⁶ *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1918–1922. S. 73.

¹⁷ НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 25. Л. 69.

¹⁸ Там же. Л. 51, 69.

¹⁹ *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1918–1922. S. 73.

²⁰ *Килин Ю. М.* Карельский вопрос в Финляндии и СССР. С. 123.

²¹ *Невалайнен П.* Изгои. С. 59.

- ²² *Hämynen T.* Liikkeellä leivän tähden. Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940. Helsinki, 1993. S. 248.
- ²³ Kansallisarkisto (Далее: КА). Valtion Pakolais-avustuskeskus (VPAKA). I. Hb 1. (Pakolaiskysymys. Yleinen heimokokous Helsingissä 5.1.1936).
- ²⁴ *Ibid.* Etsivä Keskuspoliisi — Valtiollinen poliisi (EK-Valpo). Ryhmä XXXIV. Kansio 662 (EK: n Sortavalan alaosa. Tilannekatsaus N: o 95.10.1933).
- ²⁵ *Ibid.* VPAKA. I. Hb 1 (Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta. Kirkolliset olot 1939).
- ²⁶ *Hämynen T.* Liikkeellä leivän tähden. S. 256.
- ²⁷ *Неизвестная Карелия.* Доклады спецорганов о жизни республики. 1920–1940 гг. Петрозаводск, 1997. С. 28.
- ²⁸ *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki, 1978. S. 100.
- ²⁹ *Невалайнен П.* Изгой. С. 176–177.
- ³⁰ Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1931 // КА. VPAKA. I. Hb 1.
- ³¹ *Невалайнен П.* Изгой. С. 177–178.
- ³² *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1918–1922. S. 107.
- ³³ *Невалайнен П.* Изгой. С. 181–183.
- ³⁴ Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1930 // КА. VPAKA. I. Hb 1; Selostus valtion varoilla suoritetusta pakolaisavustustyöstä ajalla 1918–1930 // *Ibidem.*
- ³⁵ Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1931 // КА. VPAKA. I. Hb 1.
- ³⁶ *Невалайнен П.* Изгой. С. 212.
- ³⁷ *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1918–1922. S. 112.
- ³⁸ *Невалайнен П.* Изгой. С. 213.
- ³⁹ КА. Karjalan Kansalaisliiton arkisto (KKLA). H. (Karjalan Kansalaisliiton säännöt).
- ⁴⁰ *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 118
- ⁴¹ *Неизвестная Карелия.* С. 121–122.
- ⁴² КА. VPAKA. I. Hb 1. (Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1924).
- ⁴³ *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 118.
- ⁴⁴ КА. VPAKA. I. Hb 1 (Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1924).
- ⁴⁵ *Ibid.* (Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuosilta 1929, 1930, 1931, 1932.
- ⁴⁶ *Ibid.* EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 435 (EK: n Sortavalan alaosaaston päällikkö — EK: n pääosastolle 6.10.1926).
- ⁴⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р. — 5826. Оп. 1. Д. 174. Л. 7.
- ⁴⁸ *Невалайнен П.* Изгой. С. 293.

ЛИТЕРАТУРА

Килин Ю. М. Карельский вопрос в Финляндии и СССР (1920-е годы) // Север. 1997. № 7. С. 112–128.

Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. 275 с.

Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журнал «Нева», 2003. 377 с.

Неизвестная Карелия. Доклады спецорганов о жизни республики. 1920–1940 гг. Петрозаводск: СДВ «Оптима», 1997. 306 с.

Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2012. № 9. С. 80–93.

Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden. Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1993. 562 s.

Kosonen M. Karjalan pakolaiset Pielisjärvellä 1920-luvulla // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikiin riitamaalla. Tampere, 1994. S. 159–186.

Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki: Otava, 1978. 342 s.

Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 1980. 137 s.

Yläräkkölä A. Edvard Gylling. Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Helsinki: Otava, 1976. 376 s.

А. Б. Гехт, И. А. Цвериднашвили

**ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО РАСИЗМА
В ШВЕЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.:
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ
ХЕРМАНА ЛУНДБОРГА**

На фоне насыщенного грандиозными историческими событиями XX века шведская история являет собой своего рода оазис относительной тишины и спокойствия. Действительно — это скандинавское королевство не участвовало в мировых войнах, его не сотрясали революции, и даже масштабные социальные и экономические преобразования носили исключительно мирный характер и всегда сопровождались вполне искренней поддержкой большинства населения. Во многом удивительные благосостояние и стабильность, присущие шведскому обществу второй половины XX — начала XXI вв., опираются на базис социал-демократических реформ, направленных на создание в стране социального государства всеобщего благосостояния, «народного дома».

Однако за фасадом успешно воплощённых социал-демократами в жизнь социальных инноваций порой можно найти не самые афишируемые эпизоды, которыми нередко любят пользоваться во внутриполитической борьбе оппоненты социал-демократической партии. И если основной из этих эпизодов — противоречивая внешняя политика Швеции накануне и во время Второй мировой войны — достаточно широко известен за пределами этой страны и подробно изучен в том числе и отечественными учёными, то второй — феномен создания и функционирования в Швеции первого в мире Государственного института расовой биологии — в отечественной историографии не представлен и фактически впервые становится объектом профильного исследования. Собственно ключевым этапам создания и функционирования этого органа и посвящена настоящая статья, призванная в числе прочего стать отправной точкой для дальнейшего, более подробного изучения поднятой проблемы.

Как известно, в течение XIX века демографическая ситуация в Европе претерпела масштабные изменения. В результате распространения вакцин и постепенного улучшения качества питания сократилась детская смертность и увеличилась продолжительность жизни, что повлекло за собой заметный рост численности населения. Темпы индустриализации возрастали и несли за собой дополнительные изменения в образе жизни значительной части европейцев. Новая волна урбанизации привела к невиданной прежде концентрации населения в городах и фактически коренной смене традиционного образа жизни, что порой порождало закономерные негативные оценки современников.

Параллельно шли и существенные сдвиги в научном подходе к изучению человека как биологического вида. Выход в свет труда Чарльза Дарвина «О происхождении видов» породил жаркие дискуссии о развитии и становлении человека, которые только усиливались благодаря посвященным феномену наследственности работам австрийского биолога и ботаника Грегора Иоанна Менделя. Под влиянием этих и прочих трудов во второй половине XIX века в передовых европейских странах, Великобритании и Франции, началось достаточно широкое изучение круга вопросов, получивших обобщённое название «расоведения», а в Швеции же известных в виде понятия «расовая биология» (шв. *rasbiologi*).

У истоков этого термина находится деятельность шведского учёного первой половины XIX столетия Андерса Ретциуса, профессора анатомии в Каролинском институте. В своих трудах он, исходя из формы черепа, разделил человечество и, в свою очередь, шведский народ, на два основных типа — долихоцефальных и брахицефальных людей. Своей теорией он пытался определить причины, которые объясняли бы скрытые конфликты между двумя человеческими «расами» в Швеции: долихоцефальными, к которым относились северные европейцы, — «предприимчивые и воинственные», и славянами, людьми восточноевропейского происхождения — брахицефальными, — которые согласно его точке зрения были пассивны и консервативны. Благодаря своим исследованиям, Андерс Ретциус и его сын Густав фактически создали основу для развития расовой биологии как «науки» в Швеции¹.

Закономерно, что когда людей, живущих в одном и том же месте, делят на две разные группы с разными характеристиками, якобы определёнными биологически, свойства одной группы начинают считаться желательными, а другой — нежелательными. Интересно, что несколько устаревшее в наши дни шведское слово «*välboren*» — буквально «хорошо родившийся», а скорее «правильного происхождения», — во многом совпадает по вкладываемому значению с понятием «евгеника», введённым в оборот британским исследователем Фрэнсисом Гальтоном в 1883 г.

Именно Ф. Гальтон в Великобритании и его коллега Альфред Плётц в Германии содействовали распространению трактовки евгеники как учения о том, как «отделить зерно от плевел» и «облагородить» человека².

Масштабные социальные трансформации, происходившие в передовых странах Западной Европы, вызвали особое беспокойство среди привилегированных социальных групп и находили особую поддержку в среде консервативных политиков. Возникал актуальный вопрос: могут ли новые идеи о распространении демократических порядков действительно стать возможными, когда между людьми существуют большие физиологические и интеллектуальные различия? Фактически, изучение рас и сама расовая биология предлагали заинтересованным в этом лицам научные аргументы о возможности и даже необходимости разделения общества на «лучших» и «худших» людей, с точки зрения возможных последствий для нации. Перспективу ухудшения её групповой наследственности из-за распространения не самого лучшего генофонда в условиях стремительного роста городского населения, сосредоточенного на сравнительно небольших территориях, можно было преподнести как научно обоснованную позицию.

Швеция, в которой процессы индустриализации и урбанизации шли с опозданием в сравнении с передовыми европейскими странами, не оставалась в стороне от описанных выше обсуждений и прений. Их результатом стало появление в 1909 г. вдохновлённого аналогичной немецкой организацией Шведского общества в поддержку расовой гигиены (шв. *Svenska sällskapet för rashygien*), занимавшегося популяризацией и распространением положений, вынесенных в название самого общества³.

Движущей силой этого общества была группа из ученых и политиков, придерживавшихся различных политических взглядов, но единых в двух основных вопросах: стремлении основать исследовательский институт вопросов расовой биологии и учредить на государственном уровне законы о возможности в стране принудительной стерилизации. Задуманное удалось осуществить: Государственный институт расовой биологии был основан в 1922 г., а первый закон о стерилизации принят в 1934 г.⁴ Отметим, что оба решения не были инициативой какой-то одной политической силы, а в целом принимались квалифицированным большинством парламентариев относящихся к различным фракциям, поэтому современные попытки различных политических партий критиковать социал-демократов за принятие подобных решений следует воспринимать в контексте шведской внутривнутриполитической полемики.

Главой и несомненным центром Государственного института расовой биологии стал медик, исследователь и преподаватель Херман Лунд-

борг (1868–1943), посвятивший свою жизнь идеям расовой биологии и стремлению воплотить их на практике. Придерживавшийся крайне консервативных и националистических взглядов, сам себе он давал следующую весьма показательную характеристику: «Лишенный чувства юмора с «арийской внешностью», «имеющий трудности почти со всеми и всеми, являющийся воплощением непонятого гения, в постоянной борьбе с глупостью и неразумностью»⁵.

Наиболее полно и подробно Х. Лундборг выразил свои взгляды в брошюре «Опасность дегенерации», опубликованной в 1922 г. Рассматривая рост городов как проблему и выводя из неё увеличение межклассовых различий и противоречий, он также в негативном ключе видел будущее развитие общества, где развитие технологий приведёт к безработице. Однако в своих рассуждениях Лундборг шёл куда дальше обычной консервативной ностальгии по идеализированному аграрному прошлому, но приходил к следующим выводам: «...добросердечные мужчины и женщины не редко помогают физически и психически больным людям, которые потом размножаются и передают свою неполноценность по наследству новому потомству, которые, в свою очередь, обременяют общество»; «следует избегать смешения рас, поддерживать сельское хозяйство, остановить урбанизацию, препятствовать эмиграции, и только тогда будет создана благоприятная среда для исследований в области расовой биологии»; «никогда хорошая окружающая среда не может сама по себе произвести плохих или негодных людей, например, цыган или негров, также, как и сделать лучше самые нижние слои в культурных обществах, например, опытных преступников, бродяг, душевнобольных»⁶.

Несомненное сходство и даже родство идей Х. Лундборга с идеологией немецких нацистов в начале 1920-х гг. в силу их малой популярности в Германии и за её пределами ещё не было заметно и не препятствовало получению им бюджетных средств на проведение различных исследовательских работ. На протяжении 1920-х гг. он и его сотрудники развернули активную деятельность, находившуюся на стыке антропологии, этнографии и социологии. В наши дни в фондах исследовательской библиотеки Уппсальского университета хранится до 12 000 фотографий, сделанных в ходе экспедиций сотрудников Государственного института расовой биологии по стране. Во время поездок по Швеции сотрудники института часто обращались к местному священнику или к учителю народной школы с просьбой помочь в проведении опросов и проведении фотографирования местных жителей. Также активно к делу привлекались военнослужащие, как правило, рядовые солдаты. Участникам процедуры часто обещали копию их собственного портретного снимка в качестве вознаграждения⁷.

Некоторые люди на снимках обнажены, некоторые представлены в народных костюмах. Эти фотографические материалы лежали в основе аргументации Х. Лундборга и его коллег, утверждавших, что физический облик народа должен находиться в центре идеологии расового мышления. Именно поэтому им было необходимо найти и запечатлеть физические черты, соответствующие облику классического «идеального» шведа.

Как отмечает научный сотрудник Уппсальского университета Ульрика Щелман, «что больше всего меня удивило, когда я работала с этими фотографиями, так это наивная связь между внешностью, расой и характером [выводимая Х. Лундборгом и его сотрудниками. — *Авт.*], ведь все эти люди были объединены только их внешностью. Это правда чистый расизм, как я могу резюмировать»⁸.

Анализ фотографий, сделанный в институте, не был аналитическим, а лишь количественным и описательным, в духе традиционной физической антропологии XIX века. Обработка фотографий заключалась в том, чтобы разделить Швецию на разные расовые регионы, исходя из роста исследованных людей, размера их черепа, цвета волос и глаз. Люди были отсортированы на три расовых типа: североευропейский, восточнобалтийский и лапландский. Они, в свою очередь, делились на подкатегории и накладывались друг на друга, исходя из более мелких характеристик и особенностей.

В опубликованных по итогам проведенной работы института материалах второй половины 1920-х гг. можно почерпнуть, что доля людей со светлыми волосами в Швеции составляла 72,7%, с рыжими 3,3% и т. д. Типично шведский лицевой индекс равнялся 91,3% по принятой сотрудниками Х. Лундборга модели исчисления. Доля шведов со вздернутым носом насчитывала 27,5%, а люди, имеющие нос с горбинкой, составляли 17,4%. Даже цвет глаз определялся количественно: 47,4% — голубоглазых, 19,3% — имеющие серые глаза и т. д.⁹

Однако эти собранные, отсортированные и изданные материалы имели чёткое политическое послание: расовые и иностранные черты связаны с преступностью и социальными проблемами. Это явно следует из кратких подписей к изображениям: «Социально неустойчивая женщина. Представительница метисов», «Мужчина — метис. Преступник», «Метис. Преступник»¹⁰.

В свою очередь, как отмечает Ульрика Щелман, «североευропейские индивиды по большей части выглядят здоровыми и сильными, в то время как представители других рас представлены людьми, которые выглядят не так хорошо. Североευропейский тип внешности также представлен в более изящно оформленных изображениях, в отличие от, например, саамов, которых изображали небрежно»¹¹.

Подобные утверждения встречали разный отклик, однако преимущественно он был негативным. На страницах одной из крупнейших шведских газет «Dagens Nyheter» либеральный политический деятель и журналист Торстен Фогельквист активно выступал против деятельности Института как по идеологическим, так и по научным соображениям. Будучи горячим противником нацизма, постепенно набиравшего всё большую популярность в Германии, Т. Фогельквист утверждал, что Х. Лундборг занимался обманом и впустую растрачивал налоговые средства, занимаясь лженаукой. С горькой иронией он заявлял: «Самая интересная новость заключается в том, что, с точки зрения расовой биологии, отсутствие любви к родине, безбожие, индивидуализм и эгоизм представляются явлениями дегенерации или ее симптомами»¹¹².

Рассуждения о том, что любовь, симпатия и общие интересы должны заменяться расовыми биологическими соображениями, согласно которым только полноценно здоровые особи могут размножаться и, в перспективе, вообще иметь право на жизнь, отрицались не только либеральной общественностью: идеи измерения ушей, носов и лиц казались довольно нелепыми для значительной части шведского общества. Однако Х. Лундборг был готов к общественной полемике и имел в запасе аргументы, с которыми трудно спорить: согласно его точке зрения, поскольку к числу владельцев «Dagens Nyheter» относится известная в Швеции династия предпринимателей еврейского происхождения Бонниер, материалы, публикуемые на её страницах, однозначно служат интересам международного еврейства¹³.

Развернувшаяся по вопросу деятельности Государственного института расовой биологии общественная дискуссия примерно совпала по времени с двумя связанными друг с другом масштабными внешними событиями: началом в 1929 году сильнейшего экономического кризиса и приходом к власти в Германии нацистов. Лишившись значительной части финансирования из-за сокращения социал-демократическим правительством государственных ассигнований на деятельность института и превратившись в объект постоянной критики, в своей деятельности Х. Лундборг окончательно отошёл от исследовательской деятельности (последние несколько лет он посвятил явно предвзятому изучению саамов) и погрузился в продолжительные дразги — как с коллегами по академической среде, которые открыто сомневались в научной ценности расовой биологии, так и с собственными сотрудниками.

Имевшиеся прежде планы — к примеру, создание на базе Института большой библиотеки и, в конечном итоге, музея расовой биологии, — реализованы не были, как по причине постоянного сокращения финансирования со стороны парламента (в чём Лундборг, естественно, видел про-

иски международного еврейства), так и из-за распыления этим некогда способным человеком своих сил на незаслуживающие того цели и проекты. В результате в 1935 г. поборник расовой гигиены, к этому времени открыто симпатизировавший немецким нацистам и проводимой ими политике, был вынужден уйти на пенсию¹⁴.

Его приемник на посту главы института, медик Гуннар Дальберг (1893–1956), не только не поддерживал расовую концепцию Х. Лундборга и планировал исследовать проблемы наследственности без какого-либо расового подтекста, но и публично выступал как против нацистской идеологии, так и против попыток как-либо увязать её с генетикой. В результате, под его руководством, с середины 1930-х годов институт начал заниматься исследованиями медицинской генетики, превратившись в классическое исследовательское научное заведение.

Уже во время Второй мировой войны, после публикации прежних наработок института, подготовленных ещё во времена его руководства Х. Лундборгом, Г. Дальберг подверг структурированной критике прежнюю деятельность института и в частности заявил, что «расовая биология — продукт национальных предрассудков и не имеет ничего общего с наукой»¹⁵. Позднее его книга «Наследие и раса» (шв. «*Ärv och ras*»), которая затем была издана в Великобритании (анг. «*Race, reason and rubbish*»), а в 1947 г. и в Германии (нем. «*Vererbung und Rasse*»), где её издание стало частью плана союзников по денацификации немецкого общества¹⁶. Вскоре после смерти Г. Дальберга, в 1958 г., Государственный институт расовой биологии как самостоятельное научно-исследовательское заведение был упразднён, переименован в Институт медицинской генетики и стал функционировать при Упсальском университете¹⁷. Так завершилась история первого в мире официального учреждения, призванного заниматься расовой биологией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Rowley-Conwy P. From Genesis to Prehistory: The Archaeological Three Age System and its Contested Reception in Denmark, Britain, and Ireland. Oxford, 2007. P. 120–121.

² Stigler S. M. Darwin, Galton and the Statistical Enlightenment // Journal of the Royal Statistical Society, Series A, 2010. P. 469–482.

³ Rasbiologin i Sverige // <http://www.levandehistoria.se/fordjupning-rasbiologi/kapitel-1-rasbiologins-bakgrund> (дата обращения 10.08.2018).

⁴ Broberg G. Statlig rasforskning. Lund, 1995. S.47–48.

⁵ Hagerman M. Käraste Herman. Rasbiologen Herman Lundborgs gåta. Stockholm, 2015. S. 177–182.

⁶ *Lundborg H.* Degenerationsfaran och riktlinjer för dess förebyggande. Stockholm, 1922. S. 18–19; 21–23.

⁷ *Broberg G.* Statlig rasforskning. S. 61–62.

⁸ En meningslös sortering av människor // <http://fof.se/tidning/2012/8/enmeningslos-sortering-av-manniskor> (дата обращения: 20.05.2020).

⁹ *Lundborg H.* Befolkningsfrågan ur rashygienisk synpunkt: Den svenska bondeklassens betydelse. Sala, 1929. S. 88–79, 121–22.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ En meningslös sortering av människor.

¹² Познакомиться с публикациями на шведском языке можно в электронном архиве газеты: https://arkivet.dn.se/sok/?searchTerm=herman+lundborg&fromPublicationDate=1922-12-23&toPublicationDate=1939-12-31&sortType=OLDFIRST&phrases=herman_lundborg&show=20 (дата обращения 20.05.2020).

¹³ *Broberg G.* Statlig rasforskning. S.72.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ *Dahlgren E.* Farfar var rasbiolog: en berättelse om människovärde igår och idag. Stockholm, 2005. P. 191–192.

¹⁶ Ibid. P. 195.

¹⁷ Rasbiologin i Sverige. Более подробно о деятельности Государственного института расовой биологии см.: *Техт А. Б.* Академический расизм в Швеции в первой половине XX века: создание и деятельность Государственного института расовой биологии // Научный диалог. 2020, № 1. С. 288–302.

ЛИТЕРАТУРА

Dahlgren E. Farfar var rasbiolog: en berättelse om människovärde igår och idag. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 2005. 319 s.

Hagerman M. Käraste Herman. Rasbiologen Herman Lundborgs gåta. Stockholm: Norstedts, 2015. 402 s.

Lundborg H. Degenerationsfaran och riktlinjer för dess förebyggande. Stockholm: Norstedt, 1922. 30 s.

Lundborg H. Befolkningsfrågan ur rashygienisk synpunkt: Den svenska bondeklassens betydelse. Sala, 1929. 130 s.

Rowley-Conwy P. From Genesis to Prehistory: The Archaeological Three Age System and its Contested Reception in Denmark, Britain, and Ireland. Oxford: Oxford University Press, 2007. 384 p.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

А. М. Пашков

ФИНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЕ 1808–1809 гг.

Русско-шведская война 1808–1809 гг. началась в феврале, продолжалась более полутора лет и была для Швеции заведомо проигрышной. Население России составляло более 40 млн человек, а население Швеции не более 2,5 млн человек, в том числе на территории Финляндии по переписи 1806 г. проживало около 909 тысяч человек¹. Русская армия имела большой боевой опыт двух войн с Наполеоном, а шведская армия за последние 20 лет почти не воевала. Для вторжения в Финляндию была собрана армия численностью только в 24 тысячи человек, которой противостояли 19 тысяч шведов, расквартированных в Финляндии. Но, несмотря на это, война велась с переменным успехом, и большую роль в ее затягивании сыграли действия финских партизан.

Когда русские войска перешли границу, возникла проблема их взаимоотношений с местным финским населением. Лютеранским пасторам было дано указание внушать, чтобы прихожане соблюдали тишину и спокойствие после появления русских войск. Командующему русской армией Ф. Ф. Буксгевдену было вручено пять орденов святой Анны 2-й степени для раздачи тем пасторам, которые проявят в этих проповедях наибольшее старание. Русским войскам было строго указано «о благонравном обращении с жителями». Было приказано снять все таможи и таможенные заставы между Старой и Новой Финляндией (т. е. Выборгской губернией и завоеванной шведской Финляндией), чтобы жители беспрепятственно могли пересекать границу для «облегчения торговли и промыслов». Взятых в плен шведов отсылали в Россию, а пленных фин-

нов распускали по домам. 20 марта Александр I обратился с манифестом к населению Финляндии, в котором объявил о присоединении Финляндии к Российской империи и необходимости всем жителям принять присягу на верность русскому царю². Какого-то активного сопротивления со стороны финского населения в первые два месяца войны не было.

Военный губернатор Финляндской губернии А. В. Обресков докладывал 15 февраля из Выборга военному министру А. А. Аракчееву, что «шеф Выборгского гарнизона генерал-майор К. Е. Дежерве (де Жерве)» находился в новоприсоединенной Карелии «для приведения того края в устройство» и, вернувшись, донес, что «в пребывании его там всех кирхшпилей жители приведены на подданство России к присяге»³. Можно считать, А. В. Обресков ввел в заблуждение своего начальника. Генерал де Жерве не мог объехать все кирхшпилы, поскольку, например, в центральном пункте финской Карелии — Иоэнсуу — еще до 8 марта находились шведские войска.

По мере того, как шведские войска отступали на север, их численность росла, а численность преследовавших их русских отрядов уменьшалась. В какой-то момент шведы, используя численное превосходство стали побеждать. В апреле они нанесли поражение небольшим отрядам Я. П. Кульнева, М. Л. Булатова и И. Т. Обухова. После этого русские войска стали отступать на юг, а в их тылу началось крестьянское партизанское движение. Шведский командующий граф М. Клингспор направил бригаду Юхана Августа Сандельса в 3000 человек с 6 пушками для занятия Куопио. Отряд Сандельса быстро двинулся на юго-восток, «встречаемый жителями как избавитель», 30 апреля занял Куопио, а затем Варкаус и почти дошел до Сант-Михеля⁴ на границе с Россией. За неудачные действия командовавший правым флангом русских войск Н. А. Тучков был отдан под суд⁵, но был судом оправдан и возвращен на свою должность начальника Куопиоского отряда.

Успехи позволили Сандельсу направить в Восточную Финляндию (финскую Карелию) 300 саволакских⁶ егерей во главе с майором Карлом Вильгельмом Мальмом. После появления отряда Мальма в финской Карелии к нему присоединилось около 2 тысяч крестьян и отпущенных из русского плена солдат и унтер-офицеров. Историк К. Ф. Ордин писал: «Вооруженным толпам крестьян Мальм придал по внешности вид регулярного войска: обвязал шляпы их лентами, приколот кокарды из березовой коры, к охотничьим ружьям приделал крашенные деревянные штыки, вообще дал им сходство с саволакскими стрелками, одетыми в то время не лучше поселян»⁷.

Успехи Сандельса вызвали большое народное восстание финнов против русской власти в Саволаксе и Восточной Финляндии (финской Ка-

релии). Русский военный историк А. И. Михайловский-Данилевский писал: «Не встречая нигде сопротивления, Сандельс распространял тревогу во всей Восточной Финляндии, призывал жителей к оружию и рассевал написанные против нас королем шведским в самых сильных выражениях прокламации. Крестьяне вооружались дубинами, косами, чем могли, разъезжая на телегах и верхом по всем дорогам. Восстанием народным руководили офицеры, пасторы и солдаты бывшего Свартгольмского гарнизона⁸, распущенного капитуляциею по домам. Везде разглашали, что в Саволак следуют большие ополчения. Некоторые из находившихся в Саволакской области начальников малых команд наших, видя общее вооружение и веря преувеличенной молве о неприятельских силах, оставляли свои посты столь торопливо, что иногда были в том останавливаемы солдатами»⁹. В Саволаксе к Сандельсу присоединилось около 1,5–2 тысяч восставших крестьян. По оценке А. И. Михайловского-Данилевского всего против русских сражалось около 9,5 тысяч партизан¹⁰.

У народного восстания финнов против русской власти весной 1808 г. был комплекс причин. Центральная (Саволак) и Восточная Финляндии (финская Карелия) представляли собой крестьянские регионы с традиционной культурой, характерными чертами которой были преданность шведскому королю, большой авторитет лютеранского духовенства и определенная ксенофобия в отношении русских, основанная на исторической памяти. В Финляндии период оккупации страны русской армией во время Северной войны (1713–1721) с конца XVIII века стали называть «Iso viha» (переводится как «Большое лихолетье», «Большой гнев», «Большая злоба»), а русско-шведскую войну 1741–1743 годов в Финляндии называли «Pikku viha» (соответственно «Малое лихолетье», «Малый гнев», «Малая злоба»).

Русский военный историк начала XX века М. М. Бородин отмечал: «Многочисленны были те опустошительные войны, которые велись между Россией и Швецией. Сопровождавшие их страдания и лишения обрушились почти исключительно на Финляндию, укоренив в местном населении чувство вражды к России и русским. Русские с оружием в руках не раз проходили Финляндию от края до края, оставляя за собой немало опустошенных селений и человеческих трупов. Такова война! Слово «gysse» (русский) наводило страх и являлось синонимом дикости и грубости»¹¹.

Для разжигания восстания большее значение имели действия местных шведских чиновников, которых русское командование оставляло на своих местах, агитация лютеранских пасторов и печатавшиеся в Швеции прокламации. Определенную роль играло и поведение русских военных: принудительное и часто бесплатное использование крестьян и их

лошадей на военных перевозках, реквизиции продовольствия и фуража, а также воровство, грабежи и насилия, допускавшиеся русскими солдатами и особенно казаками. Крестьянскими отрядами руководили отпущенные из плена под честное слово финские солдаты и унтер-офицеры из капитулировавших гарнизонов Свартхольма и Свеаборга¹², которых было около 6000 человек, поэтому эти партизанские отряды были серьезной военной силой. Русский военный историк А. И. Михайловский-Данилевский писал о финских партизанах: «В перестрелках крестьяне дрались храбро, но боялись артиллерии...»¹³.

Следует отметить, что крестьянские войны против иноземных и вообще «чужих» войск в период Великой французской революции и наполеоновских войн происходили в разных странах. Зачастую все эти восстания носили религиозную окраску. Можно отметить крестьянское восстание в Вандее против революционного французского правительства в 1793–1796 гг., крестьянское антиреспубликанское движение (санфедизм) в Неаполитанском королевстве в 1799 г., действия испанских партизан (гверильясов) против наполеоновской армии в 1808–1813 гг., крестьянское восстание в Тироле против союзницы Наполеона Баварии в 1809 г. и, наконец, крестьянское партизанское движение в России против наполеоновской армии в 1812 г. Восстание финских крестьян против русских войск в 1808 г. вполне вписывается в этот перечень. Это осознавали уже и современники. Командующий русской армией Ф. Ф. Буксгевден в своих рапортах на имя Александра I называл эту войну «вандейской», а финнов сравнивал с «добрыми тирольцами». Он же писал о превосходстве финских партизан над регулярными войсками русской армии: «...в Финляндии линейное войско приносит менее пользы, чем искусные тиральеры [жители Тироля. — А.П.], которые сумеют воспользоваться каждым камнем и кустом, обстоятельство, доказательством которому служит огромное число раненых на нашей стороне»¹⁴.

Современный финский историк М. Клинге писал: «В Финляндии в ходе войны сложились различные позиции в народе по отношению к дальнейшим перспективам развития событий. Одна из таких позиций была представлена сопротивлением новому порядку и партизанской войной, долго тлевшей почти по всей стране — главным образом, в сельской местности... Если крестьянство относилось к будущему с подозрением, то позиция привилегированных сословий была совершенно иной. Они считали короля (шведского короля Густава IV Адольфа. — А.П.) капризным и своенравным... В России правил молодой либеральный монарх, Петербург для многих уже превратился в символ, а изоляционизм Швеции делал Россию привлекательной. Офицеры и чиновники вполне могли рассчитывать на новую и быструю карьеру в огромной империи,

несравнимую с теми скромными возможностями продвижения по службе, которые они имели в Швеции»¹⁵.

Одним из центров антирусского восстания стала финская Карелия, где во главе его встал житель селения Нурмес Олли Тиайнен. М. М. Бородкин писал: «В Карелии среди восставших выделился Тиайнен, собравший вокруг себя весьма внушительную силу. Многие карелы жили охотой и рыбной ловлей; они закалили себя в беспрестанных трудах и предприятиях, требующих дерзкой отваги и умения обращаться с оружием. Карелы считали себя нравственно обязанными вооружиться. По своим привилегиям они освобождались от платежа податей на содержание войска, но за то обязаны были, в случае вторжения неприятеля, вооружаться на защиту своего края... Крестьяне собрались на общую сельскую сходку в Пиелисе. Они «горько сожалели, что на любимого короля войной напал русский царь и потому обещали защищать границы села на собственном иждивении и в своей одежде, точно так, как это было сделано в последнюю войну. Тиайнен назначен был пограничным капитаном и получил от Сандельса офицерскую висячую саблю. Вместе с тем ему было выдано около сотни ружей. Кроме оружия и амуниции, привезенного капитаном Тиайненом из Куопио на двух санях, жители Пиелиса с прошлой (1788 г.) войны имели около 130 ружей, которые вместе со штыками оставались в двух ящиках на хорах в церкви. С того же времени оставалась у них амуниция в яме под церковью»¹⁶.

Поскольку восстание распространилось на Восточную Финляндию (финскую Карелию) и возникла угроза нападений финских крестьян на пограничные селения Северного Приладожья и Архангельской губерний, военному губернатору Архангельской губернии М. П. фон Дезину было послано высочайшее повеление «о принятии мер против набегов бунтующих шаек в Карелии, могущих вторгнуться в пределы Архангельской губернии». Для защиты Северного Приладожья в Сердоболь был создан особый отряд под командованием генерал-майора И. И. Алексева, первоначально состоявший из расположенных в Сердоболе 4 эскадронов Митавского драгунского полка и сотни казаков (всего около 500 кавалеристов). Сначала этот отряд не входил в состав русских войск, вторгнувшихся в Финляндию, а предназначался только для охраны границы и подчинялся начальству Петербурге.

Встревоженный успехами шведов командующий русской армией Ф. Ф. Буксгевден срочно запросил подкрепления. В его распоряжение было прислано около 11 тысяч человек, в том числе 3 тысячи старослужащих солдат, вернувшихся из французского плена и 2 тысячи «самых здоровых рекрут» (многие из которых, вероятно, были вчерашними ополченцами).

Общий переход русской армии в наступление в сентябре заставил Сандельса отступить на север и отозвать из финской Карелии отряд Мальма, который оставил вместо себя во главе всех партизанских отрядов финской Карелии Тиайнена. Какое-то время партизанское движение в финской Карелии продолжалось. Отряду Тиайнена даже удалось захватить в плен назначенного русскими властями губернатора Восточной Карелии Отто фон Фюрстенберга. М. М. Бородкин писал: «Легендарный капитан Тиайнен незамеченный пробрался с несколькими своими молодцами к Йоэнсуу и в ночь с 25-го на 26-го октября, внезапно окружив квартиру губернатора Карелии Отто фон Фюрстенберга, выкрал его вместе с помощником и переводчиком и увез. Вскоре, однако, полковнику Р. Ф. Гернграссу удалось возвратить пленников и очистить от партизанских банд всю Верхнюю Карелию. В то же время он заставил пасторов приводить население к присяге на верность русскому престолу»¹⁷.

П. А. Тучков обещал за голову О. Тиайнена награду в 500 рублей. Против партизан постоянно действовали русские отряды из Рускеалы, Кемие и Йоэнсуу, которые «несколько раз рассеивали толпы мятежников». Кроме того, продолжавшееся отступление шведской армии на север делало борьбу партизан бесперспективной, и постепенно партизанское движение в Восточной Финляндии утихло. Тиайнен был вытеснен на север, в Эстерботнию, где занял Каянский округ. Но и там Гернграсс постоянно его преследовал, совершая быстрые рейды по разным направлениям. Однажды за 6–7 дней его отряд прошел более 400 верст. Но, как писал М. М. Бородкин, «ловкий Тиайнен ускользал, словно покрытый шапкой-невидимкой»¹⁸.

В конце концов Тиайнен ушел в Швецию, где получил от шведского короля золотую медаль, униформу, денежное вознаграждение и пенсию. В 1818 г. он вернулся в Нурмес и стал там, как и прежде, безземельным крестьянином (торпарем¹⁹), впрочем, сохранив шведское гражданство и получая пожизненную пенсию от шведского правительства. Русский военный историк А. И. Михайловский-Данилевский писал в середине XIX века: «До сих пор имена партизанов Мальма и Тиайнена славятся в народном предании полудиких корельцов и с уважением передаются от одного поколения к другому». Ему вторил М. М. Бородкин: «Слава Тиайнена, Дункера, Мальма и др. отважных партизанов сделалась достоянием народных финских песен и легенд...». Историческая память о Карле Вильгельме Мальме и Олли Тиайнене до сих пор жива в Восточной Финляндии. Так, в Музее Северной Карелии «Carelicum» в Йоэнсуу хранится сундук, принадлежавший О. Тиайнену²⁰.

15 марта 1809 г., накануне открытия сейма (сословного собрания представителей народов Финляндии) в Борго²¹ манифестом Александра I

было объявлено о создании Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. При этом царь обещал хранить «в ненарушимости и непреложной их силе и действии» «религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества в особенности и все подданные оною населяющие от мала до велика по Конституциям их доселе пользовались»²², то есть даровал Финляндии права широкой автономии. Возможно, решение о предоставлении финнам широкой автономии было отчасти продиктовано стремлением предотвратить действия финских партизан в случае попытки шведского реванша.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 годов. СПб., 1910. С. 33.

² Манифест. О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России [1808 г.] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 30. № 22911. С. 146–147.

³ Бородкин М. М. История Финляндии. Т. 2. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 143.

⁴ Сант-Михель — современное название Миккели.

⁵ Суд над Н. А. Тучковым происходил в занятом русскими городе Або (сов. Турку). Во время суда, 7 июня, недалеко от города высадился шведский десант, но после 14-часового боя погрузился на корабли и ушел в море. Н. А. Тучков участвовал в отражении шведского десанта в качестве волонтера и сражался со шведами в рукопашных схватках (Сухтелен П. К. Картина военных действий в Финляндии, в последнюю войну России с Швецией, в 1808 и 1809 годах. СПб., 1832. С. 108).

⁶ Саволак (Саво) — историческая область на юго-востоке Финляндии.

⁷ Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. 1. СПб., 1889. С. 395.

⁸ Свартхольм — шведская крепость в районе современного финского города Ловийса, капитулировала 5 марта 1808 года.

⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841. С. 94–95.

¹⁰ Там же. С. 218.

¹¹ Бородкин М. М. История Финляндии. Т. 2. Время императора Александра I. С. 202.

¹² Свеаборг — шведская крепость на подступах к Гельсингфорсу (Хельсинки), капитулировала 26 апреля 1808 г.

¹³ Михайловский-Данилевский А. И. Описание финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб.: Типография штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1841. С. 219.

¹⁴ Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 годов. С. 154.

¹⁵ Клингс М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 19–20.

¹⁶ Бородкин М. М. История Финляндии. Т. 2. Время императора Александра I. С. 150.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹⁸ Там же. С. 151.

¹⁹ Торпяр — в Финляндии так называли безземельных крестьян, работавших на арендованной земле.

²⁰ См.: Сундук Олли Тийнена // http://openkarelia.org/object?object_id=vLY87Y8WT22XmD_TMgrrRQ (дата обращения: 10.01.2018).

²¹ Борго — современное название Порвоо.

²² Манифест Александра I от 15 марта 1809 года // *Шиловский П. П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 10.

ЛИТЕРАТУРА

Бородкин М. М. История Финляндии. Т. 2. Время императора Александра I. СПб.: Государственная типография, 1909. 635 с.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб.: Типография Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1841. 524 с.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: ИД «Коло», 2005. 616 с.

Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 годов. СПб.: Военная типография, 1910. 10, 420 с.

Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. 1. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1889. 599 с.

Сухтелен П. К. Картина военных действий в Финляндии, в последнюю войну России с Швецией, в 1808 и 1809 годах. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1832. 223 с.

Фишер А. Е. К вопросу об особенностях исследования партизанского движения в Финляндии в период русско-шведской войны 1808–1809 годов на примере российской историографии XIX–XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006, № 7. С. 254–264.

Д. А. Бажанов, Р. А. Бугаев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССАРОВ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД ПОДАВЛЕНИЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ Л. Г. КОРНИЛОВА

Борьба с корниловщиной на Балтике, в силу ее значимости для политической обстановки в стране, неоднократно затрагивалась специалистами. Еще в рамках работы Морской исторической комиссии были подготовлены первые исследования, касавшиеся этой проблемы. Впервые они были рассмотрены в контексте революционного процесса в работах А. С. Штарева и М. Э. Зингера¹. В работах намечены основные этапы революционной борьбы балтийских моряков. При этом авторы стремились показать сознательную поддержку матросских масс, не затрагивая организационную деятельность.

К сюжету о положении на Балтийском флоте накануне и в дни корниловщины обратился В. П. Автухов². Он стремился показать роль матросских команд в борьбе с правительством, поэтому особенно подробно анализировал ситуации их коллективного протеста. В частности, автор остановился на отказе команд выдавать «подозрительных лиц» после июльских событий, а также «совершенный из чувства самообороны» расстрел офицеров линкора «Петропавловск». Введение института комиссаров В. П. Автухов оценил как временный «революционный контроль», обусловленный неясной позицией офицерства³. Схожую точку зрения высказал и А. К. Дрезен⁴. Стоит отметить, что ими совершенно игнорировалась деятельность других органов революционной власти.

В 1930-е гг., особенно после выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», на первый план выдвигалась роль партии большевиков. Отмечалась важность деятельности создаваемых чрезвычайных органов управления. Именно они «преградили дорогу корниловским войскам и надломили их силы»⁵. При этом подчеркивалось, что именно депутаты-большевики были инициаторами преобразований. Такой подход нашел свое отражение во многих трудах, посвященных истории революции на Балтике⁶.

В 1960-е гг. были опубликованы исследования, посвященные непосредственно Центробалту⁷. Они окончательно закрепили тезис об «огромной работе», проделанной ЦКБФ по «обеспечению активного участия балтийских моряков в Октябрьском вооруженном восстании». Одним из механизмов было распространение института комиссаров⁸. Роль других революционных органов власти в Финляндии, в частности Советов, в борьбе с корниловщиной на местах отметил С. С. Хесин⁹.

Современные исследователи в целом остались на этих позициях, т. е. рассмотрения событий конца августа — начала сентября как результат работы одного органа власти. Более подробно рассмотрела роль Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих в введении чрезвычайного управления в Финляндии петрозаводская исследовательница Е. Ю. Дубровская. В то же время она делала вывод о последующем «смещении» власти от органов широкого демократического представительства — Советов — к различным комитетам. Воплощением процесса она считала Революционный комитет Финляндии¹⁰. Р. А. Бугаев, в свою очередь, посвятил небольшую статью роли комиссаров ЦКБФ в аресте командира 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта А. Н. Долгорукова¹¹. Таким образом, предлагаемая статья направлена на систематизацию материалов о деятельности революционных комиссаров в Финляндии в дни борьбы с корниловщиной, на выявление их роли в драматических поворотах этой борьбы, приведших к новым, со времени Февральской революции, случаям кровопролития.

Процесс создания института комиссаров на Балтике прошел длинный путь в 1917 г. Впервые комиссары получали назначения от имени Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции. Помимо правительственных учреждений они рассылались и в воинские части столичного гарнизона, а также и на военно-морские базы Балтийского флота: Кронштадт, Ревель. Делегация, прибывшая 4 марта на главную базу Балтийского флота — Гельсингфорс — в составе Ф. И. Родичева, М. И. Скобелева (товарищ председателя Петроградского Совета), а также депутатов Петроградского Совета матросов Л. Хомякова и В. Масловского и солдата Ю. А. Кудрявцева, имела полномочия и от ВКГД, и от Совета.

Следующим этапом следует считать назначение на Балтийский флот правительственного комиссара. 11 мая в штабе флота и на заседании Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта) был представлен в этом качестве вернувшийся из эмиграции депутат 1-й Государственной думы, один из организаторов восстания моряков в Кронштадте летом 1906 г. Ф. М. Оникко¹². В свою очередь, и Центробалт в мае направил «для связи» в штаб командующего флотом своего представителя, А. С. Штарева, который был назван комиссаром при штабе. 6 июня он

отказался от должности, и был заменен на С. С. Магнитского¹³. 8 августа на эту должность ЦКБФ III созыва избрал Д. М. Морейко¹⁴.

В дни корниловского выступления распространение деятельности комиссаров на войсковые части и государственные учреждения было инициировано двумя сторонами. 28 августа, на утреннем заседании Центробалта после выступления представителя Центрального исполнительного комитета военного флота (Центрофлота) Н. Саморукова его члены приняли решение «сейчас же послать представителей по кораблям и уполномочить их в качестве комиссаров для крупных судов». Председатели судовых комитетов должны были играть роль их заместителей¹⁵.

Однако днем на совместном заседании Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих, Центрального комитета Балтийского флота, Областного комитета Финляндии, а также представителей судовых и полковых комитетов было принято решение о создании чрезвычайного органа управления — Революционного комитета (РК). Он также получил право назначать своих комиссаров в штабы и управления воинских частей, в том числе и имевшие отношение к управлению флотом¹⁶. Это вызвало неодобрение Центробалта, вечером того же дня потребовавшего разграничения полномочий. Председатель ЦКБФ С. С. Магнитский ссылаясь на то, что «самостоятельное вмешательство Революционного комитета в жизнь флота может повести к печальным результатам и недоразумениям»¹⁷. Итогом стала единогласно принятая резолюция, требовавшая от революционных органов власти, создавших Ревком, т. е. от ИК Гельсингфорсского Совета и Областного комитета Финляндии, соблюдать следующий принцип: «служба связи, пр[ямой] телефон и телеграф, штабы и распоряжения командного состава, относящиеся к флоту, находятся в ведении ЦКБФ, вышеозначенные же организации могут иметь там своих представителей только для связи»¹⁸.

Разногласия удалось преодолеть на следующий день, 29 августа. ЦКБФ сохранил преимущественный контроль над управлением флотом, в то время как комиссары Революционного комитета были направлены в органы гражданской власти и в сухопутные части.

Действия комиссаров формально определялись теми правами, которыми их наделяли постановления соответствующих революционных органов власти. Их объединяли требования санкционирования всех действий представителей командного состава, а также установления контроля за средствами связи. Их действия можно условно разделить в зависимости от места направления комиссаров. Комиссары РК и ЦКБФ, назначаемые в штабы соединений, а также в Службу связи Балтийского флота, в первую очередь ставили под контроль распоряжения командования и передачу информации.

Примером могут служить действия комиссара РК при штабе Свеаборгской крепости К. Полагина. В день назначения, 29 августа, он добился от коменданта крепости генерал-лейтенанта Н. А. Бржозовского (героя обороны Осовца) издания приказа № 248. В нем Бржозовский заявлял о согласии действовать в соответствии с «предложениями Революционного комитета Финляндии и его комиссара», что подтверждалось скреплением приказа подписью последнего. Также комендант распорядился установить дежурства «броневых взводов при Мариинском дворце, которые поступают в полное подчинение и распоряжение Революционного комитета. Командиру броневых дивизионов немедленно сделать наряд, выслать броневую дивизию 16 часам 29-го сего августа в указанное место»¹⁹. Проверка исполнения этого приказа возлагалась на комиссара при бронедивизионе А. Михайлова²⁰.

Схожего содержания приказ был подписан начальником Або-Оландской укрепленной позиции (АОУП) 30 августа. В нем он также определял, что «комиссару Копылову даны Революционным Комитетом <...> неограниченные полномочия при предотвращении контрреволюционных выступлений в вопросах поддержания порядка. Поручаю контролировать все действия и распоряжения, исходящие от меня, не исключая и оперативной части. Все распоряжения, исходящие от меня и от моего штаба, будут скрепляемы подписью комиссара Копылова или же его помощниками»²¹. Были блокированы любые приказания, не согласованные комиссарами РК (М. Савоськиным) и ЦКБФ (П. С. Сутыриным) из штаба сухопутных войск, подчиненных командующему флотом. Действуя совместно с комиссарами Северного района Службы связи Балтийского флота, они полностью контролировали передачу информации. Командующий Балтийским флотом контр-адмирал А. В. Развозов со своим штабом, а также правительственный комиссар Ф. М. Оникко находились в Ревеле.

В результате информацию о положении дел в Гельсингфорсе Развозов получил лишь благодаря настойчивости начальника штаба Минной обороны капитана I ранга М. А. Беренса. Тот на свой страх и риск отправил в штаб юзограмму с описанием последних событий и мнением помощника правительственного комиссара на Балтийском флоте С. К. Франкфурта о вмешательстве революционных органов власти во все сферы управления, не исключая и оперативного, т. е. связанного решением вопросов боевого характера. Далее Беренс сообщал, что попытка Франкфурта самостоятельно известить командующего и Ф. М. Оникко через Службу связи провалилась, т. к. «комиссар у них, забравшийся туда, сказал, что все это не соответствует истине». Мотивировалось решение не отправлять юзограмму Франкфурта тем, что «по словам его [комиссара в Службе связи. — Авт.] они взбудоражат зря тебя и Оникко»²². Важную роль,

как свидетельствуют рассматриваемые события, играли и комиссары, находившиеся в Службе связи.

Кроме Службы связи Балтийского флота сведения о событиях передавались и по телеграфу. Наблюдением за корреспонденцией занимались органы военной цензуры. Центральная военно-цензурная комиссия в Финляндии была взята под контроль Гельсингфорским Советом еще в марте 1917 г., в первые дни революции. Надзор за работой цензоров осуществлял прапорщик В. Берваль. Однако цензура штаба 42-го армейского корпуса, находившаяся в Выборге, оставалась неподконтрольной. Поэтому РК счел нужным направить туда своим комиссаром Ф. Судакова²³.

В ряде случаев действия комиссаров опирались на местные органы революционной власти, в первую очередь Советы. Так, комиссар РК Финляндии при штабе Або-Оландской укрепленной позиции Н. Копылов после своего прибытия в Або отправился сначала отнюдь не к месту своего назначения, а в Совет депутатов армии, флота и рабочих АОУП. Там он принимал участие в заседании, где редактировал обращение к ВЦИК Советов. Там же им был зачитан текст «Воззвания» к военным частям с призывом «довериться своим демократическим органам и поставленным ими начальникам»²⁴. По-видимому, аналогично действовал сначала и комиссар РК при штабе 42-го корпуса А. Сасов, направившийся в Выборгский Совет²⁵.

Первоочередной мерой, которую реализовывали комиссары РК и Центробалта, направленные в конкретные части, была организация общих собраний личного состава. Решение об их проведении было принято на совместном заседании членов ИК Гельсингфорского Совета, Областного комитета Финляндии, Центробалта, а также представителей судовых и полковых комитетов 29 августа. Целью собраний было принятие резолюций о том, на чьей стороне будут выступать части или экипажи, а также опрос представителей офицерства «согласны ли они выступить вместе с частями для защиты ее органов или же стоять на стороне генерала Корнилова». Об их решении предписывалось «отобрать подписку с каждого»²⁶. В этих условиях наблюдается разница между положением комиссаров частей и кораблей, назначаемых РК и ЦКБФ. Если комиссары Ревкома ограничивались проведением собрания с частью личного состава, поручая довести позицию РК до сведения остальным членам полковых или ротных комитетов, то на кораблях комиссары устанавливали более полный контроль.

Объясняется это, в первую очередь, особенностями размещения и численностью. В сухопутных частях личный состав мог быть значительно разбросан географически. Примером может служить дислокация частей 5-й Кавказской дивизии. Она располагалась на территории

от Териоки (Зеленогорск) на Карельском перешейке, до Гельсингфорса²⁷. По этой причине общее собрание в Гельсингфорсе провел посланный комиссаром РК в 3-й Екатеринбургский полк Н. Ф. Измайлов. Выступая перед казаками, он призывал офицеров: «товарищам офицерам я считаю своим долгом предложить, если только вы идете честно, с открытой душой и сердцем защищать родину и революцию <...> Распишитесь под этой резолюцией»²⁸. А в Выборге перед солдатами 4-й Кубанской батареи, также входившей в 5-ю Кавказскую дивизию, выступал А. Сасов. Резолюции в частях, стоявших в более отдаленных районах, должны были получать местные комитеты²⁹.

На кораблях Балтийского флота, которые находились в Гельсингфорсе, собрания проводились в присутствии комиссаров ЦКБФ. Именно так разворачивались события на линкоре «Петропавловск» 30–31 августа. 30 августа при участии назначенного комиссаром Е. С. Блохина общее собрание выработало текст офицерской антикорниловской резолюции, к которой присоединилось большинство офицеров. Однако позднее выяснилось, что четверо: лейтенант Б. П. Тизенко, мичманы Д. А. Кандыба, М. В. Кондратьев и К. М. Михайлов, отказались ее поддержать, предложив свою. В ответ экипаж их арестовал. Утром следующего дня об этом стало известно Е. С. Блохину, о чем он сообщил на заседании Центробалта. На общем собрании делегаты вынесли решение «поручить т[оварищу] Блохину срочно выяснить все обстоятельства дела на месте и принять все меры к недопущению эксцессов»³⁰. После этого комиссар ЦКБФ, согласно его показаниям, вновь отправился на линкор, где арестованные были допрошены в его присутствии. После этого было принято решение отправить их для разбирательств в Революционный комитет. С тем Е. С. Блохин и вернулся, сделав около 18.00 короткий доклад С. С. Магнитскому. Однако около 21.00 отправленные под охраной арестованные были расстреляны своими конвоирами. При этом версия о непричастности Блохина к этому решению представляется спорной, т. к. статус и полномочия комиссаров были весьма велики. Кроме того, Е. С. Блохин представлял в ЦКБФ именно «Петропавловск», его члены экипажа знали очень хорошо по активной позиции в июне 1917 г., когда он выступал активным поборником выборного начала. Сомневались в его пассивной позиции и в ЦКБФ. Так, бывший депутат И. Гребенщиков вспоминал по этому поводу на одном из памятных вечеров в первой половине 1930-х гг.: «Здесь в Центробалте было тоже неопределенное отношение. Было заметно, что товарищ Блохин с “Петропавловска” знал об этом и, может быть, даже согласился с постановлением команды о том, чтобы их угробить»³¹.

Однако необходимо отметить, что некоторое соперничество между центральными органами революционной власти в процессе делегирова-

ния комиссаров давало себя знать. Так, 29 августа в Або (Турку) прибыл назначенный комиссаром РК в штаб Або-Оландской укрепленной позиции Н. Копылов. Но еще на утреннем заседании Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих АОУП его председатель А. Матвеев сообщил о полученном распоряжении ЦКБФ о назначении комиссаров. Депутат Гневушев был направлен в штаб позиции, Коломийченко и Робяков — в Службу связи, Сакович — во 2-ю воздушную бригаду, Антонов — в школу мотористов³². Н. Копылов вынужден был начать свою деятельность с выстраивания иерархии подчиненности комиссаров. Он выступил на общем собрании Совета, подробно изложив все обстоятельства создания РК Финляндии и своего назначения. Завоевав таким образом доверие и приняв участие в выработке «Воззвания» к местным демократическим организациям, Копылов перешел к наиболее щекотливому вопросу распределения своих полномочий и полномочий ранее избранных местных комиссаров. Ему удалось убедить Совет в необходимости сохранения за ними их назначений, однако с необходимостью отчитываться перед ним в своей деятельности³³. Однако время было упущено, комиссары отправились к местам своего назначения лишь 30 августа. Еще до приезда комиссара Саковича личным составом авиастанции Або был убит старший лейтенант А. И. Макаревич. Мотивы его убийства остались не вполне ясными. Расследование было поручено Саковичу и представителям следственной секции Совета³⁴.

Схожим образом развивались и события в Выборге с той разницей, что имело место соперничество между людьми, а не учреждениями. На заседании РК Финляндии 28 августа комиссаром был назначен А. Сасов, приступивший после визита в штаб 42-го корпуса с помощью местного Совета к поездкам по частям. Однако назначение комиссаром в местный цензурный пункт Ф. Судакова спровоцировало обострение ситуации. Оно было связано с претензией Судакова, утверждавшего, что посланные из Петрограда и Гельсингфорса телеграммы сознательно задерживаются и не доводятся до сведения Выборгского Совета и армейского комитета.

В результате были арестованы и отправлены в гарнизонную гаптвахту командир 42-го корпуса генерал от кавалерии В. А. Орановский, обер-квартирмейстер корпуса генерал-майор В. Н. Васильев, комендант Выборгской крепости генерал-майор Ф. В. Степанов, а также начальник военно-цензурного пункта подполковник Н. Б. Кюренуус³⁵. Днем 29 августа толпа из нескольких десятков солдат ворвалась в помещение, где находились арестованные. Их выволокли на мост, а затем бросили в воду, расстреливая всплывавших. Бессилие местных революционных властей лаконично охарактеризовано в короткой заметке: «Все прои-

зошло стихийно и совершенно неожиданно для представителей местных организаций <...> необузданность толпы доходила до того, что люди, пользующиеся всеобщей известностью и уважением местного гарнизона, подверглись оскорблениям <...> едва не был арестован председатель армейского комитета Масленников»³⁶. Эти события послужили поводом к дальнейшим убийствам офицеров. Всего, по оценке журналистов, в Выборге погибло 22 офицера³⁷. Во временное командование вступил штабс-капитан Елизаров, опиравшийся на авторитет созданного вечером Революционного комитета, куда был включен и Ф. Судаков. По-видимому, именно этим, а не отказом штаба корпуса в признании, на чем настаивал сам А. Сасов, объясняется его скорый отъезд³⁸.

Таким образом, в дни корниловского выступления в Финляндии сохранялось спокойствие. Это объяснялось единством позиции революционных органов власти, сумевших преодолеть внутренние разногласия и быстро реагировавших на сообщения из Петрограда. Важным механизмом поддержания «революционного порядка» среди русского военного и гражданского населения Финляндии были назначаемые комиссары.

Комиссары назначались по распоряжениям созданного в эти дни чрезвычайного органа управления — Революционного комитета Финляндии, либо по распоряжениям Центрального комитета Балтийского флота. Первые отправлялись во все наиболее значительные населенные пункты, важнейшие военные и гражданские правительственные учреждения. Они наделялись широкими правами, подчиняя не только работу учреждений, но и органы революционного самоуправления (комитеты, общие собрания). Благодаря их деятельности были поставлены под контроль средства передачи информации, командование, подозревавшееся в симпатиях к Л. Г. Корнилову, оказалось отрезано от своих частей.

В то же время, в некоторых случаях комиссары были склонны потакать вспышкам радикализма личного состава частей в отношении своих офицеров, что способствовало эксцессам и новой вспышке насилия на Балтике. В некоторых случаях имело место соперничество между комиссарами. Это порождало недостаток взаимодействия и в ряде случаев не позволяло отреагировать на эксцессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 154. *Штарев А. С.* История революционного движения во флоте за 1917 г.; Там же. Д. 153. *Зингер М. Э.* 1917 год в Балтийском флоте.

² *Астухов В. П.* Корниловщина // Морской сборник. 1924. № 8. С. 1–16.

³ Там же. С. 13.

⁴ Дрезен А. К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. // Красная летопись. 1929. № 5. С. 178.

⁵ История Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Краткий курс. М., 1938. С. 193.

⁶ Сивков П. З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М., 1946. С. 214; Богданов А. В. Моряки-балтийцы в 1917 году. М., 1955. С. 70–71; Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 157; Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы. Л., 1969. С. 115–116; Пантелеева В. П., Веприков Г. Н. Ленин и Балтфлот. Калининград, 1990. С. 94; Дважды Краснознамённый Балтийский флот. М., 1990. С. 116.

⁷ Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. М., 1963; Хесин С. С., Чугаев Д. А. Центральный комитет Балтийского флота [Вступительная статья] // Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота 1917–1918. М., 1963. С. 5–30; Блинов А. М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 28–42.

⁸ Хесин С. С., Чугаев Д. А. Центральный комитет Балтийского флота [Вступительная статья]. С. 5.

⁹ Хесин С. С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М., 1977. С. 349.

¹⁰ Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март — октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 132.

¹¹ Бугаев Р. А. Участие комиссаров Центробалта в аресте генерала А. Н. Долгорукова (27–30 августа 1917 г.) // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2019. С. 255–262.

¹² РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

¹³ Там же. Д. 234. Л. 52.

¹⁴ Там же. Д. 6. Л. 55.

¹⁵ Там же. Л. 83.

¹⁶ Там же; Д. 41. Л. 53; Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март — октябрь). С. 128.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 6. Л. 84.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 1346. Оп. 1. Д. 243. Л. 496; Приказ по Свеаборгской крепости // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих (Далее: Известия Гельсингфорского Совета). 1917. 30 августа.

²⁰ Там же; Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март — октябрь). С. 129.

²¹ Протокол № 135 заседания ИК Совета АОУП от 1 сентября 1917 г. // Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укреплённой позиции (Далее: Известия Совета АОУП) 1917. 5 сентября.

²² РГАВМФ. Ф. Р-95 Оп. 1. Д. 41. Л. 51.

²³ Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии. 1914–1917. М., 2016. С. 136; Судаков Ф. Военная цензура Финляндии // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 10 сентября.

²⁴ Протокол № 46 общего собрания Совета АОУПП // Известия Совета АОУП. 1917. 2 сентября.

²⁵ [Б/а] К событиям в Выборге // Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 7 сентября.

²⁶ РГАВМФ. Ф. Р-95 Оп. 1. Д. 41. Л. 99; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее: ЦГАСПб). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 113. Л. 194; *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март — октябрь). С. 127–128.

²⁷ *Елисеев Ф. И.* С Корниловским конным. М., 2003. С. 20, 28.

²⁸ [Б/а]. Речь комиссара Революционного комитета Измайлова к казакам 5-й Кавказской дивизии // Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 2 сентября.

²⁹ Елисеев Ф. И. С Корниловским конным. С. 25–27.

³⁰ РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 6. Л. 90.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 104 об. — 105.

³² Протокол № 132 заседания ИК Совета АОУП от 29 августа 1917 г. // Известия Совета АОУП. 1917. 3 сентября.

³³ Протокол № 46 общего собрания Совета АОУП // Известия Совета АОУП. 1917. 2 сентября.

³⁴ Протокол № 133 заседания Исполнительного комитета Совета АОУП от 30 августа 1917 г. // Известия АОУП 1917. 3 сентября.

³⁵ [Б/а] Расплата за Корнилова // Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 30 августа; Казанцев Д. Л. Указ. соч. С. 141.

³⁶ [Б/а]. К событиям в Выборге // Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 5 сентября.

³⁷ [Б/а]. Выборгские события // Петроградский листок. 1917. 8 сентября.

³⁸ [Б/а] В Выборге // Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 2 сентября; [Б/а] К событиям в Выборге // Там же. 5 сентября; РГАВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 126. Л. 199 об. Доклад А. Сасова, командированного в качестве комиссара Революционного комитета в штаб 42-го корпуса.

ЛИТЕРАТУРА

Автухов В. П. Корниловщина // Морской сборник. 1924. № 8. С. 1–16.

Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. № 20 (1). С. 26–39.

Блинов А. М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 28–42.

Бугаев Р. А. Участие комиссаров Центробалта в аресте генерала А. Н. Долгокурова (27–30 августа 1917 г.) // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 255–262.

Дрезен А. К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. // Красная летопись. 1929. № 5. С. 157–212.

Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март — октябрь 1917 г.). Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центр РАН, 1992. 173 с.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 128 с.

Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. М.: Военное изд-во министерства обороны СССР, 1963. 240 с.

Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л.: Наука, 1966. 268 с.

Сивков П. З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М.: Военное изд-во Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1946. 280 с.

Смолин А. В. Моряки-балтийцы в Гельсингфорсе в 1917 г. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2014. № 12. С. 246–251.

Хесин С. С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М.: Наука, 1977. 176 с.

В. Н. Барышников

ПОБЕДА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ФИНЛЯНДИИ В 1918 г. И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Рабочая революция в Финляндии и начавшаяся затем гражданская война закончилась, как известно, победой сил контрреволюции. Причем это был *первый* опыт, когда в XX веке на территории бывшей Российской империи сначала возникла, а затем кровавым образом завершилась гражданская война. Сам масштаб развернутого в этот период в Финляндии белого террора поражал современников. Даже в германском рейхстаге тогда вынуждены были констатировать, что «происходящее в Финляндии является неопишуемой трагедией», а также «самой страшной из всех гражданских войн», где наблюдаются колоссальные жертвы, которые «финский народ никогда не забудет»¹.

Безусловно, оправданий этим событиям в истории быть не должно. Использование любых очень высокопарных фраз, о том, что в Финляндии, например, просто «воля к независимости не настолько созрела, чтобы эта независимость могла осуществляться в соответствии с правовыми формами»², не могут, конечно, послужить объяснением развернувшегося в это время в стране жесточайшего белого террора. В данном отношении зарубежные обозреватели прямо отмечали, что тогда особенно поражали «именно зверства, которые совершались народом, зарекомендовавшим себя как один из самых гуманнейших и законопослушных в мире»³. Действительно, как справедливо заметил один из финских исследователей, «белый террор, приобрел такие размеры и характер, что это даже привлекло внимание за рубежом». Далее он уточнил, что в это время «одна из самых престижных английских газет даже усомнилась, можно ли Финляндию, где применялась такая жестокость, считать среди цивилизованных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

стран»⁴. Безусловно, все это являлось непосредственной фиксацией современниками широкого и массового террора. Его тогда скрыть от кого-либо было невозможно.

В финской исторической литературе, однако, существует представление, что волна начавшегося в 1918 г. в стране массового белого террора явилась во многом следствием того, что его организаторами стали, прежде всего, те, кто тогда вернулся в свою страну с фронтов Первой мировой войны: «егеря из Германии и офицеры из России»⁵. Что именно они, «привыкшие к злодеяниям и казням войны», а также «впитавшие глубокую большевистскую ненависть», использовали «свой опыт, который сыграл соответствующую роль в окончательном урегулировании войны»⁶.

Данное представление, однако, не во всем соответствовало действительности. Развернувшийся в Финляндии масштабный белый террор мало походил на то, в чем финны, воюя в Прибалтике в составе 27-го королевского прусского егерского батальона кайзеровской армии, могли участвовать. Что же касается России, то здесь тоже пока не наблюдался даже близкий к финским событиям аналог. Более того, как известно, большевики на заре становления советской власти, вообще «в борьбе с политической оппозицией старались обойтись, насколько возможно, без физического насилия, без применения методов царской охранки»⁷.

Показательно, что уже 10 ноября 1917 г., буквально через несколько дней после провозглашения советской власти, в России принимается постановление об отмене на фронте смертной казни. Как заметил по этому поводу известный петербургский исследователь И. С. Ратьковский, «первые действия новой власти оказались даже более демократическими, чем их дооктябрьские лозунги». Поясняя эту мысль, историк подчеркнул: «В условиях прихода к власти партии, выражавшей интересы большинства трудящихся», она неизбежно стремилась отрицать всякую «необходимость насилия, тем более террора»⁸.

Даже созданный 7 декабря 1917 г. в Советской России карательный орган революции — ВЧК тоже вначале не имел четко установленных задач, решения которых приводило бы к жестким действиям, адресованным своим политическим противникам⁹. По мнению, высказанному тогда руководителем ВЧК В. Э. Держинским, эта организация должна была лишь вести «предварительное расследование», необходимое «для пресечения»...¹⁰ Сами же действия чекистов тоже являлись весьма ограниченными и, прежде всего касались лишения контрреволюционеров продовольственных карточек, составление и обнародование списков «врагов народа», конфискация «контрреволюционного имущества» и т. д.¹¹ Более того, к началу марта 1918 г. были даже освобождены все те члены Временного правительства, которые в это время находились в заключении¹².

Ярким примером весьма либерального подхода к своим политическим противникам может быть отношение новой власти к не скрывавшему своих монархических убеждений В. М. Пуришкевичу. Его, по обвинению в контрреволюционном монархическом заговоре в ноябре 1917 г., арестовали, но приговорили лишь к принудительным общественно-полезным работам¹³. Затем в апреле 1918 г. Пуришкевич вообще был амнистирован. Причем данное решение принималось по весьма формальному поводу. Он получил свободу ко дню солидарности всех трудящихся, т. е. к празднику Первого Мая. От вышедшего из заключения В. М. Пуришкевича взяли лишь обязательство не участвовать в дальнейшей политической деятельности, направленной против советской власти. Показательно при этом, что достаточно лояльное отношение со стороны большевиков к этому человеку нисколько не убавило его пыл контрреволюционера. Дальнейшую борьбу против Советской России он опять развернул, но уже в период начавшейся в стране Гражданской войны.

Лояльное отношение новой власти к политической оппозиции позволило в начале 1918 г. в Петрограде среди проживавших в городе финляндцев тоже создать свою собственную тайную белогвардейскую организацию. Она возглавлялась консулом И. К. Грёнросом¹⁴ и занялась поставками в Финляндию для «белых» добытого в России вооружения, а также всего того, что «имело большой спрос на... фронте». Как указывают финские историки, подобные действия давали «хороший результат», хотя и проводились «в контексте сложных условий» Советской России¹⁵.

В итоге, в разгар финской гражданской войны, «из Петрограда, как это было для самих белых не странно, стала приходиться помощь»¹⁶. Причем созданная тайная организация принялась одновременно активно «помогать переправлять на сторону белых», оказавшихся в это время в Петрограде и служивших ранее в русской армии, финских офицеров. В вышедшем в 1920-е гг. в Финляндии 6-томном фундаментальном исследовании «Финская война за независимость», даже пофамильно перечислены те из переправленных на фронт, кто затем «проявили себя в Войне за независимость»¹⁷. В целом, в Финляндию из Петрограда тогда было переброшено до 150 человек¹⁸. Более того, один из этих людей, полковник К. Ф. Вилкман, затем даже принял самое активное участие в руководстве наступлением «белых». Вначале его войска вели боевые действия с целью захвата одного из главных центров финской революции — Таммерфорса, — а далее непосредственно штурмовали Выборг¹⁹. После окончания гражданской войны и отъезда К. Г. Маннергейма из Финляндии, К. Ф. Вилкман, считавшийся весьма «популярным в армии»²⁰, стал даже в конце мая 1918 г. главнокомандующим финской армией²¹.

Таким образом, для финских контрреволюционеров работа белогвардейской организации в Петрограде была далеко не бесполезной. Но, что может быть самое главное, в Советской России сторонники белого движения осуществляли свою деятельность практически беспрепятственно. Об этом можно судить даже по тому, что К. Г. Маннергейм через данную организацию неоднократно стал получать ящиками любимые им особые сигары, «которые могли быть только в одном известном ему магазине на Невском проспекте»²². Естественно, что столь вольготные условия действий в Петрограде финских контрреволюционеров создавали предпосылки к наращиванию работы, создавая уже непосредственные проблемы и для советских властей.

В результате уже в финальной стадии финской гражданской войны белогвардейцы на базе своей организации образовали даже военизированный штаб. Его возглавил полковник Х. Бьёркман. Данное структурное изменение позволило переформатировать сам характер проводимой организацией работы. Возникло чисто военное формирование. Оно стало называться весьма выразительно — Особая Петроградская рота. Эта рота окончательно влилась в состав финской белой армии, поскольку была непосредственно подчинена военному командованию в самой Финляндии²³.

В новых условиях Петроградская рота приступила к решению задач уже военно-диверсионного характера. Они заключались в попытках нарушить систему коммуникаций, связывающих Петроград с Финляндией. В частности, перед ротой была поставлена цель «подрыв железнодорожных мостов под Петроградом и содействие финским войскам в случае, если война будет продолжаться, вплоть до захвата Петрограда»²⁴.

Естественно, что столь масштабные задачи одному подразделению финской белой армии полностью самостоятельно осуществить было трудно²⁵. Однако, тем не менее, сама Петроградская рота являлась вполне полнокровным воинским формированием. В ее состав вначале входило до 15-ти подразделений, каждое из которых состояло из 10 бойцов²⁶, что в общей сложности соответствовало по численности отряду из 150 человек. Более того, к концу февраля 1918 г. петроградское белогвардейское военизированное формирование «доросло» до 300 бойцов²⁷. Это объективно несколько превышало даже штатный численный состав строевой роты русской армии, существовавший накануне Перовой мировой войны.

Естественно, что Особая Петроградская рота стремилось максимально помочь белой армии. Поэтому в Советской России «признаков, свидетельствующих о ее деятельности, было предостаточно»²⁸. Так, в частности, находясь в глубоком тылу «красных», белогвардейцы сумели на советской

территории «21 апреля, — как утверждают финские историки, — взорвать мост, который трудно было восстановить в течение нескольких недель»²⁹. При этом, что было самым важным, ВЧК так и не смогла данное военное подразделение «обезвредить». Как заметил финский историк П. Невалайнен, «белая организация петроградских финнов не была полностью раскрыта». По его сведениям, было задержано всего 9 человек. Им, действительно, предъявили обвинение «в пособничестве белым в Финляндии», однако после допроса... отпустили³⁰.

В целом, таким образом, вначале репрессивная политика советской власти имела весьма либеральный характер. Однако, что характерно, подобное явление, мягкого отношения к своим политическим противникам, наблюдалось и со стороны левых в Финляндии. 28 января 1918 г., в момент начала в Гельсингфорсе революции, «красные финны» практически бескровно заняли все правительственные учреждения. Без какого либо противодействия было сформировано и новое финское правительство — Совет Народных Уполномоченных.

Тем не менее, достаточно легко перейдя к власти, «красные финны» не стали проявлять стремление к развертыванию каких-либо кровавых расправ в отношении своих прежних оппонентов. Как впоследствии ими подчеркивалось, «в политическом отношении наше революционное правительство старалось долгое время скорее сдерживать, чем развивать внутреннее стремление революции к ясной диктатуре пролетариата и к социализму»³¹. В 1919 г. по этому поводу ясно выразил свою мысль один из их лидеров О. В. Куусинен. Он записал: «Финская социалдемократия [так в тексте. — В. Б.] во время зимней революции 1918 года не стремилась выйти за пределы системы народного представительства». Далее же он еще и уточнил, что партия только «хотела усовершенствовать... систему, сделав ее истинно демократической формой правления»³². В результате, здесь принялись, прежде всего, решать вопросы выработки новой конституции, которая, по словам Куусинена, «должна была служить лишь политической рамкой для осуществления определенных социально-экономических стремлений; она должна была дать возможность создания необходимых предпосылок социализма, открыв широкий путь для проведения реформ, из которых, в конце концов, должно было возникнуть социалистическое общество»³³. Таким образом, была предпринята попытка «введения социализма законодательным путем»³⁴.

В итоге, вначале революции, как это было и в России, «красные финны» не стали осуществлять жесткие репрессивные действия. В обнародованной декларации «народного правительства» подчеркивалось, что «насилие оправдано только против вооруженных противников», а «отношение к пленным должно быть человеческим» и «гуманным». Ни о ка-

кой «беспощадной борьбе с внутренней контрреволюцией» речи также не шло³⁵. В результате, это позволило буржуазным депутатам парламента открыто и сразу же обратиться с воззванием к «финскому народу». В нем революция, естественно, резко осуждалась. Она квалифицировалась как простое проявление «наглого захвата власти меньшинством», что являлось «неслыханным насилием»³⁶. Этот «гневный протест», однако, со стороны новой власти не стал поводом к каким-либо «революционным», ответным карательным операциям.

Тогда самой заметной казнью стал расстрел «красными» депутата парламента А. Миккола. Он в момент начала революции был арестован, поскольку, фактически, отрыво стал призывать оказать уже вооруженное противодействие новой власти³⁷. Но А. Миккола не являлся государственным деятелем Финляндии «первого ряда». Сама же его казнь была организована сугубо экстремистки настроенной «группой красногвардейцев», без соответствующего на то указания командования³⁸. В целом данный пример не стал для «красных финнов» поводом к возможному продолжению подобных практик, направленных на репрессии в отношении других представителей политической оппозиции.

К своим политическим противникам «красные финны» явно стремились относиться предельно «законно», не доводя дело до массовых расстрелов. В данном случае уже 1 февраля 1918 г. было объявлено об образовании так называемых революционных судов. Одновременно, а на следующий день, сообщалось и о принятии закона, запрещающего смертную казнь³⁹. Причем создаваемые тогда новые революционные судебные органы четко стремились не отделять каким-то образом «политические преступления», а рассматривать их как «обычные» и исключительно в общем порядке. Более того, новая власть в отношении «политических преступлений» пыталась как можно больше ограничить полномочия революционного суда. В результате по обвинениям, касающимся, скажем, принадлежности того или иного задержанного к «белой организации» или к помощи «белым», а также к возможному сокрытию оружия или иных каких-либо действий, считавшихся контрреволюционной работой, выносились, как и в первое время в Советской России, весьма мягкие приговоры. Обычно всё ограничивалось лишь денежными штрафами или, как «высшая мера», арестом и тюремным задержанием до шестимесячного срока заключения⁴⁰. Однако и эти действия тогда все же опять «белые» стали воспринимать «как карикатуру на справедливость», а наказания, которые выносились, «как политическое насилие»⁴¹.

Причиной, тем не менее, столь мягких форм борьбы «красных финнов» со своими политическими противниками объяснялось, очевидно, тем, что, как заметил О. Куусинен, «социалдемократы [так в тексте. —

В. Б.], поддались очарованию... демократизма и решили стремиться к социализму путем парламентской борьбы и демократизации народного представительства». Уточняя это положение, Куусинен далее еще подчеркнул, что «мы надеялись... избежать... диктатуру пролетариата»⁴². В результате представители прежнего, свергнутого уже правительства, как и в России, тоже не были сразу же казнены. Более того, их, уже в отличии от действий советской власти, даже не сумели арестовать⁴³. В итоге, свергнутые в Гельсингфорсе члены правительства смогли достаточно счастливо выбраться из столицы, переехав на север страны в город Ваза⁴⁴. Причем, по меткому замечанию отечественного исследователя В. М. Холодковского, данное возрождение «для контрреволюции играло такую же роль, как “законный” наследник престола... в династической войне». Уточняя же эту мысль, историк далее еще весьма справедливо подчеркнул, что представители свергнутой власти здесь опять «стали символом “законного” правительства для всех враждебных революции сил»⁴⁵.

Таким образом, «красные», в чем-то возможно бессознательно, сами создали необходимые организационные условия, чтобы сторонники прежнего режима смогли схоронить свой центр притяжения, а также развернули подготовку к борьбе с революцией, т. е. к началу гражданской войны. Эта гражданская война, действительно, в самом конце января 1918 г. развернулась по всей стране и закончилась для «красных» полной катастрофой.

Несомненно, происходящее в Финляндии, не могли не фиксировать и как-то не учитывать в своей собственной деятельности большевики. В Петрограде, естественно, тоже начали осознавать, что Россия также уже стоит на пороге начала Гражданской войны.

Но первое, что в данном отношении требовало своего объяснения, стало то, почему финал финской гражданской войны оказался для красного движения невероятно кровавым. Действительно, последствием победы «белых» было не только закрепление в Финляндии «капиталистического строя», но, одновременно, эта победа сопровождалась невиданными ранее репрессиями и невероятным количеством жертв.

В Финляндии в результате белого террора погибло 27 тыс. финнов⁴⁶. Данная цифра поражает, прежде всего, тем, что на фронте за всю гражданскую войну погибло приблизительно 8613 человек. Это составляло всего чуть меньше 6 % от общей численности обеих армий⁴⁷. Причем с двух сторон потери были приблизительно одинаковыми: у «белых» — 3414, а и у «красных» — 5199 человек⁴⁸. В результате финских солдат от собственно боевых действий погибло в два с половиной раза меньше, чем, скажем, за продолжавшуюся приблизительно такое же время «зимнюю

войну». Таким образом, если учитывать только боевые потери, то вообще может показаться, что «подавление белым государством восстания произошло весьма умеренным образом»⁴⁹.

Однако основные жертвы финской гражданской войны оказались вовсе не на фронте. Большинство жителей Финляндии пострадали именно от террора. Причем, здесь акты белого террора, направленного против гражданского населения и военнопленных, не имеют ни какого сравнения с проявлявшимися примерами «классовой мести красных».

От красного террора на территории, которую контролировали захватившие власть революционеры, погибло 1649 человек⁵⁰. Данные жертвы не являлись результатом планомерно проводящейся политики истребления противника⁵¹. Наоборот, в разгар гражданской войны, в конце февраля 1918 г., в Гельсингфорсе было даже подготовлено обращение к революционным войскам «с осуждением злодеяний и угрозами подвергнуть виновных в насилии суровому наказанию»⁵². Причем подобная линия была следствием общей стратегии «красных»⁵³. Их руководство неизменно стремилось подчеркнуть, что «казни безоружных военнопленных строго запрещены», а их «борьба» должна осуществляться максимально «в рамках закона». Более того, подобного характера распоряжения отдавались по сугубо идейным соображениям. Считалось, что именно так «нам будет легче победить вооруженные отряды противника и установить демократию справедливости для всех»⁵⁴. Таким образом, по вопросу о репрессиях в отношении противника командование «красных финнов» занимало достаточно четкую позицию. Это, естественно, не исключало элементов красного террора, который не мог не проявляться в условиях ожесточенной гражданской войны. Но имевшие место отдельные эпизоды реальных расстрелов пленных, зачастую, по мнению финских исследователей, «носили локальный характер» и были исключительно «связаны с конкретной ситуацией»⁵⁵.

Наоборот, как заметил профессор С. Хентия, «инструкции белого командования относительно обращения с противной стороной... были не такими однозначными и давали повод думать о праве на мщение»⁵⁶. 25 февраля, в частности, К. Г. Маннергеймом был отдан приказ, который затем еще и зачитывался во всех церквях страны. В нем требовалось осуществлять расстрелы немедленно, на месте. Причем это касалось всех тех, кто оказывал «вооруженное сопротивление законным военным силам страны» и кто «без ведома армии носит оружие»⁵⁷. Это означало, что в условиях, когда шла гражданская война, Маннергейм приказывал расстреливать каждого попавшегося в плен красногвардейца. В своих распоряжениях он еще далее подтвердил, что судьба взятых в плен «красных бойцов», действительно, полностью передается «на усмотрение команди-

ра»⁵⁸. Причем сама мотивировка этому тоже была вполне понятной. Как отметил финский историк В. Мери, было «совершенно ясно, что первым своим радикальным распоряжением он [К. Г. Маннергейм. — В. Б.] хотел выбить оружие из рук красногвардейцев и напугать тех, кто мог бы примкнуть к Красной гвардии»⁵⁹. Лишь, когда гражданская война закончилась, 28 мая, в одном из последних до отставки приказов, Маннергейм все же напомнил, что «смертная казнь не может быть выполнена до тех пор, пока не будет вынесен приговор»⁶⁰. Но к этому времени было уже свершено до 90 % всех казней пленных красногвардейцев⁶¹.

В целом позиция Маннергейма была достаточно четкой. Еще в начале марта 1918 г. он дал шведской газете «Дагенс Ньюхетер» по поводу организации в Финляндии казней весьма откровенное интервью. В нем Маннергейм незатейливо и по-военному четко заявил: «Все участники восстания будут наказаны. Их осудят за измену». Далее, уточняя, подчеркнул: «Для их лидеров есть только одно наказание — повешение. Я другого не вижу»⁶². Эти слова были, естественно, предельно понятны, как и сама позиция данного человека. В целом, у белых «месть осуществлялась быстро» и объяснялась простой необходимостью «искоренить причины восстания»⁶³. Первые крупные массовые казни «красных» начались в феврале 1918 г.⁶⁴ В итоге за период войны от белого террора людей погибло более чем в пять раз больше, чем это было у «красных». Общее же число жертв белого террора в период гражданской войны в Финляндии составило около 8 380 человек⁶⁵.

Но, как только эта война закончилась, все дальнейшие действия «белых» окончательно оформилось в ничем уже не прикрытый, широкомаштабный, массовый террор. Как указывает финский историк Х. Ескиляйнен, «мифы о войне, основанные на эмоциях... стали постепенно исчезать»⁶⁶. В Финляндии четко был взят курс на то, чтобы кровавым образом закрепить «белую победу», бросив, таким образом, к ее алтарю невероятное число человеческих жизней. Речь шла о том, чтобы «тело нации... очистить от всего, что считается чужеродным, “от всего красного и русского”»⁶⁷. Именно тогда, собственно, и был реально организован самый ужасный в истории страны массовый террор. Причем, что было наиболее важно для тех, кто в Советской России фиксировал данные события, этот террор мог быть реальным примером, каким практическим способом, в случае возможного возникновения гражданской войны, окажется кровавое подавление революции и будет утверждаться победа «белых».

С другой стороны, невероятное остервенение, с которым армия Маннергейма закрепляла свой успех, явно указывало еще и на то, что сама их победа произошла в условиях существовавшего в финском общест-

ве тотального раскола. У «белых» после их победы явно не существовало стопроцентной гарантии сохранения власти в будущем. Более того, «красные» до своего разгрома были фатально убеждены именно в противоположном. Они верили, что идут к своей реальной и ближайшей победе. Но здесь явно не учитывались объективные силы противника. Как «по горячим следам» в 1919 г. отметил О. В. Куусинен, «общее положение вещей было тогда таково, что мысль об успехе революции казалась далеко не безнадежной». Далее же он подчеркнул: «Возбуждение пролетариата было очень велико: он рвался в бой. Буржуазия была сравнительно плохо подготовлена, чувствуя недостаток в оружии, хотя она начала уже тогда ввозить оружие из Германии»⁶⁸.

В действительности победа «белых» рождалась не благодаря их мощи перед «худшей частью нашего народа», «финскими хулиганами», «пьяницами», а также разложившимися, но революционно настроенными «русскими войсками»⁶⁹. Она стала объективным результатом, прежде всего, эффективной зарубежной военной поддержки. Именно регулярные немецкие части, ударив в тыл «красным», взяли 14 апреля столицу Финляндии и, тем самым, обеспечили разгром финской красной гвардии.

Традиционные рассуждения о том, что немецкие войска лишь «ускорили победу белых», которая должна была неминуемо и очевидно произойти⁷⁰, выглядят достаточно сомнительно⁷¹. В этом отношении командовавший немецкими войсками в Финляндии, генерал фон дер Гольц прямолинейно заметил: «...Сравнивают положение Маннергейма на огромной малонаселенной территории с положением Колчака, Деникина, Юденича... то очевидным становится вывод, что и финский главнокомандующий с его необученной армией вряд ли добился бы больших успехов»⁷². Это в принципе хорошо понимал и Маннергейм. Он, по итогам гражданской войны, прямо указал, что в его практике было «совсем редко, когда военные действия приходилось вести столь неподготовленными войсками»⁷³. Маннергейм без всякого стеснения поблагодарил Германию «за посланную нам помощь, без которой мы бы не смогли стоять твердо и победно в борьбе за свободу Финляндии»⁷⁴.

Даже западные дипломаты, находившиеся в стране в мае 1918 г., не без труда начали замечать, что «финская армия явно недооценивает свои собственные достижения»⁷⁵. И это было вполне объяснимо. Как отметил Э. Хейнрикс, один известных в армии генералов, с финской стороны война «носила несколько импровизированный характер, она велась в примитивных в военном отношении условиях, причем и граждане, и правительство были очень плохо осведомлены о характере и требованиях войны»⁷⁶.

В результате, Германия, с победой «белых» в гражданской войне и при эффективной и решающей помощи ее войск, превратилась в главную силу в финской государственной политике. Тогда уже в буржуазной среде начали поговаривать, что в Финляндии существует «лишь тень независимости», а немцы просто заняли то место в управлении страной, которое до этого было у России⁷⁷. Это фиксировали и западные эксперты⁷⁸. Показательным, стало также то, что в прежнем доме русского генерал-губернатора в Гельсингфорсе разместился штаб германских войск. А об фон дер Гольце тогда вообще начали говорить, что именно он является действительным главой Финляндии, «а все остальные — лишь куклы в его руках»⁷⁹.

Вероятно, все это тоже очень хорошо понимал и Маннергейм. Неслучайно, 30 мая 1918 г. он подал в отставку. Как сам не без горечи затем заметил, поскольку в правительстве тогда «решили передать формирование нашей армии в руки немцев»⁸⁰. Эта перспектива, конечно, его не устраивала. Но для большинства победивших «белых» тогда реальной гарантией возможного сохранения у власти стали именно германские войска. Очевидно, что финская белая армия таких гарантий дать еще не могла. Как считает финский историк В. Варес, «Германия воспринималась не как оккупант, а как опора, которую нужно придерживаться». Исследователь далее еще и пояснил, что для победивших «белых» тогда «немецкий солдат символизировал безопасность»⁸¹. Безусловно, в руководстве «белых» также еще понимали и другое: что «свобода, полученная за счет только посторонней помощи, не бывает прочной»⁸². Эти слова принадлежали командующему германскими войсками генералу Э. Людендорфу. Они, как нельзя больше, относились к финскому белому движению.

Таким образом, террор стал для «белых» вынужденной реакцией на острую необходимость закрепить достигнутый военный результат. И они начали стремительно организовывать по всей стране массовые репрессии, сделав, таким образом, «больше, чем было бы необходимо для того, чтобы победить восстание»⁸³. В целом, уже именно послевоенный белый террор четко указал и одновременно объяснил всю зависимость реальной победы «белых» от военной помощи, которую Маннергейму оказала армия Германии.

Как же могли реагировать на белый террор в Москве?

В это время здесь тоже не могли не понимать, что очевидный груз ответственности за постигшее поражение «красных» лежит и на советском руководстве⁸⁴. Как указывают некоторые исследователи, «первая реакция Ленина, когда он услышал о высадке немцев в Финляндии, была злой...». Далее, ссылаясь на свидетельство Л. Д. Троцкого, отмечалось, что у «Ленина первой мыслью было спасти финскую революцию и всту-

пить в бой, хотя он и понимал, что у советского правительства для этого нет возможностей»⁸⁵. Действительно, «красных финнов» русские войска, находившиеся на территории Финляндии, эффективно поддержать не сумели. Они, накануне немецкого вторжения, по итогам Брест-Литовского мирного договора, как известно, просто были выведены из страны. В Финляндии же осталось лишь около 1 000 русских добровольцев⁸⁶. Это было далеко не достаточно, чтобы эффективно оказать помощь «красным», причем в условиях их неминуемой катастрофы.

Но для большевиков самым важным результатом этой скоротечной гражданской войны все же оказались именно события, которые последовали в Финляндии сразу после ее завершения. Белый террор, развернутый победителями, не мог не быть «незамечен». И дело здесь было не только в грандиозном потоке финских беженцев, который хлынул весной 1918 г. в Петроград⁸⁷. Хотя даже это одно могло являться весьма наглядным примером происходивших тогда в Финляндии событий. Но, кроме того, в Советской России сразу же появилось по данному поводу еще и большое количество газетных и журнальных материалов. В них весьма красочно описывались происходящие в Финляндии кровавые расстрелы⁸⁸. Как справедливо отмечает И. С. Ратьковский, «по мере того, как развивались события в Финляндии, читатели могли сравнить их с положением в России и сделать определенные прогнозы на развитие ситуации уже в российских условиях»⁸⁹.

Это сопоставление, собственно, в российской печати тогда уже тоже начало действительно происходить. В частности, стали появляться статьи, в которых указывалось на необходимость более жестких мер, направленных против политических противников новой власти⁹⁰. Также подчеркивалось, что развернутый в Финляндии белый террор был организован «цивилизованными» командирами финской белой гвардии. Особо обращалось внимание еще и на то, что сам этот террор направлялся весьма разношерстными силами общества: начиная с монархистов — как «верный царю генерал Маннергейм», и заканчивая «европейскими либералами» — как сторонник сотрудничества с Германией глава финского «белого правительства» Э. П. Свинхувуд. Именно, эти пришедшие к власти в Финляндии, люди, писалось в российских газетах, «спустили с цепи... золотую молодежь» и «показали, как буржуазия, гордясь своей цивилизацией, хладнокровно рассчитывает уничтожить своих классовых врагов»⁹¹. Все это, как полагали, несомненно, могло в полной мере произойти и в самой России.

В итоге делались соответствующие выводы и репродуцировались в развитие ситуации, но уже применительно к положению, складывающемуся в Советской России. Причем, безусловно, финские события вызвали

явное беспокойство в первую очередь лидеров большевиков. Они, естественно, всю информацию, связанную с поражением «красных финнов», получали. Причем получали прямо из «первых рук», т. е. от руководителей самих «красных финнов». Неслучайно, что один из членов эмигрировавшего в Советскую Россию «красного правительства» О. В. Куусинен даже подготовил специальную работу, которая называлась: «Революция в Финляндии (Самокритика)». В ней автор вполне обоснованно подчеркнул, что «мстительность финской буржуазии за это время потребовала больше жертв, чем продолжавшаяся три месяца открытая гражданская война». Далее же он еще заметил: победители «своими систематическими массовыми расстрелами наших товарищей как будто стараются с проявляющейся яростью показать рабочим всех стран, какая вакханалия мести ожидает и их, если завоевав власть, не зажмут буржуазию в железные тиски своей диктатуры»⁹².

Таким образом, Куусинен ясно стремился указать советскому руководству на тот путь, по которому следовало идти. Действительно, из примера кровавого завершения гражданской войны в Финляндии и начавшегося там белого террора в Москве должны были делать свои собственные выводы. Показательно, что, скажем, профессиональный революционер-большевик В. Смирнов, находившийся в годы революции и гражданской войны в Финляндии⁹³, затем тоже заметил, что произошедшая неудачная революция оставила после себя «богатый опыт», а допущенные «красными финнами» ошибки, «как политические, так и военные, несомненно послужат на пользу рабочим не только одной Финляндии»⁹⁴. В итоге, появившийся тогда реальный опыт классовой борьбы в Финляндии решили в Советской России, действительно, учитывать. Причем сразу, и «по горячим следам».

Важную роль в этом сыграл член ЦК РКП(б) И. Смилга. Он своими глазами мог наблюдать все этапы гражданской войны в Финляндии, поскольку являлся представителем Совета Народных комиссаров в этой стране. Более того, как известно, 3 февраля Смилга, постановлением СНК, был даже официально назначен главным уполномоченным в Финляндии от Петрограда⁹⁵. В итоге он, фактически, оказался и первым советским полпредом в этой стране, а также, естественно, ключевой, во многом, фигурой в отношении первых шагов в развитии новых советско-финляндских отношений.

И именно И. Смилга, уже спустя буквально всего несколько дней после подавления последнего очага сопротивления «красных финнов» и организации в Гельсингфорсе символического «парада победы белых», 19 мая 1918 г., открыто выступил на заседании ЦК РКП(б), где подробно остановился на положении, сложившемся в Финляндии. В своем

выступлении он, прежде всего, коснулся вопроса об итогах финской гражданской войны, о «массовых расстрелах финских красновардейцев» и о «крайних жестокостях белогвардейцев». Показательным, однако, стали конкретные выводы из этого выступления. Было предложено, в качестве ответной меры, начать применять в отношении задержанных белогвардейцев в России смертную казнь⁹⁶. Таким образом, именно И. Смилга, использовав пример жестокого подавления революции в Финляндии, четко поставил вопрос о необходимости начала жестких репрессий против политических противников большевиков.

Вероятно, что столь быстрая и столь непримиримая позиция, которую Смилга тогда занял, имела лично для него соответствующую мотивацию. Дело в том, что при всей революционной энергии, которую, находясь в Финляндии, Смилга прикладывал для победы там красного движения, он так и не осмелился выступить в феврале 1918 г. против немедленного подписания Брест-Литовского мирного договора⁹⁷. Хотя, несомненно, понимал, что принятия его условий могло означать и разгром красного движения в Финляндии, поскольку неминуемо этот договор означал «передачу» Россией Финляндии в сферу интересов Германии⁹⁸. Что собственно и произошло.

Тем не менее, для И. Смилга, так же как и для В. И. Ленина и для всех тех, кто настаивал на необходимости подписания Брест-Литовского мирного договора, важно было любым образом сохранить в России советскую власть. Как заявил тогда В. И. Ленин, «если мы отдадим Финляндию, Лифляндию и Эстляндию — революция не потеряна»⁹⁹.

Но обида за потерю Финляндии, подкрепленная еще фактами массового «белого террора» против «красных финнов», естественно, у И. Смилга осталась. Осталась она, очевидно, и у В. И. Ленина, который, как справедливо указывают некоторые финские исследователи, был явно «разочарован исходом гражданской войны»¹⁰⁰. И это четко коснулось теперь ответных действий, проявившись в необходимости уже в России развернуть против противников большевиков соответствующую репрессивную борьбу, которая неминуемо вылилась бы в красный террор.

Однако идея необходимости общего жесткого подавления «белой» оппозиции в середине мая 1918 г. членами ЦК так и не была одобрена. Там посчитали, что доводы Смилга не являются столь убедительными, чтобы в России уже начать осуществлять «массовые расстрелы». Тем не менее, первый шаг к этому члены ЦК все же совершили. Там пришли к историческому, по своей сути, решению, зафиксировав, что «в настоящий момент... против расстрела нескольких человек никто не возражает». Более того даже был достигнут консенсус в необходимости «ввести в практику приговоры к смертной казни за определенные преступления»¹⁰¹. Это

четко указывало на то, что, принятое на Съезде Советов еще в октябре 1917 г. постановление об отмене в России смертной казни на фронте начали быстро пересматривать. Что, в принципе, далее затем уже и проявилось. В следующем месяце, в июне 1918 г., октябрьское постановление Съезда Советов было окончательно заменено решением, принятым Наркомата юстиции, по которому ревтрибуналам давалось официальное разрешение выносить приговоры, касающиеся смертной казни¹⁰².

Тогда же к проблеме восстановления смертной казни стали активно готовить и общественное мнение, поскольку «начиная с июля 1918 года тема белого террора, а вслед за ним и красного, становится одной из доминирующих на страницах советской печати»¹⁰³. В итоге, Советская Россия явно стояла на рубеже неизбежности начала красного террора. Но сам курс на его осуществление официально был принят только в сентябре 1918 г. Тогда по этому поводу советским правительством было принято уже постановление «о красном терроре»¹⁰⁴. Данное решение подкреплялось теперь «общим мнением» об острой необходимости усиления диктатуры пролетариата, а также тем, что в наступивший момент «благо революции и является высшим законом».

Таким образом, объективно можно говорить о том, что белый террор, который захлестнул Финляндию весной—летом 1918 г. стал одним из наглядных аргументов, который был использован большевиками для развертывания широких репрессий в отношении «белых» уже в России. Однако он стал активно осуществляться только в условиях, когда здесь начиналась Гражданская война. Причем В. И. Ленин, публично выступая на митинге 23 августа 1918 г. и говоря о терроре, заявил, что «только культурные страны дают нам картины более жесткой гражданской войны, нежели дала Россия». Далее, указывая на события, которые произошли тогда в Финляндии, он подчеркнул, что собственно именно там контрреволюция «дико и безжалостно расправлялась с красноармейцами»¹⁰⁵. В целом очевидно, что пример Финляндии оказался весьма ярким. Он, несомненно, был учтен большевиками, чтобы уже затем самим встать на путь отказа от изначальной политики декларируемого гуманизма и перейти к введению в стране красного террора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Jackson J. H. Finland*. London, 1938. P. 96.

² *Punttila L. A. Suomen poliittinen historia 1809–1955*. Hels., 1963. S. 116.

³ *Jackson J. H. Finland*. P. 102.

⁴ *Huvönen A. Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918*. Hels., 1957. S. 120–121.

Действительно, как указала петербургская исследовательница Д. Р. Лобанова,

финская гражданская война реально вызывала и «в английском обществе ярко выраженный интерес». Анализируя же далее публикации газеты «Таймс» того времени, она прямо отметила, что ее авторы просто недоумевали, как после окончания гражданской войны случилось, что в Финляндии «сторонники “красных” находятся “повсюду”» (см.: *Лобанова Д. Р.* Восприятие событий гражданской войны в Финляндии Великобританией (по материалам ежедневной газеты «Таймс») // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019, № 20/2/. С. 161, 157).

⁵ *Huttunen V.* Täysivaltainen kansakunta 1917–1939 // *Kansakunnan historia*. Porvoo-Hels., 1968. S. 216.

⁶ *Ibidem.*

⁷ *Павлов Б. В.* Советское государство и политическая оппозиция. Октябрь 1917–1918 гг. // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 339.

⁸ *Ратьковский И.* Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017. С. 41.

⁹ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 136.

¹⁰ Цит. по: *Ратьковский И.* Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. С. 51–52.

¹¹ Там же. С. 44, 52.

¹² См.: *Павлов Б. В.* Советское государство и политическая оппозиция. Октябрь 1917–1918 гг. С. 341.

¹³ См.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 1. М., 1986. С. 107–108; *Голинков Д.* Дело о монархическом заговоре Владимира Пуришкевича // Советская юстиция. 1965, № 20. С. 22–23.

¹⁴ *Suomen varaussota. Vuonna 1918. Osa IV.* Hels., 1923. S. 39; *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. СПб., 2005. С. 102; *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 135.

¹⁵ *Suomen varaussota. Vuonna 1918. S. 40.*

¹⁶ *Ibid.* S. 38.

¹⁷ *Ibid.* S. 39–40.

¹⁸ *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. С. 102.

¹⁹ *Suomen varaussota. Vuonna 1918. Osa V.* Hels., 1924. S. 34–63; *Suomen varaussota. Vuonna 1918. Osa VI.* Hels., 1925. S. 295–303; *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa I. Hels., 1951. S. 304, 308–323, 337, 340–342.

²⁰ *Heinrichs E.* Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Hels., 1957. S. 209.

²¹ *Kronlund J.* Suomen puolustuslaitos 1918–1939. Puolustusvoimien rauha ajan historia. Porvoo-Hels., — Juva, 1989. S. 105; *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 362.

²² *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 135.

²³ *Suomen varaussota. Vuonna 1918. Osa IV.* S. S. 41; *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. С. 103.

²⁴ *Suomen varaussota. Vuonna 1918. Osa IV.* S. 41.

²⁵ См.: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 136.

²⁶ *Suomen varaussota. Vuonna 1918. Osa IV.* S. 41.

²⁷ *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 135; *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. С. 103.

²⁸ *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. С. 103.

²⁹ *Suomen varausnota. Vuonna 1918. Osa IV. S. 41.*

³⁰ *Невалайнен П.* Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. С. 103.

³¹ *Куусинен О. В.* Избранные произведения (1918–1964). М., 1966. С. 17.

³² *Куусинен О. В.* Революция в Финляндии (Самокритика). Петроград, 1919. С. 28.

³³ Там же. С. 29.

³⁴ Там же. С. 30. См., также: *Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб., 2013. С. 290–291.

³⁵ См.: *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 187–188.

³⁶ Цит. по: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 80–82.

³⁷ *Kronlund J.* Suomen puolustuslaitos 1918–1939. S. 48.

³⁸ См.: *Huttunen V.* Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 204.

³⁹ *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 230, 233.

⁴⁰ Там же. С. 231, 233; *Huttunen V.* Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 209.

⁴¹ *Huttunen V.* Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 210.

⁴² *Куусинен О. В.* Революция в Финляндии (Самокритика). С. 34.

⁴³ *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 230.

⁴⁴ См.: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 80–82.

⁴⁵ Там же. С. 81.

⁴⁶ *Хенгиля С.* От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 144; Подробно см.: *Paavolainen J.* Poliittiset väkivaltaisuudet Suomessa 1918. Osa II: Valkoinen terrori. Hels., 1967. Кроме того в Финляндии в годы гражданской войны русских погибло порядка 2 тыс. человек (*Трашкевич А. С.* Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17/№ 2/. Тематический выпуск. Выборг, 2016. С. 72).

⁴⁷ См.: *Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. С. 282–283. Однако количество погибших именно в результате боевых действий на фронте весьма трудно точно подсчитать. В период финской гражданской войны были частыми случаями расстрелы пленных «на месте непосредственно после боя» (Там же. С. 283). Поэтому существует еще одна вполне научно доказанная цифра числа погибших в бою — 6700 человек. Если принять уже это число за наиболее верное, то тогда число погибших на фронте вообще составляет 5 % от общей численности обеих армий (См.: *Eskelinen H.* Itsenäisyytemme vuosikymmenet 1917–69. Hels, 1970. S. 57).

⁴⁸ *Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. С. 283. При этом, очевидно, следует учитывать, что «красные» погибали на фронте не только воюя против

армии Маннергейма, а также еще при столкновениях с немецкими войсками. Число погибших «в финской операции» немецких солдат составило около 500 человек (*Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. Helsingi, 2018. S. 55*).

Существуют и другие сведения о погибших в гражданскую войну в Финляндии на фронте. Некоторые исследователи приводят сведения о погибших у «белых» — 3200 человек, тогда как у «красных» — 3500 человек (См.: *Хенттиля С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 144*). В ряде работ указывается, что в годы гражданской войны в Финляндии «белых» погибло 3100 человек, а «красных» — 3600 (*Salokangas R. Itsenäinen tasavalta // Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo-Helsinki, 1987. S. 615*).

⁴⁹ *Eskelinen H. Itsenäisyytemme vuosikymmenet 1917–69. S. 57.*

⁵⁰ *Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 282.*

⁵¹ См.: *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 210–211.*

⁵² Цит. по: *Хенттиля С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 145.*

⁵³ *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 211.*

⁵⁴ Цит. по: *Ibid. S. 212.*

⁵⁵ *Salokangas R. Itsenäinen tasavalta. S. 615; Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 207.*

⁵⁶ *Хенттиля С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. С. 145.*

⁵⁷ *Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 114–115.*

⁵⁸ *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 221.*

⁵⁹ *Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. С. 115.*

⁶⁰ *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 222; См.: Mannerheim G. Muistelmat. S. 353.*

⁶¹ *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 222*

⁶² Цит. по: *Ibid. S. 213–214.*

⁶³ *Salokangas R. Itsenäinen tasavalta. S. 616.*

⁶⁴ См.: *Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 214–215.*

⁶⁵ *Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 283.*

⁶⁶ *Eskelinen H. Itsenäisyytemme vuosikymmenet 1917–69. S. 55.*

⁶⁷ *Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 292.*

⁶⁸ *Куусинен О. В. Революция в Финляндии (Самокритика). С. 12.*

⁶⁹ *Mannerheim G. Muistelmat. S. 266; Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939. S. 213; Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб., 2017. С. 111–112, 114, 123; Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 189, 196; Jackson J. H. Finland. P. 96.*

⁷⁰ *Heinrichs E. Mannerheim. Suomen kohtaloissa. S. 181; Дубровская Е. Ю. Российские военнопленные и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008. С. 115; Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 190, 199; Punttila L. A. Suomen poliittinen historia 1809–1955. S. 115, 116; Vehvilä S., Castrén M. Suomen historia. Porvoo; Helsinki, 1975. S. 183 и др.*

⁷¹ См. подробно: *Baryshnikov V., Borisenko V. Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 917–934.*

⁷² Гольц Р. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб., 2015. С. 54. Эту мысль далее достаточно активно поддержал финский исследователь В. Варес (см.: Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 56–57).

⁷³ Mannerheim G. Muistelmat. S. 358.

⁷⁴ Цит. по: Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa IV. S. 73.

⁷⁵ Finland 1917–1918. in the Documents of the US Department of State. Wrocław, 2007. P. 280.

⁷⁶ Heinrichs E. Mannerheim. Suomen kohtaloissa. S. 218.

⁷⁷ Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 194.

⁷⁸ Jackson J. H. Finland. P. 96.

⁷⁹ Цит. по: Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 194.

⁸⁰ Mannerheim G. Muistelmat. S. 354–355.

⁸¹ Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 51. См. также: Ibid. S. 54

⁸² Цит. по: Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 189.

⁸³ Eskelinen H. Itsenäisytemme vuosikymmenet 1917–69. Helsinki, 1970. S. 57.

⁸⁴ См.: Vihavainen T. Suomi Neuvostolehdistössä 1918–1920. Helsinki, 1988. S. 84–86.

⁸⁵ Klemettilä A. Lenin ja Suomen kansalaisissa // Lenin ja Suomi. Helsinki, 1989. S. 199.

⁸⁶ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. М.; Пг., 1923. С. 74; Юссила О. Великие мифы финляндской истории. С. 289.

⁸⁷ См.: Невалайнен П. Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. С. 106–109.

⁸⁸ См.: Vihavainen T. Suomi neuvostolehdistössä 1918–1920. S. 86–87; Ратьковский И. С. Место финских расстрелов 1918 года в истории Гражданской войны в России // Карельский перешеек. Страницы истории. Кн. третья. СПб., 2019. С. 303, 309; Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год. СПб., 2012. С. 61–64.

⁸⁹ Ратьковский И. С. Место финских расстрелов 1918 года в истории Гражданской войны в России. С. 309.

⁹⁰ См.: Vihavainen T. Suomi neuvostolehdistössä 1918–1920. S. 87.

⁹¹ Новая жизнь. 1918, 15 мая; Известия, 1918, 26 июня; См.: Vihavainen T. Suomi neuvostolehdistössä 1918–1920. S. 88, 91.

⁹² Куусинен О. В. Революция в Финляндии (Самокритика). С. 55.

⁹³ См.: Sirola Y. Tov. V. Smirnoff Suomen vallankumousliikkeen historioitsijana // Proletaarisen vallankumouksen rintamilta. SVT: n kokoelma. 1935. N 1. S. 146–148.

⁹⁴ Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 200.

⁹⁵ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. 1917–1920. Сборник документов. М., 2017. С. 187; Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. М., 2006. С. 339–340.

⁹⁶ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 147; Павлов Б. В. Советское государство и политическая оппозиция. Октябрь 1917–1918 гг. С. 342; Ратьковский И. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. С. 124–125.

⁹⁷ Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории

Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2019. № 20 (1). С. 34.

⁹⁸ Клинг М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1990. С. 100.

⁹⁹ Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918 г. Стенографический отчет. М., 1962. С. 261.

¹⁰⁰ См.: Klemettilä A. Lenin ja Suomen kansalaissota // Lenin ja Suomi. S. 199.

¹⁰¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 148; Павлов Б. В. Советское государство и политическая оппозиция. Октябрь 1917–1918 гг. С. 342.

¹⁰² См.: Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. С. 124; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. С. 124.

¹⁰³ Ратьковский И. С. Место финских расстрелов 1918 года в истории Гражданской войны в России. С. 309.

¹⁰⁴ Декреты Советской власти. Т. II. М., 1959. С. 231–234.

¹⁰⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М., 1967. С. 68.

ЛИТЕРАТУРА

Бажанов Д. А. Гражданская война в Финляндии и русские военные моряки: реакция, участие, мотивы (На материалах экипажей кораблей Гельсингфоргской военно-морской базы // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2015. С. 50–61.

Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории. Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2019. № 20 (1). С. 26–38.

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920–1930-е гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018, № 19/2/. С. 56–67.

Веригин С. Г., Барышников В. Н. Участие финских спецслужб в Гражданской войне в Карелии // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2019. № 2019 (1). С. 100–120.

Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб.: ООО «Нестор-История», 2017. 248 с.

Голинков Д. Дело о монархическом заговоре Владимира Пуришкевича // Советская юстиция. 1965, № 20. С. 22–23.

Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1986. 332 с.

Гольц Р. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 318 с.

Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год. СПб.: ОСТРОВ, 2012. 119 с.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. 702 с.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 128 с.

Куусинен О. В. Избранные произведения (1918–1964). М.: Политиздат, 1966. 687 с.

Куусинен О. В. Революция в Финляндии (Самокритика). Петроград: Издательство Коммунистического интернационала, 1919. 64 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Госполитиздат, 1967. 747 с.

Лобанова Д. Р. Восприятие событий гражданской войны в Финляндии Великобританией (По материалам ежедневной газеты «Таймс») // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019, № 20 (2). С. 152–165.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. в работах деятелей финского коммунистического движения (1920–1-я половина 1940-х гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016, № 17/1/. С. 225–234.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. на страницах современных финских газет // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017, № 18/1–2/. С. 138–145.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии в финской историографии в первой половине XX века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018, № 19/2/. С. 68–80.

Лобанова Д. Р. Новый подход финских исследователей к изучению гражданской войны в Финляндии во второй половине XX века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019, № 20 /1/. С. 110–119.

Лобанова Д. Р. Особенности современного изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016, № 17/2/. С. 139–145.

Лобанова Д. Р. Социальные последствия гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2015, № 16. С. 62–72.

Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 208 с.

Невалайнен П. Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939. СПб.: Коло, 2005. 446 с.

Новикова И. Н. Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001. С. 47–51.

Павлов Б. В. Советское государство и политическая оппозиция. Октябрь 1917–1918 гг. // Мавродинские чтения. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 339–345.

Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. М.: РОССПЭН, 2006. 519 с.

Ратьковский И. С. Место финских расстрелов 1918 года в истории Гражданской войны в России // Карельский перешеек. Страницы истории. Кн. третья. СПб.: ОСТРОВ, 2019. С. 302–309.

Ратьковский И. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М.: Яуза: Эксмо, 2017. 320 с.

Россия и Финляндия: От противостояния к миру. 1917–1920. Сборник документов. М.: НПК: РОССПЭН, 2017. 499 с.

Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 112 с.

Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 200.

Смолин А. В. Ларс Вестерлунд. «Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть...». СПб.: Аврора-Дизайн, 2013. — 128 с. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 254–259.

Смолин А. В. Независимость, рожденная в противостоянии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2018. № 18(1). С. 219–227.

Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.» историографические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271–278.

Смолин А. В. Русские в Финляндии 1918–1919 гг. Часть 2. Трагедия русских в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 165–172.

Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 80–93.

Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1962. 312 с.

Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. № 17/2/. Тематический выпуск. Выборг, 2016. С. 70–73.

Хенттиля С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944. // Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: Издательство «Весь мир», 2010. С. 127–256.

Шкваров А. Г. Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914–1918): Проблемы взаимоотношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 109–119.

Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб.: Руслания; Европейский Дом, 2013. С. 189.

Baryshnikov V., Borisenko V. Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 917–934.

Eskelinen H. Itsenäisyysratkaisun vuosikymmenet 1917–69. Helsinki: OTAVA, 1970. 460 s. Finland 1917–1918. in the Documents of the US Department of State. Wrocław: Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe, 2007. 599 p.

Jackson J. H. Finland. London: George Allen & Unwin LTD, 1938. 243 p.

Heinrichs E. Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I. Valkoinen kenraali 1918–1919. Helsinki: Otava, 410 p.

Huttunen V. Täysivaltainen kansakunta 1917–1939 // Kansakunnan historia. Porvoo-Helsinki: WSOY, 1968. 652 s.

Hyyönen A. Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918. Helsinki: Kansankulttuuri oy, 1957. 128 S.

Klemettilä A. Lenin ja Suomen kansalaissota // Lenin ja Suomi. Helsinki: Opetusministeriö; Valtion painatuskeskus, 1989. S. 163–203.

Kronlund J. Suomen puolustuslaitos 1918–1939. Puolustusvoimien rauha ajan historia. Porvoo-Hels., — Juva: WSOY, 1989. 615 s.

Lenin V. I. Suomesta. Kirjoituksia, lausuntoja, asiakirjoja. M.: Kustannusliike Edistys, 1966. 246 s.

Mannerheim G. Muistelmat. Osa I. Hels.: OTAVA, 1951. 544 s.

Paavolainen J. Poliittiset väkivaltaisuuudet Suomessa 1918. Osa II: Valkoinen terrori. Hels.: Tammi, 1967. 450 s.

Polvinen T. Venään vallankumous ja Suomi. 1917–1920. Osa I. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1967. 385 s.

Plenkov O. Y., Baryshnikov V. N., Borisenko V. N., Piankewich V. L., Adamova N. E. Prussian phenomenon and its historical distortion // *Былые годы*, 2016. T. 39, N 1. C. 196–203.

Puntila L. A. Suomen poliittinen historia 1809–1955. Hels.: OTAVA, 1963. 219 s.

Salokangas R. Itsenäinen tasavalta // Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo-Hels. — Juva: WSOY, 1987. S. 603–703.

Seppälä H. Itsenäisen suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Hels.: WSOY, 1974, 348 s.

Sirola Y. Tov. V. Smirnoff Suomen vallankumousliikkeen historioitsijana // Proletaarisen vallankumouksen rintamilta. SVT: n kokoelma. 1935. N 1. S. 146–148.

Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa IV. Hels.: OTAVA, 1923. 496 s.

Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa V. Hels.: OTAVA, 1923. 543 s.

Suomen vapaussota. Vuonna 1918. Osa VI. Hels.: OTAVA, 1925. 508 s.

Tikka M. Terrorin aika. Suomen levottomat vuodet 1917–1921. Jyväskylä: Ajatus kirjat, 2006. 239 s.

Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. Hels.: OTAVA, 2018. 544 s.

Vehvilä S., Castrén M. Suomen historia. Porvoo; Hels.: WSOY, 1975. 344 s.

Vihavainen T. Suomi Neuvostolehdistössä 1918–1920. Hels.: SNS, 1988. 247 s.

Смолин А. В.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ И ФИНЛЯНДИЯ 1919 г.: ПРОТИВОСТОЯНИЕ*

После поражения Германии в Первой мировой войне Финляндия в своей внешней политике переориентировалась на Антанту и, в частности, на Англию. Ставка на страну, которая враждебно относилась к революционной России, пробуждала в финляндских контрреволюционных, националистических кругах надежду при помощи Англии на расширение за счёт Советской России своей территории. Вместе с тем окончание мировой войны привело к тому, что страны Антанты получили право свободного входа в Балтийское море. Опасаясь появления английского флота вблизи Кронштадта, командование Балтийского флота, по приказу заместителя председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянского, 17 ноября 1918 г. выставило в Финском заливе дополнительные минные заграждения. Подобные действия привели к конфликту с Финляндией, считавшей, что русские корабли действуют в её территориальных водах¹. Однако предупредительные шаги со стороны советского командования оказались не напрасными, так как ещё 14 ноября 1918 г. английский кабинет принял решение организовать поставки вооружения Латвии, Литве и Эстонии. С этой целью английская эскадра под командованием контр-адмирала А. Синклера взяла курс на Ревель².

В то время, как в 1919 г. революционная Россия отражала наступление белогвардейцев на фронтах гражданской войны, на советско-финской границе не прекращались вооружённые столкновения с финскими добровольцами³. В связи с этим 14 апреля 1919 г. советское правительство предложило «начать обмен мнениями» по урегулированию межгосударственных отношений⁴. Однако, это предложение осталось без ответа.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

21 апреля 1919 г. началось вторжение «Олонецкой добровольческой армии», одобренное финляндским правительством. С нотой протеста против этого нападения 27 апреля выступил НКИД. В ней он выразил уверенность, что рабочие и крестьяне Финляндии положат конец беспричинному нападению на Советскую Россию⁵. Вначале успех сопутствовал добровольцам. Они взяли Видлицу, Тулоксу, Олонец, подошли к Петрозаводску, но овладеть им не смогли. Однако изгнанию интервентов способствовали не трудящиеся Финляндии, хотя социал-демократическая партия выступала против карельской авантюры, а прибывшие подкрепления Красной армии и моряков Балтийского флота. 12 мая её части взяли Олонец, 27 июня в результате Видлицкой операции кораблей Онежской флотилии и частей Красной армии была освобождена Видлица, база и штаб добровольческой армии, а затем район Тулокса. К началу июля советские войска вышли на линию государственной границы. Вторгнувшаяся на территорию Советской России «Олонецкая добровольческая армия» потерпела поражение, а её остатки бежали в Финляндию⁶.

Здесь следует отметить, что негативную реакцию на вторжение «добровольцев» в Карелию высказало и военно-политическое руководство белого движения. Эта акция, которая готовилась в тайне от генерала Н. Н. Юденича, находившегося в это время в Финляндии, была расценена в качестве шага по созданию Великой Финляндии. Чтобы воспрепятствовать аннексионистским устремлениям финнов он послал в Карелию гвардейских офицеров, для организации русской белой гвардии, но туда их финны не пропустили. Отрицательно к захвату русской территории отнёсся и генерал-губернатор Северной области Е. К. Миллер. Адмирал А. В. Колчак от официальных демаршей отказался, надеясь на совместное наступление на Петроград и получив заверения от союзников, что Финляндия не будет стремиться к территориальным захватам в Восточной Карелии. Правда Франция вскоре отреклась от своих обещаний, и сообщила финнам, что поддерживает их притязания на Восточную Карелию⁷.

Надо заметить, что период белофинского вторжения в Советскую Карелию сопровождался интенсивным обменом нотами между НКИД и МИД Финляндии. В них советская сторона обвиняла добровольцев в расстрелах раненых красноармейцев и мирного населения⁸. Взаимные обвинения возникали в связи с обстрелом территорий друг друга и кораблей флота, и бомбардировками с воздуха. Одна из причин недоразумений лежала в отсутствии демаркационной линии и каждая из сторон трактовала понятие территориальные воды в свою пользу⁹.

Другим трудно разрешимым вопросом стала проблема с задержанными в Финляндии бывшими русскими военнопленными, следовавшими

ми транзитом из Дании в Россию. Их пропуск на родину финские власти связывали с обменом русских и финских подданных, против чего возражала советская сторона, настаивавшая на пропуске военнопленных, и только после этого соглашавшаяся на обмен арестованными¹⁰.

Особенно острым стал обмен нотами между МИД Финляндии и НКВД, который произошёл 7 и 11 июня 1919 г. Тон финской ноты от 7 июня, подписанный министром иностранных дел Л. Эрнрутом, не укладывался ни в какие дипломатические рамки. Нота заканчивалась словами: «Финляндское правительство предупреждает российское Советское правительство, что терпению его может наступить конец, и что Финляндское правительство будет считать себя вправе предпринимать без предварительного предупреждения необходимые меры, чтобы образумить российское Советское правительство»¹¹. Впоследствии выяснилось, что нота составлялась начальником финляндского генерального штаба генералом Х. Игнатиусом и не утверждалась правительством. Из чего можно сделать вывод, что тон во внешней политике в это время задавали или пытались задавать военные круги, дезинформируя правительство¹².

Ответ наркома иностранных дел Г. В. Чичерина был дипломатически выдержан, но вместе с тем твёрд: «Российское Советское правительство, достаточно доказавшее миролюбивый характер своей политики по отношению к Финляндии и отсутствие всяких агрессивных намерений против неё, со своей стороны видит себя вынужденным заявить также, что оно отныне считает себя свободным применить по отношению к нынешнему Финляндскому Правительству все меры, способные расстроить его агрессивные планы против Советской России и его враждебные намерения против рабочего и крестьянского режима в России»¹³.

Одновременно в мае—июне происходили инциденты в районе Белоострова—Сестрорецка, по предположению авторов монографии о советско-финской границе А. И. Рупасова и А. Н. Чистикова, инциденты с финской стороны возникали спонтанно¹⁴. В армии, если это регулярная армия, а не бандитские формирования, занимающиеся грабежом, всё подчинено приказам командования. Все вторжения на российскую территорию так называемых «добровольцев» проводились с одобрения или по распоряжению начальников того или иного ранга. Да и снабжались «добровольцы» за счёт финляндского государства.

В июле—октябре 1919 г. произошло вторжение ингерманландских «добровольцев» в районе Лемболово, отбитое частями Красной армии. Однако селение Кирьясало оставалось в руках ингерманландцев до заключения Тартуского мира¹⁵.

Помимо инцидентов на сухопутной границе происходили столкновения у Кронштадта на море. По данным Оперативного отдела штаба

Балтийского флота, с 18 мая по 12 ноября 1919 г. со стороны Финляндии было зарегистрировано 44 враждебных акта, выразившихся в обстрелах Кронштадта, форта Красная Горка и тральщиков с форта Ино и батареи Пумала, а также налётах моторных катеров и аэропланов. На эти действия советская сторона отвечала обстрелами с Красной Горки и сбрасыванием бомб с аэропланов в районе Терийоки и форта Ино¹⁶. Воинственности Финляндии способствовали и действия английского флота, базировавшегося в Бьёрке (пять легких крейсеров и отряд торпедных катеров в Терийоки), против Балтийского флота¹⁷. Таким образом, 1919 г. прошёл в постоянном противоборстве и пограничных стычках.

Вновь вопрос об урегулировании межгосударственных отношений между Финляндией и РСФСР встал в конце 1919 г. 11 сентября Г. В. Чичерин обратился к финляндскому правительству с предложением вступить в мирные переговоры, чтобы прекратить возникавшие боевые действия в районе границы. 13 сентября последовало обращение НКВД к правительствам прибалтийских государств и Финляндии, с предложением начать мирные переговоры¹⁸.

По-видимому, в связи с мирными инициативами правительства, 28 сентября Морской генеральный штаб (МГШ) подготовил «Доклад по вопросу об установлении новых морских границ Российской республики и стратегическое описание Финского залива и побережья Ледовитого океана»¹⁹. Данный документ повторял основные положения доклада МГШ от 19 марта 1918 г. В частности, в нём говорилось о значении Мурмана и невозможности передачи Западного Мурмана Финляндии. Вполне вероятно, что доклад был составлен начальником штаба А. Е. Беренсом (подпись под докладом неразборчива).

Получение мирных предложений от Советской России вызвало в Финляндии бурную полемику. В результате верх одержали противники переговоров. 16 октября 1919 г. финский парламент большинством 117 голосов против 83 отклонил предложение советского правительства от 11 сентября о вступлении в мирные переговоры. В это время под Петроградом шло наступление войск Юденича, а к Москве приближался генерал Деникин. В связи с этим финские политики считали, что дни советской власти сочтены, и вступать в переговоры с правительством, которое вот-вот рухнет, считали бессмысленным. К тому же и Англия, от которой всецело зависела Финляндия в это время, не рекомендовала вступать в переговоры²⁰.

Несмотря на просьбы Н. Н. Юденича о поддержке во время своего осеннего наступления на Петроград, правительство Финляндии на это не пошло. Финны не были уверены в том, что белая Россия после победы признает их самостоятельность и пойдёт на удовлетворение выставлен-

ных территориальных претензий. Таким образом, национально-государственные интересы Финляндия поставила выше классовых²¹.

Однако вскоре обстановка на фронтах стала меняться. Северо-Западная армии генерала Н. Н. Юденича была разбита и отброшена от Петрограда на территорию Эстонии. На Востоке страны Красная армия громила войска адмирала А. В. Колчака. После Новороссийской катастрофы остатки армии генерала А. И. Деникина отошли в Крым. На фоне этих успехов внешняя политика РСФСР активизировалась. На 7-м Всероссийском Съезде Советов, 5 декабря 1919 г., была принята резолюция, которая определяла её новый вектор: «РСФСР желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство...»²². Это являлось приглашением к диалогу всех заинтересованных в мирных отношениях сторон.

Несмотря на отказ Финляндии от переговоров Советская Россия начала подготовку к будущей мирной конференции, так как от неё ни одна из сторон не могла уйти. В связи с этим МГШ направил запрос командованию Балтийского флота о тех требованиях, которые следует предъявить на переговорах с Финляндией для обеспечения регулярной работы Кронштадтского порта. Уже 10 декабря 1919 г. РВС Балтийского флота направил командующему всеми морскими силами республики доклад за подписями командующего флотом А. П. Зеленого и комиссара флота В. И. Зофа. В нем обосновывались меры, необходимые для безопасности Кронштадтской крепости. Они сводились к перенесению границы на 40–50 вёрст от Кронштадта²³. В экстренном порядке его передали главному. РВСР рассмотрел доклад 22 декабря 1919 г. и принял его к сведению, но посчитал, что его осуществление возможно только при определённой обстановке²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 — декабрь 1918). Л., 1968. С. 288; *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб., 2016. С. 29–30;

² Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 — декабрь 1918). С. 289; *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920. СПб., 1999. С. 50.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 70–71. *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финская граница. С. 78–79.

⁴ Документы внешней политики СССР. С. 124–127.

⁵ Там же. С. 143–145.

⁶ *Пухов А. С.* Балтийский флот на защите Петрограда (1919 г.). М., 1958. С. 102–109; *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. М., 1975. С. 74–

82; Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 230–236; Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финская граница. С. 79–82.

⁷ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России 1918–1920 гг. С. 102–103.

⁸ Документы внешней политики СССР. С. 161–162, 186–187.

⁹ Там же. С. 169–171, 206–207.

¹⁰ Там же. С. 162–165.

¹¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов Т. I. (1917–1920 гг.). М., 1944. С. 268.

¹² Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 93–94.

¹³ Документы внешней политики СССР. С. 193.

¹⁴ Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финская граница. С. 81–85.

¹⁵ Там же. С. 86–87.

¹⁶ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 697–698; Пухов А. С. Балтийский флот на защите Петрограда (1919 г.). М., 1958. С. 59–60.

¹⁷ Пухов А. С. Балтийский флот на защите Петрограда. С. 37, 38, 60.

¹⁸ Документы внешней политики СССР. С. 244–245, 246–247.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 629. Л. 30–32.

²⁰ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия 1918–1920. С. 126–133.

²¹ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 368–383.

²² 7-й Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. М., 1920. С. 46.

²³ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Л. 113об., 114.

²⁴ Там же. Л. 116, 117.

ЛИТЕРАТУРА

Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 — декабрь 1918). Л.: Наука., 1968. 368 с.

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920–1930-е гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018, № 19/2/. С. 56–67.

Веригин С. Г., Барышников В. Н. Участие представителей финских спецслужб в Гражданской войне в Карелии (1918–1922 гг.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19(1). С. 100–119.

Мусаев В. И. События на Карельском перешейке в 1919–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 14–21.

Пухов А. С. Балтийский флот на защите Петрограда (1919 г.). М.: Воениздат, 1958. 207 с.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб.: Издательство «Аврора», 2016. 240 с.

Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920. СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 1999. 440 с.

Смолин А. В. Крушение «северо-западной» контрреволюции, 1918–1920 гг.: (Начало борьбы). Л.: РГПУ, 1990. 98 с.

Смолин А. В. Русские в Финляндии 1918–1919 гг. Трагедия русских в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 165–172.

Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М.: Наука, 1975. 266 с.

Baryshnikov V., Borisenko V. Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 917–934.

Е. Е. Красноженова, С. В. Кулик, Б. Н. Ковалев

**ДЕТИ И ВОЙНА:
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОККУПАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
(1941–1944 гг.)***

У войны нет лица, нет пола, национальности, возраста. По отношению к детству привычны эпитеты: «счастливое», «беззаботное», «радостное», «безоблачное». В связи с Великой Отечественной войной появились другие: «военное» детство, «голодное», «обречённое», «потерянное».

Советские дети стали объектом оккупационной террористической политики. Наравне со взрослыми они терпели лишения, защищали, стреляли, попадали в плен, жертвуя собственными жизнями. В тылу и на линии фронта они каждый день совершали свой маленький подвиг.

Оккупация Ленинградской области явилась особым явлением в истории Великой Отечественной войны. Здесь она была длительной, продолжавшейся с августа 1941 до середины 1944 гг. Несколько десятков тысяч маленьких ленинградцев оказались на оккупированной врагом территории.

«В апреле 1941 года меня, пятилетнюю, отправили на лето с няней Матреной Ивановной, как обычно, на ее родину в псковскую деревню Ягодно, где жила ее младшая сестра Наталья Ивановна с тремя детьми: Петей, Колей и Машей. Там, за Лугой, и застала нас война» — вспоминала Е. В. Ананьева (Ковалевская)¹. Н. М. Цыганов запомнил начало войны следующим образом: «в 1941 году я окончил 7 классов 26-й ленинградской школы и вместе с младшими сестрами Женей и Шурой поехал на каникулы к бабушке Ирине Васильевне в деревню Заборовье возле Гдова. А через 10 дней началась война...»².

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–59–00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

В июле 1941 г. более 160 тысяч детей были эвакуированы в южные районы Ленинградской области, которые включали в себя территорию нынешних Новгородской и Псковской областей, поскольку считалось, что они наиболее безопасны, а главная опасность городу исходит со стороны Финляндии³. На юге от Ленинграда находились традиционные места отдыха, детские лагеря и дачи. Как правило, под размещение юных ленинградцев отводили сельские школы, а если их не хватало, то селили в избах-читальнях и в домах местных жителей. И организаторы эвакуации, и родители были уверены, что дети быстро вернуться. Поэтому и набор вещей, которые те брали, был небольшим. Взятые с собой зимнее пальто могло грозить обвинениями в паникерстве.

Но вышло так, что тысячи маленьких ленинградцев оказались прямо рядом с линией фронта. Там они фактически попадают в хаос войны, под вражеские обстрелы. В первый же день массовой эвакуации, 29 июня, десятью эшелонами (семь с Московского вокзала, два — с Витебского, один — с Варшавского) отправили 15 192 ребенка.

Уже со 2 июля 1941 г. немецкие самолеты стали наносить авиаудары по железным дорогам и станциям Ленинградской области. Таковыми были Лычково, Боровенка, Старая Русса и многие другие. Немецкая авиация господствовала в воздухе, станции и эшелоны оказались беззащитными.

13 июля 1941 г. вражеские самолеты обстреляли идущий в Ленинград детский эшелон вблизи станции Боровенка. Более всего известен эпизод в Лычково, который стал символом трагедии ленинградских детей, попавших под фашистские бомбы еще до начала блокады. Трагедия в Лычково произошла 18 июля 1941 г. Станция подверглась налёту немецкой авиации. Одиночный немецкий бомбардировщик сбросил на железнодорожную станцию около 25 бомб. Фронт находился отсюда всего в 150 километрах, на станции были и воинские эшелоны, и составы с техникой и горючим. Для немецких лётчиков детский эшелон был такой же целью, как и все остальные.

«Это был воскресный день, в Ленинграде стояла прохладная, но солнечная погода, и мои детские взоры были направлены в чистое небо, откуда могли появиться немецкие самолеты, они в этот день уже бомбили Киев, Минск... С первых дней войны город готовился к защите от вражеских налетов. Оборудовали бомбоубежища, чистили от хлама чердаки, заносили туда все, чем можно бороться с зажигательными бомбами, заклеивали стекла окон полосками бумаги крест-накрест. С вечера на ночь поднимали в небо над городом множество аэростатов. Но главное — началась эвакуация, и в первую очередь детей — дошкольников и школьников. Уезжали мы с Витебского вокзала пассажирским поездом.

Повезли нас, ленинградских детей, на юг от города в район Старой Руссы. Как оказалось потом — навстречу наступающим немцам. Конечно, тогда об этом не предполагали ни мы, дети, ни взрослые... Помню, поезд тронулся, мама, ускоряя шаг, шла рядом с вагоном, приложив маленькую ладонь к стеклу окна и что-то говорила. Я тоже приложил руку к стеклу, так мы распрощались, не зная, надолго ли... 18 июля утром за нами приехали несколько машин и стареньких автобусов... Повезли нас по лесной пыльной дороге на станцию Лычково. Навстречу шли машины, груженные зелеными ящиками со снарядами и авиабомбами... На станции было много детей разных возрастов. На втором пути стоял санитарный поезд из пассажирских вагонов с красными крестами в белом кругу. На первый крайний путь пришел поезд из товарных вагонов с пыхтящим паровозом. И пошла команда: "Начать грузить вещи". Раскрыли широкие двери вагона, и я в числе еще нескольких мальчишек залезли в вагон, чтобы укладывать вещевые мешки под нары... Когда я подошел к дверям за очередным мешком, услышал, что кто-то кричит: "Самолет, бомбы!". Взгляд в небо. Точно! В безоблачном небе немного правее от нас летит высоко самолет, а сзади от него отделяются черные точки. Бомбы! Их уже было около десятка. Я видел, как они летят... Спрыгнул вниз из вагона и лежал где-то между ним и кучей наших вещей. Свист летящих бомб, разрывы, чем-то ударило меня по спине, оставив надолго пожелтевший синяк справа под лопаткой, а потом, когда взрывы закончились, неимоверный крик от пережитого ужаса, плач, куда-то бегущих детей и взрослых, раненых и что-то в проводах, похоже, это были куски детских тел. Там пальтишки и ботинки, кровь... Самолет спустился низко и несколько раз, заходя на станцию, расстреливал бегущих детей из пулеметов. Самолет был так низко, что мне казалось, я узнал бы в лицо этого фашиста...»⁴.

В суете отступления так и не было определено точное количество погибших, их имена и фамилии. Только 4 мая 2005 г. в селе Лычково был открыт мемориал «Детям, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Официально о страшном происшествии практически ничего не было сказано. В газетах лишь скупо сообщили, что в Лычково подвергся неожиданному авиаудару эшелон с детьми.

Еще до начала войны, параллельно с разработкой захватнических планов, в Берлине были подготовлены детальные инструкции по осуществлению долговременной оккупации СССР, ее деиндустриализации, уничтожению крупных городов, сокращению численности населения. Предусматривались полное ограбление и разорение северо-западных областей Советского Союза сразу же после их захвата, исключая возможность возобновления там в дальнейшем активной хозяйственной деятельности⁵.

За годы Великой Отечественной войны в Ленинградской области было разрушено 20 городов, более трёх тысяч деревень. До войны население области составляло примерно 1,5 миллионов жителей. После войны осталось всего 420 тысяч⁶. Согласно акту Новгородской районной комиссии об итогах расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории района от 20 апреля 1945 г., немецкие войска полностью уничтожили жилые и хозяйственные постройки в Шолоховском, Никольском, Хутынском, Дубровском, Любецком, Котовицком сельсоветах, сожгли и уничтожили 96 сел и деревень. Из 8849 жилых домов уничтожено 5630, повреждено 1705 домов⁷.

Подобных трагедий можно вспомнить в Ленинградской области много: Лобаново, Арбузово, Аненское и др. В ходе боев все дома были разрушены до основания. Деревня Малые Павлицы была сожжена в феврале 1944 г. В деревне Подеста в феврале 1944 г. сожжены около 300 жителей⁸. *Даже спустя 75 лет список уничтоженных деревень уточняется, считают количество дворов, количество проживавших там людей.*

В протоколах Государственной Чрезвычайной комиссии по расследованию зверств и злодеяний, совершенных финнами на территории поселка Песочный Парголовогского района Ленинградской области, имеются свидетельства проживавшей здесь Ковалевой Марии Ульяновны. В них сообщалось следующее: «Возвращаясь с работы 3 октября 1943 года, я попала под обстрел, который вели финны по нашему поселку. Подбегая к своему дому, я увидела своего сына Виктора 3 лет. Сын играл у дома и осколком снаряда ему ранило руку и грудную клетку. От полученных ран он скончался... Финны обстреливали наш поселок на протяжении всей войны, хотя никаких военных объектов ни в самом поселке, ни рядом с ним расположено не было»⁹.

Апофеозом нацистской репрессивной политики на оккупированных территориях стала система концентрационных лагерей. У фашистов были и детские лагеря. Каждый пятый узник концлагерей был ребёнком. Это более 1 миллиона детей. В Ленинградской области крупными концлагерями были: Гатчинский ДУЛАГ — 154 (до 100 тысяч человек), Лужский (до 17 тысяч), Рождественский (до 12 тысяч), Волосовский и Чудовский (до 8 тысяч)¹⁰. Печально знаменит Вырицкий детский лагерь. Эти, и более мелкие лагеря густой сетью покрывали Ленинградскую область. Их было более десятка, и в каждом содержалось от одной до пяти тысяч человек.

30 августа 1941 г. фашистские войска вошли в Вырицу — крупный поселок в Гатчинском районе Ленинградской области. Летом 1942 г. в Вырице на базе дома отдыха Ленинградской швейной фабрики им. Володарского был создан детский концлагерь. Жестокость по отношению к на-

селению, в том числе женщинам и детям, предусматривалась в главных документах вермахта.

Кормили узников отвратительно: «Три раза в день выдавали похлебку, заболтанную мукой, иногда с кусочком протухшей конины. Было принято сначала съесть жидкость — это было первое, потом густоту — второе, а на третье сосали маленький кусочек хлебца, как конфетку»¹¹. Питание в лагерях не обеспечивало даже голодного существования. В лагерях давали по 200 гр. хлеба в день и по литру супа из картофельной шелухи и затхлой муки¹².

Фашисты не афишировали лагерь. Он проходил по официальным документам как детский приют, существовал чуть больше года и осуществлял сбор донорской крови для солдат вермахта. Ужасные условия жизни, повседневные побои, изнуряющая работа, недостаток пищи и медицинского обслуживания, и расстрел за малейшее непослушание. Репрессивные методы на оккупированных территориях были чудовищны, многие узники концлагерей были обречены на долгую и мучительную смерть от голода и холода. «Приют» просуществовал до конца 1943 г. Оккупационные власти насильно свозили туда детей из зоны ожесточенных боев Шлиссельбург—Мга.

Чтобы приблизиться к пониманию социально-психологической сущности явления военного детства, необходимо обратиться к воспоминаниям детей — узников концлагерей. Бывшая узница — Вера Андреевна Бордюкова сразу же после освобождения в январе 1944 г. вспоминала: «Мне никогда не забыть гатчинского концлагеря смерти, когда с четырьмя детьми была брошена туда в ноябре 1941 года. Там было уже около 1000 таких же мирных жителей, как и я. В ноябрьский день сидели мы под дождём и своим дыханием согревали детей. Люди на глазах умирали от голода, холода и нечеловеческих условий...»¹³.

«Баракы в лагерях были без стёкол, не отапливались, на нарах не было никаких подстилок, зимой заключённые замерзали, — сообщается в выписке из “Акта о злодеяниях, совершённых немецко-фашистскими захватчиками в городе Гатчине Ленинградской области в период временной оккупации”». В них содержались наряду со взрослыми маленькие дети и дряхлые старики¹⁴.

В период оккупации мирное население Ленинградской области массово угонялось на принудительные работы в Германию. Их имущество подвергалось разграблению и сжигалось. Массовый угон населения тыловых районов группы армий «Север» рассматривался как важнейшее средство укрепления тыла своих войск под Ленинградом. Фашисты проводили облавы на улицах, рынках, вокзалах, церквях, угрожали расстрелом родственников, организовывали ночные налеты на дома и квартиры. В каждом

населенном пункте велся учет рабочей силы (профессия, стаж, возраст, пол и пр.). Все граждане, отправляемые на работу в Германию, проходили медицинский осмотр. Колонны людей по 1000–1200 человек отправлялись на запад, из некоторых районов жителей вывозили железнодорожным транспортом. Из Гатчины, Пушкина, Слуцка и других оккупированных городов Ленинградской области немцы вывезли до 60 тысяч человек¹⁵.

Насильственный увоз в Германию сопровождался невиданной жестокостью и зверскими расправами. Известны случаи, когда сжигались целые деревни с жителями из-за отказа отправиться в Германию. Самое памятное место — Большое Заречье. В октябре 1943 г. деревню сожгли фашисты.

Когда фашисты ворвались в деревню Ровняк Пожеревицкого района, они согнали крестьян на площадь и заявили, что те должны отправиться на работу в Германию. Крестьяне наотрез отказались ехать. Гитлеровцы схватили Александра Павлова, Ивана Тимофеева, 14-летнего Ивана Павлова, 12-летнего Александра Николаева и Николая Николаева и всех пятерых расстреляли. Остальных загнали в машины и увезли¹⁶.

Немецкий карательный отряд сжег деревню Сево Навережского сельсовета Пожеревицкого района. Мирных жителей, пытавшихся выходить из горевших домов, каратели расстреливали в упор. В результате дикой расправы было убито и сожжено 86 мирных жителей деревни Сево, в том числе 27 женщин и 45 детей в возрасте от 3 месяцев до 15 лет¹⁷.

Люди всякими способами старались избежать отправки в Германию, несмотря на то, что всякое сопротивление жестоко подавлялось. Достаточно активно в Ленинградской области действовали партизанские отряды. Партизаны проводили операции по спасению детей, переводили их в безопасные места, в тыл. В лесных лагерях даже были организованы школы. Дети писали: «Нас встретили очень хорошо, вымыли в бане, потом накормили. Дали печенья, молока, творога. Мы спим на койках с чистыми простынями...»¹⁸. В целом ленинградские партизаны спасли от угона в Германию около 400 тысяч мирных граждан¹⁹.

Особенно тяжело во время оккупации приходилось детям. Война отняла у них светлое и радостное детство. Их судьба во многом зависела от оккупантов: детей брали в заложники, дети были живым прикрытием в ходе военных операций, они вместе с родителями отправлялись в лагерь на территории Ленинградской области или за ее пределами. Большая часть детей была убита или угнана немцами в Германию. Оставшиеся в разрушенных городах и сёлах, становились беспризорными, обречёнными на голодную смерть. Дети войны, как могли, приближали Победу в меру своих, хоть и маленьких сил. Они хлебнули горя полной чашей, слишком большой для маленького человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иванова И. А.* За блокадным кольцом: Воспоминания. СПб., 2010. С. 19.

² Там же. С. 24.

³ См.: *Барышников В. Н.* Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 93–102.

⁴ *Федулов Д. Д.* Не забыть Лычково... // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 1. СПб., 2012. С. 114–123.

⁵ *Заставенко Г. Ф.* О роли германского министерства восточных оккупированных областей // Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965. С. 115–129.

⁶ Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник архивных документов (1941–1944 гг.). СПб., 2015. С. 237.

⁷ «...И ничто не забыто». Документы и материалы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле (1941–1944). Новгород, 1996. С. 58.

⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГА СПб). Ф. 942. Оп. 1. Д. 180. Л. 52.

⁹ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее: ГКУ ЛОГАВ). Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 141. Л. 20–20 об.

¹⁰ Там же. Ф. Р-4660. Оп. 3. Д. 35. Л. 11 об–12.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 9421. Оп. 1. Д. 84. Л. 7–8.

¹² ГКУ ЛОГАВ. Ф. Р-1249. Оп. 1. Д. 169. Л. 79–85.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 9421, Оп. 1. Д. 84. Л. 7–8.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004. С. 107.

¹⁶ *Шевердалкин П. Р.* Зверства немецко-фашистских оккупантов на ленинградской земле // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М., 1965. С. 95–106.

¹⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5305. Л. 236.

¹⁸ Там же. Л. 239.

¹⁹ *Петров Ю. П.* Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. Л., 1973. С. 301.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 93–102.

Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 1. СПб., «Остров», 2012. 223 с.

Иванова И. А. За блокадным кольцом: Воспоминания. — СПб.: ИПК «Вести», 2010. 640 с.

«...И ничто не забыто». Документы и материалы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле (1941–1944). Новгород: Кириллица, 1996. 189 с.

Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М.: Аст: Транзиткнига, 2004. 486 с.

Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны: Сборник архивных документов (1941–1944 гг.). СПб.: Аврора, 2015. 288 с.

Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М.: Политиздат, 1965. 388 с.

Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. Л.: Лениздат, 1973. 454 с.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Кротов П. А.

**ВИЦЕ-АДМИРАЛ Н. А. СЕНЯВИН
В ПОХОДЕ РУССКОГО ФЛОТА К ГДАНЬСКУ В 1734 г.***

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Уверенное, «без спроса и разрешения» вступление России в «клуб» ведущих военно-морских держав Европы в эпоху Петра Великого в качестве коренным образом модернизированной страны, Российской империи, стало большой неожиданностью для Запада. Превращение России в одну из ключевых морских держав положило начало в том числе и формированию национальной школы военно-морского искусства. Профессор ЛГУ В. В. Мавродин (1908–1987) открывал именем Наума Акимовича Сенявина (1681–1738) перечень выдающихся российских флотоводцев национальной школы, основы которой заложил император Петр Великий, сам достигший на военно-морской службе чина адмирала. В. В. Мавродин, во-первых, назвал Н. А. Сенявина, наряду с адмиралом Ф. А. Головиным, генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным и адмиралом М. Х. Змаевичем, одним из лучших флагманов Петровской эпохи. Он писал следующее: «Особенно следует отметить Апраксина и Наума Сенявина, талантливых флотоводцев, сумевших освоить “морскую науку” Петра и овладевших его принципами войны на море»¹. Во-вторых, В. В. Мавродин впервые в отечественной историографии высказал тезис,

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20–09–42011 «Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738)».

что мысли Петра I, флотоводца, развитые его «учениками и последователями ... — Наумом Сенявиным, Григорием Спиридовым, Федором Ушаковым и Дмитрием Сенявиным, привели к созданию русской национальной школы военно-морского искусства ... к мировой славе русского военно-морского флота»².

Понятие *военно-морского искусства*, вполне устоявшееся в науке, само по себе не вызывающее споров, универсальное — «теория и практика подготовки и ведения боевых действий силами Военно-морского флота самостоятельно и во взаимодействии с другими видами Вооруженных сил»³. Научно разработано также и имеет всеобщее применение понятие *принципов* военно-морского искусства⁴.

Напротив, выдвинутое В. В. Мавродиным, применительно к российскому парусному флоту XVIII в., понятие «школы военно-морского искусства», как следует признать, остается в отечественной историографии не разработанным на конкретном материале и в современных трудах по истории российского парусного флота XVIII столетия просто не используется⁵. Понятие русской «школы военно-морского искусства», по смыслу термина, предусматривает не только наличие учеников-последователей Петра Великого как флотоводца, но и дальнейшей преемственности, устоявшейся традиции как последовательного применения на практике совокупности подходов и приемов из области военно-морского искусства, так и передачи от поколения к поколению духовно-нравственных установок и ценностей военных моряков.

Задача статьи — попытаться на конкретном материале выяснить, можно ли говорить о сохранении (выживании) после кончины Петра Великого (1725) сложившейся в годы его руководства Российским флотом национальной школы военно-морского искусства. Первым опытом боевого применения Флота России на Балтике, после завершения Великой Северной войны (1700–1721) явилась военно-морская экспедиция русского флота к Гданьску (*нем.* Данцигу) в мае—июле 1734 г., поэтому обозначенный вопрос будет изучен на примере действий русского флота именно в ходе этого морского похода. Вице-адмирал Н. А. Сенявин, второй флагман в ходе экспедиции к Гданьску, имел наиболее высокий чин из продолжавших службу во флоте спустя почти полтора десятилетия русских учеников и сподвижников Петра Великого. В силу сказанного, его роль, действия в морской кампанию 1734 г. представляют особый интерес.

ФЛАГМАН РОССИЙСКОГО ФЛОТА Н. А. СЕНЯВИН

Н. А. Сенявин служил во флоте России в течение 40 лет. Он начал свой служебный путь матросом в 1698 г. и по завершении Великой Се-

верной войны в 1721 г. получил флагманский чин контр-адмирала. Звездным часом карьеры Сенявина стала победа в Эзельской морской баталии (1719). Тогда, командуя эскадрой линейных кораблей, пребывая в чине только капитана 2 ранга, он сумел в итоге 8-часового сражения принудить к сдаче шведский отряд в составе линейного корабля, фрегата и бригантны. Баталия прошла по правилам линейной тактики. Командующий применил атаку линейного корабля шведов артиллерийским огнем с близкой дистанции, попытку его абордажа, маневром пресек путь отступления шведскому фрегату и бригантине. Затем он дал сигнал остальным кораблям своей эскадры преследовать флагманский линейный корабль неприятеля, стремившийся уйти от погони. Преследование шло с сохранением линейного боевого порядка, был осуществлен проход одного линейного корабля под кормой флагманского корабля противника с нанесением продольного артиллерийского залпа. На заключительном этапе сражения шведский линейный корабль был поставлен «в два огня» и принужден сдаться⁶. Во время деятельности Воинской морской комиссии (1732–1738) Н. А. Сенявин, согласно выводу современного исследователя Н. Н. Петрухинцева, был, «по сути, единственным человеком, попытавшимся выявить взаимосвязь многих проблем и увязать развитие обеих частей флота (корабельного и галерного. — П. К.) с особенностями его использования, то есть сформулировавшим элементы русской военно-морской доктрины»⁷. В походе русского флота к Гданьску (Данцигу) во время войны за польское наследство (1733–1735) вице-адмирал Сенявин исполнял должность второго флагмана. Завершил морскую службу Сенявин во главе Днепровской флотилии. Он погиб в мае 1738 г. при осаде турецкой крепости Очаков на берегу Черного моря, скончавшись во время распространившейся в тех краях эпидемии чумы. Н. А. Сенявина можно без какой-либо натяжки назвать учеником Петра I в морском деле: на протяжении нескольких кампаний он нес службу на одних и тех же кораблях под началом венценосного флотоводца, выполнял прямые ответственные поручения монарха. Прошедший становление в качестве флотоводца под бдительным оком Петра Великого Сенявин объективно был носителем традиций русской школы военно-морского искусства.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ НА МОРЕ В РУССКОЙ ШКОЛЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА

Наиболее общие положения отечественной школы военно-морского искусства и действий командующего на море были закреплены в Мор-

106

ском уставе 1720 г., чтение которого всем служащим флота вменялось в обязанность.

В первой книге Морского устава в главе первой «О генерале-адмирале и всяком аншеф-командующем» флотом оговаривалось значение в действиях на море военно-морских советов — консилиий, консилиумов. Третий артикул главы гласил: «Главные дела и воинския начинания никогда да не дерзает чинить без консилии писменной, разве нечаянно отакован будет от неприятеля ... Також де надлежит частыя консилии иметь, сколько время и случай допустит, о управлении дела врученного ему и о порядке людям под штрафом вычету полумесячного жалованья». Артикул 16-й содержал требование о проведении при всякой возможности учений для личного состава: «Должен смотреть, чтоб как возможно чаще экзерциции пушками и ручным ружьем отправлялись, а особливо чаще пушками». Для условий реального морского сражения было особо значимо соблюдение 24-го артикула: «Когда наш флот или некоторая часть онаго придет с неприятелем в бой, тогда всем как флагманом, так и капитаном, или командиром партикулярных кораблей, долженствует стать в своих местах добрым порядком по данному им ордеру, как надлежит быть в бою, без конфузии. И надлежит как эскадрам, так и партикулярным кораблям, держать себя в умеренном расстоянии один за другим не гораздо далеко, дабы неприятель не мог пробиться, ниже гораздо близко, дабы одному друга не повредить. И когда учинен будет сигнал для вступления в бой или обордажу, тогда всем, как офицером, так и рядовым прилежно трудиться по крайней возможности неприятелю вред учинить и онаго, с помощью божиею, разорить тщиться, исполняя ордеры. А кто в таком случае явится преступен, тот казнен будет смертью...». Важным для понимания русской тактики боя является 25-й артикул: «Капитаном или командором кораблей не стрелять из пушек по неприятелю прежде, нежели они толь близко придут, чтоб можно вред учинить...». Или, к примеру, 27-й артикул: «Когда флот к неприятелю в бой приближается, тогда аншеф командующему надлежит по крайней возможности тщаться так взойти, дабы неприятель у него всегда под ветром был. Однако ж все с добрым порядком, дабы не отнял один у друга ветру и не помешал бы один другому по неприятеле стрелять, но держаться во ордер баталии и чинить промысл над неприятелем под лишением живота». Содержащимися в Морском уставе правилами тактические приемы и установки организации действий на море, свойственные петровской школе военно-морского искусства, предписания по поддержанию высокого боевого духа и дисциплины не исчерпывались. Морской устав 1720 г. не являлся учебником по тактике военно-морского флота. В нем были зафиксированы лишь некоторые ее положения в связи с наступлением судебной ответственности за их неисполнение.

Позиция автора статьи состоит в том, что суть русской школы военно-морского искусства заключалась не в применении российскими моряками каких-либо особых тактических приемов (тактика была в европейских флотах того времени одна — линейная, со всей совокупностью присущих ей способов борьбы на море), но в том что характеризует область ее применения: решительный характер действий, настойчивость в достижении поставленных целей, творческое использование тактических приемов, установка «не газардовать» (если не было необходимых предпосылок для успеха), высокое патриотическое сознание личного состава и т. д.

ФЛАГМАНЫ И ОФИЦЕРЫ РОССИЙСКОГО ФЛОТА — НОСИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА

По мысли автора статьи носителем традиций сложившейся при Петре Великом отечественной школы военно-морского искусства стал сформированный Петром Великом флагманский и офицерский состав Российского флота.

Что он представлял собой в конце правления Петра Великого?

Можно дать характеристику личного состава на основе статистических данных на 20 мая 1723 г.

Во главе флота и морского ведомства находился генерал-адмирал Ф. М. Апраксин. По оценке служившего в 1712–1722 гг. в российском флоте офицера-англичанина Д. Дена: «... он достиг достаточного искусства в морском деле и поразительно поддерживает свой авторитет как генерал-адмирал...»⁸.

Следующее место занимал сам Петр Великий в качестве адмирала.

Дряхлый адмирал норвежец К. Крюйс даже не был включен в «действующий» список флота. После того, как он бесславно руководил преследованием шведской эскадры 11 июля 1713 г. и потерял наскочивший на скалу линейный корабль «Выборг», до командования флотом в море он более не допускался и сохранялся на русской службе в память о заслугах в первые годы рождения Российского флота.

Вице-адмиралами являлись светлейший князь А. Д. Меншиков, голландец П. Сиверс (по словам Д. Дена, «человек крайне разумный, обширных познаний, очень аккуратный и методичный во всех своих действиях», в совершенстве овладевший русским языком⁹, сроднившийся с Россией), шотландец Т. Гордон и швед Д. Вильстер.

Тройку контр-адмиралов образовывали англичанин Т. Сандерс, фламандец Я. ван Гофт и Н. А. Сенявин.

Иными словами, ключевые флагманские должности во Флоте России при Петре Великом уже занимали россияне.

По списку на 24 апреля 1724 г. все россияне капитаны 1-го ранга (2 чел.), 2-го (1), 3-го (9) прошли длительную мореходную практику в британском, голландском либо датском флотах. Из россиян капитан-лейтенантов (11 чел.) продолжительную зарубежную практику имели 8 (73%), из 32 лейтенантов — 23 обер-офицера (72%)¹⁰. Каков был уровень подготовки русских флотских офицеров свидетельствует пример того же Н. А. Сенявина, который, будучи капитаном 2-го ранга, вошёл в историю страны как победитель шведов в Эзельской морской баталии.

Именно этот офицерский корпус, имевший прекрасную профессиональную подготовку, стал носителем духа и традиций сформированной при основателе Российского флота отечественной школы военно-морского искусства.

ПОДГОТОВКА ФЛОТА К ПОХОДУ ВИЦЕ-АДМИРАЛОМ Н. А. СЕНЯВИНЫМ

Разразившаяся после смерти 21 января (1 февраля) 1733 г. польско-короля Августа II Сильного война за Польское наследство (1733–1735) между Россией, Австрией и Саксонией, с одной стороны и Францией, Испанией и Сардинским королевством, с другой (имевшая главным предметом раздора утверждение на престоле Речи Посполитой либо его сына Фридриха Августа в качестве Августа III — претендента, выгодного антифранцузской коалиции, либо Станислава Лещинского, ставленника противостоявшей коалиции, дочь которого М. Лещинская была женой французского короля Людовика XV), настоятельно потребовала действий флота России против Гданьска. Станислав Лещинский, выехав из Варшавы при приближении русского экспедиционного корпуса под командованием П. П. Ласси, 2 октября (н. ст.) 1733 г. прибыл в Гданьск в сопровождении французского посла в Речи Посполитой, маркиза де Монти, и некоторых представителей знатных польских родов¹¹. 3 февраля 1734 г. магистрат Гданьска проголосовал за решение защищать права Лещинского на престол с оружием в руках¹². В феврале же 1734 г. русские войска блокировали город с суши и приступили к осаде. Надежды осажденных на благополучный исход обороны Гданьска от русских войск укрепились после вторичного прибытия на гданьский рейд к небольшой крепости Вексельмюнде в устье Вислы французской экспедиции в составе 5 военных кораблей («L'Achille» (60 пуш.), «La Gloire» (46 пуш.), «Le Fleuron» (60 пуш.), «Le Brilliant» (30 пуш.), «L'Astrée» (30 пуш.)), четырех транспортных

судов и беспрепятственной высадки в устье Вислы вблизи небольшой крепости Вексельмюнде 13 (24) мая 1734 г. трех батальонов полков «Le Blaisois», «La Marche» и «Le Perigord» по 685 человек в каждом¹³.

После прихода французской эскадры и высадки десанта положение русских войск (учитывая и неудачный штурм гданьского укрепления Гагельсберга 29 апреля 1734 г., во время которого был убит и ранен 2091 русский солдат и офицер¹⁴) резко ухудшилось. Генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних, прибывший под Гданьск 5 марта 1734 г., почти молился: «Сего числа ветер нашему флоту зело способный, а неприятельскому противный, продолжи, Господи, оный и дай наш флот и артиллерию вскоре видеть»¹⁵. Миних должен был перейти к обороне.

Принудить к капитуляции такую мощную приморскую крепость, как Гданьск, без блокирования его с моря флотом и без доставки морем тяжелой артиллерии и боеприпасов было едва ли возможно. Поход флота из Кронштадта к Гданьску поэтому готовился еще с ноября 1733 г. Б. Х. Миних уже 8 марта писал императрице Анне Иоанновне: «... желаю на рейде вскоре видеть счастливо и российскую ... эскадру»¹⁶, а 9 марта: «...могу уверить, что ежели б я тяжелую артиллерию имел, то он (Гданьск. — П. К.) недели не устоял бы и конец оному был бы»¹⁷.

4 апреля 1734 г. императрица Анна Иоанновна определила флагманами в наступающую кампанию адмирала Т. Гордона, вице-адмирала Н. А. Сенявина и контр-адмирала М. П. Гослера¹⁸. Все обязанности по скорейшей подготовке флота к кампании Адмиралтейская коллегия возложила на пребывавшего в Кронштадте Н. А. Сенявина¹⁹. 8 мая он рапортовал, что на рейд выведены 10 линейных кораблей и 5 фрегатов²⁰. 8 мая была утверждена инструкция командовавшему русским флотом адмиралу Т. Гордону, по которой он должен был с флотом «со всяким возможным поспешением» идти к Гданьску. С французскими кораблями следовало «поступать, как с неприятелями», и если бы французская эскадра оказалась «под силу», предписывалось «вступить с нею в бой и всякий поиск учинить», а если бы «против оной стоять было невозможно», то командующему флотом предоставлялась свобода действий вплоть до отхода в любой российский порт. Следовало также доставить тяжелую артиллерию, необходимую для осады Гданьска²¹.

ПОХОД БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА ИЗ КРОНШТАДТА К ПИЛЛАУ

Вечером 11 мая 1734 г. на свои корабли на рейде Кронштадта прибыли адмирал Т. Гордон и вице-адмирал Н. А. Сенявин; на флагманском

корабле Т. Гордона «Петр I и II» был поднят адмиральский флаг, в честь чего салютовали со всех кораблей, затем был поднят флаг на корабле вице-адмирала «Св. Александр» и около полуночи — на контр-адмиральском корабле М. П. Гослера «Шлютенбурх»²².

Во главе экспедиции, таким образом, был поставлен шотландец Т. Гордон, принятый на службу Петром I в 1717 г. в Париже с чином капитан-командора. Ранее он служил во флоте Великобритании и был изгнан из страны за поддержку претендента на британский трон Якова III Стюарта. Петр I ценил Гордона как храброго офицера, прослужившего долгое время в таком высоко организованном флоте как британский²³. На русской службе он, как показало время, показал себя весьма заурядной личностью, хотя исправно продвигался по службе, получив в 1727 г. чин адмирала²⁴. Летом 1739 г. в обстановке ожидания нападения Швеции одряхлевший Т. Гордон оказался виновником ложной военной тревоги в Кронштадте, когда один из приближавшихся кораблей был принят за шведский флот²⁵. Второй флагман, вице-адмирал Н. А. Сенявин, во время экспедиции занимал активную позицию и, как будет показано, выступал достойным продолжателем традиций русской школы военно-морского искусства. Впрочем, командующим флотом Сенявин не являлся, в силу чего в достаточной мере раскрыть свое дарование флотоводца во время похода не смог. Один из любимцев Петра I, немец М. П. Госслер, начал службу во флоте России в 1698 г. штурманом, неоднократно исполнял должность командира кораблей, на которых держал флаг сам монарх. В 1732 г. он получил флагманский чин контр-адмирала. Однако в походе 1734 г. состарившийся флотоводец никак себя не проявил и вскоре по его завершении скончался (30 июля 1735 г.)²⁶.

Около 8-го часа вечера 14 мая адмиральский корабль «Петр I и II» снялся с якоря на кронштадтском рейде и пошел к западу, за ним двинулись и другие корабли; в 11-м часу 14 мая адмирал бросил якорь у Красной Горки, подходившие суда тоже бросали рядом якоря. Всего к Красной Горке подошли 12 линейных кораблей, 3 фрегата («Арондель», «Стор-Феникс», «Эсперанс»), бомбардирский корабль «Юпитер», шнява «Фаворитка», 4 флейты. На рейде остались линейные корабли «Виктория» и «Новая Надежда»²⁷, выступившие в поход на следующий день.

16 мая в 3-м часу утра «Петр I и II» поднял якорь. Вместе с адмиральским кораблем в поход пошел весь флот. 19 мая по сигналу с «Петра I и II» и других флагманских кораблей во флоте была проведена пушечная экзерциция (учение). Вечером флот продолжил свой путь и 19–23 мая продвигался галсами на запад мимо островов Гогланда, Наргена (*эст.* Найссаар), Даго (*эст.* Хийумаа). 23 мая Т. Гордон отдал приказ братья на буксир боты, чтобы быстрее передвигаться к цели. Был взят также

на буксир бомбардирский корабль «Юпитер», который «от великаго волнения весьма ослаб»²⁸.

Всего в морском походе к Гданьску приняли участие 14 линейных и 2 бомбардирских корабля, 5 фрегатов, брандер, шнява, корабль-госпиталь, 2 пакетбота с общим числом пушек 1126, с 5399 моряками, 1973 солдатами, 773 артиллеристами (всего 8145 чел.)²⁹, несколько галиотов, 2 лоц-галиота и ластовые суда³⁰.

Флот сыграл незаменимую роль в доставке столь необходимой для принуждения осажденного Гданьска к капитуляции тяжелой артиллерии и боеприпасов. На все ластовые суда и корабли, отправленные в мае 1734 г. к Гданьску, погрузили 20 24-фунтовых (с 10 615 ядрами), 20 18-фунтовых (с 9706 ядрами) медных пушек, две 9-пудовых (с 1 тыс. бомб) и 12 5-пудовых (с 3,6 тыс. бомб) медных мортир и 20 6-фунтовых железных мортирцов (с 10 865 гранатами), 10 тыс. 3-фунтовых гранат, оружейные станки, колеса, 8740 пудов пороху и другие припасы³¹.

25 мая в море были остановлены два голландских судна, шедших из Гданьска, шкиперы которых сказали, что на гданьском рейде и в крейсере у Пиллау (ныне Балтийск) находится 10 больших и малых военных французских кораблей. После этого состоялся консилиум флагманов, на котором решили ластовые суда под охраной линейных кораблей «Виктория» и «Девоншир», фрегата «Эсперанс», шнявы «Фаворитка» и бомбардирского корабля «Юпитер» отправить к Пиллау и после получения приказа от Б. Х. Миниха начать их разгружать. Остальные 12 линейных кораблей и фрегат «Арондель» должны были «идти прямо к Данцику и искать ... караблей французских и ... оныя отаковать»³². Флот, поставив «парусов сколько возможно», двинулся к тому месту, где в 5–6 милях севернее Гданьского залива шкиперы видели накануне крейсирующие корабли французской эскадры³³. Это было оправданное решение.

Ф. И. Соимонов, участник похода в ранге капитан-командора (флотский обер-штер-кригс-коммисар), которому «всего приятнее ... показалось», что началась подготовка к сражению «во уповании том, что завтнешняго дня рано французских караблей видеть надежда имеется», даже считал, что «по нашей превосходной против французов силе невелика нужда в содержании линии быть может»³⁴. На российских линейных кораблях для удобства действий в предстоявшей битве очистили от всего лишнего оружейные палубы, сломали перегородки офицерских кают, которые мешали стрельбе из пушек, уложили вдоль бортов спальные матросские койки, а к рассвету даже запалили фитили у артиллерийских орудий³⁵. Готовность и желание вступить в битву с французами были очень высоки!

Французы, хотя и вышли на крейсерство в море из Гданьского залива, не ожидали вскоре увидеть у Гданьска русские корабли³⁶. Российский флот имел благоприятную возможность внезапно атаковать с севера французскую эскадру и, имея превосходство в числе кораблей, захватить ее.

ДЕЙСТВИЯ ФЛОТА У ПИЛЛАУ 26–30 МАЯ 1734 г.

Однако на рассвете 26 мая российский флот вышел не к крейсеровавшим французским кораблям, но примерно на 5 миль восточнее – прямо к мысу Брюстерорт (ныне мыс Таран — крайняя точка Гданьского залива на северо-востоке). Французы на рассвете разглядели на светлой стороне горизонта приближающийся российский флот, пересчитали число кораблей, в то время как россияне на темной стороне горизонта при пасмурной погоде первоначально не могли видеть французскую эскадру. По словам Ф. И. Соймонова, в тот момент французам «только счастье послужило ... удалиться от нас своим благополучием». Впоследствии он получил сведения от пребывавших тогда на французских кораблях, что французы: «Коль скоро нас увидели, толь поспешно, забыв своих земляков, или, будучи в надежде, что они у Лещинского во Гданске пируют, ретировались к Копенгагену»³⁷.

Утром 26 мая флот лег в дрейф. На адмиральском корабле «Петр I и II» был созван совет флагманов и капитанов; последовал приказ «иттить нашему флоту для абордирования французских кораблей» и быть всем «во всякой готовности» к сражению. Как писал Т. Гордон, после этого «прямо пошли к Данцику, чтоб ... оной французской флот оттаковать». В 10-м часу утра 13 линейных кораблей (включая «Девоншир») и фрегат «Арондель» наполнили паруса и пошли вперед искать французозов, в 11-м часу за ними пошел пришедший ко флоту из Кронштадта брандер «Армонт». Корабль «Виктория», фрегаты «Эсперанс», «Россия», бомбардирский корабль «Юпитер», шнява «Фаворитка», а также флейты и боты остались дрейфовать у Брюстерорта³⁸.

Однако воинственный пыл адмирала Т. Гордона вскоре угас. В 12-м часу флот вышел к Пиллау. Прибывший на флот адъютант Б. Х. Миниха сообщил, что по инструкции Миниха удобнее всего выгружать артиллерию при Пиллау, где имеются для этого мелкие суда. Это оказалось удобным поводом для Гордона постараться избежать как погони за французами, так и немедленного следования с флотом к Гданьску. Тогда своим единоличным решением Т. Гордон «намерение ... итти ко Гданьску оставил», объяснив это так: «... ибо безпрестанно французские корабли лавируют около Пиллоу, и для того пока она артиллерия

выгрузится, то буду ее защищать, к тому же в присланных ордерах от ... Миниха ... объявлено, что ныне на гданской рейде французских караблей не имеется»³⁹. Однако только в шканечном журнале линейного корабля «Рига» удалось найти запись, что 26 мая в 8-м часу утра с корабля «видели 2 судна меж Z и W, которыя пошли прямо ко Гданску»⁴⁰. Были ли вообще в то время «лабировавшие» к западу от русского флота корабли французской эскадры или они уже пребывали вне пределов видимости, направляясь на всех парусах к Копенгагену? В любом случае, и от преследования французской эскадры, и от немедленного похода к Гданьску (тем самым предотвратив возможность вывоза их десанта в составе трех батальонов с острова близ Вейкзельмюнде) российский адмирал отказался.

Днем 26 мая адмирал созвал консилию флагманов, на которой провел наиболее осторожное решение — ходить в море возле Пиллау, охраняя суда, с которых выгружали артиллерию⁴¹.

Французы тоже не использовали медлительности и нерешительности Т. Гордона и поспешно ретировались к Копенгагену, бросив на произвол судьбы свой десант, оставшийся в безнадежном положении в устье Вислы.

В 5-м часу пополудни 26 мая адмирал снялся с якоря, и флот стал крейсировать в море возле Пиллау. Днем 28 мая флот стал на якорь. Утром 29 мая на адмиральском корабле были даны сигналы, по которым во флоте провели пушечную, а затем солдатскую экзерциции. Утром 30 мая флот снялся с якоря и пошел в море⁴².

КОНСИЛИЯ КОМАНДНОГО СОСТАВА 30 МАЯ 1734 г.

Командовавший русской армией Б. Х. Миних считал необходимым, «понеже ветер стоит зело благополучный, нашему флоту до здешняго рейда следовать». Он писал Гордону: «оставя для прикрытия тех флейтов, на которых артиллерия погружена, несколько судов ... следовать сюда без замедления, ибо французских кораблей не более пяти или шести здесь имеется, да транспортных толикое же число, и ежели они с здешняго рейда не отделятся, то можно оные ... атаковать и ... викторию получить»⁴³. Генерал-фельдмаршал писал обобщенно, имея ввиду французскую эскадру, ранее пребывавшую на гданьском рейде. Пребывавшие близ Вексельмюнде французы, после того, как с кораблей французской эскадры обнаружили русский флот, подходивший к Брюстерорту, более своих кораблей на гданьском рейде не наблюдали — эскадра ушла к Копенгагену.

Ввиду настоятельных советов Миниха следовать к Гданьску и атаковать французскую эскадру, если она еще там остается, 30 мая был собран совет командного состава.

Шкипер английского торгового судна, взятый на консилиум, утверждал, что видел на гданьском рейде три 70-пушечных, пять 60-пушечных французских военных кораблей и четыре фрегата; Миних же ранее достаточно точно писал, что всего французских судов 11, из них 5 или 6 военные, а остальные транспортные. Капитаны заявили, что такое «число кораблей французских отаковать опасно», так как, во-первых, во флоте было много необученных рекрутов; во-вторых, на кораблях «Мальбурх» и «Леферм» во время пушечной стрельбы может усилиться течь, которая бывает в непокойную погоду, а корабли «Девоншир» и «Викторию» (по 54 пуш.) нельзя считать линейными⁴⁴. Окончательное решение было продиктовано исключительно «безмерным опасением»: «... ходить в виду Пилоу до окончания выгрузки всей артиллерии, понеже оставить оную на рейде у Пилоу не без страха, а по выгрузке оной возвратиться по данной инструкции к Наргину-острову со флотом (!!!), ибо генеральную баталию азардовать со всем флотом опасно за вышепоказанными резонами. Кроме того, «может оной флот французский умножиться большими караблями, от которых уже трудно будет флоту нашему и ретироваться, ибо которые корабли ходят под парусами хуже других, те могут остаться и в неприятельские руки попасть. А артиллерия ... привезена и выгружается благополучно и для того ж в такой опасный азард вступить весьма опасно»⁴⁵.

Таким образом, флагманы и капитаны не только упустили возможности захватить французскую эскадру, но даже поосторожничали прогнать французов и занять гданьский рейд (французов, кстати, уже там не было, хотя Т. Гордон об этом не знал), что должно было в корне изменить обстановку в осажденном Гданьске.

Что касается поставленной в статье задачи — выявить, можно ли говорить о сохранении «русской школы военно-морского искусства» во время похода 1734 г., то в консилиуме 30 мая из 15 участвовавших капитанов лишь 4 носили русские фамилии⁴⁶. Проявляется четкая закономерность: чем ниже ранг судов, тем больше русских командиров, чем ниже чин, тем больше русских офицеров. Например, на всех вышедших из Кронштадта во время экспедиции пакетботах, галиотах, шняве, шмаках все командиры, кроме М. Я. Гове, были русскими⁴⁷.

В 8-м часу утра 31 мая адмирал Т. Гордон дал сигнал кораблям построиться и идти в линию баталии. Это было учение — подготовка к возможному сражению. По свидетельству Ф. И. Соймонова, «как оно последовало, то такой от капитанов непорядок оказался, что исчислить

невозможно было...»⁴⁸. Тем не менее в конце концов корабли построились и шли в линии баталии. Потом сначала авангард, а затем кордебаталия и арьергард повернули на левый галс; по окончании корабельной экзерциции флот лег в дрейф⁴⁹.

«РУССКАЯ ПАРТИЯ» ВИЦЕ-АДМИРАЛА Н. А. СЕНЯВИНА НА КОНСИЛИУМЕ 31 МАЯ 1734 г.

31 мая после получения очередного письма от Миниха состоялся новый консилиум. Миних в письме по-прежнему требовал скорейшей выгрузки крайне необходимой ему в тот момент артиллерии и «не повелительно, но советом» предлагал прийти на гданьский рейд, причем сообщил, что французская эскадра отошла в море, а на рейде остался лишь один фрегат, что французский отряд находится по-прежнему в устье Вислы в весьма отчаянном положении. Известие об уходе французского флота ободрило флагманов, и, так как особого «азарда» в приходе на гданьский рейд теперь не было, мнения заколебались. Адмирал Гордон, опираясь на слова английского шкипера, который говорил, что сам он не видел, но слышал, что будто новая французская эскадра из 15 линейных кораблей вошла в Зунд и пойдет к Гданьску, снова доказывал, что при таких обстоятельствах идти на гданьский рейд опасно. Однако не все были согласны с Гордоном. Наиболее решительная часть офицеров, «русская партия» (россияне Ф. И. Соймонов, капитаны М. Бараков, Я. С. Барш, А. И. Полянский) поддержала мнение вице-адмирала Сенявина, что следует по совету генерал-фельдмаршала со всем флотом идти на гданьский рейд, а для охраны разгружающихся судов оставить при Пилау 3 фрегата, также и госпитальный корабль. Эта группа офицеров не устрашилась полученного от шкипера известия о возможном прибытии к Гданьску 15 французских линейных кораблей (как выяснилось позже, ложном), а ретировавшиеся от русского флота французские корабли «за превосходную против нашей силу почитать не подлежит...», также французы, возжелав вступить в сражение, смогут найти российский флот и у порта Пиллау. Затем из третьей части офицеров, «которые и тако и яко думали», начали присоединяться к мнению Сенявина и поддерживать мнение Т. Гордона. В итоге было подписано общее мнение, что на следующий день флот пойдет на гданьский рейд, но на якорь без специального ордера от Миниха не встанет, из-за тревожных слухов о новой французской эскадре⁵⁰.

ДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО ФЛОТА У ГДАНЬСКА С 1 ПО 16 ИЮНЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В КРОНШТАДТ

31 мая вечером русский флот двинулся от Пиллау к Гданьску⁵¹. Бегство французской эскадры после прибытия к Пиллау русского флота было так поспешно, что французский десант в устье Вислы не был даже извещен о появлении неприятельского флота. Утром 1 июня французы увидели вдалеке множество кораблей, вид которых возбудил у них самые разнообразные чувства. Они надеялись, что это прибыла новая французская эскадра, а кто в этом не сомневался, пел радостные песни. По мере приближения флота песни стихали, так как все пытались разглядеть флаги на кораблях. Когда увидели, что флаг белый, французский, наступило ликование, раздались победные песни, однако несколько позже французы разглядели на флагах, не 4 бело-золотистые лилии, а голубой Андреевский крест. Как писал подполковник А. де Мион, «это открытие сменило радостные песни на уныние»⁵². По словам же его товарища по полку М. де Керлона, «с этого момента наше несчастье было обеспечено»⁵³. Лейтенант пехоты того же полка Г. де Бонкур вспоминал, что их радость в этот момент сменилась сильной тревогой, и «эта перемена повергла нас в размышления, что мы бросили и думать о защите нашего лагеря»⁵⁴. А французский посол в Речи Посполитой маркиз де Монти, пребывавший в Гданьске с королем Станиславом Лещинским, впервые с унынием писал: «Русский флот адмирала Гордона напал на нас как раз в тот момент, когда мы имели основания надеяться на наш»⁵⁵.

Около 11 часов утра 1 июня российский флот приблизился к Гданьску, а в 1-м часу дня лег на дрейф, после чего Гордон приказал бомбардирскому кораблю «Юпитер» в сопровождении фрегатов «Арондель» и «Эсперанс», которым было приказано осмотреть нет ли в торговых судах на гданьском рейде военной контрабанды, идти к устью Вислы и попытаться уничтожить стоящий там на мели французский фрегат «Бриллиант». С «Юпитера» успели произвести только два выстрела, после чего корабль получил сквозную пробоину в корме у ватерлинии и отошел. В 5-м часу фрегаты «Арондель» и «Эсперанс» произвели первый — 37, второй только 3 пушечных выстрела, но так как до французского фрегата было слишком далеко; в 6-м часу по сигналу с адмиральского корабля эти суда возвратились к флоту⁵⁶.

2 июня в 6-м часу утра флот стал на якорь «в полумесяце» в виду Гданьска, несколько судов были посланы на крейсерство. В 1-м часу дня на флагманский корабль «Петр I и II» прибыл Миних⁵⁷, чтобы согласовать дальнейшие действия сухопутных и военно-морских сил. Миних

предполагал довольно широко использовать возможности флота, однако он столкнулся с нерешительной позицией флагманов. Генерал-фельдмаршал поставил на обсуждение на консилиуме флагманов вопросы об установлении морской блокады Гданьска, о том, чтобы не пропускать к нему помощи с моря, о бомбардировке Вексельмюнде и французского лагеря с кораблей, об уничтожении французского фрегата в устье Вислы, о поиске французской эскадры для нападения на нее, о высадке на берег некоторого количества солдат и снятии тяжелых корабельных орудий с боезапасом и артиллеристами для содействия осаде, о переброске флотом к Гданьску из Либиау 2–3 тысяч рекрутов. Среди флагманов господствовали более умеренные настроения. Они считали невозможным долго находиться на гданьском рейде из-за «опасности» быть запертыми более сильной новой французской эскадрой; соглашались бомбардировать французов и фрегат, перед уходом сгрузить у Пилау 40 18-фунтового калибра пушек с боезапасом на 100 выстрелов, но без артиллеристов, с оговорками также соглашались перевезти на ластовых судах рекрутов из Либиау, после чего флот мог отправляться в обратный путь⁵⁸.

В это время на гданьском рейде находилось много торговых судов, которые могли свободно выходить в море. Н. А. Сенявин справедливо считал такое положение недопустимой неосторожностью, так как от этих судов французская эскадра в Зунде могла получать подробные сведения о русском флоте. 3 июня он сделал Т. Гордону «жестокой выговор», сказав, что если он не сделает распоряжения о запрещении торговым судам уходить с гданьского рейда, то он сам, как командующий авангардом, «ни единого судна пропускать не велит». Гордон вынужден был запретить выход торговым судам без специального разрешения⁵⁹.

3 июня к флоту пришли бомбардирский корабль «Дондер» и фрегат «Стор-Феникс». В 7-м часу вечера бомбардирские корабли «Юпитер» и «Дондер» и фрегаты «Стор-Феникс» и «Эсперанс» пошли для бомбардировки и обстрела французского фрегата и десанта к Гданьскому каналу. Подойдя к каналу, «Дондер» и «Юпитер» легли на шпринг, с «Юпитера» для пристрелки 2 раза выстрелили по Вексельмюнде и французскому лагерю. С французской стороны по русским судам стрелял гукор. В 4-м часу утра 4 июня на «Дондере» подняли флаг и начали бомбардировку крепости и лагеря, а затем и французского фрегата. В 6-м часу утра «Юпитер» подошел ближе к берегу и тоже начал бомбардировку. Французы отвечали с гукора и береговых баатарей. «Юпитеру» были нанесены некоторые повреждения. Перестрелка и бомбардировка французов с некоторыми перерывами продолжалась до 12-го часа ночи 4 июня⁶⁰.

В 5-м часу утра 5 июня «Стор-Феникс», «Эсперанс» возобновили обстрел. В 7-м часу со «Стор-Феникса» для захвата французского фрегата

были посланы 4 шлюпки с солдатами, но они не смогли подойти к фрегату из-за сильного огня и возвратились. В 11 часов утра начал бомбардировку «Юпитер». В 3 часа дня фрегат и бомбардирские корабли пошли обратно к флоту. 4 и 5 июня во время бомбардировки и обстрела французов на русских судах были получены повреждения не только от неприятельских ядер, но и в лафетах, орудийных станках «от гнилости». Корабль «Юпитер» «от мортирной стрельбы» пришел в плохое состояние, «многие нагели и боуты ... тронулись из своих мест», «отчего немалая опасность»⁶¹.

Бегство французской эскадры, появление русского флота на гданьском рейде, сильные артиллерийские обстрелы, наносившие французам значительный урон, деморализовали личный состав французского десанта. 5 июня командир десанта бригадир Ла Мотт писал в Гданьск французскому послу маркизу де Монти: «Во весь вчерашний день по нашему лагерю жестоко стреляли и с 200 бомб... бросили, отчего у нас много людей пропало, еже и сегодня еще продолжается»⁶². Недостаток в пище, бинтах и спирте для раненых, бомбы и ядра, которыми «осыпали» французов «беспрестанно в течение двух суток», усталость, бессонные ночи, проведенные на караулах в ожидании близкого штурма, приводившие солдат в такое состояние, что они «находились по большей части не в состоянии служить»⁶³, повергли французов в отчаяние; они заговорили теперь что «так далеко посланы токмо для того, чтоб им пропасть, кроме всякой пользы королю и городу Гданску...»⁶⁴. Бригадир считал, что в случае штурма гарнизон будет не в состоянии защищать крепость и предлагал вступить в переговоры о капитуляции⁶⁵. На военном совете 7 июня было единогласно решено вступить с Минихом в переговоры с капитуляцией⁶⁶.

В 3-м часу дня 7 июня к Гданьску пошли от флота фрегаты «Стор-Феникс», «Эсперанс» и «Россия», бомбардирские корабли «Юпитер» и «Дондер». В 2 часа дня 8 июня эти суда стали на якорь у Вексельмюнде и французского лагеря⁶⁷. Новое появление флота еще больше подорвало дух французского десанта. М. де Керлон писал об этом дне: «...утром русский флот появился снова. Это лишило нас тогда всякой надежды, и мы смотрели на себя, как на находившихся уже во власти врагов. В тот же день их галиоты и фрегаты подошли почти вплотную к нашему лагерю и, казалось, собирались продолжить вскоре тот ужасный огонь, которым мы были обеспокоены»⁶⁸, а Г. де Бонкур вспоминал: «Мы смотрели тогда на наш лагерь как на нашу гробницу»⁶⁹. Окруженные с суши русскими и саксонскими войсками, блокированные с моря русским флотом, с пресеченной коммуникацией с Гданьском по Висле (через реку была натянута цепь), имея запас продовольствия только на пять или шесть дней⁷⁰, французы вынуждены были вступить в переговоры о капитуляции.

12 июня в 8-м часу вечера в крепости был поднят белый флаг⁷¹. Падение Вексельмюнде, таким образом, стало закономерным следствием действий русского флота. В плен сдались около 2100 французов⁷². В крепости было взято 103 орудия (от 3 до 12 фунтов), 5 мортир и др., стоявшие рядом фрегат «Бриллиант» с 30 пушками, гукор с 14 пушками и прам с 8 пушками, также возвращены были три захваченных ранее французскими русскими галиота⁷³.

14 июня были посланы шлюпки, боты, шнява, пакетбот в Гданьский канал для перевозки пленных французов. 14 июня в Вексельмюнде был поднят российский штандарт. Флот подошел ближе к крепости и стал на якорь «в полумесяце». 15 июня стреляли в честь взятия Вексельмюнде с «Петра I и II» из 27 пушек, с остальных кораблей из 25⁷⁴.

15 июня Б. Х. Миних приказал взять на борт пленных французов и следовать к острову Наргену близ Ревеля⁷⁵. До рассвета 16 июня все пленные французы уже находились на кораблях, был также нагружен один галиот трофейным французским оружием⁷⁶. 16 июня в 12-м часу дня в море пошла эскадра Сенявина, за ним последовали остальные эскадры⁷⁷.

1 июля 1734 г. в 11 часов 30 мин. утра было «усмотрено в подзорную трубу, что эскадра под командою ... Гордона показалась в море, от веста идет к Кронштадтскому порту»⁷⁸. 1 июля во 2-м часу дня флоту салютовал брандвахтенный фрегат «Кискин» и экспедиция стала на якорях на кронштадтском рейде⁷⁹.

ВЫВОДЫ

Изученные материалы об экспедиции Балтийского флота к Гданьску в 1734 г., о действиях флагманов и обер-офицеров (участвовавших в военно-морских советах) показывают, что в условиях руководства флотом нерешительного адмирала-иностранца Т. Гордона, преобладания среди командиров линейных кораблей иностранцев русская школа военно-морского искусства, ярким представителем которой выступил вице-адмирал Н. А. Сенявин, оказалась на обочине. Главные решения принимались адмиралом Т. Гордоном — заурядным, «без божьей искры» военно-морским деятелем. Как показывают события морского похода к Гданьску, отечественную школу военно-морского искусства следует воспринимать не как людей, придерживавшихся некоей особой разновидности линейной тактики на море, но как сообщество патриотов-профессионалов своего дела, последователей «школы» Петра Великого, стремившихся поддерживать высокий престиж России в качестве военно-морской державы. Именно

в таком ключе, по мнению автора, можно подводить вслед за профессором В. В. Мавродиным под понятие русской школы военно-морского искусства времени парусного флота XVIII столетия таких флотоводцев, как: основатель Российского флота адмирал, император Петр Великий, генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, вице-адмирал Н. А. Сенявин, адмиралы Г. А. Спиридов, Ф. Ф. Ушаков и Д. Н. Сенявин.

Нельзя согласиться с мнением современного автора М. А. Муравьева, что морской поход 1734 г. показал «явное несоответствие затраченных усилий и достигнутых результатов»⁸⁰. В ходе боевых действий под Гданьском флот сыграл чрезвычайно большую роль, значительно ускорив капитуляцию Гданьска, от судьбы которого в значительной мере зависел и исход войны за польское наследство. Русская экспедиция 1734 г. к Гданьску имела важное международное значение. Слабая авантюра — экспедиция французской эскадры в 1734 г. к Гданьску — позорно провалилась, французский флот был обращен в бегство одним видом русского флота и побоялся даже спасти свой десант в устье Вислы. Именно в итоге изгнания французской эскадры с гданьского рейда, доставки необходимой для осады города тяжелой артиллерии, пленения флотом трех батальонов французской армии и принуждения флотом к сдаче форта Вексельмюнде в устье Вислы возможности выдержать оборону у Гданьска стремительно обнулились и крепость вскоре же капитулировала. Сдача Гданьска русским войскам, тайное бегство короля Станислава Лещинского из города и вообще из Речи Посполитой стали событиями, решившими исход войны в пользу России. Россия и в 1734 г., несмотря на все недостатки флота, подтвердила, что по-прежнему является сильнейшей державой Балтики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мавродин В. В. Петр Первый. М., 1949. С. 146.

² Там же. С. 144.

³ Словарь военных терминов / Сост. А. М. Плехов. М., 1988. С. 52; ср.: Военное искусство // Военный энциклопедический словарь / Редкол.: А. П. Горкин, В. А. Золотарев и др. М., 2002. С. 306.

⁴ Военно-морской словарь. М., 1989. С. 340; ср.: Принципы военного искусства // Военный энциклопедический словарь / Редкол.: А. П. Горкин, В. А. Золотарев и др. С. 1227.

⁵ См., например, анализ флотоводческого искусства Ф. Ф. Ушакова новейшим исследователем: Овчинников В. Д. Адмирал Федор Ушаков — святой праведный воин. Ярославль, 2015. С. 551–580.

⁶ См.: Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. С. 492–507.

⁷ Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. СПб., 2001. С. 242.

⁸ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 98.

⁹ Там же. С. 77.

¹⁰ Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. С. 611–612, 641–642.

¹¹ Rathery E. J. B. Le comte de Plélo, un gentilhomme français au dix-huitième siècle guerrier, littérateur et diplomate. D'après des papiers de famille et les archives du ministère de la guerre et des affaires étrangères. Paris, 1876. P. 208.

¹² Carré H. L'héroïque aventure du comte de Plélo et l'expédition de Dantzic (1734). Paris, 1946. P. 102.

¹³ Myon A., de. Voyage de Moscovie. Relation historique d'un voyage ou Journal de ce qui est arrivé de plus remarquable, en Pologne et en Moscovie, aux régiments de la March, Périgord et Blaisois. 1734 // La Revue Hebdomadaire. 1899. N 19. P. 193; Voëncourt G., de. A narrative of the French expedition to Dantzic in 1734: Voyage de troupes françaises en Pologne. Edinburgh, 1831. P. 17; Миних Б. Х. Атака Гданска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года: Сборник реляций графа Миниха / [Соч.] Ген. штаба полк. Д. Ф. Масловского. М., 1888. С. 94.

¹⁴ Миних Б. Х. Атака Гданска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года: Сборник реляций графа Миниха. С. 90–91.

¹⁵ Там же. С. 96.

¹⁶ Там же. С. 12.

¹⁷ Там же. С. 15.

¹⁸ Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб., 1879. Ч. 7. С. 598–599.

¹⁹ Там же. С. 696–697.

²⁰ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 230 (Походная канцелярия адмирала Н. Ф. Головина). Оп. 1. Д. 2. Л. 14; Ф. 212 (Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1733 г. Д. 2. Л. 290.

²¹ МИРФ. СПб., 1880. Ч. 8. С. 715–716.

²² РГАВМФ. Ф. 870 (Вахтенные и шканечные журналы). Оп. 1. Д. 201. Л. 5–5 об.; Д. 205. Л. 3; Д. 202. Л. 3; Д. 209. Л. 3 об.; Д. 214. Л. 2 об.; Д. 208. Л. 1 об. — 2.

²³ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. С. 94–95.

²⁴ Общий морской список от основания флота до 1917 г. СПб., 2013. Т. 1. С. 237–239.

²⁵ Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. С. 289.

²⁶ Общий морской список от основания флота до 1917 г. Т. 1. С. 239–242.

²⁷ РГАВМФ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 2. Л. 51, письмо Н. Ф. Головина А. И. Остерману от 14 мая 1734 г. из Кронштадта; Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 8; Д. 202. Л. 4 об.; Д. 205. Л. 5–5 об.; Д. 208. Л. 3 об.; Д. 210. Л. 1 об.; Д. 214. Л. 4; Ф. 225 (Клеркские протоколы и журналы канцелярий флагманов). Оп. 1. Д. 186. Л. 28 об., донесение Т. Гордона А. И. Остерману от 17 мая 1734 г.; Л. 22, донесение Т. Гордона Н. Ф. Головину от 15 мая 1734 г.

²⁸ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 9 об. — 16 об.; Д. 202. Л. 5–8 об.; Д. 205. Л. 5–9; Д. 209. Л. 6–13 об.; Д. 214. Л. 4 об. — 8; Ф. 225. Оп. 1. Д. 186. Л. 28 об. — 29, 34 об. — 35, донесения Т. Гордона А. И. Остерману от 17 и 20 мая 1734 г.; Л. 36 об., ордеры Т. Гордона, Н. А. Сенявина и М. П. Гослера от 23 мая 1734 г.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 3. Л. 281–281 об., список «В нынешнюю компанию вооружено и отправлено нижеписанных кораблей, фрегатов и протчих судов и на них повелено определить морских, артиллерийских и от салдат служителей».

³⁰ Там же. Л. 281 об.; МИРФ. Ч. 7. С. 640.

³¹ О военных действиях под городом Гданском // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1867. Кн. 3. Разд. 5. С. 87–95.

³² РГАВМФ. Ф. 225 (Клеркские протоколы и журналы канцелярий флагманов). Оп. 1. Д. 186. Л. 36 об. — 37, донесение Т. Гордона А. И. Остерману от 25 мая 1734 г.; л. 38 об., протокол консилиума флагманов от 25 мая 1734 г.; л. 37, ордер Т. Гордона кап. Г. Шлейницу от 25 мая 1734 г.; Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 18 об.

³³ *Соймонов Ф. И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. М., 2014. С. 81.

³⁴ Там же. С. 80.

³⁵ Там же. С. 80.

³⁶ [*Querlon A.-G. M., de.*] *Journal historique de la campagne de Dantzick en 1734.* Amsterdam, Paris, 1761. P. 69; *Соймонов Ф. И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. С. 82.

³⁷ *Соймонов Ф. И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. С. 82.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 19 об.; Д. 209. Л. 16; Д. 205. Л. 11 об.; Д. 202. Л. 10; Д. 210. Л. 7; Д. 204. Л. 6; Ф. 225. Оп. 1. Д. 186. Л. 38 об., 40–43, донесения Т. Гордона А. И. Остерману и Б. Х. Миниху от 26 мая 1734 г.

³⁹ РГАВМФ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 186. Л. 41, 42 об. — 43.

⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 209. Л. 16.

⁴¹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 205. Л. 12; *Соймонов Ф. И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. С. 82.

⁴² РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 20–23; Д. 205. Л. 12–14 об.; Д. 209. Л. 16 об. — 19; Д. 202. Л. 10 об. — 11 об.; Д. 204. Л. 6 об. — 7.

⁴³ Миних Б. Х. Атака Гданска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года: Сборник реляций графа Миниха. С. 112–113.

⁴⁴ Еще в 1732 г. было определено, что корабли «Мальбурх», «Леферм», «Девоншир», «Виктория», «Нарва» «в дальней вояж не надежны...» (РГАВМФ. Ф. 315 (Материалы по истории русского флота). Оп. 1. Д. 25. Л. 3, табель о состоянии флота к донесению императрице из Воинской морской комиссии от 28 февраля 1732 г.). На «Виктории» 15 марта 1734 г. было решено поставить более легкие пушки меньших калибров (на нижнем деке — 18-фунт., на верхнем — 8-фунт., а на гальфдеке — 4-фунт.), потому что корабль уже не мог выдерживать пушки прежнего веса (МИРФ. Ч. 7. С. 680).

⁴⁵ РГАВМФ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 186. Л. 53–54, протокол консилиума флагманов и капитанов от 30 мая 1734 г.

⁴⁶ Там же. Л. 54–55 об.

⁴⁷ МИРФ. Ч. 7. С. 625–626.

⁴⁸ *Соймонов Ф. И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. С. 82.

⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 202. Л. 13–13 об.; Д. 205. Л. 15 об.; Д. 209. Л. 19 об. — 20; Д. 201. Л. 23–24 об. 25; Д. 210. Л. 9 об.

⁵⁰ *Соймонов Ф. И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. С. 84.

⁵¹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 25; Д. 205. Л. 16; Д. 209. Л. 21; Д. 204. Л. 9 об.

⁵² *Myon A., de.* Voyage de Moscovie. Relation historique d'un voyage ou Journal de ce qui est arrivé de plus remarquable, en Pologne et en Moscovie, aux régiments de la March, Périgord et Blaisois. 1734. P. 201.

⁵³ [*Querlon A.-G. M., de.*] Journal historique de la campagne de Dantzick en 1734. P. 83–84.

⁵⁴ *Boëncourt G., de.* A narrative of the French expedition to Dantzic in 1734: Voyage de troupes françoises en Pologne. P. 31–32.

⁵⁵ *Carré H.* L'héroïque aventure du comte de Plélo et l'expédition de Dantzic (1734). P. 156.

⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 26; Д. 210. Л. 10 об.; Д. 202. Л. 14; Д. 205. Л. 17; Д. 209. Л. 22; Ф. 225. Оп. 1. Д. 186. Л. 58–59 об., ордер Т. Гордона кап. А. Черткову, Л. Шевингу и лейт. М. Пальчикову от 1 июня 1734 г.

⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 27; Д. 205. Л. 18.

⁵⁸ РГАВМФ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 186. Л. 61 об. — 63, ответы флагманов на «пункты» от Б. Х. Миниха 2 июня 1734 г.; Миних Б. Х. Атака Гданска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года: Сборник реляций графа Миниха. С. 131.

⁵⁹ *Соймонов Ф. И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. С. 86–87.

⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 298. Л. 13 об. — 14; Д. 205. Л. 18 об.; Ф. 225. Оп. 1. Д. 186. Л. 63 об., рапорт Т. Гордона в Адмиралтейскую коллегию от 2 июня 1734 г.; Л. 64 об. — 65, ордеры Т. Гордона капитанам У. К. Вильстеру и А. Черткову от 3 июня 1734 г.

⁶¹ МИРФ. Ч. 7. С. 608, 609.

⁶² О военных действиях под городом Гданском. С. 35.

⁶³ *Boëncourt G., de.* A narrative of the French expedition to Dantzic in 1734: Voyage de troupes françoises en Pologne. P. 29, 33, 35.

⁶⁴ О военных действиях под городом Гданском. С. 35.

⁶⁵ Там же. С. 36–37.

⁶⁶ Там же. С. 40–41, 43–49.

⁶⁷ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 32; Д. 208. Л. 16–16 об.; МИРФ. Ч. 7. С. 611.

⁶⁸ [*Querlon A.-G. M., de.*] Journal historique de la campagne de Dantzick en 1734. P. 97.

⁶⁹ *Boëncourt G., de.* A narrative of the French expedition to Dantzic in 1734: Voyage de troupes françoises en Pologne. P. 34.

⁷⁰ *Myon A., de.* Voyage de Moscovie. Relation historique d'un voyage ou Journal de ce qui est arrivé de plus remarquable, en Pologne et en Moscovie, aux régiments de la

March, Périgord et Blaisois. 1734. P. 204, 205; *Boëncourt G., de*. A narrative of the French expedition to Dantzic in 1734: *Voyage de troupes françoises en Pologne*. P. 35.

⁷¹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 202. Л. 18 об. — 19 об.; Д. 205. Л. 25–26 об.; Д. 208. Л. 17–18.

⁷² МИРФ. Ч. 7. С. 613.

⁷³ Миних Б. Х. Атака Гданска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года: Сборник реляций графа Миниха. С. 146–149; РГАВМФ. Ф. 212. Оп.: Указы, 1734 г., II отд. Д. 4. Л. 347, «Реляция о благополучном и славном происхождении в Польше оружия Е.И.В. и о взятии и покорении города Гданска».

⁷⁴ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 39 об.; Д. 210. Л. 16 об. — 17; Д. 208. Л. 19–19 об.; Д. 205. Л. 28.

⁷⁵ Миних Б. Х. Атака Гданска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года: Сборник реляций графа Миниха. С. 125–126; МИРФ. Ч. 7. С. 612–613.

⁷⁶ *Соймонов Ф. И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. С. 90; О военных действиях под городом Гданском. С. 56.

⁷⁷ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 41; Д. 210. Л. 17 об.; Д. 209. Л. 29 об.; МИРФ. Ч. 7. С. 613.

⁷⁸ РГАВМФ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 3. Л. 17, рапорт Н. Ф. Головину от 1 июля из Кронштадта.

⁷⁹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 201. Л. 56; Д. 210. Л. 25 об.; Д. 204. Л. 25; Д. 202. Л. 29; Д. 205. Л. 43; Д. 209. Л. 41 об. — 42.

⁸⁰ *Муравьев М. А.* Действия на море в ходе войны за польское наследство // Муравьев М. А. Владычествует четьрьмя: Эпизоды из истории русского флота первой половины XVIII в. Львов: Б. и., 2001. С. 78.

ЛИТЕРАТУРА

Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1989. 511 стр.

Военный энциклопедический словарь / Редкол.: А. П. Горкин, В. А. Золотарев и др. М.: Большая российская энциклопедия, «РИПОЛ КЛАССИК», 2002. 1664 стр.

Возгрин В. Е. Морские журналы Н. А. Синявина и Ф. М. Апраксина как источник по истории Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008, № 9. С. 206–214.

Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб.: Историческая иллюстрация, 1999. 192 стр.

Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 744 стр.

Мавродин В. В. Петр Первый. М.: Воениздат, 1949. 164 стр.

Материалы для истории русского флота. СПб.: Тип. Морского министерства, 1879. Ч. 7. [3], II, 801 стр.

Материалы для истории русского флота. СПб.: Тип. Морского министерства, 1880. Ч. 8. [5], 763 стр.

Миних Б. Х. Атака Гданска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года: Сборник реляций графа Миниха / [Соч.] Ген. штаба полк. Д. Ф. Масловского. М.: Унив. тип., 1888. XXVI, 268 стр.

Муравьев М. А. Действия на море в ходе войны за польское наследство // Муравьев М. А. Владычествует четыремя: Эпизоды из истории русского флота первой половины XVIII в. Львов: Б. и., 2001. С. 50–78.

Общий морской список от основания флота до 1917 г. СПб.: Атлант, 2013. Т. 1. 544 стр.

О военных действиях под городом Гданском // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1867. Кн. 3. Разд. 5. С. 27–96.

Овчинников В. Д. Адмирал Федор Ушаков — святой праведный воин. Ярославль: Академия 76, 2015. 654, [2] стр.

Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. СПб.: Алетейя, 2001. 352 стр.

Словарь военных терминов / Сост. А. М. Плехов. М.: Воениздат, 1988. 335 с.

Соймонов Ф. И. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. М.: Б. и., 2014. 536 стр.

Устав морской о всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. СПб., 1763. М.: Новатор, 1993. 215, 30 стр.

Voëncourt G., de. A narrative of the French expedition to Dantzic in 1734: Voyage de troupes françaises en Pologne. Edinburgh: [A. Henderson], 1831. XLII, 84 p.

Carré H. L'héroïque aventure du comte de Plélo et l'expédition de Dantzic (1734). Paris: Editions Alsatia, 1946. 187 p.

Myon A., de. Voyage de Moscovie. Relation historique d'un voyage ou Journal de ce qui est arrivé de plus remarquable, en Pologne et en Moscovie, aux régiments de la March, Périgord et Blaisois. 1734 // La Revue Hebdomadaire. 1899. N 19. P. 178–205.

[Querlon A.-G. M., de.] Journal historique de la campagne de Dantzick en 1734. Amsterdam, Paris: Lepriuer, 1761. 283 p.

Rathery E. J. B. Le comte de Plélo, un gentilhomme français au dix-huitième siècle guerrier, littérateur et diplomate. D'après des papiers de famille et les archives du ministère de la guerre et des affaires étrangères. Paris: E. Plon, 1876. 345 p.

М. О. Акишин

ДИНАСТИЯ СЕНЯВИНЫХ В ИСТОРИИ РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XX вв. (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)*

Дворянский род Сенявиных (Синявиных) сыграл выдающуюся роль в истории военно-морского флота в XVIII–XIX вв., ряд его представителей внесли значительный вклад в реализацию внешней и внутренней политики, развитие культуры Российской империи. Исследования по истории рода Сенявиных и отдельных его представителей ведутся уже три столетия и в настоящее время назрела необходимость в их историографическом обзоре. В рамках настоящего сообщения предполагается, во-первых, рассмотреть вопрос о состоянии генеалогических исследований рода Сенявиных; во-вторых, охарактеризовать основные биографические труды об отдельных представителях этого рода.

В обзоре историографии рода Сенявиных (Синявиных), прежде всего, необходимо отметить генеалогические исследования князя А. Б. Лобанова-Ростовского. Подготовленная им «Русская родословная книга» сначала публиковалась отдельными частями в журнале «Русская старина», затем была издана отдельным изданием в 1873 г. и, наконец, 2-м изданием в 1895 г.

А. Б. Лобанов-Ростовский составил наиболее полное в настоящее время родословие Сенявиных за XVI — первую половину XIX вв., выделив 13 колен этого рода и 82 его мужских представителя¹. Ссылаясь на семейные предания, он писал, что род Сенявиных или Синявиных происходит от Алехны Сенявы, герба Шренява, выехавшего в Россию из Великого княжества Литовского в начале XVI в. В XVII в. его представители служили по московскому списку.

В рамках темы настоящего сообщения наибольший интерес представляет московский дворянин Аким Иванович Сенявин и семь его сы-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-09-42011 «Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738)».

новой, принесших славу роду в годы реформ Петра I: Илларион, Борис, Ульян, Иван-большой, Иван-меньшой, Федор и Наум. Старшие братья — Илларион и Борис Акимовичи Сенявины еще в конце XVII в. получили чин стольников и служили в начале XVIII в. воеводами, умерли бездетными. Ульян Акимович Сенявин (?–1740) получил известность как строитель С.-Петербурга, занимая должности обер-комиссара и директора над строениями, выслужил чин генерал-майора. Состоял в браке с Евдокией Алексеевной Лопухиной, но брак оказался бесплодным. Иван-большой Акимович Сенявин выслужил в 1746 г. ранг бригадира. Он состоял в браке с Анной Дмитриевной Потемкиной (1702–1742), брак также оказался бесплодным.

Иван-меньшой Акимович Сенявин (ок. 1679–27.08.1726) стал одним из создателей военно-морского флота России, выслужил ранг шаутбенахта (контр-адмирала) и занимал в конце жизни должность главного командира Каспийской флотилии. От брака с Матреной Артемьевной Возницыной у него было два сына — Иван (1707–?), получивший за годы службы ранг капитан-командора, и Николай, выслуживший ранг вице-адмирала, и дочь Анна. В браке капитан-командора И. И. Сенявина и княжны А. Ф. Щербатовой родилось четыре дочери.

Федор Акимович (1670–1730) служил комиссаром Канцелярии от строений в Санкт-Петербурге, в отставку вышел в ранге бригадира. В браке Ф. А. Сенявина и Екатерины Ивановны Чебышевой родилось два сына: Николай, служивший адъютантом при А. Н. Сенявине и вышедший в отставку в ранге премьер-майора, и Александр, служивший в гвардии. Сыном Н. Ф. Сенявина и внуком Ф. А. Сенявина стали прославленный адмирал российского флота Дмитрий Николаевич Сенявин (6.08.1763–5.04.1831) и Сергей (ум. 1818), дослужившийся до капитана 2-го ранга. В браке Д. Н. Сенявина и Терезы Ивановны Разоровиз родились три сына — Николай (1798–1833), выслуживший ранг полковника, Лев, Константин и три дочери. В браке Сергея Николаевича и Марии Яковлевны родились два сына — Константин (5.03.1810 — до 1843), выслуживший ранг мичмана, и Сергей, дослужившийся до капитана 2-го ранга, и шесть дочерей. В браке К. С. Сенявина и Елисаветы Андреевны родился сын Николай, выслуживший ранг штаб-ротмистра, и дочь Таисия. В браке С. С. Сенявина и Эмилии Людвиговны Апоцкой 3 мая 1852 г. родился сын Лев, выслуживший ранг генерал-лейтенанта кавалерии.

Наибольшую известность среди братьев Сенявиных в годы реформ Петра I снискал Наум Акимович (1681–1738) — первый из русских морских офицеров, дослужившийся до ранга вице-адмирала. В браке Н. А. Сенявина и Неонилы Федоровны Языковой (2.10.1688–9.01.1774) родилось три сына — Сергей (1720–22.11.1782), выслуживший ранги ка-

мергера и генерал-поручика, Яков, Алексей (22.10.1722–11.08.1797), выслуживший ранг полного адмирала, и три дочери. Сыном С. Н. Сенявина был Александр Сергеевич, выслуживший ранг генерал-майора. В браке адмирала А. Н. Сенявина и Анны-Елисаветы фон Брадке родились сын Григорий (29.01.1767–17.04.1831), выслуживший ранг капитан-командора, и четыре дочери. В браке Г. А. Сенявина и Капитолины Ивановны Потаповой родились два сына — Иван (11.06.1801–11.06.1851), выслуживший ранг тайного советника и занимавший должность товарища министра внутренних дел, и Лев (14.10.1805–19.06.1862), выслуживший ранг действительного тайного советника и занимавший должности, товарища министра иностранных дел и члена Государственного Совета. В браке И. Г. Сенявина и баронессы Александры Васильевны Гоггер (Hogguer) родились три сына — Лев (30.11.1827–?), выслуживший ранг генерал-майора, Александр (22.06.1834–30.08.1902), выслуживший ранг генерал-майора, Николай (3.06.1836–?), и четыре дочери.

Родословные розыскания А. Б. Лобанова-Ростовского доведены только до середины XIX в. и требуют продолжения. Кроме того, его родословная роспись содержит досадную ошибку. Отцом адмирала Д. Н. Сенявина и капитана 2-го ранга С. Н. Сенявина в ней указан вице-адмирал Н. И. Сенявин. В последующем в науке было установлено, что их отцом был капрал лейб-гвардии Измайловского полка Н. Ф. Сенявин, вышедший в отставку в ранге премьер-майора².

К сожалению, в генеалогических розысканиях XIX в. мало уделялось внимания женским линиям рода Сенявиных. Между тем, многие женщины из этого рода служили при дворе фрейлинами и очень удачно выходили замуж. Отмечу только один факт. Дочери адмирала А. Н. Сенявина, внучки вице-адмирала Н. А. Сенявина служили фрейлинами при дворе и отличались необыкновенной красотой, за что всех их при дворе прозвали «нимфами». Одна из них, Екатерина Алексеевна (1764–1784) вышла в 1781 г. замуж за графа С. Р. Воронцова и стала матерью генерал-фельдмаршала, почетного члена Петербургской Академии наук, новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, заместника Кавказа, светлейшего князя М. С. Воронцова³.

В родословной росписи А. Б. Лобанова-Ростовского не всегда указываются даты рождения и смерти отдельных представителей рода Сенявиных. Относительно представителей этого рода, служивших до начала XX в., последний недостаток позволяет несколько восполнить публикация В. Сайтова о некрополе Санкт-Петербурга⁴.

Наряду с генеалогическими исследованиями в XVIII — начале XX вв. стали проводиться биографические исследования отдельных представителей рода Сенявиных. Прежде всего, отмечу, что некоторые сведения

о службах Сенявиных вошли в «Гисторию Свейской войны», созданную по инициативе и под редакцией Петра I. В ней, в частности, сообщалось о участии Н. А. Сенявина в абордаже и захвате шведского корабля 12 октября 1706 г. и производстве его в поручики флота, о победе флота под его командованием над шведским флотом в Эзельском сражении 24 мая 1719 г. и производстве в капитан-командоры и др., об участии Н. А. и И. А. Сенявиных в морских походах⁵.

В 1786 г. по почину и на средства адмирала А. Н. Синявина (Сенявина) и с санкции Екатерины II были изданы письма и указы Петра I его отцу вице-адмиралу Н. А. Синявину (Сенявину) с июня 1711 по декабрь 1722 г., хранившиеся в семейном архиве. Изданию документов предшествовал биографический очерк с кратким описанием службы вице-адмирала Н. А. Синявина (Сенявина) (с. III — XVIII)⁶. В 1852 г. были опубликованы ценные документы, освещавшие морскую службу Н. А. Сенявина в 1705–1712 гг. — его морские журналы⁷.

Одним из первых опытов создания истории военно-морского флота России в XVIII в. стало исследование В. Н. Берха «Жизнеописание первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота». В первой части этого сочинения была опубликована биографическая статья о шаутбенахте Иване Акимовиче Сенявине с приложением документов о нем⁸. Во второй — о вице-адмирале Науме Акимовиче Сенявине с приложением документов⁹. В третьей — о вице-адмирале Николае Ивановиче Сенявине¹⁰.

Важнейшее значение для изучения преобразований Петра I имеет классическое издание документов под названием «Письма и бумаги императора Петра Великого». Ее издание началось специальной комиссией во главе с академиком А. Ф. Бычковым в 1872 г. в связи с двухсотлетием со дня рождения первого русского императора. Относительно Сенявиных эта публикация документов позволила систематизировать сведения об отношениях представителей этого рода с царем и окончательно доказать факт о том, что Ульян Акимович, Иван Акимович и Наум Акимович Сенявины входили в близкое окружение Петра I. Более того, Наум Акимович служил непосредственно при Петре I и сопровождал его во всех поездках до 1710 г.¹¹

Историки XIX в. занялись исследованиями потомков петровских моряков. В частности, внимание историков военно-морского флота привлекла биография и служебная деятельность адмирала Д. Н. Сенявина. В 1855 г. в «Морском сборнике» была опубликована обширная статья о нем монографического характера А. А. Арцимовича¹², в 1913 г. — В. Гончарова¹³. В XIX в. были изданы ценные исторические источники о жизни и деятельности адмирала: записки морских офицеров В. Броневско-

го, Г. Мельникова, П. Свинына, письма П. Панфилина, служивших под командованием Д. Н. Сенявина в 1805–1810 гг.¹⁴ В приложении к статье В. Г. Гончарова — записки самого адмирала Д. Н. Сенявина.

Чрезвычайно большую роль в исследовании истории военно-морского флота Российской империи сыграл Ф. Ф. Веселаго. В его «Краткой истории русского флота» достойное место заняла династия морских офицеров Сенявиных¹⁵. В вышедших благодаря трудам С. И. Елагина и Ф. Ф. Веселаго «Материалам по истории русского флота» содержится огромный объем ценных документов о службе Сенявиных. Одним из итогов этих трудов стало составление «Общего морского списка», содержащего послужные списки морских офицеров, служивших в военно-морском флоте, начиная с Петра I и до Николая I. Достойное место среди русских морских офицеров заняла династия Сенявиных.

В 1-й части «Общего морского списка» были опубликованы послужные списки шаутбенахта Ивана Акимовича Синявина, вице-адмирала Наума Акимовича Синявина, обер-комиссара Ульяна Акимовича Синявина¹⁶. Во второй части — адмирала Алексея Наумовича Сенявина, капитан-командора Ивана Ивановича Сенявина, капитана 1-го ранга Ивана Федоровича Сенявина, мичмана Лукьяна Сенявина, вице-адмирала Николая Ивановича Сенявина, действительного камергера и генерал-поручика Сергея Наумовича Сенявина (он начинал службу во флоте)¹⁷. В части пятой — капитан-командора Григория Алексеевича Сенявина, адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, капитана 2-го ранга Сергея Николаевича Сенявина¹⁸. В части восьмой — полковника Николая Дмитриевича Сенявина (начинал службу на флоте)¹⁹. В части одиннадцатой — мичмана Константина Сергеевича Сенявина, капитана 2-го ранга Сергея Сергеевича Сенявина²⁰.

Достойное место заняла династия Сенявиных и в «Русском биографическом словаре», опубликованном в 1904 г. Прежде всего, в нем была издана обширная статья о роде Сенявиных. Затем были опубликованы статьи о наиболее известных представителях этого рода — адмирале Алексее Наумовиче, адмирале Дмитрии Николаевиче, шаутбенахте Иване Акимовиче, вице-адмирале Науме Акимовиче и адмирале Николае Ивановиче Сенявиных. Наконец, в «Русском биографическом словаре» содержались и обширные статьи о представителях рода, по которым ранее не делалось публикаций — тайном советнике и товарище министра внутренних дел Иване Григорьевиче Сенявине и действительном тайном советнике, товарище министра иностранных дел и члене Государственного Совета Льве Григорьевиче Сенявине²¹.

В феврале 1917 г., в разгар Первой мировой войны, англофилы вынудили отречься от престола императора и главнокомандующего русской

армией Николая II. Монархический строй России рухнул, последовавшая за этим анархия привела к победе партии большевиков и становлению Республики Советов. Род Сенявиных не принял Советской власти. Видимо, поэтому даже в общих работах по истории Российской империи, опубликованных в 1920–1930-х гг., почти не содержится упоминаний о этой династии и ее представителях. Наиболее крупным достижением этого периода в исследовании истории военно-морского флота следует признать переиздание труда Ф. Ф. Веселаго, осуществленное накануне Второй мировой войны²².

Кардинальным образом отношение к традициям России, истории армии и флота в целом и морской династии Сенявиных, в частности, изменилось в годы Великой Отечественной войны. Прежде всего, необходимо отметить, что в 1946 г. было возобновлено издание «Писем и бумаг императора Петра Великого». В 1946–2003 гг. вышло еще семь томов этой серии за 1708–1713 гг. Относительно рода Сенявиных возобновление этого издания позволило установить, что Иван Акимович и Наум Акимович продолжали входить в ближайшее окружение Петра I, состояли с ним в переписке и выполняли по его указам ответственные задания на военно-морском флоте. Большим доверием царя продолжал пользоваться Ульян Акимович Сенявин, выполнявший его поручения по строительству Санкт-Петербурга²³.

Героическая защита Севастополя в годы Великой Отечественной войны заставила советских историков вспомнить о представителях рода Сенявиных, сыгравших выдающуюся роль в становлении Черноморского флота. В 1945 г. было опубликовано исследование А. Я. Грунта о создателе Азовского флота адмирале Алексее Наумовиче Сенявине²⁴. В современной исторической науке труд А. Я. Грунта оценивается как одна «...из наиболее полных работ ... о жизни и деятельности этого талантливого адмирала»²⁵.

Большое внимание историков было уделено личности и службе одного из создателей Черноморского флота адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. В 1945 г. состоялось переиздание исследования В. Г. Гончарова²⁶ и вышла научно-популярная книга В. Л. Снегирева²⁷. В 1950-х — 1970-х гг. появляются научно-популярные книги В. Дивина и К. Фокеева²⁸, Ю. В. Давыдова, посвященные адмиралу Д. Н. Сенявину²⁹.

Из работ о Д. Н. Сенявине выделяется исследование Е. В. Тарле, посвященное экспедиции адмирала в Средиземное море 1805–1807 гг. На основе фундаментального собрания исторических источников, как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот, Е. В. Тарле провел блестящий анализ военно-морского искусства, проявленного Д. Н. Сенявиным в ходе экспедиции и морских сражений с турецким флотом у Дарданелл и у Афонской горы³⁰.

Классические исследования жизни, службы и общественно-политических взглядов Д. Н. Сенявина принадлежат А. Л. Шапиро. В 1951 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Кампания русского флота на Средиземном море в 1805–1807 гг. и адмирал Д. Н. Сенявин»³¹. В последующем А. Л. Шапиро издал монографическое исследование о адмирале Д. Н. Сенявине³² и ряд статей об отдельных эпизодах его боевой биографии в связи с историей внешней политики России и военно-морского искусства³³.

Советские историки уделили серьезное внимание одной из тем, которая не пользовалась достаточным вниманием в дореволюционной историографии, — истории феодального землевладения. Благодаря ряду комплексных исследований в этой области удалось, в частности, установить значительный рост поместного землевладения рода Сенявиных в годы реформ Петра I и его наследников³⁴. Историк М. Я. Волков опубликовал документ, позволяющий охарактеризовать Н. А. Сенявина как рачительного помещика³⁵.

В 1985–1991 гг. Россия вновь оказалась в состоянии кризиса и глубоких трансформаций. В этих условиях российские традиции вновь оказались основой для возрождения страны. Думается, этим и объясняется тот всплеск внимания к истории военно-морского флота России в целом и морской династии Сенявиных, в частности, который наблюдается в современной российской исторической науке.

В 1990-х — начале 2000-х гг. появился целый ряд биографических справочников, которые позволяют как уточнить некоторые аспекты генеалогии рода Сенявиных, так и биографии его представителей. Особо хотелось бы отметить морской биографический словарь XVIII в. В. М. Лурье³⁶; список русского служилого дворянства 1764–1795 гг., составленный по адрес-календарям В. П. Степановым³⁷; справочники по офицерам армейской кавалерии и военно-морского флота начала XX в., составленные С. В. Волковым³⁸.

Фундаментальное исследование личности и службы вице-адмирала Н. А. Сенявина провел П. А. Кротов. Совершенно обоснованно он пришел к выводу о том, что «имя Н. А. Сенявина стоит наряду с именами Петра Великого, М. М. Голицына, Ф. М. Апраксина у истоков отечественной школы военно-морского искусства»³⁹. Отдельное исследование П. А. Кротов посвятил Эзельскому морскому сражению 1719 г., отметив военно-морское искусство, проявленное в нем Н. А. Сенявиным⁴⁰.

В связи с исследованиями истории управления Сибирью в годы реформ Петра I мною были реконструированы основные вехи биографии Иллариона и Бориса Синявиных (Сенявиных). Илларион Акимович Синявин (Сенявин) прибыл в Сибирь в чине стольника, служил воево-

дой в Нарыме и Кецке в 1697–1699 гг., Кузнецке в 1699–1703 гг., Иркутске в 1704–1710 гг., комендантом в Соли Камской в 1711–1716 гг., Кунгуре 1716–1717 г. В 1724 г. состоялся указ Петра I о назначении его прокурором Смоленского надворного суда. В 1726–1727 гг. он служил воеводой Бахмутской провинции. Борис Акимович Синявин (Сенявин) также прибыл в Сибирь в чине стольника, служил воеводой Кузнецка в 1703–1706 гг., товарищем воеводы при брате в Иркутске в 1706–1710 гг., упоминается комендантом Кузнецка в 1715 г.⁴¹

Н. Р. Славнитский провел исследование роли обер-комиссара и директора над строениями У. А. Сенявина, брата Н. А. Сенявина, в ремонте и строительстве фортификационных укреплений на Северо-Западе России⁴². Как и прежде, интерес историков вызывали личности адмирала А. Н. Сенявина и Д. Н. Сенявина, новые биографические исследования о их службе на военно-морском флоте России провели В. Н. Филас, Н. В. Скрицкий, А. Г. Сацкий, А. А. Лебедев и др.⁴³

Новым в исследовании рода Сенявиных в 1990-х — начале XXI вв. стало изучение биографий представителей этого рода в годы гражданской войны и установления Советской власти. В базе данных «Жертвы политического террора в СССР» указывается, что были расстреляны: 14 марта 1921 г. — юнкер Владимир Леонтьевич Сенявин (1902–14.03.1921), за службу в армии А. В. Колчака; 23 ноября 1937 г. — священник Александр Григорьевич Сенявин (1865–23.11.1937). Инженер Песковского завода г. Вологды Сергей Иванович Сенявин (1882–1918) был арестован 31 августа 1918 г. по обвинению в агитации против Советской власти и участии в контрреволюционном выступлении, но приговором от 16 декабря 1918 г. дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Другим представителям рода Сенявиных, видимо, все же удалось адаптироваться в Советской России. Так, в 1939 г. Аркадий Александрович Сенявин опубликовал биографический очерк жизни и деятельности А. С. Пушкина⁴⁴.

Многие представители рода Сенявиных не приняли Советской власти, сражались на фронтах Гражданской войны и в последующем эмигрировали. К ним, в частности, относились сыновья генерал-лейтенанта кавалерии Льва Сергеевича Сенявина (04.05.1852–09.02.1913): Дмитрий, Николай и Сергей.

Д. Л. Сенявин (01.09.1886–16.03.1952) до революции выслужил чин штабс-ротмистра Крымского конного полка. С января 1918 г. — в Донской армии. В 1920–1936 гг. был в эмиграции в Эфиопии, где служил военным советником и подготовил эфиопское ополчение к ожесточенному сопротивлению против вторжения в эту страну в 1935 г. фашистской Италии. С 1936 г. он перебрался в Европу, где служил секретарем

великого князя Кирилла Владимировича, а затем его сына. В 1942 г. послан великим князем Владимиром Кирилловичем в СССР, где был зачислен советской разведкой, переправлен через фронт и участвовал в проведении операции «Монастырь». Умер 16 марта 1952 г. в Буэнос-Айресе⁴⁵.

Н. Л. Сенявин (8.05.1880 —?) в 1901 г. служил во флоте, участвовал в русско-японской и Первой мировой войне, дослужился до звания капитана II ранга. В Гражданскую войну воевал в вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии, затем — в Сибирской флотилии на Восточном фронте, выслужив звание капитана I-го ранга. 24 октября 1922 г. Сибирская флотилия была эвакуирована в Корею, затем в Шанхай. Был «в эмиграции в Китае, 1936–1939 — член кают-компании в Шанхае»⁴⁶. С. Л. Сенявин (1878–?) служил в кавалерии с 1897 г. До революции дослужился до звания полковника, участвовал в Гражданской войне. В 1920 г. эвакуировался с сыном на Кипр⁴⁷.

Подведем итоги. Династия Сенявиных и биографии отдельных ее представителей изучаются в русской науке уже три столетия. Столь пристальное внимание историков к этой династии объясняется тем вкладом, который она внесла в становление Балтийского, Азовского и Черноморского военно-морских флотов, иные сферы военной и гражданской истории России, ее культуру. В настоящее время выявлен и введен в научный оборот огромный объем исторических источников, которые позволяют как реконструировать историю рода в целом, так и отдельных его представителей, проведены фундаментальные исследования личностей и службы наиболее ярких представителей рода Сенявиных.

В тоже время целый ряд вопросов все еще остается открытым. Думается, более серьезного исследования ждут вклад У. А. и Ф. А. Сенявиных в строительство Санкт-Петербурга, служба в военно-морском флоте шаутбенахта И. А. Сенявина, капитан-командора И. И. Сенявина, капитан-командоров И. И. и Г. А. Сенявина, капитана I ранга И. Ф. Сенявина, капитанов 2 ранга С. Н. и С. С. Сенявиных. Безусловно, в дальнейших исследованиях нуждаются военные и гражданские государственные службы представителей рода Сенявиных. Крайне слабо исследована роль Сенявиных в придворной жизни, и дело здесь не только в реконструкции биографии действительного камергера С. Н. Сенявина, но, главным образом, в изучении роли при императорском дворе женщин из рода Сенявиных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга: В 2 т. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 2. С. 210–215.

² Шапиро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. М., 1958. С. 9.

³ Половинкина М. Л., Шляпникова Е. А. Семен Романович Воронцов // Вопросы истории. 2003, № 11. С. 66.

⁴ Саитов В. Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1913. С. 58–59.

⁵ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. С. 137, 398, 416, 424, 481–482, 494, 532 и др.

⁶ Письма и указы [...] Петра Великого, писанные к Науму Акимовичу Сяявину. СПб., 1786.

⁷ Сенявин Н. А. Морские журналы Наума Акимовича Сенявина, 1705–12 годов // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1852. Ч. 10. С. 326–359.

⁸ Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота: [В 4 ч.]. СПб., 1831. Ч. 1. С. 266–278.

⁹ Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота: [В 4 ч.]. СПб., 1832. Ч. 2. С. 73–109.

¹⁰ Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота: [В 4 ч.]. СПб., 1834. Ч. 3. С. 1–8.

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. С. 526, 616–618; 1893. Т. 3. С. 606; 1900. Т. 4. № 1307; 1912. Т. 6. № 1886, 1965, 2081; Пг., 1918. Т. 7, Вып. 1. № 2223, 2349.

¹² Арцимович А. А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // Морской сборник. 1855. Отд. IV (учено-литературный). № 4. С. 113–171; Там же. № 5. С. 127–177; Там же. № 8. С. 291–347, С. 375–417; Там же. № 12. С. 230–267.

¹³ Гончаров В. Адмирал Сенявин. Биографический очерк, с приложением записок адм. Д. Н. Сенявина // Морской сборник. 1913. № 7 (отдел неофициальный). С. 1–101.

¹⁴ Свиньин П. П. Воспоминания на флоте. СПб, 1818–1819. Ч. I–III; Броневский В. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1836–1837. Ч. I–IV; Мельников Г. М. Дневные записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземном море. СПб., 1872. Ч. I–III; Панафидин П. И. Письма морского офицера (1806–1809). Пг., 1916.

¹⁵ Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота. В 2-х вып. СПб., 1893–1895.

¹⁶ Общий морской список. СПб., 1885. Ч. I. От основания флота до кончины Петра Великого. С. 339–347.

¹⁷ Там же. Ч. II. От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. С. 378–382.

¹⁸ Там же. СПб., 1890. Ч. V. Царствование Екатерины II (С—Ф). С. 57–62.

¹⁹ Там же. СПб., 1894. Ч. VIII. Царствование Александра I (П—Ф). С. 207.

²⁰ Там же. СПб., 1900. Ч. XI. Царствование Николая I (Н—С). С. 494–495.

²¹ Русский биографический словарь: В 25 т. СПб.; М., 1904. Т. «Сабанеев — Смыслов». С. 329–338.

²² *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. 2-е изд. М.; Л., 1939.

²³ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1948. Т. 8, вып. 1. № 2551, 2891; 1950. Т. 9, вып. 1. № 3023, 3538, 3555; 1956. Т. 10. № 3824; 1964. Т. 11, вып. 2. № 4624, 4680, 4681; 1977. Т. 12, вып. 2. № 5014, 5018, 5457, 5568, 5569, 5623, 5630, 5746, 5790; 1992. Т. 13, вып. 1. № 5797, 5852, 5949, 5953, 5964, 6160, 6374, 6375; Т. 13, вып. 2. № 6045, № 6065, 6066, 6069, 6394.

²⁴ *Грунт А. Я.* Создатель Азовского флота (Адмирал А. Н. Сенявин). М.; Л., 1945.

²⁵ *Лебедев А. А.* Создание и действия Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2009. С. 7.

²⁶ *Гончаров В.* Адмирал Сенявин. Биографический очерк, с приложением записок адм. Д. Н. Сенявина. М.; Л., 1945.

²⁷ *Снегирев В. Л.* Адмирал Сенявин (1763–1831): Жизнь и деятельность. М., 1945.

²⁸ *Дивин В., Фокеев К.* Адмирал Д. Н. Сенявин. М., 1952.

²⁹ *Давыдов Ю. В.* Сенявин. М., 1972. («Жизнь замечательных людей»).

³⁰ *Тарле Е. В.* Три экспедиции русского флота. М., 1956.

³¹ *Шапиро А. Л.* Кампания русского флота на Средиземном море в 1805–1807 гг. и адмирал Д. Н. Сенявин: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1951.

³² *Шапиро А. Л.* Адмирал Д. Н. Сенявин. М., 1958.

³³ *Шапиро А. Л.* Военно-морское искусство в средиземноморских компаниях 1806–1807 гг. // История военно-морского искусства. М., 1954. Т. II. С. 31–65; Он же. Средиземноморские проблемы внешней политики России начала XIX в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 55. С. 253–288; Он же. Об условиях побед русского флота в конце XVIII — начале XIX вв. // Вестник ЛГУ. 1959. Вып. 4, № 2. С. 61–73.

³⁴ *Шватченко О. А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (Историко-географический очерк). М., 1996. С. 278; Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII — первая половина XVIII в. / Сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко. М., 1989. С. 78.

³⁵ *Волков М. Я.* Письмо Н. А. Сенявина сельскому старосте // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.

³⁶ *Лурье В. М.* Морской биографический словарь. XVIII век. СПб., 2005.

³⁷ Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795): Список по Месяцословам / Сост. В. П. Степанов. СПб., 2003.

³⁸ *Волков С. В.* Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004; Он же. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004.

³⁹ *Кротов П. А.* Вице-адмирал Н. А. Сенявин (около 1681–1738): «Новая порода» людей на службе отечеству // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2012. С. 296.

⁴⁰ *Кротов П. А.* Эзельское сражение 1719 г. в свете новых данных // «Морским судам быть!..»: Российскому военно-морскому флоту — 300 лет. Воронеж, 1996. С. 57–72.

⁴¹ Российского государственного архива древних актов. Ф. 214. Кн. 1310. Л. 465; Оп. 5. Д. 670. Л. 1–5; Д. 1587. Л. 4; Ф. 248. Кн. 156. Л. 211; Государственного

архива Саратовской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 19. Л. 111; *Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: Структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003.*

⁴² *Славнитский Н. Р. У. А. Сенявин и его деятельность по ремонту и строительству фортификационных укреплений на Северо-Западе России // Петровское время в лицах-2014. СПб., 2014. С. 358–362.*

⁴³ *Скрицкий Н. В. Самые знаменитые флотоводцы России. М., 2000; Сацкий А. Г. Дмитрий Николаевич Сенявин // Вопросы истории. 2002, № 11. С. 73–97; Лебедев А. А. У истоков Черноморского флота России. Азовская флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черноморского флота (1768–1783 гг.). СПб., 2011; Филас В. Н. Пожар в Главном гребном порту Балтийского флота 1796 года (Эпизод из жизни адмирала А. Н. Сенявина) // Кортик: флот, история, люди. СПб., 2011, № 11. С. 3–8.*

⁴⁴ *Александр Сергеевич Пушкин: Биографический очерк / Сост. Аркадий Сенявин. М., 1939.*

⁴⁵ *Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2002.*

⁴⁶ *Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 430.*

⁴⁷ *Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2002.*

ЛИТЕРАТУРА

Александр Сергеевич Пушкин: Биографический очерк. М.: Художественная литература, 1939. 115 с.

Арцимович А. А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // Морской сборник. 1855. Отд. IV. № 4. С. 113–171.

Арцимович А. А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // Морской сборник. 1855. Отд. IV. № 5. С. 127–177.

Арцимович А. А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // Морской сборник. 1855. Отд. IV. № 8. С. 291–347, С. 375–417; Там же. № 12. С. 230–267.

Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота: [В 4 ч.]. СПб.: В морской тип., 1831–1836. Ч. 1. 1831. 355 с., [13 л.]; Ч. 2. 1832. 391 с., [15] л.; Ч. 3. 1834. 291 с., [14] л.; Ч. 4. 1836. 126 с.

Броневский В. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. Ч. 1. СПб.: Тип. Акад. наук, 1836. 345 с.

Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота. В 2-х вып. СПб.: тип. В. Демакова, 1893–1895. Вып. 1. От начала мореходства (IX век) до кончины Павла I. 1893. VIII, 1 л., 302 с.; Вып. 2. 1895. Царствование Александра I. IV, 2 л., с. 303–462 (Нумерация листов общая для двух выпусков) [То же. 2-е изд. М.; Л.: Военно-морское изд-во, 1939. 304 с.].

Возгрин В. Е. Морские журналы Н. А. Синявина и Ф. М. Апраксина как источник по истории Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008, № 9. С. 206–214.

Волков М. Я. Письмо Н. А. Сенявина сельскому старосте // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 291–293.

Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М.: Рус. путь, 2004. 617, [2] с.

Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. 557, [2] с.

История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М.: «Круг», 2004. Вып. 1. 632 с.

Гончаров В. Г. Адмирал Сенявин. Биографический очерк, с приложением записок адм. Д. Н. Сенявина // Морской сборник. 1913. № 7. С. 1–101.

Гончаров В. Г. Адмирал Сенявин. Биографический очерк, с приложением записок адм. Д. Н. Сенявина. М.; Л.: Военмориздат, 1945. 142 с.

Грунт А. Я. Создатель Азовского флота (Адмирал А. Н. Сенявин). М.; Л.: Воен. мор. изд-во, 1945. 50 с.

Давыдов Ю. В. Сенявин. М.: Молодая гвардия, 1972. 63 с.

Дивин В., Фокеев К. Адмирал Д. Н. Сенявин. М.: Военно-морское изд-во, 1952. 118 с.

Кротов П. А. Вице-адмирал Н. А. Сенявин (около 1681–1738): «Новая порода» людей на службе отечеству // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб.: СПбГУ, 2012. Т. 3. С. 296–321.

Кротов П. А. Эзельское сражение 1719 г. в свете новых данных // «Морским судам быть!..»: Российскому военно-морскому флоту — 300 лет. Воронеж, 1996. С. 57–72.

Лебедев А. А. Создание и действия Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2009. 32 с.

Лебедев А. А. У истоков Черноморского флота России. Азовская флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черноморского флота (1768–1783 гг.). СПб.: Изд. «Гангут», 2011. 831 с.

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга: В 2 томах. 2-е изд. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1895. Т. 2. 481 с.

Лурье В. М. Морской биографический словарь: Деятели Рос. флота XVIII в. СПб.: Выбор: ГИПП Искусство России, 2005. 348, [1] с.

Общий морской список. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. Ч. I. От основания флота до кончины Петра Великого. 454 с.; Ч. II. От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. 528 с.; 1890. Ч. V. Царствование Екатерины II (С—Ф). 474 с.; 1894. Ч. VIII. Царствование Александра I (П—Ф). 639 с.; 1900. Ч. XI. Царствование Николая I (Н—С). 678 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб: Гос. тип., 1887–1912. Т. 1–6; Пг.: Первая гос. тип., 1918. Т. 7. Вып. 1; М.: Изд. АН СССР, 1946. Т. 7, вып. 2; 1948. Т. 8, вып. 1; 1951. Т. 8, вып. 2; 1950. Т. 9, вып. 1; 1952. Т. 9, вып. 2; 1956. Т. 10; М.: «Наука», 1962. Т. 11, вып. 1; 1964. Т. 11, вып. 2; 1975. Т. 12, вып. 1; 1977. Т. 12, вып. 2; 1992. Т. 13, вып. 1; М.: «Древлехранилище», 2003. Т. 13, вып. 2.

Письма и указы его и. в. государя императора Петра Великого, писанные к Науму Акимовичу Синявину, продолжавшему службу в Российском корабельном флоте с начала онаго от звания матрозского до вице-адмиральского чина,

хранящиеся у сына его флота адмирала и кавалера Алексея Наумовича Синявина, коего желанием по высочайшему ея и. в. всемилостивейшему благоволению издаются с кратким описанием службы покойнаго родителя его. СПб.: Тип. Акад. наук, 1786. XVIII, 75, Xс.

Половинкина М. Л., Шляпникова Е. А. Семен Романович Воронцов // Вопросы истории. 2003, № 11. С. 62–83.

Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795): Список по Месяцословам. СПб.: Акад. проект, 2003. 832 с.

Саитов В. Петербургский некрополь: В 4 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. Т. 4 (С—Я). 764 с.

Скрицкий Н. В. Самые знаменитые флотоводцы России. М.: Вече, 2000. 477, [2] с.

Славнитский Н. Р. У. А. Сенявин и его деятельность по ремонту и строительству фортификационных укреплений на Северо-Западе России // Петровское время в лицах-2014: К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014): Материалы научной конференции. СПб.: Изд. Эрмитажа, 2014. С. 358–362.

Снегирев В. Л. Адмирал Сенявин (1763–1831). М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1945. 62 с.

Тарле Е. В. Три экспедиции русского флота. М.: Воениздат, 1956. 460 с.

Шапиро А. Л. Кампания русского флота на Средиземном море в 1805–1807 гг. и адмирал Д. Н. Сенявин: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1951. 24 с.

Шапиро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. М.: Военное изд-во, 1958. 374 с.

Шапиро А. Л. Военно-морское искусство в средиземноморских компаниях 1806–1807 гг. // История военно-морского искусства. М., 1954. Т. II. С. 31–65.

Шапиро А. Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России начала XIX в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 55. С. 253–288.

Шапиро А. Л. Об условиях побед русского флота в конце XVIII — начале XIX вв. // Вестник ЛГУ. 1959. Вып. 4. № 2. С. 61–73.

Сидоренко Л. В.

ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КАК УДАР ПО АНГЛИЙСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ*

Несмотря на удаленный театр боевых действий, война за независимость североамериканских колоний в итоге привела к заметному вовлечению многих европейских держав в события за океаном, хотя первоначально конфликт в Америке казался внутренним делом Великобритании. Российская империя, чья правительница не разделяла революционных принципов колонистов, но и не желавшая усиления Британии, подчеркнуто отстранилась от какого-либо участия в заокеанских делах, отвергнув осенью 1775 г. просьбу английского монарха о помощи, сославшись на необходимость восстановления мира в самой Российской империи¹. Таким образом, война продолжалась без участия России, продемонстрировавшей четкий нейтралитет, имевший определенные выгоды для российских коммерческих интересов.

Однако с 1778 г., после того как в войну на стороне колонистов вступили Франция и Испания, использовать России преимущества нейтрального статуса в торговле стало затруднительно, так как Великобритания активизировала все свои усилия на море для сохранения своего господства. Для реализации этой цели англичане применили излюбленный прием — захват судов нейтральных держав для пресечения торговли с воюющими против нее государствами. Враги Великобритании также не отличались избирательностью на морских просторах, однако именно английские действия вызвали наибольшее возмущение среди нейтралов. Их протест прозвучал через российскую императрицу Екатерину II, которая взяла на себя инициативу объединения северных нейтральных стран для коллективного силового ответа на враждебные популозновения со стороны воюющих держав². При этом российскому руководству

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

важно было показать, что оно исходит из интересов отечества и соблюдает нейтралитет в конфликте, но такой, который не позволит англичанам бесчинствовать против интересов русской торговли. Как замечалось в секретном докладе Коллегии иностранных дел Екатерине II «Будучи окружена множеством сильнейших неприятелей, не перестает она, однако же захватом нейтральных судов и с самыми невинными грузами вяще и вяще озлоблять и раздражать прочие народы»³.

В историографии до сих пор сохраняется определенная недосказанность в отношении того, что стало поводом для решительных действий российской императрицы. В начале 1970-х гг. американский историк Д. Гриффитс обратил внимание на недооценку значения молодых Соединенных штатов в инициативе Екатерины II, отреагировавшей на смелую деятельность американского капера из Бостона против интересов русской торговли⁴. В отечественной традиции считается, что побудительным мотивом установить правила игры для торгового нейтрального судоходства стал захват в начале 1780 г. Испанией купеческого судна «Св. Николай», что привело к отправлению летом 1780 г. в Северное море военной эскадры для обеспечения свободного плавания всех «дружеских народов»⁵. Представляется, вопрос о том, что именно послужило основанием для перехода количественного недовольства в качественное не так уж и важен: главное должны считаться условия и последствия этого шага.

После завершения дипломатических приготовлений 27 февраля (9 марта) 1780 г. Екатерина II официально провозгласила Декларацию о вооруженном нейтралитете, адресовав ее лондонскому, версальскому и мадридскому дворам. Императрица руководствовалась той идеей понимания международного права, по которой вооруженный нейтралитет «объявляется нейтральной державой или группой нейтральных держав о состоянии готовности защищать свою морскую торговлю от воюющих на море государств с помощью вооруженных сил», что в первую очередь подразумевало в качестве главной цели защиту судоходства нейтральных стран⁶. При этом принципы декларации разделялись многими нейтральными государствами, что позволило оформить и Лигу вооруженного нейтралитета, к которой присоединились как балтийские державы (Швеция и Дания), так и Пруссия, Австрия, Португалия, Сицилия, Нидерланды — почти все нейтральные страны с торговыми интересами. Находящиеся в войне с Великобританией Франция и Испания в целом приняли принципы декларации, хотя и не могли вступить в Лигу. Конгресс США объявил о своей солидарности с принципами вооруженного нейтралитета, но желание молодой республики примкнуть к Лиге, и тем самым заставив Екатерину II официально признать ее существование,

не реализовалось. Императрица, безусловно, не стремилась нарушать монархический принцип и допустить компромисс с революцией⁷.

Но каково же значение этого шага России на ход событий Американской революции? Какой груз на чашу весов революции и контрреволюции положило это решение императрицы? Разумеется, вопрос дипломатической поддержки стоит почти сразу исключить. Хотя формально можно рассматривать в качестве первого прямого дипломатического акта между Россией и США случившийся в 1780–1781 гг. обмен документами международного характера⁸, де-юре Екатерина II так и не признала США, отказавшись от заключения торгового договора и установления дипломатических отношений⁹. Значение Декларации о вооруженном нейтралитете нужно искать не в дипломатических протоколах, тем более, что первая американская миссия в Россию (1781–1783) окончилась провалом, а посланный в Петербург Конгрессом Фрэнсис Дана встретил далекий от гостеприимства прием, что, по мнению некоторых американских историков, стало основанием для напряженных дипломатических отношений между двумя странами в течение нескольких последующих лет¹⁰.

Однако Декларация о вооруженном нейтралитете оказалась достаточно весома в формировании внешней политики молодой республики, которая не только одобрила этот документ, но и на его основе внедрила в национальное законодательство принципы морского права, что полностью соответствовало защите своих интересов во внешней политике и торговле¹¹. Как раз торговые интересы были приоритетны. Если в военном плане молодые Соединенные Штаты мало что могли предложить своим потенциальным союзникам, в делах торговли этот мнимый недостаток бывших британских колоний нивелировался. Колонисты готовы были предложить миру революционную систему свободного обмена товарами, основу, как считали они, всеобщего мира и процветания¹².

Система вооруженного нейтралитета Екатерины II внедрила ряд правил, защищавших свободу торговли во время войны, которые могли бы оказаться очень полезными для Соединенных Штатов, когда эта страна в потенциальном будущем конфликте других держав сохранила бы нейтралитет¹³. Отсюда идея вооруженного нейтралитета была созвучна концепциям американских лидеров о правах наций, свободной торговле и уважении нейтралитета. Эти концепции, как верили в молодых США, позволят им создать и расширить экономические основы новой нации, чтобы обеспечить ее выживание во враждебном мире. При этом такие идеи были выдвинуты американцами задолго до российской императрицы в 1776 г., а их суть можно было суммировать тезисом «свободные суда провозят свободные товары»¹⁴, тезисом, созвучным с таким же громким судьбоносным лозунгом как «нет налогов без представительства».

И так же как борьба за справедливое налогообложение, поддержка прав нейтральных держав была направлена против Великобритании, нейтрализуя в ближайшей перспективе британское господство на морях. Сторонники Лиги вооруженного нейтралитета и принципа «свободные суда провозят свободные товары» поддерживали инновации в международном праве, преследуя и свои интересы в антибританской политике¹⁵. Однако она считалась скорее способом, нежели целью, о чем свидетельствует продолжение поддержки вооруженного нейтралитета и после войны с метрополией. В 1787 г. Т. Джефферсон заявил, что провозглашение идеи вооруженного нейтралитета и его принципов «может рассматриваться теперь как закон наций». В 1783–1786 гг. Соединенные Штаты успешно заключили коммерческие договоры с Нидерландами, Швецией и Пруссией. Эти шаги, вместе с французским договором 1778 г., имели важное значение для демонстрации принципа, которому Штаты стремились следовать. Краеугольным камнем любого договора, заключенного США, была доктрина о том, что «свободные корабли провозят свободные товары»¹⁶. При этом важно отметить, что это правило представляло скорее конъюнктурный интерес, чем реальный принцип права, за который можно бороться. Какие бы преимущества для американской торговли ни принесло членство в Лиге, сохранялись очень серьезные издержки этого. Поэтому принципы вооруженного нейтралитета признавались прежде всего в конвенционных соглашениях, а не в качестве основополагающих норм международного права¹⁷.

Этот тезис подтверждается тем, что вооруженный нейтралитет 1780 г. не являлся первой организованной попыткой нейтральных держав отстаивать свои права на море. За предшествовавшие этому времени столетия было создано не менее трех вооруженных лиг нейтралов. Уже заключенный между Голландией и Любеком в 1613 г. союз можно считать в некоторой степени вооруженным нейтралитетом. Другие две лиги появились в последнем десятилетии XVII в., но и без них отдельные государства выступали с протестами и взаимными обвинениями против тех воюющих стран, чья морская политика противоречила интересам их соседей. Поэтому программа 1780 г. с ее пятью положениями в целом не являлась новаторской, а ее главное отличие от предыдущих лиг было в более четких положениях, но которые так и не стали общепризнанными нормами международного права, хотя и разделялись многими странами, прежде всего в силу сиюминутных конъюнктурных соображений¹⁸.

Хотя формально Лига вооруженного нейтралитета не была направлена против какой либо из держав, а главнейшим ее принципом была свобода торговли, на деле главным пострадавшим оказалась Великобритания,

вынужденная ограничить свою граничащую с пиратством активность на море по пресечению контрабанды. Если в первые годы британо-американской войны сопровождавшие ее торговые проблемы не вызвали реальную напряженность, после присоединения в 1778 г. к конфликту Франции ситуация поменялась. Вместо подавления простого колониального мятежа перед британской внешней политикой встала задача успешной борьбы с традиционным и опасным врагом в Европе, частью которой и стало использование торговли. Именно под этим углом зрения и необходимо рассматривать британскую реакцию на создание Лиги вооруженного нейтралитета, приобретавшей антианглийский характер. Поэтому Великобритания должна была ответить, но исходя из своих реальных возможностей и степени угрозы. В тех условиях наибольшее опасение было вызвано решимостью голландских торговцев использовать созданные войной коммерческие возможности. В частности, британцы беспокоились о том, чтобы голландцы не снабжали Францию балтийскими товарами морского назначения, которые имели решающее значение во время ведущейся главным образом на море англо-французской войны. Торговцы Нидерландов и так находились в исключительно выгодном положении в качестве нейтральных купцов, что регулировалось по заключенному еще в 1674 г. англо-голландскому договору. Присоединение Нидерландов к Лиге вооруженного нейтралитета делало их фактически неуязвимыми, поэтому британские министры не нашли ничего лучшего, как начать войну с голландцами, исходя из логики, что участвующее в конфликте государство не может быть нейтральным и присоединиться к Лиге. К тому же война позволяла заблокировать франко-голландскую торговлю¹⁹.

Война с республикой была выиграна, однако эта победа стала скромным утешением для Великобритании в условиях ее поражения от своих бывших колоний в Америке, чье восстание оказалось не просто бунтом, а революцией, имеющей несколько измерений. Одним из них стал вопрос о нейтральной морской торговле во время боевых действий. Совпадение подходов России и США способствовало тому, что созданная в ответ на нарушения со стороны британского флота интересов нейтрального судоходства система вооруженного нейтралитета была позитивно воспринята в США, где разделялись похожие принципы, неприемлемые для британцев. По сути в отношении вооруженного нейтралитета столкнулись два подхода — американский принцип «свободные корабли провозят свободные товары» и британское понимание системы противодействия военной контрабанде, обеспечивавшей реальное морское и военно-политическое доминирование Туманного Альбиона. Формирование Екатериной Великой Лиги вооруженного нейтралитета, осно-

ванной на близких американцам принципах, фактически сделало Россию невольным защитником Американской революции, борющимся с британской контрреволюцией в вопросах торговли и имперского могущества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Акишин М. О. Декларация Екатерины II о морском вооруженном нейтралитете (Из истории международного права) // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4 (22). С. 121.

² Порхунов Г. А. Американская война за независимость. 1775–1783 гг. // Национальные приоритеты России. 2010. № 1 (3). С. 14.

³ Цит. по: Акишин М. О. Декларация Екатерины II... С. 122.

⁴ Griffiths D. M. An American Contribution to the Armed Neutrality of 1780 // The Russian Review. 1971. Vol. 30. N 2. P. 164.

⁵ Акишин М. О. Декларация Екатерины II... С. 123–124.

⁶ Лабутина Т. Л. «Дитя интриги и безумия»: Реакция британской дипломатии на политику вооруженного нейтралитета Екатерины II // Новая и Новейшая история. 2019. № 2. С. 65.

⁷ Порхунов Г. А. Американская война за независимость... С. 14.

⁸ Декларация о вооруженном нейтралитете попала в Америку через российского посла во Франции князя И. С. Барятинского и представителя штатов в Париже Б. Франклина, а копия резолюции Континентального конгресса с одобрением принципов Декларации была передана российскому послу в Голландии князю Д. А. Голицыну через американского представителя в Гааге Д. Адамса.

⁹ Савойский А. Г. О позитивном взаимовлиянии России и США в мировой истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. N 3. С. 43.

¹⁰ Griffiths D. M. Nikita Panin, Russian Diplomacy, and the American Revolution // Slavic Review. 1969. Vol. 28. № 1. P. 1.

¹¹ Тарелко В. М., Ушаков В. А. Политика США в отношении декларации о «вооруженном нейтралитете» 1780 года // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19(2). С. 61–62.

¹² Griffiths D. M. American Commercial Diplomacy in Russia, 1780 to 1783 // The William and Mary Quarterly. 1970. Vol. 27. N 3. P. 380.

¹³ Carpenter W. S. The United States and the League of Neutrals of 1780 // The American Journal of International Law. 1921. Vol. 15. N 4. P. 511.

¹⁴ Lint G. L. The American Revolution and the Law of Nations, 1776–1789 // Diplomatic History. 1977. Vol. 1. N 1. P. 20–21.

¹⁵ Bukovansky M. American Identity and Neutral Rights from Independence to the War of 1812 // International Organization. 1997. Vol. 51. N 2. P. 223–224.

¹⁶ Lint G. L. The American Revolution and the Law of Nations... P. 27, 29.

¹⁷ Carpenter W. S. The United States and the League of Neutrals of 1780... P. 522.

¹⁸ *Kulsrud C. J. Armed Neutralities to 1780 // The American Journal of International Law. 1935. Vol. 29. N 3. P. 423, 446–447.*

¹⁹ *Scott H. M. Sir Joseph Yorke, Dutch Politics and the Origins of the Fourth Anglo-Dutch War // The Historical Journal. 1988. Vol. 31. N 3. P. 573–574.*

ЛИТЕРАТУРА

Акишин М. О. Декларация Екатерины II о морском вооруженном нейтралитете (Из истории международного права) // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4 (22). С. 118–127.

Лабутина Т. Л. «Дитя интриги и безумия»: Реакция британской дипломатии на политику вооруженного нейтралитета Екатерины II // Новая и Новейшая история. 2019. № 2. С. 60–73.

Порхунов Г. А. Американская война за независимость. 1775–1783 гг. // Национальные приоритеты России. 2010. № 1 (3). С. 9–17.

Рогинский В. В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на севере Европы в эпоху Наполеоновских войн. М.: Весь мир, 2012. С. 520 с.

Савойский А. Г. О позитивном взаимовлиянии России и США в мировой истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. № 3. С. 41–51.

Тарелко В. М., Ушаков В. А. Политика США в отношении декларации о «вооруженном нейтралитете» 1780 года // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2019. № 19(2). С. 53–64.

Bukovansky M. American Identity and Neutral Rights from Independence to the War of 1812 // International Organization. 1997. Vol. 51. N 2. P. 209–243.

Carpenter W. S. The United States and the League of Neutrals of 1780 // The American Journal of International Law. 1921. Vol. 15. N 4. P. 511–522.

Griffiths D. M. American Commercial Diplomacy in Russia, 1780 to 1783 // The William and Mary Quarterly. 1970. Vol. 27. N 3. P. 379–410.

Griffiths D. M. An American Contribution to the Armed Neutrality of 1780 // The Russian Review. 1971. Vol. 30. N 2. P. 164–172.

Griffiths D. M. Nikita Panin, Russian Diplomacy, and the American Revolution // Slavic Review. 1969. Vol. 28. N 1. P. 1–24.

Kulsrud C. J. Armed Neutralities to 1780 // The American Journal of International Law. 1935. Vol. 29. N 3. P. 423–447.

Lint G. L. The American Revolution and the Law of Nations, 1776–1789 // Diplomatic History. 1977. Vol. 1. N 1. P. 20–34.

Scott H. M. Sir Joseph Yorke, Dutch Politics and the Origins of the Fourth Anglo-Dutch War // The Historical Journal. 1988. Vol. 31. N 3. P. 571–589.

Востров А. В.

**РУССКИЕ СОЛДАТЫ НА АЛАНДСКИХ ОСТРОВАХ
В 1915–1918 гг.: СЛУЖБА, БЫТ
И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ**

Або-Аландская шхерная позиция, как правый фланг морской крепости Петра Великого, начала возводиться летом 1915 г., и к концу года морской опорный пункт приобрел основные черты укрепленного района. Посты наблюдения и связи соединились телефонными кабелями и мало-мощными радиостанциями, а Мариехамн, являясь ключевым пунктом обороны, получил прямую телефонную связь с Або [Турку].

Передовым фортом Або-Аландской шхерной позиции стал остров Утё с далеко вынесенной в море батареей, прикрывавшей пролив Шифтет с его глубокими фарватером (жители острова были выселены). Восточнее, на острове Юрмо, находилась небольшая батарея и станция для аэропланов — задачей форта являлось прикрытие внутреннего фарватера на Або. На аландских островах Нётё и Юнгфрушэр были сооружены 6-дюймовые батареи, ставшие первыми из кольца фортов, которыми постепенно «вооружался» архипелаг.

Несколько позже на небольших островах близ Чёкара была сооружена батарея, охранявшая проход к Шифтету, который с другой стороны контролировала батарея в Стурклобб на Фёглё. Она защищала прямой и узкий фарватер на Або совместно с батареей на южной оконечности острова Лемланд; под огнем последней также находился фарватер Стокгольм-Ледсунд. Подход к Мариехамну прикрывался батареей острова Корсё, а задача защиты города от десанта была возложена на батарею острова Кунгсё. В самом городе во время войны находились штаб и один батальон полка Офицерской школы.

На близлежащем острове Хаммарланд сооружались батареи в Солис, Фреббенбю и Мелланторп, а на самом западном острове Эккерё устраивалась площадка для спуска гидропланов и аэропланов с ангаром (сюда ежедневно прилетали аэропланы из Або для наблюдения за появлением

противника вне территориальных вод). В местной деревне Стурбю расположился батальон стрелков, несший разведывательную службу по всему побережью острова и препятствовавший сообщению со Швецией. С севера Аланды защищали батареи на острове Буксё и в Хамнё¹.

Всего аландская часть позиции насчитывала 10 береговых батарей различного калибра, 5 полевых батарей, 2 зенитные батареи, 6 радиопостов и 2 радиостанции, 6 больших постов береговой охраны, 2 летные станции, а также вспомогательные постройки. Укрепления располагались на островах Фаста Оланд (Наш), Чёкар (Иже), Лемланд (Люди), Стурклобб (Буки), Буксё (Слово), Хамнё (Аз), Корсё (Он)² — больше всего оказались затронуты приходы Юмала и Хаммарланд, где разместились почти все военные подразделения. База подводных лодок находилась в Мариехамне, а база тральщиков — на острове Лумпарланд.

Организация Службы связи района, произошедшая в январе 1915 года, не создала значительных трудностей, так как Аланды были хорошо телефонизированы еще в начале XX века. Местное «Западное» отделение состояло из 6 постов при одной мощной радиостанции в Прэстё и одной центральной телефонной станции в Мариехамне³. В состав Службы связи также включалась служба авиации — из-за разведывательного характера ее действий: воздушные станции на островах Дегерё и Буксё, а также воздушные посты на островах Эккерё и Юрмо. Из-за отсутствия финансирования первые разведывательные полеты состоялись лишь в апреле 1917 г.

Создание Або-Аландской укрепленной позиции, получившей такое именование в конце декабря 1916 г., к этому же времени большей частью и завершилось. Дальнейшие работы приостановились из-за нехватки денежных средств. От части работ морское министерство и командование флота отказались: устройства покрытий от снарядов для вспомогательных помещений, строительства колодцев, водопровода и бань, приобретения пожарного имущества, оборудования для казарм⁴...

Российские солдаты начали возвращаться на архипелаг еще в 1906 г. Однако размещение батальона на острове Прэстё и организация службы связи не оказали серьезного влияния на жизнь архипелага — настоящая милитаризация случилась уже после начала Первой мировой войны. Первая группа солдат, прибывшая весной 1915 г. для строительства укреплений, состояла из 300 человек. Общая численность расквартированных войск к началу 1916 г. составляла менее 600 человек, но в начале февраля из Ораниенбаума (Ломоносов) прибыл Стрелковый полк Офицерской школы (три батальона с пулеметной командой). В течение последующих месяцев увеличилась численность Морского батальона (до 538 человек): прибыли саперно-минный взвод Свеаборгской крепости (33 человека) и взвод телеграфной роты (73 человека). Кроме того, на Аландах нахо-

дились Автомобильная и Жандармская команды, численностью 32 и 31 человек соответственно⁵. Поэтому в декабре 1916 г. гарнизон на Фаста Оланд насчитывал 5670 человек (из них 101 офицер, 4 врача, 6 чиновников, 302 солдата нестроевой службы)⁶.

Начальник гарнизона полковник Кузнецов и его адъютант штабс-капитан Колчинский погибли 1/14 декабря 1916 г. при следовании из Мариехамна в Або, когда небольшой пароход «Шифтет», зафрахтованный Военным министерством в январе того же года, подорвался на германской mine заграждения (всего погибло 86 человек)⁷. Этот эпизод стал самой крупной жертвой Первой мировой войны на архипелаге.

Первые шаги по возведению Або-Аландской шхерной позиции лишь незначительно увеличили контакты солдат и рабочих с местными жителями, так как новоприбывшие разместились на малонаселенных островах. Но уже к февралю 1916 г. численность гарнизона стала весьма существенной (до четверти населения архипелага), что особенно сказалось на жителях Мариехамна, где находилась база флота, и приходов Хаммарланд и Юмала.

Отношения между аландцами и солдатами складывались весьма не просто: для размещения гарнизона требовались помещения, реквизиравшиеся (часто за небольшую плату) у местных усадеб; пастбищам, лугам, лесам и надворным постройкам наносился постоянный урон. Так, например, 40 солдат гарнизона в Солис 18 месяцев жили в большом зале дома Пера Хиндерса: спали на трехъярусных кроватях, стоявших вдоль стен, а посередине помещения находился большой стол. «Столовничать» они ходили на другой двор, где в небольшой избе находилась походная кухня и где пекли большие буханки хлеба⁸.

Нередко вспыхивавшие конфликты (в том числе, на личной почве) местные гражданские власти практически во всех случаях решали в пользу аландцев. Кроме сочувствия к «своим», одной из основных причин подобных решений являлось то, что ленсманы не владели русским языком. На запрос начальника Позиции О. Рихтера вести служебную переписку на русском языке губернатор Або-Бьернеборгской губернии И. Вуоринен сослался на закон, не требовавший знания русского языка чиновниками данной губернии Великого княжества Финляндского⁹.

Давняя комплиментарность аландцев к шведам также вызывала опасения у начальника Позиции. Но даже наличие иностранного (шведского) подданства у жителей Фаста Оланд становилось препятствием к выселению. Так в мае 1915 г. была осуществлена попытка выселить 85 иностранных подданных (в основном, шведских), но жандармы (ленсманы) заявили, что не имеют на это полномочий и требуется решение генерал-губернатора Великого княжества. Рихтер в своем донесении отме-

чает: «Удивительно, как Оланд на всех действует, живут там и не хотят чувствовать войны, поговаривают, что надо каботаж открыть на Швецию, потому что мясо вздорозало...»¹⁰.

И только инциденты, попавшие в ведение военно-морского прокурора в Гельсингфорсе, могли привести к наказанию, да и то незначительному — в основном в виде высылки из района. Такая позиция иллюстрируется докладом начальнику Позиции от коменданта острова Фаста Оланд, капитана 1-го ранга Де Ливрона (28 марта 1915 г.): «Вообще, полагал бы, чтобы не восстанавливать против себя жителей, не следует прибегать к реквизициям, а лучше нанимать дома по соглашению с хозяевами»¹¹.

Условия труда и оплаты на оборонительных работах также вызвали многочисленные протесты, провоцировавшие столкновения местных жителей с военными чинами, что лишь увеличивало общее недоброжелательное отношение населения к гарнизону. Причины разногласий крылись не только в русских военных: аландцы привлекались на работы через гражданские власти, которые нередко злоупотребляли своим положением. Однако военное руководство, пытаясь наладить хорошие взаимоотношения с местной администрацией, относилось к их проступкам снисходительно и даже неоднократно поощряло их.

С целью минимизации контактов и, следовательно, риска эксцессов для простых солдат существовали значительные ограничения: нижним военным чинам запрещалось покидать места квартирования, в Мариехамне ходить по бульвару Эспланада, но разрешалось посещать кофейни и столовые из разрешенного списка (всего 9 заведений)¹². Высшие военные чины также стремились ограничить круг общения солдат и рабочих Позиции: «Начальникам отдельных частей внушить нижним чинам быть осторожными при встречах и новых знакомствах, особенно с людьми, говорящими по-русски, и не вести вне казарм никаких разговоров, имеющих прямое или косвенное отношение к настоящей войне»¹³.

Несмотря на то, что разрешения на продажу алкогольных напитков выдавались хозяевам заведений лишь в исключительных случаях и для высших чинов (с августа 1915 г. был введен строжайший запрет на продажу алкоголя нижним чинам), пьяные драки матросов в кофейнях и на улицах Мариехамна стали достаточно обычным явлением, о чем свидетельствует множество документов, датированных 1915–1917 гг. К аландцам, нарушавшим запрет о продаже алкоголя, применялись достаточно строгие меры, например, торговец Ф. М. Гельман был арестован на три месяца, а затем выслан из района¹⁴.

После Февральской революции 1917 г. в свете все увеличивавшихся беспорядков появилось несколько приказов о запрете свободной продажи алкоголя, выполнявшихся на практике лишь частично. Это допол-

нительно подстегивало участвовавшие столкновения аландцев и солдат, грозившие перерасти в открытый конфликт, а офицеры уже плохо контролировали подчиненных ввиду новой «эры свобод». Так как управленческая связь с Петроградом по мере приближения Октябрьской революции становилась все слабее, в сентябре—октябре рассматривался даже вопрос об эвакуации гарнизона из-за конфликтов с местным населением. Но эвакуация произошла позднее — уже после подписания Брест-Литовского мирного договора.

С началом милитаризации архипелага аландцы (в первую очередь, жители Фаста Оланд) обрели возможность заработка на строительных работах. Но возникла и дополнительная «повинность»: отныне продажа рыбы и продуктов сельского хозяйства осуществлялась только гарнизону и по сильно заниженным ценам. Неудивительно, что они всячески старались избегать официальных торговых контактов с военными, так как для многих аландцев основной доход составляла продажа указанных товаров на материк. К слову, неофициально они продавали свои товары русским солдатам — в полтора раза дороже. Все это вкуче со значительной численностью гарнизона привело к тому, что его снабжение представляло большие трудности.

Указанная ситуация отразилась в запретах начальника гарнизона, принятых в октябре—ноябре 1916 г., по вывозу масла, мяса и овощей за пределы архипелага. Вскоре положение с поставками продуктов обострилось настолько, что потребовалось уже вмешательство Начальника Штаба командующего флотом Балтийского моря Н. М. Григорова. Ограничения были сняты, но вводилась жесткая регламентация обязательного еженедельного объема поставки масла, но ограничения на вывоз мяса оставались в силе. Более жесткие ограничения были введены с переводом позиции в осадное положение 15/28 февраля 1917 г.

Введение новых правил выхода в море для гражданских лиц вызвало снижение объемов рыбной ловли и охоты на тюленей: получение свидетельств на право ловли или промысла требовало обязательного наличия фотокарточки в удостоверении владельца каждой лодки. Сверх того, лодки должны были выкрашиваться в белый цвет, иметь по бортам и на корме номер удостоверения владельца, а выход в море был разрешен только с восхода до заката и запрещен в туманную погоду. На практике большинство местных рыбаков и охотников старалось избежать рутины, а ленсманы не всегда знали о новых правилах, так как не владели русским языком. В сентябре 1916 г. военное руководство решило снять часть ограничений из-за резко упавшего улова и предложило запретить выход в море только на моторных лодках, опечатав все моторы на берегу, — плавание разрешалось на гребных и парусных лодках¹⁵.

Развитие военной Службы связи района постепенно ввело ограничения и цензуру на общение для гражданских лиц, причем частная телефонная связь во время войны была закрыта практически на всем побережье Финляндии (Нюландская и Або-Бьёрнеборгская губернии). На Фаста Оланд частная телефонная сеть, из-за отсутствия схемы сети и значительной нехватки техников и монтеров, находилась под частичным контролем военного гарнизона. Лишь высокая ночная стоимость разговора позволяла использовать телефонную сеть в это время только для военных нужд.

Еще одной особенностью жизни на архипелаге стали строгие правила въезда и выезда. И если возможность получения пропуска в Або или даже в Стокгольм для местных жителей оставалась все-таки реальной (хотя и требовавшей значительных усилий), то возможность заработка на туристах ушла в прошлое. В упомянутом выше докладе коменданта Фаста Оланд де Ливрона (от 28 марта 1915 г.) указывалось: «Ввиду возможности приезда вместе с обычными посетителями тайных шпионов, разобрать которых будет невозможно, считаю нужным запретить на время войны приезд дачников на Оланд. <...> Такое объявление избавит жителей от недовольства по напрасным издержкам и сделает их стоворчивее при найме у них помещений для команды...»¹⁶.

Несмотря на общий неблагоприятный фон, разнившийся с первым периодом русского военного присутствия (периода существования крепости Бомарсунд), на архипелаге постепенно укоренилось немало русских традиций, в том числе, кулинарных (некоторые из них живы до сих пор): ржаной хлеб, бублики, соленые огурцы домашнего посола, блины, пироги с яблоками и капустой. Поэтому, не считая конфликтов и недопонимания, основанных на повинностях, ограничениях военного времени и разности культур, в остальное время отношения между аландцами и русскими солдатами оставались обычными: солдаты просили по дворам молока, а местные дети бегали вокруг полевых кухонь и выпрашивали сахар, хлеб, чай, вместе с ними «получая» русские слова и выражения. Но когда забивали скот, аландцы всячески прятали от солдат мясо. Также приходилось охранять темными (осенними) ночами картофель и яблоки, как и девушек, многие из которых были не прочь встретаться с «загадочными русскими».

Ликвидация Або-Аландской позиции началась уже в январе—марте 1918 г. — сразу после подписания с Германией перемирия, а затем Брест-Литовского мирного договора. Сигналом к началу ликвидации послужил Декрет Совета Народных Комиссаров от 10/23 ноября 1917 г. о частичной демобилизации армии. Имущество и материалы, остававшиеся на позиции (с началом навигации в мае предполагалось вывезти оружие и бое-

припасы в Свеаборг, оборудование — на Балтийской завод в Петроград), достались финской стороне, в основном бесплатно, а продовольствие и некоторые товары продавались по себестоимости. Военные сооружения предписывались к уничтожению.

В начале декабря 1917 г. на позиции насчитывалось около 6 тыс. военных, поэтому процесс эвакуации растянулся на несколько месяцев и сопровождался полным беспорядком. У высшего руководства не было ясности в отношении военного положения, а также во внешнеполитических связях России с Финляндией, Швецией и Германией. Солдаты достаточно просто не подчинялись приказам. Также не хватало провизии для рабочих и матросов, и людей для работы и охраны имущества от мародеров. В целом наблюдалась «полная прострация и разложение местной русской власти»¹⁷.

Многие действия по демобилизации и эвакуации происходили параллельно с событиями финской гражданской войны, высадкой шведского и германского десантов. Например, приказы Совета Народных Комиссаров предписывали передать оружие финской Красной гвардии, а солдатам перейти на их сторону. Однако командование Красной гвардии и ее солдаты относились к русским матросам достаточно пренебрежительно (как в Або, так и на Аландах), а разрешение финских властей на вывоз имущества на Балтийский завод требовало длительной переписки между Петроградом, Гельсингфорсом и Або.

Петроградские указания о демобилизации относились только к Аландскому архипелагу: батареи на Утё, Эрё и Юрмо, прикрывавшие внутренний фарватер на Або, усиливались личным составом и переводились в боевую готовность. В случае невозможности их защиты, предписывалось их уничтожить (приказ Военного отдела Центробалта от 23 февраля 1918 г.)¹⁸. Именно поэтому они уцелели и меньше всего пострадали от всеобщего хаоса, хотя и там эвакуация проходила достаточно болезненно.

Большинство укреплений Або-Аландской позиции было разрушено в 1918 г. В результате Або-Аландская позиция являлась военным укреплением всего лишь несколько лет. Все подразделения и командование эвакуировались в Россию, оборонительные сооружения были частично разрушены, имущество в основном брошено или разграблено. Однако на прежде недостаточно освоенных (в хозяйственном отношении) островах архипелага остались дороги, телефонные и телеграфные линии, авиационная станция, документация по исследованию вод и фарватеров. Например, от батареи Корсё близ Мариехамна уцелела лишь одна казарма, приспособленная позже местным приходом под танцевальный зал. И когда в портах Финского и Ботнического заливов томились, ожидая

благоприятной погоды для возвращения на родной берег, российские военные и гражданские суда, дальнейшая судьба Аландских островов решалась уже другими.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. М., 2016. С. 210–213.

² В скобках указаны именовании островов в документах командования флота (подробнее см.: *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. СПб., 2008. С. 202, 310).

³ *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 157, 165.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ Там же. С. 257–258.

⁶ Там же.

⁷ На пароходе находился 91 человек: 15 человек экипажа, 56 русских военных, 7 рабочих позиции и 13 гражданских лиц. Спаслось лишь пятеро: 3 военных, финн (рабочий) и аландец.

⁸ *Gustavsson K.* Sälis Batteri. Minnen av en rysk befästning från första världskriget. Mariehamn, 1994. 32 S.

⁹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 952, Оп.1, Д. 74, Л. 70 (10 июня 1915 г.).

¹⁰ Там же. Д. 479. Л. 34.

¹¹ Там же. Д. 27. Л. 11 об.

¹² *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 218.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 27, Л. 12 (Из приказа капитана 1 ранга де Ливрона от 17 апреля 1915 года).

¹⁴ Там же. Д. 74. Л. 173.

¹⁵ *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 328–329.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 27. Л. 11 об.

¹⁷ Там же. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 65. Л. 478. (Из письма инженера-технолога Балтийского завода Н. И. Власьева, руководившего монтажом артиллерийских орудий на береговых батареях Аландских островов).

¹⁸ Там же. Л. 438 (23 февраля 1918 года).

ЛИТЕРАТУРА

Бажанов Д. А. Продовольственное снабжение русских военных моряков в Финляндии в годы Первой мировой войны (август 1914 — январь 1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016, № 17/2/. С. 64–69.

Востров А. В. Аландский вопрос и его трансформация в период 1809–1917 годов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018, № 19/2/. С. 114–125.

Востров А. В. Аланды — острова мира и раздора. СПб.: Остров, 2018. 303 с.

Дубровская Е. Ю. Армейская повседневность: Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003, № 4. С. 132–139.

Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. Москва: Кучково поле, 2016. 320 стр.

Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. Москва: Весь мир, 2008. 248 стр.

Мусаев В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2012. С. 144–154.

Новикова И. Н. Между молотом и наковальней: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. 450 стр.

Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире: Або-Аланды и их «ненарушаемый» нейтралитет в войнах 18–20-х столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. Санкт-Петербург: ОРЕОС, 2008. 604 стр.

Шкваров А. Г. Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914–1918): Проблемы взаимоотношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. С. 109–119.

Шкваров А. Г. Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: Проблемы взаимоотношений с местным населением // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. С. 80–89.

Gustavsson K. Sålís Batteri. Minnen av en rysk befästning från första världskriget. Mariehamn: Ålands landskapsstyrelse, 1994. 32 S.

Gustavsson K. Venäjän laivaston sotaurmat Ahvenanmaalla vuosina 1914–18 // Venäläissurmat Suomessa. Helsinki: Valtioneuvoston kanslia, 2004. S. 65–92.

Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

И. М. Захарова

ПЕРВЫЙ ШВЕДСКИЙ РЕЗИДЕНТ ПРИ РУССКОМ ДВОРЕ ИОГАНН МЁЛЛЕР, ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА РУКОПИСЕЙ И ДОКУМЕНТОВ ОТДЕЛА ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

XVII век в истории Российской государственности занимает особое место. Начавшись Смутой, интервенцией, временем разрушения государственных устоев, период первой половины XVII века ознаменован восстановлением России, приходом к власти и укреплением новой династии Романовых. Восстановление государства включало в себя не только меры по укреплению внутреннего положения, но и выработку нового внешнеполитического курса, направленного на возвращение утраченных в начале XVII века земель, поиск союзников и достижение стабильности в международной политике Европы первой половины XVII века.

Важную роль во внешней политике России в XVII веке играли отношения Московского государства с ближайшим соседом — Швецией. Практически всю первую половину XVII века оба государства мирно сосуществовали, причем Швеция наращивала свое могущество как сильнейшая держава Европы, а Московское царство изживало последствия Смуты. Период с 1618 по 1632 гг. характеризуется политикой наибольшего сближения двух государств на экономической и военной почве. Внешнеполитические курсы, выработанные как царем Михаилом Федоровичем и, даже в большей степени, патриархом Филаретом, так и шведским королем Густавом II Адольфом, были направлены на установление союзнических отношений и борьбу с общим врагом — Речью Посполитой.

Кульминацией политики сближения России и Швеции стал период конца 1620-х — 1632 гг., когда оба государства находились на пути к заключению военного союза против Польши. Особую роль в этом процессе сыграл представитель шведского королевского двора в Москве Иоганн (Яган) Мёллер (Моллер), чья биография до сих пор не стала предметом специального изучения.

Некоторая информация о деятельности Мёллера содержится в исследованиях дореволюционных историков. Так, в монументальном труде С. М. Соловьева содержатся сведения о том, что в 1631 г. «...впервые явился при московском дворе шведский агент Яган Мёллер»¹. Разъясняя роль агента, шведский король писал Михаилу Федоровичу, что «Мёллер будет исправлять все дела легче и с меньшими издержками, что такие лица и при иных великих королях и государях живут»². Такое разъяснение было важным для российской дипломатии, так как в истории России Яган Мёллер был первым постоянным дипломатическим агентом³.

В работе К. И. Якубова⁴ также содержатся указания на то, что Мёллер являлся не торговым агентом, а именно дипломатом на постоянной основе. В частности, исследователь сообщал, что на создании постоянного дипломатического представительства в Москве настаивал Густав Адольф, желавший установить как можно более тесные отношения с Россией, надеясь извлечь из них как экономические, так и военные выгоды. В Европе и России того времени на иностранных посланников смотрели подозрительно, но из желания иметь в союзниках «снежного короля» царь Михаил Федорович и патриарх Филарет согласились принять в Москве в качестве постоянного шведского резидента Ягана Мёллера⁵.

Наиболее полная информация о деятельности Мёллера содержится в фундаментальном труде Г. В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, (1544–1648)»⁶. Форстен, на основании корпуса донесений Мёллера Густаву II Адольфу, хранящихся в шведских архивах и датированных 1631–1632 гг., описывает взаимоотношения между Россией и Швецией в треугольнике Россия, Швеция, Польша. Так, согласно донесению Мёллера от 14 октября 1631 г. Густаву Адольфу московский царь Михаил Федорович передавал «снежному королю» просьбу о вербовке для него в Германии немецких наемников, выражал пожелание еженедельно получать известия от шведского короля, а при личных встречах с Мёллером интересовался, «нет ли каких-либо сведений о Густаве Адольфе»⁷.

Однако главной целью пребывания Мёллера в Москве было склонить Михаила Федоровича к войне с Польшей, что было чрезвычайно выгодно Швеции. Для этого шведский агент расспрашивал царских бояр, почему царь медлит с решением польского вопроса, получая следующие отве-

ты: «...московский царь не успел еще собрать достаточного количества войска; татары также не присылают ему обещанной помощи; не приходят и немецкие наемники»⁸. В результате Мёллер самостоятельно пришел к догадке о том, что если бы Михаил Федорович имел возможность возвращения северских земель мирным путем, то не стал бы готовиться к войне с Речью Посполитой, так как «...по природе своей Московский царь не воинственный государь и всего раз выходил в открытое поле»⁹.

В одном из писем Мёллер жаловался Густаву Адольфу на перлюстрацию по воле царя и патриарха его переписки со шведским генерал-губернатором Лифляндии Юханом Шютте, ранее являвшимся учителем шведского короля¹⁰. По словам Мёллера бояре очень испугались, узнав, что Мёллеру известны эти факты и просили ничего не сообщать об этом шведскому королю. Мёллер не сдержал своего обещания, при этом обещал, в свою очередь, Густаву Адольфу, вероятно, в расчете на свой авторитет в Москве, что это более не повторится¹¹. В этом же письме шведский агент сообщал о плохом содержании русскими немецких наемников по причине того, что московский царь неохотно расставался с деньгами, из-за чего наемники хотят вернуться в Германию¹². Данный факт подтверждается «отписками» в Разрядный приказ боярина М. Б. Шеина в августе 1632 г., сообщавшего о том, что «...государева жалованья кормовых денег русским и немецким людям к нам августа по 28-е число не присылавано...»¹³.

Впрочем, шведский король также не отличался щедростью по отношению к людям, находящимся у него на службе. Так, Мёллер неоднократно просил его о присылке средств, так как ему часто приходилось принимать у себя великих бояр, которых «...нельзя отпускать без приличного угощения, — иначе унижена будет честь королевская»¹⁷.

Занимался шведский дипломат и вопросами продолжавшихся поставок для Швеции русского хлеба. Так, из его донесения от 30 июля 1632 г. известно, что ему удалось добиться «...уступки шведам хлеба по 20 рублей ласт», а также «...выговорить себе право закупить и в будущем 1633 году для своего правительства 50 000 четвертей зерна...»¹⁵.

Находясь на службе в Москве, Мёллер не забывал и о шведских экономических интересах в Юго-Западной Азии. Так, он стремился добиться от русского царя эксклюзивного права для шведских купцов на участие в персидской торговле¹⁶, осуществлявшейся посредством транзита через российскую территорию. Данный сюжет, Впрочем, интересовал не только Швецию, но и другие европейские державы в лице Англии, Голландии и Франции, также требовавшие предоставления им права ведения транзитной торговли с Персией в обмен за признание Михаила Федоровича царем. Необходимо отметить, что, несмотря на сложное внешнеполити-

ческое положение Московского государства, российская дипломатия сумела отказать по этому вопросу всем заинтересованным сторонам¹⁷.

Тогда же Мёллер сделал не оправдавшийся, как показало будущее, прогноз относительно вступления России в 1632 г. в войну с Польшей. По его сведениям, «...артиллерия у русских еще не в порядке, недостает у них полковников, да и вообще войска их еще не достаточно подготовлены к войне»¹⁸. Однако уже в следующем донесении от 14 августа 1632 г. Мёллер сообщал Густаву Адольфу «...о движении русских войск в пределы Польши под начальством полковников Лесли, Шелля, Унзинга и др.»¹⁹. На этом заканчиваются сведения Форстена о дипломатической миссии Мёллера в Москве по причине сошествия с исторической арены, как самого дипломата, так и его государя. 6 (16) ноября 1632 г. умер от ранений в голову, руку и спину, полученных в битве при Лютцене, Густав Адольф²⁰. В августе того же года скончался в Москве и Иоганн Мёллер²¹.

Определенное внимание деятельности Мёллера уделено и в работе Б. Ф. Поршнева «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства»²². Так, Б. Ф. Поршнев, используя материалы фонда «Дела шведские» РГАДА, называет Мёллера крупным военным специалистом, доверенным человеком короля Густава Адольфа²³. С 3 марта 1631 г. Мёллер стал постоянным шведским резидентом в Москве и «открыто взял на себя функции военного инструктора по вопросам саперного вооружения и фортификации»²⁴. Не оставил своим вниманием Поршнев и деятельность Мёллера как посредника между русским и шведским правительствами, проводившего линию своего короля на побуждение России ко вступлению в войну с Речью Посполитой. Так, Мёллер первым привез в начале 1631 г. в Померанию Густаву-Адольфу известие из Москвы о военных намерениях и приготовлениях российского правительства по отношению к Польше²⁵.

На дипломатическом поприще шведский агент показал недюжинные таланты, расписывая благоприятные перспективы русско-шведского союза, который может действовать не только в военной плоскости, но и в экономической сфере. По инициативе Мёллера (с одобрения короля) в Москве был отпразднован триумф шведского оружия над основными силами Империи в сражении при Брейтенфельде (17 сентября 1631 г). 2 ноября 1631 г. в присутствии царя состоялся военный парад и салют, а в церквах служились молебны. В народном гулянии приняли участие 60 тысяч человек²⁶. Мёллер доносил Густаву-Адольфу о том, что «никогда... в Москве не праздновали так торжественно чьей-либо победы»²⁷.

Мёллер сообщал королю о подготовке русской армии к войне с Речью Посполитой, о переговорах Москвы с другими государствами, о закупках русского хлеба²⁸. В обязанности Мёллера также входило добиваться сни-

жения цены на рожь, продаваемую Швеции, в чем он также преуспел²⁹. Наконец, Поршневу приводит сведения о смерти Иоганна Мёллера в Москве 21 августа 1632 г.³⁰, связывая кончину дипломата с некими волнениями, не разъясняя при этом, что имеется ввиду. Можно предположить, что волнения были связаны с подготовкой России летом 1632 г. к вступлению в войну с Польшей. После смерти Мёллера его обязанности по 1634 г. официально исполняла его вдова, Катарина Стопия — первая женщина-дипломат в истории Швеции³¹.

Интересные сведения о Ягане (Юхане) Мёллере содержатся в диссертационном исследовании О. Н. Мироновой³², которая посвятила шведскому дипломату отдельный параграф своей работы. Так, Миронова, основываясь на документах, отложившихся в фонде «Дела шведские» РГАДА, сообщает любопытные бытовые подробности о жизни шведского агента в Москве. Известно, что Мёллера поселили на шведском купеческом дворе, построенном в Белом городе на Тверской улице в ее углублении к Никитской, возле церкви св. Николая Чудотворца в Гнездняках. Только после приезда Мёллера здание «свейского купеческого двора» было приспособлено для проживания. Во время пребывания в Москве Мёллер пользовался большой свободой и был обеспечен «кормом» со стороны московского государства³³. Ему также разрешили закупить впрок припасов, среди которых числились «6 бочек питья заморского, бочка сельдей, бочка рыбы палтусины, бочка масла коровья, 3 пуда рыбы трески сухие, пол бочки уксусу винного... бочка пряных зелей и сахаров, несколько бочек рыбы камбалы сухи»³⁴. С учетом приезда Мёллера в Россию на постоянное жительство, ему разрешили перевезти к месту службы и жену с тремя детьми, которые прибыли в Москву 12 сентября 1631 г.³⁵

В разговорах с князем Б. И. Черкасским, который был посредником между шведским дипломатом и русским царем и патриархом, Мёллер сообщал, что у короля Густава-Адольфа «10 лет служил во дворе и потом тако ж служил конем и против недруга»³⁶. Можно отметить, забегая вперед, что эти факты из биографии шведского посланника полностью нашли свое подтверждение в материалах о Мёллере, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Также О. Н. Миронова указывает и на выполненные Мёллером при русском дворе функции разведчика³⁷.

Таким образом, по историографическим материалам вырисовывается портрет Ягана Мёллера — талантливого шведского дипломата, доверенного лица короля Густава-Адольфа, военного специалиста, сыгравшего немалую роль в выработке союзного договора между Россией и Швецией в политическом и экономическом сближении двух государств.

В реконструкции биографии Ягана Мёллера могут оказать немалую поддержку материалы Государственного Эрмитажа. В фонде рукописей

и документов Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа хранятся документы, позволяющие дополнить биографию Иоганна (Ягана) Мёллера (Моллера)³⁸. Это жалованная грамота шведского короля Густава III, данная в 1781 г. уже российскому подданному Иоганну Моллеру, подтверждающая его принадлежность к старинному шведскому дворянскому роду Моллеров. Грамота Густава III содержит текст более ранней жалованной грамоты также шведского короля, последнего представителя по мужской линии династии Ваза, Густава II Адольфа, о возведении в 1631 г. в дворянское достоинство основателя рода, дипломата Иоганна Моллера с пожалованием ему дворянского герба и земель в Ингерманландии. Таким образом, в нашем распоряжении имеются по сути две жалованных грамоты шведских королей представителям рода Моллер, позволяющие пролить свет как на биографию шведского резидента Иоганна Мёллера, так и носящего его же имя потомка — статского советника, подданного российской империи на русской службе.

Эти документы поступили в Государственный Эрмитаж в 1955 г. из Государственного музея Революции, куда в свою очередь попали по распоряжению Главного исполнительного комитета НКВД РСФСР 21 ноября 1938 г. Это все, что на данный момент известно о провенансе грамоты. Можно лишь предполагать, что в структуры НКВД грамота могла попасть от кого-либо из репрессированных в 30-е гг. XX в. потомков рода Моллеров.

Жалованная грамота Густава III представляет собой рукопись на 6 листах на шведском языке, датированную 1781 г. Белая дата в филигранги бумаги отсутствует³⁹.

Грамота заключена в красный сафьяновый переплет с золотым тисненым вензелем «GIII» в центре, с тисненой золотом рамочкой, в углах которой по 3 короны, являющиеся основным символом Швеции с XIV в.; с вислой сургучной печатью красного цвета в деревянной кустодии на шелковом шнуре. Печать представляет собой большую королевскую печать Густава III с гербом посредине и надписью слева направо по окружности на латинском языке, означающей титулатуру шведского короля⁴⁰. Передний и задний форзацы орнаментально-декоративные из мраморной бумаги. На обороте третьего листа рукописи имеется автограф шведского короля Густава III⁴¹.

В состав рукописи входит написанная на пергаменте копия грамоты Густава II Адольфа о возведении в дворянское достоинство Иоганна Моллера и о пожаловании ему дворянского герба, который воспроизведен акварелью. В грамоту вплетен отдельный пергаментный лист с изображением неполного родословного древа рода Моллеров, доведенного до 1768 года. Родословное древо написано на русском языке. К грамотам

шведских королей прилагается шитый в отдельную тетрадь из 6 листов под обложкой из «сахарной» бумаги перевод грамот со шведского на русский язык. Предположительно, перевод исполнен в России в период с 80-х гг. XVIII в., но не позднее 10-х гг. XIX в., о чем свидетельствует уже упоминавшаяся обложка из «сахарной» бумаги, которая изготавливалась на Петербургских бумажных мельницах и имела хождение в России лишь в указанный период.

Из текста жалованной грамоты Густава Адольфа Иоганну Мёллеру, данной в Штетине 28 февраля 1631 г., вырисовываются некоторые подробности биографии шведского дипломата. Так, Мёллер являлся уроженцем Риги, после завоевания которой Швецией, осенью 1621 г. перешел в шведское подданство, переведя свое имущество в Эстляндию. В том же 1621 г. поступил на военную службу, вероятно, в шведские рейтарские роты (в тексте грамоты — «был конным войном»), участвовал в шведско-польской (в тексте грамоты — «лифляндской») войне начала 1620-х гг. «...при всяком случае против неприятелю содержал себя чесно, причем и другие поручаемые ему в разные времена доверенности исполнял исправно к нашему милостивому благоволению...»⁴². Характеристика Мёллера, данная шведским королем, подтверждает рассказы самого дипломата князю Б. И. Черкасскому о его десятилетней придворной и военной службе Густаву Адольфу.

За выказанные на поле брани храбрость и доблесть и прекрасное исполнение королевских поручений в 1631 г. Мёллер был возведен с потомками из простого в дворянское звание города Риги и пожалован дворянским титулом и гербом. Основанием для возведения в дворянство, бесспорно, явились заслуги Мёллера перед шведской короной. Однако следует иметь ввиду, что причисление Мёллера к дворянству состоялось 28 февраля 1631 г., а уже с 3 марта он был назначен постоянным агентом в Москву. Вероятно можно предположить, что Густав Адольф понимал, что отправлять к московскому двору человека простого звания неуместно, с чем и связано срочное награждение дворянским титулом будущего дипломата.

Данная грамота также подтверждала право владения Мёллером пожалованными ему в 1621 и 1624 гг. Норрчепингским приговором землями в Ингерманландии. Так, в Копорском лене, Григорьевском погосте ему были пожалованы гоф или мыза Лильенгаген, которая раньше называлась Конец, с принадлежащими ей деревнями Ушевиц, Загориц, Готиновиц, Коложиц, Роспулиц⁴³. Пожалование дворянских титулов и земельных владений было частью социально-экономической и сословной политики шведских монархов в XVII веке, что было обусловлено постоянными войнами и присоединением к шведской короне новых территориальных владений⁴⁴.

Сделав Иоганна Мёллера титулованным дворянином и землевладельцем, Густав Адольф в грамоте сообщает: «по всему дружелюбию мы просим всех высоких властей — государей, князей, равно и других всех милостиво просим помянутого Иоанна Мёллера с законными его потомками, рожденными и впредь рождаемыми действительными дворянами признавать, и оказывать сему званию подобающую честь и почтение, какое сему званию подлежит...»⁴⁵. Данная просьба шведского короля «ко всем высоким властям» за несколько дней до назначения Мёллера резидентом в Москву подтверждает наши предположения о том, что возведение в дворянство Мёллера произошло, помимо признания его заслуг, по причине предстоящего существенного повышения его статуса.

Еще одним фактом в пользу того, что дворянство было пожаловано Мёллеру в расчете на предстоящую службу на дипломатическом поприще, является эмблема герба рода Мёллеров с соответствующей геральдической символикой. В грамоте содержится описание герба: «Щит разделенный по полам в верхней половине в желтом поле тигр, значит Расторопность, Отважность, и Быстроту. — В нижней половине зеленый лес, чрез который протекает быстрая река, в которой три лосося, значит Герб города и крепости Нарвы. Быстрая река Нарова, граница Эстляндии — от Ингерманландии, в коей шведскому агенту Иоану Моллеру жаловано имение. Над щитом шлем с золотым венком значит Награда за Достоинство, над шлемом два крыла значит Посольство. — Между крыльями вооруженная Десница, подносящая Белою Лилею, значит мирное Заимодействие. Звезда в крыле Честь»⁴⁶.

Помимо биографических фактов об основателе рода Мёллеров в грамоте Густава III содержатся сведения об одном из его потомков — статском советнике, уже российском подданном, директоре ломбарда и кавалере Иване Моллере, который инициировал выдачу ему копии жалованной грамоты о дворянстве его предка. Это и явилось причиной появления грамоты Густава III, своей королевской властью восстановившего благородный род Моллеров во всех правах, пожалованных Густавом Адольфом предку последнего.

Таким образом, документы, хранящиеся в Эрмитаже, дополняют важными сведениями биографию первого шведского резидента при российском царском дворе — Иоганна Мёллера, — высвечивают события, происходившие в последние годы его жизни, а также дают возможность провести историко-генеалогическое исследование рода Моллеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9–10. М., 1961.

² Там же. С. 135–136.

³ Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3-х т. М., 2002. Т. 1. С. 5.

⁴ Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел и Шведского Государственного Архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1897. Кн. III (182).

⁵ Там же. С. VIII–IX.

⁶ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 2. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (Тридцатилетняя война). СПб., 1894.

⁷ Там же. С. 367.

⁸ Там же. С. 367–368.

⁹ Там же. С. 368.

¹⁰ Андерссон И. История Швеции. М., 1951. С. 176.

¹¹ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 368.

¹² Там же. С. 368.

¹³ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 382. № 384.

¹⁴ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 368.

¹⁵ Там же. С. 369.

¹⁶ Там же. С. 369.

¹⁷ История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 1959. С. 293.

¹⁸ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 369.

¹⁹ Там же. С. 369–370.

²⁰ Adams S. The Thirty Years' War. London, New York. 2005. P. 118.

²¹ Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902. С. 30.

²² Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

²³ Там же. С. 241.

²⁴ Там же. С. 241, 257.

²⁵ Там же. С. 258.

²⁶ Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI–XVII столетиях. СПб., 1893. Вып. II. С. 129–130. № 54.

²⁷ Там же. С. 131. № 55.

²⁸ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. С. 291.

²⁹ Там же. С. 292.

³⁰ Там же. С. 314.

³¹ Там же. С. 314.

³² *Миронова О. Н.* Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Рязань, 2009.

³³ Там же. С. 151.

³⁴ Цит. по: *Миронова О. Н.* Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг. С. 152.

³⁵ Там же. С. 152.

³⁶ Цит. по: Там же.

³⁷ Там же. С. 167.

³⁸ Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа (Далее: ОИРК ГЭ). Инв. № ЭРДр-1769.

³⁹ Бумага Голландской мануфактуры «Honig, Cornelis & Jacob» (Zaandyk) с филигранями: «Strasburg bend», литеры «С & I Honig» (*Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935. N 429*).

⁴⁰ Король Шведов, Готов и Вендов.

⁴¹ ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1769. Л. 3 об.

⁴² ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1769. Перевод. Л. 2 об.

⁴³ По-русски Ушевицы, Загорицы, Готиновицы, Коложицы, Роспулицы (Там же. Л. 3 об. — 4).

⁴⁴ *Вейбуль Й.* Краткая история Швеции. Стокгольм, 1994. С. 37.

⁴⁵ ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1769. Перевод. Л. 4.

⁴⁶ Там же. Л. 5 об.

ЛИТЕРАТУРА

Акты Московского государства. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. XLIV. 767 с.

Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI–XVII столетиях. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893. Вып. II. IV. 184 с.

Андерссон И. История Швеции. М.: Изд-во иностр. лит., 1951. 408 с.

Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм: Бра Бэккер Швед. ин-т, 1994. 147, [5] с.

Кан А. С. Россия и Швеция в прошлом и настоящем. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 1999. 359 с.

Коваленко Г. М. Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина. СПб.: «Крига», 2018. 353 с.

История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. С. 1959. 896 с.

История Швеции. М.: Наука, 1974. 719 с.

Миронова О. Н. Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Рязань, 2009. 208 с.

Некрасов Г. А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. М.: Наука, 1993. 268 с.

Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 206 с.

Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3-х т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1. 606 с.

Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., Наука, 1976. 435 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9–10. М.: Соцэкгиз, 1961. 755 с.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 2. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (Тридцатилетняя война). СПб.: Тип. В. С. Балашева и К°, 1894. 642 с.

Шведы в Москве. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 283 с.

Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел и Шведского Государственного Архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1897. Кн. III (182). 581 с.

Adams S. The Thirty Years' War. London; New York: Routledge, 2005. XLV, 316 p.

Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam: Menno Hertzberger & Co., 1935. 432 p.

Т. А. Базарова, М. Е. Проскурякова

**РУССКАЯ АРМИЯ И ИНГЕРМАНЛАНДИЯ
В НАЧАЛЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОХОДНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
А. Д. МЕНШИКОВА): НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ***

В начале Северной войны (1700–1721) Петр I поставил задачу отвоевать у Карла XII Ингерманландию и добиться выхода России к Балтийскому морю. На бывшей новгородской земле состоялись первые сражения русской армии со шведами. После поражения под Нарвой в ноябре 1700 г. царь сумел в короткий срок восстановить боеспособность армии и начать наступательные действия. В октябре 1702 г. был взят Нотебург, в мае 1703 г. — Ниеншанц. Русская армия вышла к берегам Финского залива, а 16 мая в дельте Невы заложили небольшую деревоземляную крепость, будущий Санкт-Петербург. В том же месяце пали шведские крепости Ям и Копорье. И уже 21 мая 1703 г. Петр I, подводя первые итоги кампании, сказал: «при помощи Божией Ингрия в руках. Дай Боже, доброе окончание»¹. В следующем, 1704 г., русская армия штурмом взяла Дерпт, Ивангород и Нарву.

Во время кампании в Ингерманландии началась карьера А. Д. Меншикова как военного и государственного деятеля. В 1704 г. он получил звание генерал-майора. Два года ранее, в 1702 г., царь назначил своего ближайшего сподвижника шлиссельбургским губернатором. В декабре того же года по царскому указу при новом губернаторе в подмосковном селе Семеновском была создана приказная палата (в 1705 г. ее переименовали в Ингерманландскую канцелярию)². Вначале в сферу ответственности губернатора входила лишь одна крепость в устье Невы. Затем, по мере продвижения русской армии к Балтийскому морю под

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20–09–42051 (Петровская эпоха) «Походная канцелярия Александра Даниловича Меншикова (1702–1705): Новые подходы к изучению традиционных источников Петровской эпохи».

его управление переходили все отвоеванные земли. К началу 1705 г. в ведении губернатора оказались огромные территории, по своей площади сравнимые с европейскими державами, в том числе часть Эстляндии, Приневье, южная часть Ладожского и Онежского озер, река Свирь, земли до Онеги и Белоозера. В сферу компетенции А. Д. Меншикова, помимо военных вопросов входили логистика, организация снабжения русской армии, строительство и оборона Санкт-Петербурга и других крепостей Ингерманландии.

Деятельность А. Д. Меншикова в качестве губернатора нашла отражение в материалах не только Ингерманландской, но и его походной канцелярии. М. В. Бабич обратила внимание на то, что законодательное оформление военно-походные канцелярии членов высшего командного состава петровского времени получили только в Воинском уставе 1716 г. Устав, по сути, зафиксировал давний обычай придавать выступавшему «в поход» (из постоянной резиденции) начальствующему лицу служителей для ведения переписки, денежных счетов, именных списков подчиненных и другой документации. Продолжительность Северной войны (1700–1721) сообщила походным канцеляриям А. Д. Меншикова и Б. П. Шереметева свойства стабильных и постоянных учреждений. Наименование «канцелярии» стихийно закрепилось за ними в начале 1710-х гг. Официально слившиеся при Военной коллегии секретари, канцеляристы и копиисты фактически продолжали служить в резиденции светлейшего князя в Санкт-Петербурге, поэтому «коллегское» делопроизводство смешивалось с «губернским», «гарнизонным» и личным. По мнению М. В. Бабич, схожим образом работали и военно-походные канцелярии других крупных деятелей³. В отечественной историографии походными канцеляриями принято называть не только учреждение, сложившееся при военачальнике или администраторе, но и комплекс документации, отложившийся в ходе его деятельности. Походная канцелярия А. Д. Меншикова — это письма и донесения, а также указы, армейские таблицы и ведомости, списки и таблицы раненых, пленных и солдат.

Еще при жизни А. Д. Меншикова его бумаги были разделены на две части. В настоящее время документы его походной канцелярии хранятся в Архиве СПбИИ РАН (фонд 83) и РГАДА (фонд 198). Начальный период Северной войны наиболее полно представлен в материалах фонда 83 «Походная канцелярия А. Д. Меншикова», отложившихся в Архиве СПбИИ РАН. По предварительным подсчетам в фонде сохранилось около восьми сотен документов за 1702–1705 гг. Эти материалы хорошо известны нескольким поколениям отечественных историков. Современные ученые продолжают активно вводить в научный оборот и использовать бумаги А. Д. Меншикова для изучения событий Северной войны

на территории Ингерманландии. Исследования последних лет выявили новые факты по истории штурмов, строительства и обороны крепостей, военных походов, что оказало влияние на оценки начального периода войны⁴. Современные исследователи петровских реформ все чаще задаются вопросом о влиянии личных контактов, неформальных связей и патрон-клиентских отношений на государственное управление и тем самым актуализуют задачу комплексного изучения документов из походной канцелярии А. Д. Меншикова⁵.

Между тем, исследование данного комплекса документов возможно не только традиционными, но и современными методами исторической науки. Как представляется, одним из научно-методологических подходов для работы с письмами из канцелярии А. Д. Меншикова может стать «Анализ социальных сетей» (Social Network Analysis /SNA/). Точкой отсчета в его истории принято считать социометрические работы 1950–1960-х гг., в которых выстраивались социограммы дружеских отношений, вражды, уважения, например, среди школьных учеников, жителей рыбацкой деревни, служащих военно-воздушных сил⁶.

Опыт, накопленный за два десятилетия, позволил в конце 1960-х гг. выдвинуть новую для социологии идею о первостепенной важности характера социальных связей между людьми. Ко второй половине 1970-х гг. в научной литературе утвердилась теоретическая основа «Анализа социальных сетей». Американские социологи Д. Нок и Д. Куклински описывая исходные позиции любого сетевого анализа, выделили две составляющие⁷. Во-первых, любой индивид является участником социальной системы, включающей множество действующих лиц, которые становятся своего рода ориентирами друг для друга при принятии решений (отношения индивида с другими участниками социальной системы могут повлиять на его восприятия, убеждения и действия)⁸. Вторая установка теоретиков сетевого анализа заключается в необходимости выявления и объяснения различных структурных уровней в социальной системе, то есть исследовании различного рода отношений между действующими лицами⁹. В 1980–1990-е гг. исследования в области анализа социальных сетей стали абсолютно доминирующей парадигмой в социологии. В эти же годы было опубликовано несколько работ по истории, где использовался названный подход. Появился и термин, которым принято обозначать исследования такого рода, — Исторический анализ социальных сетей (Historical Social Network Analysis /HSNA/).

По мнению американского ученого Ч. Веферелла, в рамках описываемого подхода связи между двумя или несколькими людьми, группами или институтами принято считать важными союзами, которые и становятся объектом исследования¹⁰. Ч. Веферелл выделил два направления

внутри сетевого анализа: а) исследования, сосредоточенные на изучении всех отношений между участниками одной социальной системы, то есть анализ «Целой сети» (Whole Network /WN/); б) исследования, выстроенные по принципу анализа связей, которыми обладают и которые используют отдельные индивиды («Эгоцентрический» (Egocentric /EC/ подход)¹¹. В рамках второго направления все внимание исследователей сконцентрировано на отношениях индивида с родственниками, соседями, друзьями¹². При этом ставится задача выявить природу отношений индивида и установить то, каким образом они направляли его жизнь (так как именно через социальные связи происходит формирование предпочтений, под их влиянием принимаются решения о действиях)¹³. По мнению Ч. Веферелла, именно данный подход представляет наибольший интерес для историков, так как он позволяет определить когда, как и почему происходила трансформация взглядов, представлений, устремлений индивида¹⁴. Однако при изучении социальной сети индивида, к источниковой базе предъявляются наиболее серьезные требования. Как отмечает Ч. Веферелл, в этом случае необходимы источники иного рода, чем те, в которых просто фиксируется наличие контактов. Решение поставленной задачи становится возможным при анализе дневниковых записей, а также комплексов личной корреспонденции¹⁵.

Предложенная авторами статьи концепция исследования социальных отношений А. Д. Меншикова предполагает обобщение данных его переписки с опорой на приемы сетевого анализа. Задачами начатой работы является реконструкция круга социальных связей А. Д. Меншикова, установление степени интенсивности контактов губернатора с каждым корреспондентом (на протяжении какого времени и насколько активно поддерживалась связь), а также выяснение сферы их общих интересов. В результате должны быть систематизированы сведения: во-первых, об общем числе и характере связей А. Д. Меншикова (прочных, активно поддерживавшихся или слабых); во-вторых, об их структуре (служебные контакты с высшими сановниками; выходящие за пределы делового общения контакты с высшими сановниками, например, просьбы о заступничестве, ходатайстве перед царем и т. д.); в-третьих, о пространственной дисперсии связей (например, Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Псков); в-четвертых, об их поддержании (то есть процентном соотношении тех связей, которые устойчиво поддерживались на протяжении всего изучаемого периода, и тех, которые имели временный характер); в-пятых, о характере тех связей, которые устойчиво поддерживались. Кроме того, в фокусе внимания находится история формирования мнений светлейшего князя по тому или иному вопросу, поиска решений и их воплощения в жизнь. В конечном итоге обобщение и систематиза-

ция данных из писем корреспондентов А. Д. Меншикова должны создать материал для исследования сферы его компетенции в 1702–1705 гг. и анализа механизмов реализации военных и административных проектов Петра I.

Широкая компетенция определяла круг корреспондентов губернатора. В 1702–1705 гг. это были преимущественно военачальники, командующие армиями, генералы (равные или выше по званию): Б. П. Шереметев, П. М. Апраксин, А. И. Репнин, К. Э. Рённе, А. А. Вейде, Р. В. Брюс, а также находившиеся в подчинении А. Д. Меншикова офицеры. В 1702–1704 гг. письма его адресантов содержат сведения о военных действиях в Ингерманландии в первые годы Северной войны, а также об организации управления завоеванными территориями и интеграции их в Российское государство. Обратным адресом донесений были Москва, Великий Новгород, Псков, Олонецкая верфь, Кроншлот, Шлиссельбург и Санкт-Петербург, а также места квартирования русской армии: «из обозу» под Нарвой, Дерптом и др. В 1705 г. А. Д. Меншиков стал получать письма из Ковно, Полоцка, Смоленска.

Судьба архива губернатора, свидетельства о ненадлежащих условиях хранения документов в XVIII в., а также значительные механические и биологические повреждения писем, позволяют сделать вывод о существенных утратах. Судя по дошедшим до нас материалам из походной канцелярии, в 1702–1705 гг. у А. Д. Меншикова было несколько десятков адресантов. Наиболее полно представлена корреспонденция за 1704 г.: 360 оригиналов писем и донесений. Среди них письма Б. П. Шереметева — 39, А. И. Репнина — 31, Т. Н. Стрешнева — 22, П. М. Апраксина — 17, К. А. Нарышкина — 16, В. И. Порошина — 16, Р. В. Брюса — 12, К. Э. Рённе — 9, У. А. Сенявина — 7. За 1705 г. сохранилось 264 письма и донесения. В их числе письма Б. П. Шереметева — 27, А. И. Репнина — 22, Т. Н. Стрешнева — 8, П. М. Апраксина — 7, К. А. Нарышкина — 9, В. И. Порошина — 0, Р. В. Брюса — 0, К. Э. Рённе — 49, У. А. Сенявина — 6.

Больше всего сохранилось писем генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева. В ряде случаев, отправляя донесение Петру I, он отсылал послание с аналогичным содержанием и А. Д. Меншикову¹⁶. Так, 22 мая 1704 г. генерал-фельдмаршал, сообщая о своем намерении начать поход согласно полученному царскому указу, написал губернатору: «Лехко мне жить при милости вашей, ничево я при милости вашей не знал, не толко во управлении в самых главных делех, везде ваша милость своею особою да отвагою»¹⁷. В письме государю содержалась похожая фраза: «...лехко мне жить при тебе, государе, да при Даниловиче, ничево я за милостию вашею не знал, толко во управлении, и в самых главных делех, везде ваша милость своею особою да отвагою»¹⁸.

Значительное увеличение интенсивности переписки А. Д. Меншикова с К. Э. Рённе в 1705 г., по-видимому, связано с участием последнего в походе армии в польские земли.

Также отметим, что имеющиеся в распоряжении историков оригиналы писем Р. В. Брюса не передают масштаба его переписки с А. Д. Меншиковым. В 1703–1706 гг. Р. В. Брюс руководил строительством Петербургской крепости и организацией обороны нового города. Он часто доносил губернатору А. Д. Меншикову о ходе работ, при этом интервал между отправкой его писем составлял меньше недели. Однако последнее письмо Р. В. Брюса, отложившееся в ф. 83, датировано 30 июля 1704 г.¹⁹ Ни одного письма обер-коменданта из Санкт-Петербурга и Нарвы за 1705 г. не сохранилось, хотя переписка А. Д. Меншикова и Р. В. Брюса не прерывалась. Данное заключение сделано по результатам изучения выписок первой четверти XVIII в. и копий писем Р. В. Брюса середины XVIII в.²⁰

В фонде 83 «Походная канцелярия А. Д. Меншикова» самое раннее письмо генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса губернатору датировано 22 марта 1708 г.²¹ Между тем, черновики двенадцати писем за 1705 г. сохранились также в Архиве ВИМАИВиВС²².

Таким образом, дополнение комплекса подлинников писем, отложившихся в походной канцелярии А. Д. Меншикова материалами из других архивных фондов, а также копиями и черновиками, позволяет расширить источниковую базу исследования.

Изучение материалов походной канцелярии свидетельствует о руководящей роли А. Д. Меншикова в вопросах снабжения провиантом и расквартирования полков в Ингерманландии. Особенно остро эти проблемы встали в начале 1704 г., когда русская армия готовилась к наступлению на Нарву, Ивангород и Дерпт. Отвоєванные у шведов земли были разорены и обезлюдели, поэтому на ресурсы местного населения не приходилось рассчитывать²³.

В письмах за март 1704 г. генералы А. И. Репнин и И. И. Чамберс просили разъяснить порядок перевода полков их команд из одного населенного пункта в другой. Подчинявшиеся А. И. Репнину воинские части, в том числе полк Рыдера, в первой декаде марта стояли у Поповой мызы (Петергоф). Лагерь растянулся на шесть верст вдоль моря. Он был развернут вблизи строившегося «двора государева». Приблизительно в начале марта генерал получил указ уступить квартиры солдатам Ингерманландского полка, находившегося под командой губернатора. А. И. Репнин предлагал А. Д. Меншикову расселить людей его полка в окрестностях города: «А мощно им убратца по деревням, которья и близ Санкт-Питербурха»²⁴. Однако был готов исполнить любое повеление: «И если поволитишь своему полку стоять так, как они занимают, изволь приказать, где мне и салда-

том стать на квартирах»²⁵. В те же мартовские дни генерал И. И. Чамберс запрашивал указ А. Д. Меншикова о расквартировании полков в Копорском и Ямбургском уездах. В частности, И. И. Чамберс ждал решения о размещении солдат полка Билса в Ямбургском уезде и выводе оттуда людей князя Н. И. Шаховского. Подчеркивая необходимость сохранения воинских контингентов в районе Сойкиной мызы (близ Копорья), генерал писал: «И я по воли твоей учиню, толко в том месте надобно полкам быть»²⁶. Из письма следует, что прежние распоряжения А. Д. Меншикова о квартирах для полков были исполнены И. И. Чамберсом отчасти, так как нуждались в уточнении²⁷.

Весной 1704 г. неоднократно с просьбами прислать пополнение, артиллерию, провиант и фураж к губернатору обращались А. И. Репнин и П. М. Апраксин. В апреле 1704 г. А. И. Репнин ходатайствовал о доставке «хлебных запасов» на Котлин для солдат полка, занятого на строительных работах²⁸. П. М. Апраксин просил А. Д. Меншикова ускорить выполнение указов Петра I. Так, 4 апреля 1704 г. окольный попросил губернатора написать Я. В. Брюсу, чтобы тот не медлил с исполнением государева указа прислать офицеров-артиллеристов («Прикажи, государь, по своей ко мне милости к нему отписать от милости своей, чтоб прислал немедленно»²⁹).

Военачальники также обращались к губернатору с просьбами стать «заступником» и доносить Петру I о нуждах вверенных им полков. В мае 1704 г. П. М. Апраксин «из обозу от реки Наровы» сообщил А. Д. Меншикову: «Салдаты у меня и драгуны зело нужны, ходят боси и без одежи, третей месяц жалованья не дано. <...> И хлеба, государь, салдатом даецца по полтора четверика. И того мало. Истинно сам свидетелствовал, хлеба на неделю не становитца. А здесь хлеб дорог, покупать не на что. Многие в ыные дни не етчи живут. О сем, милостивой мой государь, пожалуй, донеси ему, государю и помилосердствуй в том денежном жалованье и в хлебе. Не о себе прошу, в какой ни есть нужде с радостию готов быть, токмо о ратных людех прошу, у него, государя, чтоб были безо всякой нужды»³⁰.

Итак, в 1703–1705 гг. А. Д. Меншиков получал сведения от комендантов крепостей, а также командиров различных воинских частей, находившихся в Ингерманландии, Великом Новгороде и Пскове. Значительная часть адресантов губернатора не находилась в его непосредственном подчинении. Такие военачальники как Б. П. Шереметев, П. М. Апраксин, А. И. Репнин обращались к А. Д. Меншикову, прежде всего как к фавориту Петра I, губернатору и главе Семеновской приказной палаты, который мог ускорить выполнение царских указов и оперативно решить имевшиеся проблемы. Применение новых методов исследования дает возмож-

ности анализа структуры административной власти (губернаторы—воеводы—коменданты крепостей) и реконструкции горизонтальных связей внутри группы представителей элиты, а также выяснения связей с их окружением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее: ПиБ). СПб., 1889. Т. II. № 531. С. 169.

² В компетенцию Семеновской приказной палаты входили финансовые, оброчные, административные и хозяйственные вопросы. Основные усилия приказной палаты (Ингерманландской канцелярии) были направлены на удовлетворение нужд армии, а затем и военного флота. См.: *Данченко В. Г.* Организация мундирного обеспечения в русском Военно-морском флоте в первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 55.

³ *Бабич М. В.* Военно-организационная деятельность А. Д. Меншикова в материалах Российского государственного архива древних актов // Меншиковские чтения-2011. Материалы чтений. Березово, 12–13 ноября 2011 г. СПб., 2012. Вып. 8. С. 25–26.

⁴ См., напр.: *Мегорский Б. В.* Осады и штурмы Северной войны 1700–1721 гг. СПб., 2017; *Славнитский Н. Р.* Борьба за крепости и складывание системы обороны на Северо-Западе России в царствование Петра I. СПб., 2018.

⁵ См., напр.: *Кочегаров К. А.* Мазепа и Меншиков: Человеческие отношения и политическое сотрудничество // Меншиковские чтения-2015. Материалы Российской научной конференции. Березово, 27–28 ноября 2015 г. СПб., 2015. Вып. 10. С. 68–89; *Накишова М. Т.* Проблемы выявления и публикации источников для реконструкции неформальных связей государственных деятелей России первой половины XVIII в. (На материалах канцелярии А. Д. Меншикова) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 166–170. (Труды Исторического факультета МГУ. Серия II: Исторические исследования).

⁶ *Gould R. V.* Uses of Network Tools in Comparative Historical Research // *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences*. Cambridge, 2003. P. 242–243.

⁷ *Knoke D., Kuklinski J. H.* Network Analysis: Basic Concepts // *Markets, Hierarchies and Networks. The Coordination of Social Life*. London, 1991. P. 173.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ *Wetherell C.* Historical Social Network Analysis // *International Review of Social History*. 1998. N 43 (Supplement 6). P. 127.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. 130.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 130–131.

¹⁵ Ibid. P. 130.

¹⁶ Ср., напр., отправленные 22 мая 1704 г. письма: Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 256 и ПиБ. СПб., 1893. Т. III. Примеч. к № 653. С. 625–626.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ ПиБ. Т. III. Примеч. к № 653. С. 626.

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 360.

²⁰ Там же. Д. 7806; Оп. 2. Д. 2; Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 694.

²¹ Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 1776.

²² Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 1: Письма Я. В. Брюса (1704–1705). СПб., 2004. № 20, 23, 36–38, 58, 68, 69, 91, 117, 118, 120.

²³ Подробнее см.: *Базарова Т. А.* Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого: Очерки. СПб., 2014. С. 17–24.

²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 135. Л. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 137. Л. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 171. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 172. Л. 1 об.

³⁰ Там же. Д. 255. Л. 2–2 об.

ЛИТЕРАТУРА

Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 1: Письма Я. В. Брюса (1704–1705). СПб., Щелково: Библиотека журнала «Щелково», 2004. 143 с.

Бабич М. В. Военно-организационная деятельность А. Д. Меншикова в материалах Российского государственного архива древних актов // Меншиковские чтения-2011. Материалы чтений. Березово, 12–13 ноября 2011 г. СПб.: «Историческая иллюстрация», 2012. Вып. 8. С. 20–33.

Базарова Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого: Очерки. СПб.: Гйоль, 2014. 408 с.

Данченко В. Г. Организация мундирного обеспечения в русском Военно-морском флоте в первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 55–57.

Кочегаров К. А. Мазепа и Меншиков: Человеческие отношения и политическое сотрудничество // Меншиковские чтения-2015. Материалы Российской научной конференции. Березово, 27–28 ноября 2015 г. СПб., 2015. Вып. 10. С. 68–89.

Мегорский Б. В. Осады и штурмы Северной войны 1700–1721 гг. СПб.: «Историческая иллюстрация», 2017. 544 с.

Накишова М. Т. Проблемы выявления и публикации источников для реконструкции неформальных связей государственных деятелей России первой половины XVIII в. (На материалах канцелярии А. Д. Меншикова) // Русь, Россия:

Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 166–170 (Труды Исторического факультета МГУ. Серия II: Исторические исследования).

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1889. Т. II. V + 721 + 62 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1893. Т. III. XXXI + 1065 + LXIV с.

Славнитский Н. Р. Борьба за крепости и складывание системы обороны на Северо-Западе России в царствование Петра I. СПб.: Нестор-история, 2018. 280 с.

Gould R. V. Uses of Network Tools in Comparative Historical Research // *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 241–269.

Knock D., Kuklinski J. H. Network Analysis: Basic Concepts // *Markets, Hierarchies and Networks. The Coordination of Social Life*. London, 1991. P. 173–182.

Wetherell C. Historical Social Network Analysis // *International Review of Social History*. 1998. N 43 (Supplement 6). P. 125–144.

А. В. Сидоренко

**К ПРОБЛЕМЕ БОМБАРДИРОВКИ КОПЕНГАГЕНА
БРИТАНСКИМ ФЛОТОМ В 1801 И 1807 гг.
(БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ИЛИ НЕМОТИВИРОВАННЫЙ АКТ ТЕРРОРА?)***

Любое крупное революционное событие в истории неизбежно оказывает влияние на эволюцию международных отношений. Великая Французская революция не стала исключением, приведя к целой серии войн и конфликтов. Ее последствия прямо или косвенно стали заметны во всех уголках Европы, если не всего мира. Одним из таких эпизодов эпохи сперва революционных, а затем и наполеоновских войн стала двойная атака на датскую столицу силами британского флота в 1801 и 1807 гг., что вызвало широкое обсуждение этого события как в континентальной Европе, так и в Великобритании. Целью данной статьи является проследить мотивы этих шагов с точки зрения и мотивации самих англичан, а также оценить вектор активности Туманного Альбиона в данном вопросе — являлись ли атаки на Копенгаген мерами противодействия революционной Франции, или они уже не связывались с борьбой контрреволюции и революции.

Не подлежит сомнению, что важнейшим фактором, способствовавшим атаке британского флота на Данию в 1801 г., стала применяемая англичанами во время войны Второй коалиции практика принудительной проверки грузов торговых судов нейтральных стран на наличие военной контрабанды. Это неизбежно вело к конфликтам с нейтральными державами и в конечном итоге к их стремлению воссоздать систему вооруженного нейтралитета по аналогии со структурой 1780 г. Однако нужно понимать, что у каждой из четырех держав-участниц системы Второго

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

вооруженного нейтралитета были и иные причины участия в нем. Показательно, что инициатор новой системы — Россия — формально не была нейтральным государством, с 1798 г. участвуя во Второй коалиции и все еще официально находясь в состоянии войны с Францией. Но император Павел I испытывал все большее недовольство своими союзниками и весной 1800 г. разорвал отношения с Австрией из-за ее действий в Италии¹. По сути, Павел I отказался от участия в коалиции, но не от политики равновесия. Поэтому русский царь стал искать новых союзников для реализации своей старой политики. Весной 1800 г. потенциальными партнерами оказались такие нейтральные державы, как: Пруссия, Дания и Швеция, — уже сыгравшие схожую роль в политике европейского равновесия Екатерины II, при которой была создана Лига вооруженного нейтралитета².

В активации соответствующей политики Павлу I помог очередной эпизод пиратской активности британского военного флота. 13 июня 1800 г. при входе в Ла-Манш англичане остановили караван датских торговых судов, следовавших под конвоем военного фрегата «Фрея» во главе с капитаном Крабе, потребовав осмотра судов на предмет контрабанды. Отказ датского капитана подчиниться привел к скоротечному бою и последующему захвату «Фрей» британцами. Этот эпизод вызвал в Копенгагене негодование и заставил искать союзников против разбоя англичан. По поручению своего правительства датский посол в России граф Розенкранц известил Павла I об инциденте и стал зондировать почву на предмет возможности Дании рассчитывать на помощь России. Император согласился покровительствовать нейтральной торговле при выполнении двух условий: обязательств Дании следовать за русской внешней политикой, а также присоединения к декларации Швеции, Пруссии и, если возможно, Турции³. В начале октября 1800 г. Павел утвердил записку Ростопчина, излагавшую новые, антибританские принципы русской внешней политики. В ней говорилось: «Англия среди повсеместных своих успехов, возбуждая зависть всех кабинетов своею алчностью и дерзким поведением на морях... Вооружила угрозой, хитростью и деньгами все державы против Франции и выпускала их на театр военных действий единственно для достижения своей цели; овладела тем временем торговлею целого света и, не довольствуясь и сим, присвоила себе право осматривать корабли всех земель и, наконец, дерзнула завладеть Египтом и Мальтою». Отныне противодействие Англии при одновременном сближении с ее главным врагом — Францией — становилось принципиальным направлением русской внешней политики⁴.

Этот поворот примечателен. Если ранее Россия являлась одной из опор второй антифранцузской коалиции, противодействуя революционной Франции (консульство Наполеона еще не успело радикально

повлиять на структурные изменения во Франции), то теперь сама Российская империя совершала внешнеполитическую революцию, меняя видение врагов и друзей. Но, очевидно, делалось это не из идейных соображений (хотя Павлу не был чужд идеализм), а исходя из реальной политики своего номинального союзника — Великобритании, сохранявшей антифранцузский курс и все еще остававшейся лидером европейской контрреволюции, если под ней понимать сопротивление любым действиям существующего во Франции режима.

В условиях отхода от контрреволюционного идеализма ряда держав, не могли остаться в стороне и нейтральные страны. Для датчан случай с «Фреей» стал самым настоящим вызовом проводимой датским министром иностранных дел Кристианом Бернсторфом политики противодействия нарушений флотом Великобритании прав нейтральных судов в море. По настоянию датских купцов именно он организовал конвои, которые неизбежно привели к столкновениям с англичанами, кульминацией которых стало дело «Фрей». Поэтому инцидент способствовал формированию нового вооруженного нейтралитета. При этом не только у Дании, но и у Пруссии были основания жаловаться на британцев, хотя прусская торговля и понесла меньший ущерб, чем датская⁵.

Впрочем, инцидент с «Фреей» на уровне датско-британских отношений был сравнительно быстро «замят». Датчане согласились разрешить обыск своих конвоев; а Великобритания удовлетворилась датскими гарантиями, что «никаких враждебных намерений против Великобритании не было предпринято». В большей степени англичане волновались из-за подписанного Россией и Швецией договора о военном нейтралитете, который вводил эмбарго на все британские корабли. Однако Пруссия и Дания вскоре также были вовлечены в создание Второй лиги вооруженного нейтралитета. К 16 декабря 1800 г. северные державы объявили Балтику закрытым морем, что вызвало первую британскую интервенцию в XIX веке — атаку на Копенгаген. Но если смотреть глубже, окажется что эта война была не только за принципы морского права или баланс сил; с точки зрения британцев, это была война за ресурсы и продовольствие⁶.

Из-за их потребности в товарах морского назначения и зерне торговля на Балтике была для англичан более жизненно необходима, чем для России. В 1800–1801 гг. эта потребность стала необычайно острой. Череда неурожая и быстро растущие цены вызвали в Великобритании сильный страх внутренних потрясений⁷. По сути, объявленная в 1801 г. Лигой блокада Великобритании была, несмотря на ее скоротечность, не менее опасна для Англии, чем более длительная и знаменитая континентальная блокада. Если урожаи 1807 и 1808 гг. были нормальными, то в марте 1801 г., когда эскадра Нельсона отплыла на Балтику, общий индекс цен

и цены на пшеницу в Туманном Альбионе были выше, чем в любой иной месяц эпохи революционных и наполеоновских войн⁸!

Если бы Лига вооруженного нейтралитета смогла лишить англичан запасов стратегического сырья и продовольствия, она также могла бы запретить и их экспорт. При этом наибольшую угрозу для Великобритании представляло присоединение к Лиге Пруссии, у которой не было флота и заморской торговли, поэтому, вступая в Лигу, Пруссия ничем не рисковала, но при этом могла перекрыть торговые пути Великобритании на континент. А ведь за восемь лет войны британский экспорт в Германию вырос в шесть раз. Если бы пруссаки закрыли Вислу, Одер и Эмс, а также перекрыли вторжением в Ганновер альтернативные пути — Везер и Эльбу, британская экономика была бы серьезно подорвана, а королевский флот был бы бессилён предотвратить это⁹. В этом плане Великобритания, как и Россия, уже перестала являться опорой контрреволюции в смысле противостояния революционной Франции как таковой — на первое место выдвинулись прагматичные интересы.

Естественно, Лондон должен был принять ответные меры. Из английской столицы был выслан генеральный консул России Бакстер, а задержание судна «Благонамеренный» 5 декабря 1800 г. в Портсмуте стало поводом для общего эмбарго, с января 1801 г. распространенного на датские и шведские суда. 28 февраля 1801 г. английская эскадра во главе с адмиралами Паркером и Нельсоном отправилась на Балтику, имея одной из задач — атаку русского порта Ревель. Но Англии не нужна была война с Россией, не имевшую явных перспектив и делавшую торговлю рискованным делом, что существенно ущемляло интересы Англии. При этом русско-французский союз, неминуемо укреплявшийся в ходе русско-английского конфликта, мог усугубить положение Британской империи. Поэтому экспедиция Паркера и Нельсона выглядела, скорее, как демонстрация военной мощи Англии, нежели масштабной военной операцией¹⁰. Но чтобы эта демонстрация была убедительной, флот его величества не мог вернуться с нулевым результатом. В этом смысле бомбардировка Копенгагена, столицы государства — самого слабого звена в Лиге — была более чем показательной.

Важно подчеркнуть, что атака на Данию являлась, по сути, атакой на русскую внешнюю политику. В первые месяцы 1801 г. Павел I активно участвовал в политическом и территориальном переустройстве Европы, совмещая его с конфликтом Лиги вооруженного нейтралитета и Англии. При этом император вполне сознательно использовал свое сближение с Францией для защиты собственных интересов в конфликте с Англией, но не смешивая этот конфликт с войной Бонапарта с Англией; и он сделал это, чтобы сохранить контроль над системой вооруженного нейтра-

литета его отдельными членами, а также из-за желания контролировать конфликт между Лигой и Англией¹¹.

Понимание этого обстоятельства дает основание историкам справедливо невысоко оценивать результаты первого нападения на Копенгаген. Ведь атака на датскую столицу в 1801 г. мало что сделала для решения проблем Англии в вопросе снабжения ресурсами в долгосрочной перспективе¹². Такие события в России, как гибель Павла I и последующий пересмотр Александром I целей и методов российской внешней политики, — вот что имеет значение, а не драматические, хотя и решительные действия Нельсона в Копенгагене. «Смерть Павла была удачей, на которую мы не имели права рассчитывать», — заметил один британский современник. А победа в Копенгагене не имела никакого эффекта, потому что Великобритания не могла победить Россию нападением на Данию. Интерес России к Лиге также не имел ничего общего с морским правом. Желание России организовать Лигу возникло из-за ее негодования по поводу того, что ее обманули англичане с Мальтой. Наконец, Лига не могла потерпеть поражения на море, когда война, которую она планировала против Великобритании, должна была состояться на суше¹³. Оценивая бомбардировку Копенгагена в 1801 г., можно сказать, что датская столица стала жертвой меняющейся внешней политики великих держав, отошедших от привычной борьбы с революционной Францией и ставших защищать свои национальные интересы и амбиции, в которых не всегда могло найтись место малым нейтральным странам. И не случайно, что уже в следующем 1802 г. в Европе был заключен, хотя и недолгий, но всеобщий Амьенский мир.

В отличие от нападения британского флота на Копенгаген в 1801 г., вторая атака датской столицы спустя шесть лет вызвала больший резонанс в английском обществе и удостоилась широкого обсуждения в публицистике тех лет¹⁴. Современник из континентальной Европы вопрошал: «Как можно было думать, чтобы и Дания — миролюбивая Дания, которая своим положением была отделена от страшного театра государственных изменений, поколебавших Европу ... не избежала ужасов разрушительной войны, ознаменовавшей достопамятное течение 1807 года! И в ком, о Праведный Боже! нашла она врага? — В том Государе, с которым соединена была святым и древним союзом; в той нации, которая перед целым светом гордилась титулом защитницы прав уничиженного человечества, которая именovala себя ужасом похитителей и мстительницею за оскорбленное величие Престолов. — И что же причиною возмутительного поступка Англии? — Нарушение неутралитета! — Ни мало! Дания хранила его свято! — Подозрительные, тайные связи? Известен смелый ответ ее сильной Державе: “лучше погибнуть с честью, нежели

отступить от строгих обязанностей нейтральной Державы!» — Быть может воинственные вооружения? Но войска ее находились в Голштинии, корабли военные у берегов, купеческие свободно плавали по отдаленным морям»¹⁵. А английский автор писал: «...какое право они давали нам атаковать Копенгаген? Датчане были в мире с нами — они по всей видимости защищали себя от Франции — их войска были в Голштинии, чтобы защитить ее нейтралитет, их корабли покоились, как множество бесполезных корпусов, их арсенал состоял лишь из обычных мирных складов (ибо вся ложь о морских приготовлениях была давно отброшена) — на Францию они смотрели как на врага — на Англию как на друга, который защитит их в крайнем случае и чьей помощи они будут просить в первую очередь»¹⁶.

Таким образом, более всего в этом акте агрессии современников поразила немотивированность нападения именно на Данию, внешне не представлявшую для Великобритании угрозы. Наиболее распространенное объяснение причин этого шага английского правительства исходит из опасности захвата датского флота Францией после заключения Тильзитского мира с Россией, что требовало нанести первый удар. К середине июля, когда сообщения о Тильзите достигли Англии, мощная экспедиция уже была готова отплыть в Данию. Эскадра появилась перед Копенгагеном 2 августа, военные действия начались 16 числа, после чего город, в течение нескольких дней подвергавшийся крайне жестоким бомбардировкам, капитулировал 7 сентября. А 21 октября англичане отплыли вместе с захваченными семьюдесятью шестью кораблями датского флота, до этого стоявшего на якоре в гавани Копенгагена. Англичане признали потерю всего лишь сорока двух человек в этой кампании, которая длилась двадцать четыре дня и в теории разрушила последнюю надежду Наполеона собрать флот, способный справиться с английским флотом¹⁷. Внешняя эффективность данной операции позволяла патриотически настроенным современникам весьма высоко ее оценивать: «Экспедиция на Балтику — одно из самых поразительных событий современности, образить которое представляло бы немалую трудность для любого, кто не был бы очевидцем сцены, происходившей на этом новом театре британской храбрости»¹⁸.

Таким образом, отказ датчан сдать свои корабли под британскую защиту привел к печально известной бомбардировке Копенгагена, сам акт которой стал средством для достижения целей британской политики. Один из вдохновителей этой операции в британском кабинете Роберт Каслри поздравил адмирала Гамбье с тем, что он «выполнил приказ Его Величества и не допустил, чтобы датский флот и военно-морские ресурсы попали в руки наших врагов»¹⁹. Флот традиционно считался основой

силового потенциала Великобритании, поэтому существовало убеждение, что политика продвижения Франции к «всеобщему господству» и «покорение европейского континента» возможны только путем подрыва «основ морской мощи Великобритании, реальной и в данный момент единственной преграды на пути осуществления ее взглядов»²⁰.

Однако нападение на Данию не было импровизацией, а стало следствием определенных дипломатических процессов. Неопределенность относительно того, насколько далеко готова зайти Дания в своих попытках умиротворить Францию, побудила главу форин офиса виконта Ховика предложить секретный союзный договор между Англией, Швецией и Данией для защиты северного региона. Этот шаг был попыткой английского правительства привлечь датчан на свою сторону, не дожидаясь французских инициатив. Но слабость этого предложения заключалась в том, что оно могло гарантировать лишь частичную оборону Дании, поэтому было отвергнуто. Когда известие о поражении русских под Фридландом достигло Лондона, подозрения о тайной враждебности датчан к Британии, которые «только ждут удобного момента, чтобы показать себя», переросли в уверенность²¹.

Заключение в 1807 г. Тильзитского мира, по которому Россия брала на себя посредничество в примирении Лондона и Парижа на условиях отмены «морского кодекса», а в случае неудачи обязывалась примкнуть к системе континентальной блокады, пригласив в нее Данию, Швецию и Португалию, безусловно, способствовало росту подозрений англичан. В Лондоне решили с помощью акции устрашения продемонстрировать намерения защищать свои интересы любыми способами, не останавливаясь даже перед нарушением норм международного права. Удар был нанесен по слабейшему, но важному звену в той цепи, которой союзники по Тильзиту хотели сковать Великобританию — по Дании, ведь возможное присоединение этой страны к союзу могло закрыть для британских судов проход из Северного моря в Балтийское через проливы²².

В этих условиях англичанам нечего было предложить датчанам: Британия втягивала Данию в войну, не имея возможности гарантировать оборону ее провинций. Этой непредвиденной ситуации можно было избежать дождавшись нападения французов, а затем предложить Дании помощь, что было слишком рискованно. Британцы ожидали от Франции ультиматума Дании, и у них не было оснований полагать, что датчане готовы сопротивляться французам. Риск, связанный с политикой выжидания, был слишком велик, чтобы его можно было принять²³. Проведенный историком Дж. Роузом анализ ситуации показал, что: 1) британское правительство не имело надежных источников информации об истинных намерениях датчан; 2) оно было дезинформировано об истинном потен-

циале датского военного флота; 3) все варианты разрешения конфликта между Данией и Великобританией подразумевали передачу в руки англичан датского флота, хотя при этом не исключался вариант заключения союза; 4) создание англо-скандинавской лиги было сорвано упорным отказом датского двора даже рассмотреть его возможность, а также отказом Густава IV принять английскую военную помощь для Швеции²⁴.

Англо-датский спор также возник из-за того, что часть мер, принятых Великобританией для ограничения французской торговли на нейтральных судах, вступили в противоречие с датскими интересами. Британская позиция подразумевала запрет нейтральным судам заниматься грузоперевозками между французскими или контролируемыми французами портами. Было объявлено, что те, кто проигнорирует его, будут схвачены и осуждены вместе с их грузом как законный приз. Тем временем перевозка грузов между портами Франции и ее союзников в Северной Европе и портами Средиземноморья была одной из самых процветающих и прибыльных статей датского судоходства. Ее потеря расценивалась датским руководством как серьезный удар по интересам страны. Британцами же эта позиция истолковывалась как преднамеренная дерзость²⁵.

Однако такие причины были неочевидны непосвященным наблюдателям в самой Англии, для которых «Такие грубые несоответствия не поддаются никакому убеждению — и они, естественно, порождают убеждение, что история эта в корне ложна, что мы напали на датчан... потому, что они были слабы и что, не имея другого способа показать нашу деятельность, мы решили сделать самое простое, самое безопасное и самое сомнительное дело, которое представлялось нам в данный момент, ни разу не задумавшись ни о реальной ценности предмета, ни о существенной справедливости средств»²⁶. Отсюда неудивительна осторожная реакция на бомбардировку Копенгагена даже среди апологетов британской политики. Даже в поэме, сравнивающей события в Копенгагене с лучшими проявлениями английской доблести в битвах у Трафальгара и при Азенкуре, в авторских комментариях заметны извлечения критического характера с описанием всей жестокости британских действий²⁷.

При этом критике подверглась не только крайняя жестокость, но и ограниченность действий английских флотоводцев и политиков. Один из авторов возмущался: «Ни одна экспедиция не была учреждена так неискусно, произведена в действие с таким легкомыслием и не имела таких печальных следствий, как экспедиция против Копенгагена. Непонятно, для чего наши Министры, овладев островом Зеландом, Датским флотом, Датскими арсеналами, Датскую столицей, не ввели 100,000 войска в Копенгаген, не рассудили содержать в Балтийском море сильного флота, который, при помощи Швеции, сохранил бы для них свободный

проход через Зунд и обеспечил бы совершенно Английскую торговлю на севере Европы? Но безрассудность и корыстолюбие суть отличительные достоинства наших Правителей. Министерские Журналы превознесли до небес незабвенное завоевание Копенгагена, и Министры остались довольны своею политикою; они успокоились на лаврах своих, не помышляя о том, что сделается с Зундом, с торговлею на Восточном море, с последним, несчастным союзником Английского народа, Королем Швеции»²⁸. При этом не стоит забывать и о политических пристрастиях писавших: виги стремились воспользоваться этой историей как поводом для атаки на торийское правительство, хотя в Парламенте оно и было поддержано²⁹.

Впрочем, чисто внешне демонстрация оказалась весьма эффективной. Один из авторов в патриотическом угаре указывал, что «...народы России и Турции неизбежно разделят ту же участь, если эти народы будут принуждены его [Наполеона] угрозами или соблазнены его искусством выступить против нас. Именно Буонапарте сделал Великобританию, ради ее собственной безопасности, ради ее собственного существования, владычицей океана...»³⁰.

Нападение на Копенгаген и отказ от мирных переговоров с Францией привели к разрыву российско-британских отношений. 24 октября 1807 г. царь издал декларацию, в которой Великобритания обвинялась в эгоистическом преследовании только собственных интересов в ущерб союзникам, что по сути означало объявление Англии главной виновницей европейского конфликта, продолжающегося с 1792 г. Россия впервые в истории двусторонних контактов вступила с Великобританией в войну. Датское правительство все же подписало союзный договор с Францией 31 октября 1807 г., но, не имея флота, датчане уже не могли блокировать проливы³¹. Что характерно, русско-британская война была сравнительно мягкой, в чем-то похожей на «странную войну» 1939–1940 гг., что не осталось незамеченным современниками, отмечавшими: «В тот самый момент, когда мы убивали и грабили датчан, опасаясь, что Россия заставит их выступить против нас, мы даже не притронулись к русскому кораблю. Один из их флотов спокойно прошел мимо Гибралтара. Еще один проплыл через наши эскадры перед Копенгагеном, и оба были оставлены в покое»³². Таким образом, в 1807 г., как и в 1801 г., датская столица стала жертвой нежелания британцев начинать настоящую войну с Россией при острой необходимости демонстрации своей решимости и мощи.

В результате, в целом, очевидно, что обе бомбардировки Копенгагена не были напрямую связаны с борьбой англичан, как одной из главных контрреволюционных сил в Европе, с происками революционной Франции. Даже если принимать режим консульства и империи Наполе-

она как продолжение Французской революции, Дания с ее нейтральным статусом не имела к нему никакого отношения. Бомбардировки Копенгагена стали, в первую очередь, демонстрацией британского могущества тем державам Европы, которые, как Россия, стремились изменить систему международных отношений и бросить вызов господству англичан на море и их свободе действовать на свое усмотрение как против воюющих, так и нейтральных стран. В этом плане атаки датской столицы были настоящим террором, но вполне мотивированным. В то же время, контрреволюционный мотив в действиях англичан сохранялся, ведь изменение модели поведения на море и в европейской дипломатии (вне зависимости от того, было ли оно вызвано Великой Французской революцией или иными факторами) само по себе было революционным, и нападения на Копенгаген оказались жестокими, но необходимыми попытками спасти свой «старый порядок», как он понимался в Лондоне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Dwyer P. G. Prussia and the Armed Neutrality: The Invasion of Hanover in 1801 // The International History Review. 1993. Vol. 15. N 4. P. 662.*

² *Feldbok O. The Foreign Policy of Tsar Paul I, 1800–1801: An Interpretation // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 1982. Bd. 30. H. 1. P. 19.*

³ *Сорокин Ю. А. Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 18.*

⁴ Там же.

⁵ *Dwyer P. G. Prussia and the Armed Neutrality... P. 662.*

⁶ *Davey J. Securing the Sinews of Sea Power: British Intervention in the Baltic 1780–1815 // The International History Review. 2011. Vol. 33. N 2. P. 171.*

⁷ *Ingram E. Illusions of Victory: The Nile, Copenhagen, and Trafalgar Revisited // Military Affairs. 1984. Vol. 48. N 3. P. 141.*

⁸ *Ragsdale H. A Continental System in 1801: Paul I and Bonaparte // The Journal of Modern History. 1970. Vol. 42. N 1. P. 84–85.*

⁹ *Ingram E. Illusions of Victory... P. 141.*

¹⁰ *Сорокин Ю. А. Заговор и цареубийство... С. 19.*

¹¹ *Feldbok O. The Foreign Policy of Tsar Paul I... P. 31.*

¹² *Davey J. Securing the Sinews of Sea Power... P. 175.*

¹³ *Ingram E. Illusions of Victory... P. 141.*

¹⁴ *Naval Papers Respecting Copenhagen, Portugal, and the Dardanelles. Presented to Parliament in 1808. London, 1809; A description of Denmark; and a narrative of the Siege, Bombardment, and Capture of Copenhagen, with the surrender of the Danish Fleet, Arsenals &c. to the British Arms in the September, 1807. From the Danish Account of J. L. Sommer. Second Edition. Colchester, [1808].*

¹⁵ *Судьба Копенгагена. (Письмо очевидца) // Вестник Европы. 1808. № 1. Том 37. С. 69–70.*

¹⁶ State Papers, etc. P. II–III.

¹⁷ *Kulsrud C. J.* The Seizure of the Danish Fleet, 1807: The Background // *The American Journal of International Law*. 1938. Vol. 32. N 2. P. 280.

¹⁸ Particulars of the Expedition to Copenhagen, with an account of the siege and bombardment by the English in 1807: including articles of capitulation, etc... By *Septimus Crockes*. Sheffield, 1808. P. 2.

¹⁹ *Davey J.* Securing the Sinews of Sea Power... P. 176.

²⁰ An Examination of the causes which led to the late expedition against Copenhagen. By an Observer. London, 1808. P. 1.

²¹ *Ryan A. N.* The Causes of the British Attack upon Copenhagen in 1807 // *The English Historical Review*. 1953. Vol. 68. N 266. P. 42–43.

²² *Орлов А. А.* Экономика Великобритании в эпоху Континентальной блокады (1806–1813 годы) // *Новая и Новейшая история*. 2006. № 3. С. 208.

²³ *Ryan A. N.* The Causes of the British Attack upon Copenhagen in 1807... P. 55.

²⁴ *Rose J. H.* Canning and Denmark in 1807 // *The English Historical Review*. 1896. Vol. 11. N 41. P. 92.

²⁵ *Ryan A. N.* The Causes of the British Attack upon Copenhagen in 1807... P. 46–47.

²⁶ State Papers, etc. P. V.

²⁷ См.: *The Siege of Copenhagen*. A poem; with notes, by *James Grahame*. Second Edition. Edinburgh—London, 1808.

²⁸ Письмо из Лондона // *Вестник Европы*. 1808. № 11. Том 39. С. 184–185.

²⁹ См.: *Исамухамедова И. А.* Экспедиция в Копенгаген 1807 года и английские политические круги // *Россия и Запад. Идеи, политика, культура. Конфликт — диалог — взаимовлияние*. Сборник статей кафедры всеобщей истории и регионоведения, посвященный 450-летию города Орла и 25-летию кафедры. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева». Орел, 2016. С. 93–97.

³⁰ An Examination of the causes... P. 41.

³¹ *Орлов А. А.* Экономика Великобритании... С. 208–209.

³² State Papers, etc. P. IV.

ЛИТЕРАТУРА

Возгрин В. Е. Летописцы и историки Дании: Эволюция национальной историографии от средневековья до современности. СПб.: Издательство Крига, 2019. 816 с.

Исамухамедова И. А. Экспедиция в Копенгаген 1807 года и английские политические круги // *Россия и Запад. Идеи, политика, культура. Конфликт — диалог — взаимовлияние*. Сборник статей кафедры всеобщей истории и регионоведения, посвященный 450-летию города Орла и 25-летию кафедры. Орел: ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», 2016. С. 93–97.

Меморский М. Ф. Англичане в Дании. Или действие настоящей войны: Российское сочинение. М.: Типография Платона Бекетова, 1807. 101 с.

Орлов А. А. Экономика Великобритании в эпоху Континентальной блокады (1806–1813 годы) // Новая и Новейшая история. 2006. № 3. С. 206–215.

Письмо из Лондона // Вестник Европы. 1808. № 11. Том 39. С. 184–185.

Рогинский В. В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на севере Европы в эпоху Наполеоновских войн. М.: Весь мир, 2012. С. 520 с.

Рогинский В. В. Дания в наполеоновских войнах. Распад Датско-Норвежской унии (1807–1814) // Истрия Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1996. С. 257–264.

Сорокин Ю. А. Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 15–29.

Судьба Копенгагена. (Письмо очевидца) // Вестник Европы. 1808. № 1. Т. 37. С. 69–81.

A description of Denmark; and a narrative of the Siege, Bombardment, and Capture of Copenhagen, with the surrender of the Danish Fleet, Arsenal &c. to the British Arms in the September, 1807. From the Danish Account of J. L. Sommer. Second Edition. Colchester: I. Marsden, [1808]. 42 p.

An Examination of the causes which led to the late expedition against Copenhagen. By an Observer. London: J. Hatchard, 1808. 47 p.

Davey J. Securing the Sinews of Sea Power: British Intervention in the Baltic 1780–1815 // The International History Review. 2011. Vol. 33. N 2. P. 161–184.

Dwyer P. G. Prussia and the Armed Neutrality: The Invasion of Hanover in 1801 // The International History Review. 1993. Vol. 15. N 4. P. 661–687.

Feldbok O. The Foreign Policy of Tsar Paul I, 1800–1801: An Interpretation // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 1982. Bd. 30. H. 1. P. 16–36.

Ingram E. Illusions of Victory: The Nile, Copenhagen, and Trafalgar Revisited // Military Affairs. 1984. Vol. 48. N 3. P. 140–143.

Kulsrud C. J. The Seizure of the Danish Fleet, 1807: The Background // The American Journal of International Law. 1938. Vol. 32. N 2. P. 280–311.

Naval Papers Respecting Copenhagen, Portugal, and the Dardanelles. Presented to Parliament in 1808. London: A. Strahan, 1809. 145 p.

Particulars of the Expedition to Copenhagen, with an account of the siege and bombardment by the English in 1807: including articles of capitulation, etc... By Septimus Crockes. Sheffield: Slater, Bacon and Co, 1808. 24 p.

Ragsdale H. A Continental System in 1801: Paul I and Bonaparte // The Journal of Modern History. 1970. Vol. 42. N 1. P. 70–89.

Rose J. H. Canning and Denmark in 1807 // The English Historical Review. 1896. Vol. 11. N 41. P. 82–92.

Ryan A. N. The Causes of the British Attack upon Copenhagen in 1807 // The English Historical Review. 1953. Vol. 68. N 266. P. 37–55.

State Papers, etc. [Relating to the expedition against Copenhagen and the withdrawal of Russia from the English alliance. [With a preface.] 1808. 52 p.

The Siege of Copenhagen. A poem; with notes, by James Grahame. Second Edition. Edinburgh: Oliphant and Brown — London: Longman, Hurst, Rees and Orme, 1808. 18 p.

*А. В. Смолин*¹

**РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ:
СДАЧА ПОЗИЦИЙ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ТАРТУ
(28 ИЮЛЯ — 14 ОКТЯБРЯ 1920 г.)***

В конце июля 1920 г. начался заключительный этап советского-финляндских мирных переговоров. Они проходили в эстонском городе Тарту уже достаточно продолжительное время¹, но после перерыва 28 июля 1920 г. открылось уже седьмое пленарное заседание этих очень длительных по своему характеру переговоров. К этому времени советская делегация уже пополнилась новым представителем, им стал член РВС армии Советской Латвии, а затем 15-й армии, врач по образованию, член РКП(б) Н. С. Тихменёв².

Время начала второго этапа конференции совпало с периодом побед Красной армии против Польши. При открытии заседания с достаточно жёсткой речью выступил председатель советской делегации Я. А. Берзин. Он заявил: «Мира можно достигнуть только в том случае, если финляндская делегация станет на новую точку зрения и откажется от своих требований на территориальные приобретения за счёт Советской России»³.

Развивая мысль об уступках Финляндии, Берзин сказал, что предоставление ей независимости уже являлось шагом навстречу. Он подчеркнул, что Советская Россия предвидела ее невыгодность. «Тружущиеся массы России — по мнению главы советской делегации — исходили при этом из высшего принципа международных отношений.., но мы могли держаться этой политики только в уверенности, что эти временные невыгоды, в конце концов, окупятся большими выгодами для всех народов, когда власть во всех странах будет в руках трудящихся масс»⁴. Однако «левые фразы» не соответствовали реальной действительности. Об этом

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

предупреждал Нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин, когда говорил: «Некоторые мыслят агитационными формулами, а не конкретными данными»⁵. К сожалению, в это время «агитационные формулы» брали верх в головах ряда ответственных советских руководителей.

В целом, глава российской делегации высказался против территориальных уступок в районе Печенги. Но, вместе с тем, выразил готовность предоставить экономические льготы для финского населения. При этом, останавливаясь на методах ведения переговоров, А. Я. Берзин одновременно упрекнул финнов в том, что они предъявили сначала завышенные требования, а затем понемногу начали их снижать, в то время, как советская делегация сразу предложила минимальные требования. Если же финны будут настаивать на Печенге и Карелии, продолжал Берзин, то Россия выставит требования по Карельскому перешейку и Аландским островам, поскольку данные территории, как известно, административно вошли в состав территорий Великого княжества только после присоединения Финляндии к России. Более того, руководитель советской делегации обвинил Финляндию также во вмешательстве во внутренние дела Восточной Карелии и ведении там агитации за присоединение к Финляндии. Вместе с тем он напомнил, что приходы Ребола и Поросозеро были на практике оккупированы Финляндией⁶.

После твёрдого и эмоционального выступления Я. А. Берзина слово взял глава финляндской делегации на тартуских переговорах Ю. К. Паасикиви. Он отметил, что Финляндия рассчитывала на территориальные уступки, поскольку именно Советская Россия стремится к миру с его страной, указав, что, кому нужен мир, тот и должен идти на уступки. Также по поводу предоставления независимости Финляндии, Паасикиви подчеркнул, что это была не уступка, а выгодное для России решение⁷.

Далее же финляндская делегация просто предложила перейти к работе в экономической комиссии, оставив пока решение проблемы Печенги, обсудив в территориальной комиссии лишь вопрос о разграничении границ в Финском заливе. Причем по наблюдениям советского морского эксперта Е. А. Беренса, после перерыва в переговорах желание финнов к миру явно усилилось⁸. На некоторую уступчивость со стороны финляндской делегации обращал внимание и заместитель главы советской делегации П. М. Керженцев, который это стал связывать с успехами Красной армии на фронте⁹. В целом, советская делегация уже стала тогда верить в предстоящий успех. 30 июля Я. А. Берзин в докладной записке, адресованной Г. В. Чичерину, писал: «Общая ситуация такова, что мир можно заключить очень скоро, если мы проявим хотя бы минимальную уступчивость»¹⁰. Отвечая на это предложение 2 августа, Чичерин рекомендовал Берзину пойти на уступки¹¹.

Тем временем 29 июля и 4 августа на заседаниях в территориальной комиссии проходило детальное обсуждение финского и российского проектов по разграничению в Финском заливе¹². Причем, большой судходный фарватер, свободный для международного плавания, планировалось проложить вне финских территориальных вод. Территориальные воды вокруг финских островов предлагалось ограничить тремя милями. Финны соглашались не возводить укрепления на островах Сескар и Лавенсари, не держать там артиллерии, снести форты Ино и Пумало на побережье Финского залива и далее здесь не возводить долговременных укреплений. Далее обоим государствам предлагалось не строить на берегах Ладожского озера военные укрепления служащих и не содержать здесь военные корабли. Договаривающимся сторонам предлагалось разрешить плавание по Неве из Ладожского озера в Финский залив и обратно. Более того вообще предполагалась нейтрализация Финского залива¹³.

После оглашения проекта началась дискуссия. Российские представители обратили внимание на то, что, в случае подписания договора финские территориальные воды будут расположены всего в 1,5 милях от кронштадтских фортов, что считалось недопустимым. Возражение вызвало и предложение о нейтрализации островов Сескар и Лавенсари. Если такую же операцию не произвести с другими островами, то Финский залив, таким образом, по мнению российских экспертов, запирался. Причем, отвечая на претензии русской делегации, влиятельный представитель финляндской делегации, депутат парламента Ю. Х. Веннола заявил, что финны учитывают оборону Петрограда. Однако советские не принимают интересов Финляндии. Касаясь проблемы территориальных вод, он сказал, что при установлении их границ учитывался опыт скандинавских стран¹⁴.

В ходе состоявшейся дискуссии советские морские эксперты в целом признали финский проект приемлемым. И хотя в нём размер финских территориальных вод был больше, чем предусматривали советские предложения, но это не имело существенного значения, так как свободная часть залива, являлась пригодной для навигации. Поэтому последовало заявление, что в общих чертах принимается финский проект. Согласие российской делегации на размер финских территориальных вод привело к тому, что председатель финской делегации довёл до сведения советских коллег, что есть все основания заключить перемирие¹⁵.

Таким образом, умение отличить главное от второстепенного позволило советской делегации сдвинуть переговоры от перемирия с мёртвой точки. При этом, судя по всему, в Москве продолжала сохраняться обеспокоенность, связанная с возможностью наступления финнов. Это опасение было следствием того, что большая часть информации совет-

ских экспертов черпалась из иностранной прессы, где уже сообщалось, что в июне 1920 г. британский флот подходил к Аландским островам, а У. Черчилль призывает Германию к единому антибольшевистскому походу. В самой же Финляндии тоже фиксировались силы, которые выступали против мира с Советской Россией¹⁶. Вся эта информация, безусловно, держала советское руководство в определенном напряжении.

Более того, успешное вначале наступление Красной армии на территории Польши привело к тому, что 4 августа Британия предъявила трёхдневный ультиматум Советской России, чтобы она приостановила это наступление, угрожая направлением к берегам России ее флота и возобновлением экономической блокады¹⁷.

Удачные действия советских войск в Польше породили также определённые страхи у правительств соседних с Россией стран. В результате, в Риге с 6 августа по 6 сентября, одновременно с переговорами в Тарту, проходила конференция Балтийских государств¹⁸. Её цель заключалась в стремлении к объединению их в военной, экономической и культурной областях, а также в заключении оборонительного союза, который был бы направлен против России¹⁹. Ни к каким значительным результатам эта инициатива, как известно, не привела. Но учитывая складывающуюся ситуацию, 5 августа Г. В. Чичерин в телеграмме Я. А. Берзину потребовал, без дальнейшего промедления, но и без лишней торопливости, подписать перемирие²⁰.

Тем временем, 7 августа английский флот, действительно, прибыл в Хельсинки²¹. Этим Лондон выразил демонстративную поддержку Финляндии. Вполне вероятно, что с прибытием английской эскадры на переговорах изменилось и настроение финской делегации. В результате, когда 7 августа дело подошло к подписанию перемирия, финны неожиданно поставили вопрос об освобождении арестованных по политическим обвинениям в России соотечественников и потребовали включить этот пункт в договор о перемирии. Чтобы не затягивать переговоры, Я. А. Берзин тогда просто предложил создать правовую комиссию²².

Поскольку Англия никаких агрессивных шагов против Советской России не предприняла, то в этих условиях, ничего другого, как пойти на заключение перемирия, Финляндия сделать и не могла. 13 августа 1920 г. состоялось его подписание²³. Подписанию перемирия способствовал также отказ советской делегации от предложения, согласно которому, на время перемирия не допускалось пребывание в портах, гаванях и прибрежных водах договаривающихся сторон вооружённых морских и воздушных судов, имеющих враждебные намерения по отношению к участникам перемирия. Стороны также согласились оставить войска на занимаемых позициях. Устанавливалась еще и на участке к северу

от параллели Линдоозеро и до норвежской границы нейтральная зона. Занятые финскими войсками Ребольская и Поросозерская волости оставались за Финляндией. Печенга по-прежнему входила в состав России. Вместе с тем договор не рассматривал демаркационную линию в качестве будущей границы между Россией и Финляндией. Перемирие заключалось на 31 день, могло автоматически продлеваться, выйти из него можно было, предупредив другую сторону за 10 дней²⁴.

После перерыва наметились положительные тенденции в области решения экономических вопросов. Так, 30 июля делегации согласились отказаться от взаимных экономических и финансовых претензий. Но, вместе с тем, и советская, и финляндская делегации пожелали внести некоторые исключения²⁵. Кроме того советская сторона считала необходимым поставить еще вопрос о возвращении части русских судов, а также подвижного железнодорожного состава. В результате дискуссии решили составить списки исключений, а затем продолжать работу²⁶.

31 июля П. М. Керженцев, однако, заявил, что, по подсчётам советской делегации, только русское военно-морское имущество оценивалось в 4 млрд финских марок (в стоимости марки в то время)²⁷. Более того, по мнению советской делегации, имущество, переходящее к Финляндии, на 1,5 млрд марок больше, чем финские претензии к России, поскольку финляндская делегация оценила претензии к России в размере 2–2,5 млрд марок. Несмотря на эти разногласия, как он, тем не менее, подчеркнул, Советская Россия готова сохранить статус-кво, хотя это ей и не выгодно²⁸.

В конце концов стороны пришли к соглашению проводить дискуссии только по исключениям из статус-кво²⁹ и решили создать подкомиссию³⁰ для выяснения взаимных претензий. Хотя это само, конечно, затягивало переговоры³¹. Причем задержка вызвалась большими трудностями при оценке имущества и выработала новый проект по статус-кво.

После этого началось обсуждение вопроса о взаимном возвращении судов. Советская делегация сначала потребовала передачи всех судов, затем согласилась на часть. Однако она отвергла и финский список, который, по её мнению, не соответствовал действительности³².

Не придя к какому либо согласию, переговорщики решили перейти к вопросу о гражданском имуществе России в Финляндии³³. Разгорелась также дискуссия о выгодах торговых отношений между двумя государствами. Ю. К. Паасикиви утверждал, что если финская промышленность уходит с западных рынков, то ей необходимы выгоды на советском рынке. К таким предпочтениям он относил беспшлинный ввоз финских товаров в Россию. Он также считал, что транзит выгоден России и не даёт ничего Финляндии, так как через Россию ввозить нечего. Поэтому Фин-

ляндии важно закрепиться на советском рынке на долгий срок и иметь значительные выгоды³⁴.

Отвечая Ю. К. Паасикиви, П. М. Керженцев предложил также не облагать пошлинами советские товары, ввозимые в Финляндию, и включить в соглашение пункт о свободном плавании в шхерах, поскольку такое право получили торговые суда на Ладоге и Неве. При этом он добавил, что если Финляндия не согласится с последним требованием, то тогда Россия будет против прохождения финских судов по Ладоге в Неву и обратно. По предложению Паасикиви эти вопросы тоже передали в подкомиссию³⁵.

Происходившее на переговорах в Тарту, и вокруг них, нельзя рассматривать обособленно от событий на Польском фронте. Успешное наступление войск Красной армии в Польше летом сменилось крупным поражением. 16 августа 1920 г. началось польское контрнаступление. Его результатом стало отступление и разгром частей Красной армии³⁶. Неудачи на Польском фронте, а также ожесточённые бои с войсками генерала Врангеля в Северной Таврии поставили перед советским руководством задачу по скорейшему заключению мира с Польшей. Тем более, что 19 августа Политбюро ЦК РКП(б) признало Крымский фронт главным³⁷.

Несомненно, что ухудшившееся положение на Польском фронте отразилось и на советско-финских переговорах, ужесточив позицию финляндской делегации и ослабив позиции советских представителей. Катастрофа под Варшавой оказала сильное психологическое воздействие и на членов советской делегации и особенно на её главу — Я. А. Берзина.

Теперь необходимо ответить на вопрос, когда советская делегация и в связи с чем, пошла на территориальные уступки, в частности в отношении района Печенги. Руководитель советской делегации Я. А. Берзин в письме Г. В. Чичерину от 6 августа писал о том, что «Вопроса о Печенге, после перерыва, мы ещё серьёзно не касались»³⁸. Об этом же сообщал и Е. А. Беренс: «Мы в вопросе о Печенге не сделали никаких уступок»³⁹. В стенограмме заседания территориальной комиссии 30 августа П. М. Керженцев тоже говорил, что «наше первоначальное предложение, которое мы высказали в вопросе об уступке Печенгской области, мы сделали 2 ½ недели назад»⁴⁰. Следовательно, сдача советских позиций могла произойти только не раньше 12–13 августа⁴¹.

Это подтверждает и докладная записка Г. В. Чичерину, написанная 13 августа П. М. Керженцев. В ней указывалось, что в территориальной подкомиссии советская делегация предложила финнам дать проход к Северному Ледовитому океану, в виде коридора, который останется под суверенитетом Советской России, но по которому финские граждане могли передвигаться без паспортных ограничений, где они получают пра-

во на концессии на железную дорогу, земельные участки в долгосрочную аренду, для постройки гаваней и складов. В этой записке обращает на себя внимание следующая фраза: «В общем, они [финны. — А. С.] твёрдо уверены, что мы им в той или иной форме сделаем уступки в области Печенги, и что мир будет заключён в ближайшем будущем»⁴².

Следовательно, с определённой долей уверенности можно утверждать, что 13 августа советская делегация официально сделала предложение об уступках в районе Печенги, которые впоследствии приобретали всё большие и большие размеры.

Судя по всему, Г. В. Чичерин не являлся безусловным сторонником передачи Печенги финнам. Зная, что морское и военное командование передачу Печенги обуславливает соответствующими уступками со стороны Финляндии, он направил предложения о морской границе с Финляндией на отзыв начальнику полевого штаба РВСР П. П. Лебедеву. Предположение Чичерина в РВСР подтвердились⁴³ и ответ П. П. Лебедева, в виде служебной записки, Г. В. Чичерин направил уже Я. А. Берзину⁴⁴. В результате, чтобы выяснить ситуацию, Я. А. Берзин вынужден был выехать в Москву.

21 августа он встретился с В. И. Лениным. Их беседа продолжалась 1ч. 45 мин.⁴⁵ Здесь следует обратить внимание на то, что для продвижения своей точки зрения на переговорах Берзин использовал свои давние, тесные партийные связи с главой государства. О чём на ней шла речь, мы вряд ли узнаем. В этот же день Г. В. Чичерин пишет докладную записку В. И. Ленину о необходимости быстрее заключения мира с Финляндией. Можно предположить, что она появилась под влиянием этой встречи⁴⁶. Исходя из этой записки, можно предположить, что опасность войны с Финляндией у советского руководства по-прежнему оставалась. Однако, выступая за заключение мирного договора, нарком ничего не сказал о передаче Печенги Финляндии.

Пока Я. А. Берзин находился в Москве, 19 и 20 августа начались переговоры в территориальной комиссии между П. М. Керженцевым и Ю. Х. Веннолой, о чём он сообщал в отчёте Г. В. Чичерину. В ходе состоявшихся бесед Керженцев заявил своему собеседнику, что ведёт их по собственной инициативе и ещё не знает, как к этому отнесётся правительство⁴⁷. По всей вероятности, вопрос об уступках Керженцев обговорил с уехавшим в Москву Я. А. Берзиным. Поскольку в отчёте есть оговорка, что Берзин считал необходимым пойти на эту уступку⁴⁸.

Начавшиеся беседы между Ю. Х. Веннолой и П. М. Керженцевым, прежде всего, затрагивали территориальные вопросы. По первоначальному проекту, который предложил советский представитель, к Финляндии переходили только губа Печенга и Амбарная. Однако это не удов-

летворило финнов, поскольку не давало им удобного побережья для судоходства. В связи с этим «я счёл возможным — писал Керженцев — условно согласиться на некоторую часть Рыбачьего полуострова, кончив границу на втором перешейке с тем, чтобы губа Большая Волоковая была разделена пополам: северное побережье — наше, а южная часть губы — финская»⁴⁹. Однако на этом уступки не ограничились. Впадая в явное преувеличение, и находясь под влиянием заявлений Веннолы, Керженцев, считал, что, пойдя на уступки, можно заключить соглашение в ближайшее время⁵⁰. Это, в свою очередь, противоречило его же собственным соображениям, высказанным в письме Чичерину от 13 августа, о том, что если сейчас предложить финнам территориальные уступки, то это не ускорит дело⁵¹.

Теперь, собственно, важно рассмотреть границы этих уступок. Южная часть границы в области Печенги шла от озера Яуриярви на Лангозеро, далее на восток до Иоанас, затем на озеро Гоарес по Печенге к Холозеро и дальше по прямой на губу Малый Волок, а отсюда уже на перешеек к губе Большой Волок, а затем на губу Бухвайно. На юге граница проходила по реке Луттойоки, на севере она должна была кончаться у бухты Большая Валковая, при этом губа делилась пополам между Россией и Финляндией. В ходе обсуждения, Керженцев, под влиянием финских аргументов, пошёл на некоторые отступления от первоначального проекта проведения границы⁵². Объясняя свои действия, он писал: «Наконец, уступка Печенги будет сделана в меньших пределах, чем это было при красном правительстве, и таким образом у нас, с одной стороны, будет козырь, так как мы уступили свою землю, чтобы дать проход к океану соседнему народу, а с другой стороны, у врагов финского правительства останется довод, что красные получили в своё время гораздо лучшую границу и без такой длительной борьбы, и без такой дорогой платы»⁵³. Правда, тут же Керженцев говорил о компенсациях со стороны финнов. По его мнению, финнам предстояло вывести войска из приходов Поросозеро и Репола, передать России острова Сескар и Лавенсари, а остальные нейтрализовать, предоставить гарантии на Карельском перешейке, передать России Суоярвское лесничество, установить дипломатическое представительство, урегулировать вопрос с передачей судов и ряд других пероблем⁵⁴. Вместе с тем, в этом же отчёте он ставил под сомнение возможность компенсаций со стороны Финляндии на Карельском перешейке, а также островов в Финском заливе за Печенгу⁵⁵. Далее он писал: «Если нам нужно скорейшее заключение мира, то я полагаю, что следует пойти на намеченные мною полуофициальные уступки»⁵⁶.

19 августа на заседании территориальной комиссии финская делегация внесла предложения по территориальному вопросу. Выступивший

финляндский представитель Ю. Х. Веннола акцентировал внимание на тех больших уступках, на которые пошла Финляндия в надежде, что со стороны советской делегации по другим территориальным вопросам будут сделаны подобные шаги. Не решёнными остались вопросы о нейтрализации острова Гогланд и о запрете захода в порты судов враждебных держав⁵⁷.

Советской России предлагалось признать право Финляндии на Печенгу в пределах уступок, сделанных красным финнам в 1918 г., а также провести всеобщее голосование в Поросозерской и Репольской волостях на предмет вхождения в Финляндию или в Россию. Финскому населению Карелии следовало предоставить право образовать автономную область. Из своих территориальных вод в Финском заливе Финляндия уступала 146 кв. км у островов Большой Тюттерс и Родшер для общего фарватера и 156 кв. км у островов Сескар и Лавенсари для пользования в качестве фарватера. К востоку от Стирсудена она ограничивала свои территориальные воды в 1,5 мили. При этом русские территориальные воды проходили с южной стороны островов Сескар и Лавенсари. Финляндия также соглашалась на нейтрализацию всех островов в установленном фарватере и открытых водах Финского залива или с граничащими водами. Она обязывалась не возводить долговременных укреплений и не устанавливать батарей между Стирсуденом и государственной границей, и обещала снести форты Ино и Пумало, а также установить статус-кво по экономическим вопросам. Финляндия выражала готовность урегулировать торговые отношения с Советской Россией на выгодных для неё условиях⁵⁸.

Отзыв военно-морского командования на финские предложения, направленный Чичерину, последовал 24 августа и был категоричен: «Морское командование пришло к заключению, что от всех уступок военно-морского характера можно отказаться, оставив за Россией Печенгу, т[ак] [как] все уступки не обеспечивают Балтийскому флоту достаточно благоприятных условий для его существования и развития и для выполнения возложенных на него задач»⁵⁹.

Несмотря на столь бескомпромиссное заявление морского командования, Г. В. Чичерин согласился с проектом уступок, предлагаемых П. М. Керженцевым, считая их пределом, за который идти нельзя⁶⁰. Однако, как представляется, реально нарком пошёл на линию Керженцева только после разговора Я. А. Берзина с В. И. Лениным 21 августа. В отчёте Керженцева от 23 августа об уступках речь шла, как об уже утверждённых наркомом⁶¹. Вместе с тем, в указаниях Я. А. Берзину, отправленных 26 августа, Г. В. Чичерин потребовал финских гарантий по Печенге, и не только на бумаге. Нарком считал, что необходимо обговорить создание русских постов для защиты путей, по которым будут следовать грузы

и люди. Наряду с этим он напоминал, что «ни в коем случае не следует» выходить за линию Керженцева.

В указаниях Берзину передавалось также и мнение главкома о невозможности проведения плебисцита в Поросозере и Реболах. В противном случае граница Финляндии приближалась на опасно близкое расстояние к Мурманской железной дороге. Возражал С. С. Каменев и против вывода частей Красной армии из Карельской трудовой коммуны, поскольку по её территории и проходила Мурманская железная дорога, и оставить этот стратегически важный район без войск не представлялось возможным. Он также потребовал стратегических гарантий при уступке Печенги. Они сводились к запрету строительства военных сооружений и складов, а также воздушных и морских баз, на содержание в районе военного флота и войск, кроме полицейских сил⁶².

Не успели советские представители довести до финнов предложения по уступке Печенги, как обстановка на переговорах стала меняться. Красная армия в Польше начала отступать, и финляндская делегация сразу ужесточила свою позицию и стала отказываться от достигнутых ранее договорённостей. В самой Финляндии печать начала агитацию против мира с Советской Россией⁶³.

На изменившуюся ситуацию сразу обратил внимание и А. Я. Берзин, справедливо связав её с неудачами на польском фронте. Однако он не оставлял надежд на воздействие социал-демократов на общественное мнение Финляндии. В данном случае он не видел или не хотел видеть, что в вопросе об удовлетворении территориальных приобретений за счёт Советской России, все партии Финляндии выступали единым фронтом. И здесь же он заявлял: «Стоим за твёрдый курс с Финляндией, <...> но на финский шантаж не поддадимся»⁶⁴.

30 августа состоялось очередное заседание территориальной комиссии⁶⁵. Выступая здесь, П. М. Керженцев довёл до слушателей историю поэтапных уступок со стороны Советской России в области Печенги. В начале переговоров советская делегация предложила экономические уступки для свободного выхода к Ледовитому океану. Однако этот вариант не устроил финляндскую делегацию. Тогда «Согласно инструкциям, полученным нами от центрального правительства», — пошли на дальнейшие уступки, а именно передачу части территории Советской Республики в суверенное владение Финляндии⁶⁶. По этому проекту предполагалось уступить Печенгскую и Амбарную губы, но и это не устроило Финляндию. Тогда советская делегация согласилась уступить Малую Волоковую губу целиком, и далее, огибая полуостров Средний, с тем, чтобы разделить Большую Волоковую губу пополам. Таким образом, к Советской России отходила северная часть губы с северным побережьем,

а к Финляндии — южная часть с южным побережьем. От Рыбачьего полуострова граница шла так, что к Финляндии отходил весь бассейн реки Печенга. По словам Керженцева: «Эта северная граница уступаемой области является максимальной, на которую мы можем пойти и далее которой ни малейших уступок мы сделать не можем»⁶⁷. Разногласия возникли по реке Лоттойоки, которую Финляндия требовала в своё владение, вместе с притоками и озёрами. Причем, если верить утверждению Керженцева, российская делегация вообще здесь предстаёт в качестве просителя мира и, естественно, что финские делегаты обращались с ней именно так.

За передачу Печенги в качестве компенсации П. М. Керженцев потребовал права свободного транзита через Норвегию, а также провоза грузов и людей без таможенного и паспортного контроля. При этом сам транзит должен был сопровождаться русской вооружённой охраной⁶⁸. Помимо этого предлагалось исправление границы на Карельском перешейке, передача России островов, ближайших к её побережью, а остальные финляндские острова подлежали нейтрализации. Также ставился вопрос о возвращении в Карельскую Трудовую Коммуну «насильственно присоединённых к Финляндии» приходов Поросозеро и Репола⁶⁹.

В ответном слове Ю. Х. Веннола заявил, что Россия уступает «незначительную территорию» и требует за неё чрезвычайную цену, с чем Финляндия не может согласиться. Он настаивал на плебисците в Восточной Карелии, на что не могла уже согласиться Советская Россия, выступая против плебисцита в двух волостях, которые добровольно присоединились к Финляндии и два года находились под её управлением. Веннола не согласился также с тем, что Россия сократила на треть требования Финляндии по Печенге, что не давало ей возможность создать там одно целое экономическое пространство. Он, выражая мнение финляндской делегации, наотрез отказался уступить острова Лавенсари и Сескар, поскольку там проживало финское население⁷⁰. Веннола вообще заявил, что на выдвинутых Советской Россией условиях Финляндия мира заключить не сможет. Разгорелись дебаты, которые реально не могли привести к достижению компромиссного решения⁷¹, поскольку было очевидно, что отдача чисто русских областей другому государству, с финской точки зрения, считалась явлением вполне правомерным.

В результате, закрывая заседание, Керженцев заявил, «мы не сомневаемся, что <...> программа заключения мира <...> привлечёт на свою сторону все элементы финского народа, которые действительно хотят скорейшего заключения мира с Советской Россией»⁷². Таким образом, советская дипломатия в очередной раз попыталась использовать трибуну переговоров для агитации среди финской общественности. Заметим, что этот стиль, опробованный наркомом иностранных дел Л. Д. Троцким

на переговорах в Брест-Литовске в 1918 г., не дал результатов, но использоваться продолжал.

Ужесточение позиции финской делегации привели Я. А. Берзина в состояние определённой растерянности. Об этом говорит его телеграмма Г. В. Чичерину от 31 августа. В ней он сообщал об отказе финнов идти на какие-либо территориальные компенсации за Печенгу. В связи с этим Берзин запрашивал наркома о тактике дальнейших действий. Немедленного заключения мира, по его мнению, можно было достичь только путём дальнейших крупных уступок. В сложившейся ситуации он предлагал два варианта действий: затягивание переговоров или предъявление ультиматума с возможным перерывом переговоров. В этом случае Берзин считал необходимым отказаться от компенсации за Печенгу, но зато настаивать на своём варианте границы в Печенге и возвращении Поросозера и Ребол без плебисцита. Он полагал, что предъявление ультиматума с перерывом переговоров являлось наиболее рациональным⁷³.

В этот же день Г. В. Чичерин направил две телеграммы главе советской делегации. По своему тону они не допускали никаких возражений⁷⁴. Нарком потребовал довести до сведения финнов, что в случае перерыва переговоров, советская сторона не будет связана обещанием об уступке Печенги⁷⁵.

Похоже, что жёсткая позиция советской делегации дала определённые результаты. 2, 3, и 4 сентября, по инициативе финской стороны, состоялся ряд неофициальных встреч П. М. Керженцева с Ю. Х. Венолой и В. А. Таннером⁷⁶. Причем после второй встречи П. М. Керженцева с В. А. Таннером 4 сентября Я. А. Берзин написал Чичерину о согласии последнего попытаться провести программу, включающую в себя последние уступки по территориальному вопросу⁷⁷. Вечером того же дня на территориальной подкомиссии Керженцев, по совету Таннера, огласил советские условия в ультимативной форме. Вот как этот эпизод впоследствии описал Таннер: «Это были довольно комичные переговоры, потому что трое мужчин (Паасикиви, Войонмаа и я) знали заранее условия русских и изображали непримиримость только для того, чтобы поддержать мои контакты с русскими. Трое других (Кивилинна, Вальден и Веннола), напротив, были нестибаемы в их общей позиции и хотели отложить необходимые уступки до следующего раза»⁷⁸. После этой встречи часть финской делегации выехала в Гельсингфорс для совещания с правительством.

Учитывая складывающуюся обстановку, Г. В. Чичерин стал склоняться не настаивать на передаче Советской России островов в Финском заливе, при условии их полной нейтрализации и гарантии в неиспользовании в военном отношении. Он также высказался за отказ на Карельском перешейке от дачного округа, но при этом потребовал, чтобы соб-

ственность советских граждан считалась собственностью российского государства, а в Райволо (Роцино) предположить организовать колонию для рабочих. При этом суверенность Финляндии на эту территорию, естественно, сохранялась. В экономическом отношении Чичерин настаивал на передаче Суоярвского лесничества России. В остальном позиция наркома оставалась непреклонной⁷⁹. Более того, Чичерин в ультимативной форме настаивал на осуществлении линии Керженцева по «печенговскому вопросу» и требовал не делать никаких уступок на полуострове Рыбачий. Он предлагал даже заявить финнам, что в случае перерыва переговоров сделанные уступки вообще будут аннулированы, и они Печенги не получат⁸⁰. В результате, как можно заметить, Чичерин видел выход в твердом удержании Печенги. В связи с этим он требовал не отступать от линии Керженцева, против которой выступали финны. Но это понимал и Я. А. Берзин всячески блокируя идею перерыва в ходе дальнейших переговоров.

Между тем территориальные вопросы продолжали находиться в центре обсуждений. Помимо проблем с Печенгой перед советской дипломатией стоял не менее острый вопрос о Восточной Карелии. На эту территорию Финляндия продолжала претендовать, всячески раздувая там сепаратистские настроения. Советская Россия со своей стороны образовала здесь Карельскую Трудовую Коммуну, предоставив карелам право на самоопределение. Однако ВСНХ решил тогда соединить хозяйственные органы Олонецкой губернии и Карельской Трудовой Коммуны. В данном случае последняя превращала Коммуну в фикцию. В связи с этим Г. В. Чичерин обратился с запиской в Политбюро о необходимости дать Карельской Трудовой Коммуне полную организационную и экономическую независимость. Предполагалось, что эта мера выбьет из рук Финляндии требование о плебисците⁸¹.

Уже 6 сентября Политбюро рассмотрело предложение НКВД о предоставлении Карельской Трудовой Коммуне самостоятельности в хозяйственном отношении. Выполняя постановление Политбюро, СНК 13 сентября принял постановление о гарантии экономической самостоятельности Карельской Трудовой Коммуны. Более того, 20 сентября ВЦИК обратился с воззванием к Карельскому народу и подтвердил его право на самоуправление⁸². Как отмечает современный историк «карельского вопроса» Ю. М. Килин, это воззвание представляло собой дипломатический манёвр с советской стороны, чтобы «оторвать» Карелию от Финляндии, и практического эффекта не имело, так как экономической самостоятельности коммуна не получила⁸³.

Переговоры в Тарту возобновились после возвращения членов финской делегации в Эстонию. 8 сентября Берзин сообщал Чичерину о ре-

зультатах очередной встречи с Ю. Х. Веннолой. В целом, стороны приняли русский проект границы в Печенге (за исключением южной части) и согласились на передачу Суоярвского лесничества Советской России⁸⁴. Также не вызвал возражений пункт о нейтрализации Гогланда. Глава советской делегации отметил, что после ультиматума, предъявленного финской делегации 30 августа, переговоры вновь активизировались, однако дискуссии продолжались.

Вскоре оптимистическое настроение Я. А. Берзина сменилось на противоположное. В докладной записке от 13 сентября он с прискорбием отмечал: «Переговоры затягиваются. Теперь даже кажется, что нам придётся здесь, пожалуй, зимовать»⁸⁵. Его удручало то, что «из-за всякой запятой финны ещё будут торговаться» и постоянно согласовывать свои действия с правительством в Хельсинки⁸⁶. Это и понятно. Финская делегация состояла из представителей различных партий парламента. В связи с этим много времени уходило на согласование различных интересов. На Берзине, как на революционере, сказывалась непривычка к рутинной, а порой и нудной дипломатической работе. К тому же советские дипломаты, в это время, не совсем понимали, как должна социалистическая дипломатия относиться к международному буржуазному праву, когда речь зашла о применении постановления Гаагской конвенции 1907 г., о соблюдении правил нейтральными странами в случае морской или сухопутной войны. В связи с этим Берзин спрашивал Чичерина 13 сентября: «Меня интересует только вопрос, считаете ли Вы приемлемым включение в мирный договор Советской России подобной ссылки на трактат буржуазного международного права»⁸⁷.

После того, как советская делегация предложила уступить финнам Печенгу, разногласия возникли по вопросу о контроле за провозимыми через неё грузами. Финны требовали контроля, советская делегация выступала против него. Берзин считал, что нужен проход без контроля «на всякий случай, хотя бы для переправы нелегальной литературы», и здесь в нём говорил голос секретаря Коминтерна и приверженца разжигания мировой революции⁸⁸.

После уступок в области Печенги аппетиты финнов стали увеличиваться. Теперь они стали претендовать на всё побережье полуострова Рыбачий и даже на северное побережье Кольского полуострова. Однако такие уступки Берзин считал невозможными. Финны также хотели возводить батареи на суше, чтобы иметь возможность стрелять в пределах территориальных вод. Они также отказались отдавать Суоярвское лесничество, хотя в ходе переговоров в устной форме соглашались это сделать. Оценивая деятельность финских делегатов, Берзин писал, что они действуют, как мелкие жулики — то дают обещания, то от них отказыва-

ются. При этом «главным и самым ловким жуликом» он называл социал-демократа В. А. Таннера⁸⁹.

К трудно разрешимым вопросам относилась и проблема о нейтральном статусе Финляндии. Советская Россия настаивала на том, чтобы в случае её войны с третьей державой финны не предоставляли права базироваться в своих территориальных водах кораблям враждебной страны. Финны от такой постановки вопроса отказывались, ссылаясь на то, что будут действовать в соответствии с нормами международного права.

Помимо перечисленных в докладной записке проблем, оставался ещё ряд второстепенных, по которым, по мнению Берзина, уступать было неприлично. В связи с этим он предлагал два варианта действий. К первому он относил продолжение спора по незначительным вопросам, тем самым затягивая переговоры до бесконечности. Второй предполагал предъявление ультиматума по главным темам переговоров и в случае отказа финнов взять предложение об уступке Печенги обратно. Однако, какой из этих вариантов выбрать, он предлагал решать в Москве. В связи с этим он просил исчерпывающего ответа⁹⁰. Таким образом переговоры стали приобретать вяло текущий характер.

18 сентября на заседании смешанной комиссии финны дали ответ на предложение о нейтрализации Печенгского района. Дело заключалось в том, что во время пребывания П. М. Керженцева в Москве, он 14 сентября встретился с председателем Реввоенсовета Э. М. Склянским, а также командующим Морскими Силами Советской России А. В. Немитцем и начальником Полевого Штаба и Штаба РККА П. П. Лебедевым. Во время консультаций обсуждались финские гарантии по Печенге. Собеседники Керженцева высказались за то, чтобы разрешить финнам сооружать лёгкие трёхдюймовые батареи, не имеющие возможности обстрела русской части полуострова Рыбачий и Мотовского залива. В то же время, им запрещалось размещать здесь подводные лодки. Вместе с тем, финнам разрешалось иметь не более 200 моряков для обслуживания судов. Нейтрализация Печенги возлагалась на смешанную комиссию. Оговаривалось также право российских самолётов летать в Норвегию через Печенгу и высказывалось требование о нейтрализации и острова Гогланд в Финском заливе⁹¹.

Эти предложения П. М. Керженцев и донес до финской делегации. С некоторыми оговорками финны согласились на выставленные условия, за исключением вопроса о батареях. Они утверждали, что не смогут пуститься в конкуренцию с Советской Россией в вопросе вооружений, но согласиться на такое ограничение не представляется возможным, ввиду его унижительность⁹². По вопросу о Гогланде финская делегация сообщила, что всё ещё ждёт указаний правительства.

Некоторое замедление на ходе переговоров могло оказать заявление, сделанное финской делегацией 23 сентября 1920 г., о желании её страны стать членом Лиги Наций. В связи с этим содержание предстоящего мирного договора, по мнению финнов, не должно противоречить обязанностям страны перед этой организацией⁹³. Однако это не сказалось на ходе переговоров, и они продолжились.

Не менее твёрдо отстаивали финны и свои экономические интересы. В результате советская делегация пошла на уступки, предоставив Финляндии беспошлинный ввоз товаров, в то время, как российские товары облагались пошлинами. За финнами осталось также и Суоярвское лесничество, на которое претендовала Советская Россия⁹⁴.

Ограниченные полномочия финской делегации сильно тормозили работу мирной конференции. Активная работа в подкомиссиях по редакции статей договора требовала постоянных консультаций с Хельсинки, а после чего, определённое время уходило на ожидание ответа. После обнародования информации о скорой передаче Реболы и Поросозера России, в самой Финляндии развернулась широкая националистическая кампания против такого решения⁹⁵.

Пытаясь разрешить наметившиеся на конференции проблемы, финская делегация отправила в Хельсинки свои предложения об урегулировании спорных вопросов, возникших во время работы конференции⁹⁶. 25 сентября она получила ответ, в котором большую часть этих предложений правительство отклонило. На запрос, может ли делегация следовать программе-минимум, из Хельсинки пришёл ответ, что по этому вопросу необходим приезд части делегации во главе с Ю. К. Паасикиви. Это вызвало протест со стороны финских представителей. При этом сам Паасикиви пригрозил отставкой в случае, если делегация не получит широких полномочий⁹⁷. В результате правительство пошло на уступки, предоставив делегации свободу в принятии решений по всем вопросам, кроме нейтрализации Гогланда.

Где-то в двадцатых числах сентября произошло два важных совещания с участием Я. А. Берзина, П. М. Керженцева, Ю. К. Паасикиви и Ю. А. Веннолы. На них обсуждались все спорные пункты будущего договора. В результате финны потребовали передать им территорию от перешейка между полуостровами Средний и Рыбачий на мыс Кекур (Немецкий), а также соглашались на нейтрализацию острова Гогланд в Финском заливе под международным контролем и освобождения финских товаров от пошлин на шесть лет. По итогам этих переговоров 30 сентября Я. А. Берзин в телеграмме Г. В. Чичерину предлагал пойти навстречу финнам по первым двум пунктам, а по последнему поторговаться. Свою позицию он аргументировал неудачами Красной армии на фронте,

крайними уступками Польше на Рижских переговорах, обострением отношений с Англией, «отчаянной агитацией против мира финской печати», и открытием заседаний парламента, что, по его мнению, могло усилить агитацию против мира. В качестве дополнительного аргумента он ссылался на то, что в 1918 г. красным финнам делали уступки большие, чем сейчас требовали финны. Берзин писал о том, что финны выдвигают всё новые и новые требования, затягивают переговоры и даже готовы прервать переговоры. В связи с этим он считал, что необходимо уступить, и тогда договор будет подписан в течение 8–10 дней⁹⁸.

Мотивы, которыми Я. А. Берзин обосновывал новые уступки в Печенге, представляются мало убедительными. Ссылаться при этом на польский случай, по принципу «ну, мы же там уступили, а почему бы не уступить здесь», не выдерживает критики. Однако здесь сказывалось и психологическое воздействие варшавской катастрофы. В Польше Красная армия потерпела поражение и В. И. Ленин больше всего боялся «зимней кампании», которая могла привести к внутреннему взрыву. Здесь этого не было и в помине. Агитация в финской печати, а возможно и при открытии парламента, среди депутатов стоила не многого. По этому поводу 9 сентября Е. А. Беренс в письме Э. М. Склянскому говорил: «вой же и угрозы белой финской прессы средство дешёвое, ничего не стоящее и от слов к делу дистанция огромная»⁹⁹. Тезис о том, что красным финнам уступили больше чем теперь, белым к серьёзной аргументации также отнести нельзя. А вот тем, что получая мыс Кекур (Немецкий) и Вайду-губу, финны укрепляли своё стратегическое положение на Мурмане, Берзин обошёл молчанием.

Однако на Я. А. Берзина давление финской печати и твёрдая позиция финской делегации, похоже, оказали сильное психологическое воздействие. Нельзя сбрасывать со счёта и то, что Берзин находился под влиянием «опыта Бреста», согласно которого следовало стоять до ультиматума, а потом уступить. Однако никакой угрозы военного наступления финнов не предвиделось, да и Красная армия отличалась в лучшую сторону от русской армии 1917 г. К тому же мы не знаем, какие договорённости имелись между Лениным и Берзиным на встрече 21 августа. Но то, что «дух» Бреста витал над советской делегацией, не укрылось от зоркого глаза Е. А. Беренса. В письме Э. М. Склянскому 9 сентября он, в частности, говорил: «Я ещё понимал бы, если бы белая Финляндия была настолько сильна, что могла бы нам угрожать сейчас и нам надо было бы от неё откупиться, хотя бы временно, как мы это сделали в своё время в Бресте, но этого по всем признакам нет, финляндское правительство слишком осторожно, чтобы самому зажечь у себя в доме пожар»¹⁰⁰. Всё это вместе взятое привело к тому, что нервы у главы делегации сдали, и он пошёл на беспрецедентные уступки.

Несмотря на то, что Я. А. Берзин имел формальное право в виде постановления Политбюро от 23 июля пойти на уступки, брать ответственность на себя он не хотел. Лучшим вариантом он посчитал добиваться от Политбюро подтверждения прежнего решения, в виду изменившейся ситуации¹⁰¹. В этот же день последовал ответ Г. В. Чичерина о неприемлемости финских предложений¹⁰².

Неудовлетворённый ответом наркома, Я. А. Берзин, обратился напрямую с докладной запиской к члену Политбюро и секретарю ЦК РКП (б) Н. Н. Крестинскому. В ней он настаивал на необходимости уступок и просил его содействия. Обосновывая своё предложение, Берзин писал: «За пределы старого постановления Политбюро уступки не выходят, но необходимо новое подтверждение в виду давности. Против мира в Финляндии страшная агитация и переговоры сорвутся, если мы не сделаем этих по существу весьма ничтожных уступок. <...> Аппетит финнов разжигают крупные уступки, которые мы, видимо, вынуждены делать Польше. Финны тем больше будут требовать, чем мы больше будем тянуть переговоры. Прошу поторопить Политбюро, ускорить получение нами ответа»¹⁰³. Этой телеграммой Берзин подталкивал Политбюро на принятие финских требований. Как видно, Берзин в очередной раз хотел повлиять на решения по территориальным уступкам, за счёт партийных связей, в обход Г. В. Чичерина. Отметим, что хотя нарком иностранных дел и являлся большевиком с дореволюционным стажем, но ни в состав ЦК партии, ни в Политбюро не входил, что снижало его вес при принятии решений.

Пересылая телеграмму Я. А. Берзина Н. Н. Крестинскому, Г. В. Чичерин приложил к ней сопроводительное письмо. В нём он, прежде всего, опроверг тезис Берзина о ничтожности уступок в Печенге. Финны требовали передачи Вайды-губы и северной оконечности полуострова Рыбачий, обращённую к Норвегии. Тем самым они брали под контроль морской путь из России в Норвегию. Предложение председателя советской делегации, по словам наркома по иностранным делам, «прокидывает всю нашу комбинацию относительно Печенги»¹⁰⁴. Нарком также считал, что получить международную гарантию на нейтрализации Гогланда быстро не удастся, а до этого он не будет нейтрализован¹⁰⁵. Как видно, противостояние между наркомом и Берзиным вступало в решающую фазу.

1 октября в Тарту состоялось очередное заседание. Оно носило весьма острый и порой драматический характер, поставив конференцию на грань срыва. Стороны твёрдо отстаивали свои позиции. Председатель финской делегации Ю. К. Паасикиви констатировал, что переговоры велись в комиссиях, подкомиссиях и в частных совещаниях. Однако по ряду вопросов договориться не удалось. Так, Финляндия настаивала

на нейтрализации острова Гогланд под международной гарантией. Возникли разногласия и по западной части полуострова Рыбачий. Финны считали, что Печенга потеряет для них значение, если эта часть полуострова останется вне её границ. К тому же в 1918 г. эти территории были переданы правительству красных финнов. Споры возникли и по временному соглашению об урегулировании торговых отношений и, в частности, транзита. Финны считали, что соглашение более выгодно для Советской России, чем для них, и поэтому в качестве компенсации требовали освобождения своих товаров от пошлин¹⁰⁶.

В ответном слове А. Я. Берзин сделал акцент на том, что советская делегация пошла на значительные уступки Финляндии и в районе Печенги, отказавшись от территориальных компенсаций. В то же время финская делегация обещала пойти на уступки, но их не последовало. Вопрос о прежних финансово-экономических отношениях был разрешён не в пользу Советской России. Советская делегация готова была отказаться от Суоярвского лесничества и пойти на уступки по количеству передаваемых судов, но с условием уступок со стороны Финляндии¹⁰⁷. По словам Берзина: «Мы должны заявить самым категорическим образом, что российская делегация пошла на максимальные уступки и далее в этом направлении идти не может. Относительно наших уступок в области Печенги, мы должны сказать, что в настоящий момент российская делегация не может сделать ни шагу дальше <...> в добавок к тому, что мы уступили значительную часть территории и предоставили Финляндии свободный выход к Ледовитому океану, мы заявили о своём согласии предоставить финскому населению право рыбной ловли на западном, северном и восточном побережье Рыбачьего полуострова, а также связанное с ним право устройства там стоянок, селений и пр. Мы полагаем, что эти уступки вполне удовлетворяют справедливые интересы населения северной Финляндии. Мы идем на все эти уступки, несмотря на то, что это чрезвычайно чувствительно отражается на интересах Советской России. Дальше этого мы не можем идти»¹⁰⁸. Берзин также настаивал на нейтрализации Гогланда, не дожидаясь международных гарантий, так как этот остров запирает выход из Финского залива в Балтийское море. Обозначая главные проблемы, он говорил: «Главным и решающим вопросом теперь, является вопрос о Гогланде и о северной границе Печенги, и по этим вопросам мы ни каких дальнейших уступок сделать не можем»¹⁰⁹.

С контр-аргументами снова выступил Ю. К. Паасикиви. Он обратил внимание на негативную реакцию финляндской прессы по поводу отказа от Восточной Карелии. В уступке Печенги он не видел ничего особенного, поскольку она была обещана ещё царским правительством. Приходы Поросозеро и Ребола решили добровольно присоединиться

к Финляндии и уже два года находились под её управлением. В экономическом отношении Финляндия выступает против того, чтобы Советская Россия получила больше преимуществ, чем она сама. Финны не могут делать уступок по Гогланду, так как он важен для обороны Финляндии. Западная оконечность Рыбачьего в 1918 г. была передана красным, и тогда это не считалось важным, как теперь. По инструкциям финского правительства делегация должна настаивать на передаче западной оконечности Рыбачьего Финляндии¹¹⁰.

С возражениями по поводу ряда положений речи Ю. К. Паасикиви снова слово взял Я. А. Берзин. Он не признал аргументов главы финской делегации. Агитацию против заключения мира, развернувшуюся в Финляндии, он назвал «империалистической», поскольку для финских империалистов мир не является блестящим. От мира финны получают значительные экономические выгоды и территориальные приобретения. С империалистическими голосами советская делегация считаться не может, «как и с доводами в пользу того, что Россия должна делать дальнейшие уступки». Берзин также отметил, что возвращение Реболы и Поросозера не является уступкой, поскольку они подверглись оккупации. Нейтрализацию островов в Финском заливе он обосновал необходимостью предотвращения конфликтов в этом районе между Советской Россией и Финляндией. Обосновывая передачу западной части Рыбачьего красным финнам в 1918 г., Берзин говорил, что она передавалась союзнику. Оценивая сложившуюся в данный момент для Финляндии ситуацию, глава советской делегации говорил: «Я сильно сомневаюсь, что подобные же условия снова могли быть предложены Финляндии, особенно в отношении территориальных уступок, в случае разрыва настоящих мирных переговоров»¹¹¹.

Отвечая на замечания Я. А. Берзина Ю. К. Паасикиви заявил, что в Финляндии нет империализма. Однако в стране широко распространено мнение о необходимости защиты соплеменников, живущих в России, а её формой может стать предоставление финнам, живущим в России, права на самоопределение. По поводу вхождения Реболы и Поросозера в состав Финляндии он повторил об добровольном желании их жителей к присоединению, и только после этого были введены финские войска¹¹².

После выступления Ю. К. Паасикиви снова выступил Я. А. Берзин. Он настаивал на том, что представители финляндского правительства занимаются агитацией за присоединение Восточной Карелии, а также Реболы и Поросозера. По поводу западной оконечности Рыбачьего Берзин заявил, что она может быть использована союзниками во враждебных Советской России целях. Повторяя тезис об уступках красным финнам, он сказал, что они могли быть сделаны только тому правительству, ко-

тому Советская Россия абсолютно доверяет. Опыт же взаимодействия с буржуазным правительством Финляндии не даёт гарантий на будущее. В определённых условиях их отношения могли перерасти во враждебные. Закljučая выступление, Берзин сказал: «Мы сносились по всем этим спорным вопросам со своим правительством и инструкции его совершенно категоричны. Мы не можем сделать никаких новых уступок и должны категорически настаивать на выставленных нами требованиях»¹¹³.

На твёрдое заявление Я. А. Берзина последовал не менее жёсткий ответ Ю. К. Паасикиви. Он посчитал бесцельным продолжать дальнейшие прения, поскольку соглашение по Гогланду и западной части Рыбачьего не достигнуто, и к нему невозможно придти¹¹⁴.

Впрочем, Я. А. Берзин согласился с мнением Ю. К. Паасикиви на необходимость объявить перерыв в работе конференции. Однако он заинтересовался, как финны понимают этот перерыв: как окончательный разрыв переговоров или только на время консультаций. На это глава финляндской делегации ответил: «Мне кажется, что если нынешняя делегация прекратит свои занятия и уедет отсюда, то вряд ли она вернётся в нынешнем составе. Тогда правительствам придётся, если они пожелают вести переговоры, согласиться относительно времени, места и нового состава делегации»¹¹⁵. Такой поворот событий, по-видимому, оказался неожиданным для Берзина, и он внёс предложение объявить лишь короткий перерыв, причем только для обсуждения возникшей ситуации в делегациях. Финны согласились прервать работу на десять минут. Однако он продолжался 22 минуты. Выступивший затем Паасикиви сказал: «На частном заседании председателей делегация, условлено, что настоящее заседание отсрочено до следующего понедельника. О времени будет особое соглашение»¹¹⁶.

О чём говорили главы делегаций после столь жёстких заявлений и почему дрогнул Я. А. Берзин, и какие обещания он дал финскому коллеге в приватной беседе, мы не знаем. Однако его дальнейшие действия говорят, что он надеялся заставить советское руководство пойти на требуемые финнами уступки.

Об этом, в частности, говорит и донесение секретаря делегации А. С. Черных Г. В. Чичерину. В нём он приводит высказывание Я. А. Берзина, опубликованное в газете «Социал-демократен» в номере от 2 октября 1920 г. На заседании 1 октября Берзин сказал: «Тот мир, который бы теперь следовало заключить с Советской Россией, является для Финляндии весьма выгодным. Несомненно, что таких условий мира Финляндия не достигнет ни от какого иного русского правительства, поэтому было бы прямым предательством интересов страны, если финское правительство допустит прекращение мирных переговоров по вы-

шеприведённым вопросам. Нашим требованием является не прерывать мирных переговоров. Мир должен быть сейчас же подписан, вопрос касающийся нейтрализации Голланда несомненно является пунктом, по которому наше правительство должно уступить»¹¹⁷. В этом интервью следует обратить внимание на два пассажира. В первом Берзин выступает защитником интересов Финляндии «было бы прямым предательством интересов страны, если финское правительство допустит прекращение мирных переговоров», а во втором призывает советское правительство уступить по вопросу о Голланде. Странность позиции Я. А. Берзина состояла в том, что в этом интервью он защищал интересы не Советской России, представителем которой являлся, а Финляндии.

В этот же день, 1 октября Я. А. Берзин направил телеграмму Г. В. Чичерину, в которой есть такие строки: «Если мы не уступим теперь же по этим двум пунктам, то не минуем разрыв или перерыв, после которого нам придётся уступить. Мы все единодушно настаиваем на уступках.<...> Настаиваем на обсуждении вопроса в Политбюро и на немедленном ответе»¹¹⁸.

Несмотря на все грозные заявления Я. А. Берзина и П. М. Керженцева на переговорах, они боялись их разрыва и это чувствовала финская сторона. Как заметил Е. А. Беренс в письме к Э. М. Склянскому от 24 сентября: «Финны видимо рассчитывают, что мы уступим, так как решение уступать вообще что либо в Печенге нами было принято примерно через два месяца после начала переговоров и несмотря на неоднократные и категорические заявления с нашей стороны, что мы на это не согласны. Очевидно, финны рассчитывают, что и теперь, несмотря на такие же наши заявления, что мы дальше уступать не можем, они всё же надеются нас пересидеть»¹¹⁹.

Возникает вопрос: с чем связано упорство финнов, считавших, что советская делегация пойдёт на уступки, несмотря на то, что на всех официальных встречах она заявляла о невозможности территориальных уступок?

Бесспорно, здесь сказывалось поражение на польском фронте, тяжёлое экономическое положение в Советской России, продолжавшаяся борьба с войсками Врангеля в Крыму. Финны отдавали себе отчёт, что мир остро нужнее Советской России, и даже больше чем им. Поэтому очевидно и надеялись на удовлетворении своих экспансионистских appetitov.

Вместе с тем телеграмма Я. А. Берзина имела далеко идущие последствия. 1 октября председатель СНК В. И. Ленин пишет проект постановления о мире с Польшей и Финляндией. В этот же день принимается постановление Политбюро об уступке территории Финляндии и заключении с ней мирного договора. Следует отметить, что в проекте поста-

новления Ленин потребовал подписать мир примерно в 3 дня, иначе взять предложенные финской делегации уступки назад¹²⁰.

Само постановление разрешало советской делегации: «сделать предложенную тов[арищем] Берзиным уступку, если 1) эта уступка не выходит за пределы первоначального постановления Политбюро о Печенге и 2) если в результате этой уступки будет в указанный товарищем Берзиным срок заключён мир с Финляндией»¹²¹. Таким образом, главную роль в подписании мира сыграл Ленин. Об этом также свидетельствовал и Г. В. Чичерин. Он указывает: «Так же настоял он [В. И. Ленин. — А.С.] в 1920 г., в виду колебаний других товарищей, на уступке нами Финляндии области Печенги»¹²².

Можно предположить, что территориальные уступки Польше и Финляндии вызывали одобрение не у всех руководителей Советской России. Тот же Чичерин сообщал, что в 1921 г. личное участие Ленина в решении внешнеполитических вопросов становится «значительно меньшим», вытесняясь коллективным обсуждением¹²³. Похоже, что политике, согласно которой следовало откупиться от империалистов, приходил конец.

Интересно, что пункт первый постановления Политбюро был составлен в сослагательном наклонении и в принципе мог быть обжалован, чем и воспользовался затем Г. В. Чичерин. В этот же день, 1 октября постановление Политбюро довели до Чичерина, и оно вызвало его негативную реакцию. В письме члену Политбюро Н. Н. Крестинскому нарком писал: «Первоначальное постановление Политбюро относилось к Печенге, т. е. бухте к западу от Рыбачьего полуострова и области вдоль границы Норвегии. Принимая постановление об уступке Финляндии пограничной с Норвегией сухопутной полосы, Политбюро исходило из того, что в нашем распоряжении останется морской путь на Вардо [порт в Норвегии. — А.С.]. Интерпретацию, данную тов. Берзиным постановлению Политбюро [постановление от 23 июля. — А.С.], считаю несомненно ложной, но легко объяснимой тем, что Политбюро не останавливалось на границе уступаемой полосы, так как не было ещё известно, какие будут по этому поводу разногласия. Уступка Финляндии той оконечности Рыбачьего полуострова, которая играет главную роль в вопросе о морских сношениях с Вардо, есть вопрос первостепенной важности»¹²⁴. Таким образом, хоть и не прямо, но Чичерин обвинял Я. А. Берзина в искажении решения Политбюро. Скорее всего, аргументация наркома возымела своё действие, и Берзину были даны соответствующие указания. В результате Вайду-губу разделили пополам, а не отдали полностью финнам, как они того требовали.

4 октября в телеграмме Г. В. Чичерину Я. А. Берзин сообщал о принятии всех статей договора за исключением одной — о границе в Печенге, 212

поскольку нет точной формулировки, и тут же он доводил до сведения наркома, что граница делит Вайду-губу пополам. Наконец 5 октября была утверждена окончательная редакция статьи о границе в Печенге. Теперь дело было за техническим оформлением договора. Таким образом ультимативное требование заключить мир в три дня сработало.

Однако территории, отошедшие к Финляндии, оказались значительными. Это северо-западная часть полуострова Рыбачий, большая часть полуострова Средний с Большой и Малой Волоковыми губами и перешейком между Рыбачьим и Средним, а также острова Кий и Айновы, занимавшие командное положение над Печенгской, Амбарной, Большой и Малой Волковыми губами. Лишившись этих территорий, Россия потеряла господствующее положение на Западном Мурмане, что делало уязвимой военно-морскую базу в Мурманске.

Участник переговоров в Тарту, военно-морской эксперт Е. А. Беренс в письме начальнику оперативного отдела штаба морских сил Балтийского моря М. А. Петрову 6 октября 1920 г. писал.: « Я утверждаю, что мы пошли на уступки с вполне открытыми глазами, зная, что мы уступаем <...> нам настолько вероятно нужен был мир, что мы согласились заплатить за него такую цену, раз, по наступившему для нас невыгодному международному положению, его дешевле оказалось невозможным купить, <...> и если, тем не менее правительство решило уступать, то сделало это во всеоружии знания той жертвы, которую делает»¹²⁵. Однако возвращение потерянного, по мнению того же Е. А. Беренса, являлось процессом неимоверно трудным: «что касается уступки территории, то как показывает практика, она поправима лишь при помощи, крайне сильных средств и потрясений»¹²⁶.

Следует отметить, что решение по уступке территории ради мира являлось актом политическим и военные к его принятию не привлекались, так как их отрицательное мнение было хорошо известно. Помимо сложного международного положения, на советское руководство оказывало давление и катастрофическое экономическое положение страны, приведшее к Кронштадтскому восстанию в марте 1921 г.

5 октября состоялось одиннадцатое пленарное заседание мирной конференции. На нём прозвучало заявление об устранении всех разногласий благодаря уступкам с обеих сторон, которые утвердила объединённая комиссия. После того, как советская делегация согласилась предоставить Финляндии требуемые уступки, все статьи мирного договора между Советской Россией и Финляндией были приняты. По сути заседание носило формальный характер даже если судить по времени его проведения. Начавшись в 5 ч. 30 мин. оно закончилось в 6 ч. 17 мин., продолжившись всего 47 минут.

Правда ещё предстояло поработать редакционной комиссии над некоторыми формулировками¹²⁷.

14 октября 1920 г. прошло заключительное, уже 12-е пленарное заседание мирной конференции, на котором состоялось подписание мирного договора¹²⁸. Перед подписанием советско-финляндского договора главы делегаций сделали ряд заявлений для занесения в протокол. От имени советской делегации выступал Я. А. Берзин. Он ещё раз разъяснил присутствующим политику советского правительства в отношении и Восточной Карелии, которая становилась автономией в составе Советского государства. Организация жизни в ней строилась на принципе самоуправления. Она могла самостоятельно устраивать свою экономическую жизнь, но в соответствии с общим хозяйственным планом республики. При этом местный язык мог использоваться в администрации, законодательстве, просвещении. В Восточной Карелии, как и во всей стране, вводилась милиционная система. Берзин сделал также заявление по поводу ингерманландцев, финского населения, проживавшего в Петроградской губернии. Ему гарантировались все права, которые предоставлялись всем национальным меньшинствам, в том числе свободно пользоваться родным языком. Финскому населению Петроградской губернии, карелам в Олонецкой и Архангельской губерниях, бежавшим из мест постоянного проживания, даровалась политическая амнистия и право возвращения на родину. При этом советское правительство соглашалось облегчить участь тех, кто потерял имущество. В Поросозерской и Ребольской волостях Советская Россия обязывалась в течение двух лет не держать войска, кроме пограничной стражи, в том случае, если им не будет угрожать опасность со стороны Финляндии¹²⁹.

По мнению Ю. М. Килина советские дипломаты в Тарту переиграли своих партнёров, поскольку декларации, приложенные к договору, не имели обязательного характера и о них не упоминалось в тексте договора, а в самом договоре вообще не было указано, хотя составляют его неотъемлемую часть. Таким образом, с формально юридической точки зрения, позиция советской делегации была безупречной¹³⁰.

Глава финляндской делегации Ю. К. Паасикиви также сделал заявление для протокола. Он сказал, что все претензии финляндских граждан, товариществ и союзов к Советскому государству остаются вне договора. Вместе с тем, как сказал, Паасикиви, Россия гарантировала выполнение своих обязательств по статьям 23 и 28. В них говорилось о возврате судов прежним собственникам, реквизированным во время войны. В отношении частного имущества, оставшегося в России, его владельцам предоставлялись права на возврат убытков, такие же, как будут предоставлены гражданам наиболее благоприятствуемого государства. Он также заявил об обоюдном согласии назначить военных и морских атташе¹³¹. После

этого состоялось подписание договора. С советской стороны подписи поставили: Я. А. Берзин, П. М. Керженцев, Н. Н. Тихменёв; с финляндской: Ю. Х. Паасикиви, Ю. Х. Веннола, А. Фрей, К. Р. Вальден, В. А. Таннер, В. Г. Кивилинна, К. В. Войномаа. После подписания документа с заключительными словами выступили Берзин и Паасикиви¹³².

И так завершились драматические четырёхмесячные переговоры. Их участники провели одиннадцать пленарных заседаний, более пятидесяти заседаний комиссий (территориальной, экономической, правовой, по перемирию), свыше ста заседаний подкомиссий и ряд частных, неформальных бесед¹³³.

12 октября, за два дня до заключения договора в Тарту, в Риге состоялось подписание прелиминарного договора с Польшей. Теперь в Советской России все силы могли быть брошены в Крым на борьбу с войсками Врангеля. Таким образом в результате значительных территориальных потерь удалось вырвать «крымскую занозу» и закончить Гражданскую войну в европейской части Советской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Смолин А. В.* Советско-финские переговоры в Тарту. Первый этап 12 июня — 14 июля 1920 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019, № 20 /1/. С. 39–57.

² Ленин В. И. *Биохроника* Т. 9. Июнь 1920 — январь 1921. М., 1978. С. 124.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 142.

⁴ Там же Л. 148.

⁵ Там же. С. 357.

⁶ Там же Л. 143–144

⁷ Там же Л. 143, 146.

⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1 Оп 3. Д. 777. Л. 811. Письмо Е. А. Беренса — Э. М. Склянскому 25 августа 1920 г.

⁹ *Керженцев П. М.* Мир с Финляндией. Саратов. 1920. С. 5.

¹⁰ *Россия и Финляндия: От противостояния к миру. 1917–1920.* М., 2017. С. 365.

¹¹ Там же. С. 365

¹² РГА ВМФ Ф. Р-1. Оп 3. Д. 777. Л. 297–306, 309–320.

¹³ Там же Л. 298.

¹⁴ Там же. Л. 300–306.

¹⁵ Там же. Л. 803.

¹⁶ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М., 1975. С. 203, 210, 212.

¹⁷ *Документы внешней политики СССР.* Т. III. 1 июля 1920 — 18 марта 1921. М., 1959. С. 81.

¹⁸ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 213.

¹⁹ Там же. С. 214.

²⁰ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 367.

²¹ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 212.

²² Этой комиссии следовало рассмотреть финские предложения. В состав комиссии от советской делегации должны были войти Н. С. Тихменёв и П. М. Керженцев и эксперты В. Н. Егорьев и Смирнов, а также секретарь А. С. Черных и с финской стороны — А. Фрей, В. А. Таннер, эксперт Н. Прокопе секретарь Э. Хейлимо (См.: РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 807; Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 370).

Начались заседания правовой комиссии 9 августа. Причем обсуждение свелось к разъяснению советской стороной вопросов, связанных с амнистией участвовавших «в последних военных событиях» организаций, враждебных другому государству и ставящих своей целью свержение существующего политического режима. Дискуссия же развернулась вокруг основы проекта об интернировании и амнистии. Н. С. Тихменев выступал за разделение по инкриминируемым преступлениям, А. Фрей же говорил о национальности, как базисе. Обмен мнениями по советскому проекту статей показал, что стороны в целом согласны по большинству пунктов. Фрей предложил также рассмотреть вопрос о взаимном отказе от пропаганды в другой стране. Последовавшие затем заседания привели к тому, что 17 сентября были приняты статьи об амнистии, о смешанной комиссии по соблюдению, договора об открытии дипломатических и консульских учреждений, вошедшие затем в текст мирного договора.

²³ С советской стороны договор подписали Я. А. Берзин, П. М. Керженцев, Н. С. Тихменёв, а с финской — Ю. К. Паасикиви, Ю. Х. Венола, А. Фрей, К. Р. Вальден, В. А. Таннер, К. В. Войномаа, В. Г. Кивилинна.

²⁴ Документы внешней политики СССР. С. 124–129; РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп.3. Д. 777. Л. 156, 157. Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 385. Стенографический отчёт девятого заседания пленума. Наблюдение за соблюдением договора осуществляла Центральная и местные комиссии (Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 385; Документы внешней политики СССР. С. 127–129). В результате перемирия Балтийский флот начал разминирование. Так, с 20 августа по 16 сентября он произвёл разминирование и обвеховывание Южного фарватера. В результате чего удалось выловить 10 мин. Из них 9 русских и одна противника (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 801. Л. 88. Оперативный отчёт с 1 апреля по 1 октября 1920 г. Морского командования Балтийского флота 13 ноября 1920 г.).

²⁵ Одним из острых вопросов стал вопрос о претензиях частных лиц. Поскольку русское имущество оставлялось в Финляндии, то советская делегация предложила финнам удовлетворять претензии своих граждан через его продажу. Финская сторона расценила это предложение, как «жертву» со своей стороны, поскольку считала, что цена финляндского имущества была выше, чем русского. Однако с этим категорически не соглашалась русская делегация. Ввиду сложности вопроса о частных требованиях граждан, финны предложили оставить его вне соглашения. В разряд исключений они рекомендовали внести имущество

религиозных обществ и учреждений, преследующих культурные цели, а также архивы и топографические карты, которые подлежали возвращению.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 549–553.

²⁷ В эту сумму не включалось имущество, отнесённое к военной добыче, а также гражданское имущество и суммы валютных операций, транзитные грузы и ряд других категорий товаров. Всё это в сумме давало 160 млн марок золотом.

²⁸ В исключения из статус-кво советская делегация внесла: железнодорожный состав и суда, здания для дипломатических нужд в трёх городах, санаторий «Халлила» на территории Финляндии, являвшийся собственностью России, грузы прибывшие в Финляндию до и после провозглашения независимости, телеграфные провода, связывающие Петроград с Стокгольмом, Ньюкастелем, Фредерицей и один Петроград—Вартониеми—Александровск (мурманский), идущий через Выборг, Куопио, Кемь и Рованиеми, на 50 лет на правах экстерриториальности. Сохранение прав по договорам с Данией на три корабля прямого сообщения со Швецией от Ньюстада через Аландские острова. Оставались в силе и обязательства банка Финляндии по валютному договору 1917 г. Оригиналы топографических карт и средства их воспроизведения, архивы, касающиеся взаимоотношений России и Финляндии, российская сторона передавать отказалась, поскольку всё это представляло ценность для неё самой. В тоже время Археологические предметы и произведения искусства она соглашалась передать Финляндии (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 558–559).

Выступивший с ответным словом Ю. К. Паасикиви заметил, что по многим пунктам позиции делегации сходятся, но имеются и расхождения. Так по финским подсчётам, стоимость русского военно-морского имущества составляла не 4 млрд. марок, а всего 732 млн. марок и имущество для гражданских целей оценивалось в 274 млн. марок. В этот подсчёт не вошли бетонные и земляные работы по возведению укреплений, что составило 1 млрд марок, тогда как требования Финляндии к России оценивались в 1,7 млрд марок. Поэтому статус-кво не выгоды Финляндии и это с её стороны жертва.

Паасикиви выразил также возражения и по поводу ряда исключений, к ним он отнёс возвращение всех судов, транзитных грузов, оставление в собственности России санатория «Халлила». Он также высказал несогласие по поводу валютного соглашения 1917 г. финляндского банка, по которому следовало отдать обратно 700 млн марок, а также по отказу России вернуть архив Статс-секретаря Великого княжества Финляндского.

В свою очередь, эксперт по экономическим вопросам В. М. Смирнов усомнился в подсчётах финской делегации по русскому имуществу, считая, что они значительно преуменьшены. Поскольку только одно Суоярвское лесничество располагалось на территории в 200 тыс. десятин. Тогда Паасикиви предложил создать комиссию по взаимной оценке имущества. Это вызвало возражение П. М. Керженцева, считавшего, что в этом случае процесс выработки мирного договора затянется.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 564–567.

³⁰ От советской делегации в неё вошёл В. М. Смирнов, от финляндской — В. А. Таннер.

³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 570–571.

³² Там же. Л. 582–586.

³³ Таким являлось Суоярвское лесничество, которым Россия владела на правах концессии. На заседании советская делегация потребовала, чтобы Финляндия предоставила право эксплуатации лесничества на 60 лет, с правом беспроцентного вывоза леса и лесных материалов.

При этом предлагалось передать эксплуатацию лесничества финским товариществам на основе особого соглашения. Обосновывая свои претензии и П. М. Керженцев указывал, что Финляндии остаётся всё военно-морское и всё гражданское имущество. Россия отказывается от прав на транзитные грузы, оставшиеся в Финляндии, не настаивает на выполнении валютного соглашения. Однако взамен ожидает уступок по судам и лесничеству (Там же. Л. 587–589).

Отвечая П. М. Керженцеву Ю. К. Паасикиви ссылался на то, что транзитных грузов в Финляндии осталось мало. Часть исчезла во время Гражданской войны, другая оказалась испорченной. Две трети гражданского имущества это Суоярвское лесничество и если от него отказаться, то от статус-кво ничего не останется. В связи с этим уступить его Финляндия не может. Так не до чего и не договорившись, неурегулированные вопросы снова передали в подкомиссию (Там же. Л. 589, 591).

³⁴ Там же. Л. 603–604.

³⁵ Там же. Л. 604, 606, 607.

³⁶ Мельтюхов М. Советско-польские войны. 2-е изд. М., 2004. С. 144–146.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51 С. 446.

³⁸ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 370.

³⁹ РГА ВМФ Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 801.

⁴⁰ Там же. Л. 356.

⁴¹ Сведения о том, что решение об уступке в районе Печенги было принято спустя примерно два месяца после начала переговоров, имеются и в одном из писем Е. А. Беренса Э. М. Склянскому. Оно тоже указывает примерно на 12–13 августа (Там же. Л. 819).

⁴² Россия и Финляндия: От противостояния к миру С. 373–374.

⁴³ Изучив предложения морского командования, о расширении русских территориальных вод в Финском заливе, до выхода в Выборгский залив, 14 августа, он направил служебную записку Г. В. Чичерину. В ней Лебедев пришёл к выводу о том, что подобная мера могла иметь смысл только в том случае, если сухопутная граница на Карельском перешейке будет отодвинута на север. Тогда бы это способствовало укреплению безопасности Петрограда. В связи с этим он предлагал произвести обмен территориями. За уступку на Карельском перешейке Лебедев считал возможным отдать Финляндии часть приходов Поросозера, Пагоозера и Ребола, при этом не нарушая безопасности Мурманской железной дороги, а также часть Печенгского района. В случае отказа финнов от такого обмена никаких уступок в Карелии и в Печенге он предлагал не делать. По мнению Лебедева, которого поддержал и главком С. С. Каменев, он не видел смысла расширять территориальные воды без обладания соответствующей полосой на Карельском перешейке. Таким образом, Полевой штаб связал уступку Печенги с соответству-

ющими территориальными компенсациями со стороны Финляндии на Карельском перешейке (Там же. С. 378–379).

⁴⁴Скорее всего, нарком делал это с целью затягивания переговоров, хотя в других телеграммах он призывал к их ускорению. Негативная реакция Я. А. Берзина была ожидаема. В ответе наркому 17 августа он написал, что Политбюро в своём постановлении уступку Печенги не обуславливала территориальным возмещением со стороны финнов. Берзин заявлял, что на компенсацию финны не согласятся. При этом, он в очередной раз предупреждал Чичерина, что постановка этого вопроса может привести к разрыву или затяжке переговоров (Там же. С. 380).

⁴⁵Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника Т. 9. Июнь 1920 — январь 1921. М., 1978. С. 206.

⁴⁶Свою позицию нарком объяснял тем, что после заключения мира начать войну с Россией ей будет труднее, чем при одном перемирии. «Поэтому скорое заключение мира является для нас несравненно первостепенной необходимостью» — писал Чичерин (См.: Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 385–386).

⁴⁷Там же. С. 381, 384.

⁴⁸Там же. С. 384.

⁴⁹Там же. С. 383.

⁵⁰Там же. С. 382, 384.

⁵¹Там же. С. 373.

⁵²Там же. С. 383.

⁵³Там же. С. 384.

⁵⁴Там же. С. 381.

⁵⁵Там же. С. 382.

⁵⁶Там же. С. 384.

⁵⁷РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 339, 340, 346.

⁵⁸Там же. Д. 773. Л. 140.

⁵⁹Там же. Л. 138 — об.

⁶⁰Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 393.

⁶¹Там же. С. 386.

⁶²Там же. С. 391–392.

⁶³Керженцев П. М. Мир с Финляндией. С. 6.

⁶⁴Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 392.

⁶⁵И хотя с момента предыдущей встречи прошло десять дней, но это не означало, что работа останавливалась. В это время прошло несколько заседаний территориальной подкомиссии, на которых обсуждался вопрос о Печенге.

⁶⁶РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 348–349.

⁶⁷Там же. Л. 349.

⁶⁸По пути следования Россия могла иметь склады и гостиницы с охраной. Передаваемый район подлежал нейтрализации, как и бухты и гавани на его территории.

⁶⁹РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 350–351.

⁷⁰Развивая национальную идею, финляндский делегат продолжал: «Мы должны ещё с сожалением констатировать тот факт, что г. Петроград находится

в самом центре финского населения и из-за этого факта сотни тысяч финляндцев должны оставаться в пределах России» (Там же. Л. 354). Причем в действительности, в то время на территории Петроградской губернии, насчитывавшей 888 тыс. жителей и проживало 11,5% финнов-ингерманландцев, что составляло чуть более 100 тыс. человек (См.: Смирнова Т. М. Национальность — питерские: Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX в. СПб.: 2002. С. 64, 67–68).

⁷¹ Отвечая на претензии Ю. Х. Веннолы, П. М. Керженцев обратил внимание на неуступчивость финской стороны, которой ещё не было две недели назад. Позиция финнов становилась всё более требовательной и далёкой от разумных компромиссов. Такое поведение коллег он связывал с ухудшением положения войск Красной армии на Польском фронте и приходил к выводу, что финляндское правительство неверно оценивает ситуацию и в таком случае придётся прервать переговоры. На неопределённый срок (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 356, 359).

Реагируя на высказывания П. М. Керженцева, Ю. Х. Веннола говорил о том, что уступки России в Финском заливе обеспечили безопасность Петрограда. Финляндия нейтрализовала острова и согласна на нейтрализацию острова Гогланд под международной гарантией и что финская делегация не хочет отказываться от дальнейшей работы, но и передачи своей территории она не допустит. По мнению Веннолы: «Для финского национального чувства недопустимо, чтобы мы уступили России чисто финские области. <...> Это всё равно, как если бы мы должны были отрезать часть нашего тела, чтобы купить что-либо» (Там же. Л. 358, 359).

⁷² Там же. Л. 370.

⁷³ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 393.

⁷⁴ Первая начиналась словами: «Идти далее линии Керженцева недопустимо. Отхватывать ту часть Рыбачьего полуострова, которую хотят финны, невозможно. Плебисцит в двух приходах недопустим. Никакие разговоры о Карелии не допустимы вообще, позиция Керженцева в территориальной комиссии должна быть пределом уступок» (Там же. С. 393).

⁷⁵ Финскую жёсткость Чичерин связывал с положением на Польском фронте и просил довести до партнёров по переговорам мысль о том, чтобы они не заблуждались относительно временных неудач Красной армии. При этом вторая телеграмма вообще начиналась словами: «Надо безусловно проявить по отношению к финнам полную твёрдость» и заканчивалась: «Вообще применение теперь по отношению к ним [финнам. — А.С.] абсолютной твёрдости необходимо» (Там же. С. 393–394).

⁷⁶ Так, 3 и 4 сентября социал-демократ В. А. Таннер беседовал с П. М. Керженцевым. Во время первой встречи они согласились с тем, что Россия отказывается от территориальных компенсаций за отдачу Печенги. В свою очередь, приходы Ребола и Поросозеро остаются за Россией. В последствии он отмечал, что сначала Керженцев пытался добиться уступок на Карельском перешейке, однако вскоре от них отказался. После этого разговора, 3 сентября Я. А. Берзин телеграфировал в Москву, предлагая согласиться на финские условия, поскольку в случае их принятия финские социал-демократы обещали бороться за немедленный мир (Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 395).

⁷⁷ Там же. 396.

⁷⁸ *Tanner V. Tarton rauha.* S. 142.

⁷⁹ Нарком считал недопустимой отдачу Финляндии Поросозеро и Ребола, необходимых для защиты Мурманской железной дороги, а в случае упорства финнов предлагал даже идти на перерыв переговоров.

⁸⁰ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С 396–397.

⁸¹ Там же. С. 397–398, 463.

⁸² Там же. С. 400, 405, 463.

⁸³ *Килин Ю. М.* Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. Петрозаводск, 2012. С. 66.

⁸⁴ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 398.

⁸⁵ Там же. С. 401.

⁸⁶ Там же. С. 399.

⁸⁷ Там же. С. 404.

⁸⁸ Там же. С. 401–402.

⁸⁹ Там же. С. 401, 402–403.

⁹⁰ Там же. С. 402–404

⁹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп.3. Д. 777. Л. 744.

⁹² Там же. Л. 370.

⁹³ Там же. Д.773. Л. 56 об.

⁹⁴ Там же. Л. 53.

⁹⁵ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 222.

⁹⁶ Там же. С. 224.

⁹⁷ Там же. С. 225.

⁹⁸ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 406.

⁹⁹ РГА ВМФ Ф.р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 818.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 406.

¹⁰² Там же. С. 406–407.

¹⁰³ Там же. С. 407.

¹⁰⁴ Там же. С. 408.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ РГА ВМФ Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 158, 159.

¹⁰⁷ Там же. Л. 160.

¹⁰⁸ Там же. Л. 161.

¹⁰⁹ Там же. Л. 162.

¹¹⁰ Там же. Л. 162–164.

¹¹¹ Там же. Л. 164–166, 167.

¹¹² Там же. Л. 167–168.

¹¹³ Там же. Л. 170.

¹¹⁴ Там же 170, 171.

¹¹⁵ Там же. Л. 171.

¹¹⁶ Там же. Л. 172.

¹¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 773. Л. 46.

¹¹⁸ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 409.

¹¹⁹РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 819.

¹²⁰Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 409–410.

¹²¹Там же С. 410.

¹²²*Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика // Мировая политика в 1924 г. М., 1925. С. 9.

¹²³Там же. С. 10.

¹²⁴Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 411.

¹²⁵РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 761–763.

¹²⁶Там же. Л. 818.

¹²⁷Там же Л. 173–180; Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 413.

¹²⁸Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 413–418.

¹²⁹Там же. С. 414–415.

¹³⁰*Килин Ю. М.* Карельское восстание 1921–1922 гг. и его последствия в свете новых архивных данных // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 93–95.

¹³¹Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 415–416, 426, 427.

¹³²Подписание договора, по словам Я. А. Берзина, произошло на почве взаимных уступок. Вместе с тем, он заявил, что при некоторой неудовлетворённости, договор является справедливым и заключён в интересах обеих сторон. Он также выразил надежду на установление нормальных отношений между двумя странами (Там же. С. 416). В выступлении Ю. Х. Паасикиви акцент ставился на сложности переговоров: «Временами имелось мало надежды на успешность этих работ». Однако благодаря взаимным уступкам согласие удалось достичь (Там же. С. 417).

¹³³*Керженцев П. М.* Мир с Финляндией. С. 17.

ЛИТЕРАТУРА

Керженцев П. М. Мир с Финляндией. Саратов: Гос. изд-во. Саратовское отделение, 1920. 20 с.

Килин Ю. М. Карельское восстание 1921–1922 гг. и его последствия в свете новых архивных данных // Россия и Финляндия в XVIII — XX вв. Специфика границы. СПб.: Институт Финляндии в Санкт-Петербурге; Европейский Дом; СПб НЦ РАН, 1999. С. 93–95.

Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017. 671 с.

Мельтюхов М. Советско-польские войны. М.: РГБ, 2004. 460 с.

Николаев Н. И. Отечественная историография Тартуского мирного договора между Финляндией и Советской Россией // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2019. № 19(2). С. 192–202.

Плат Т. Страх перед большевиками как фактор сотрудничества немцев и латышей в создании Латвийской республики в 1917–1919 годы // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2018. № 18(1). С. 120–133.

Россия и Финляндия: От противостояния к миру. 1917–1920. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2017. 502 с.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб.: Аврора, 2016. 240 с.

Смолин А. В. Советско-финские переговоры в Тарту. Первый этап 12 июня — 14 июля 1920 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019, № 20 /1/. С. 39–57.

Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М.: Наука. 1975. 268 с.

Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Соц-экгиз, 1961. 517 с.

В. Н. Барышников

**ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ
«НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» О. В. КУУСИНЕНА***

Причину начала 30 ноября 1940 г. советско-финляндской войны в Москве изначально стремились представить, как следствие серии провокаций на границе, которые «были организованы с финской стороны». Причем, как полагали в СССР, ведение самой войны не должно было потребовать большого напряжения сил и средств. Более того, считалось, что с момента начала боевых действий в Финляндии «безусловно» вспыхнут социальные беспорядки и, таким образом, части Красной армии получат соответствующую поддержку «восставшего финского народа». Это убежденность опиралась на вывод, который сделал еще в 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин. Тогда он четко указал, что в случае начала войны «многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям...»¹.

Убежденность в правомерности данного утверждения далее красноречиво подтверждалась теми установками, которые давались советским командованием в преддверии начала самой войны. В частности, в директиве начальника Политуправления Ленинградского военного округа от 23 ноября 1939 г. конкретно указывалось, как должны были вести себя войска с началом военных действий: «Мы идем не как завоеватели, а как друзья финского народа. Красная Армия поддержит финский народ, который стоит за дружбу с Советским Союзом и хочет иметь свое финляндское подлинно народное правительство»². Как не трудно понять, здесь уже содержалось не только установка относительно поведения военнослужащих в Финляндии, но также «угадывалась» та позиция, которую, как считалось, «займет» финский народ.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Действительно, в Москве советское руководство, убежденное в неизбежности начала революции в Финляндии, решило заранее позаботиться о необходимости организации нового, дружественного к СССР финского «народного правительства». В результате уже на второй день войны на занятой советскими войсками финской территории в поселке Терийоки данное «правительство» было провозглашено. Его возглавил член финской коммунистической партии О. В. Куусинен.

Причем характерно, что сразу же после образования финского «народного правительства», в СССР были предприняты определенные дипломатические шаги, направленные на то, чтобы оно получило международное признание. Однако удивительно, но о попытках советского руководства получить в данном отношении международную поддержку в исследовательской литературе до сих пор написано довольно мало. Более того, существует даже мнение, что при создании «финского правительства» в Москве больше внимания обращали «не столько на население Финляндии и на международное общественное мнение, сколько на советский народ»³. Однако трудно сказать, насколько данная задача для руководства СССР являлась определяющей. Более того, в начале войны внешнеполитические цели, связанные с провозглашением «правительства» Куусинена, для руководства СССР являлись не менее значимыми, чем какие-либо иные. Здесь для «новой финской власти» крайне важным становилось иметь определенные перспективы, в том числе и международного характера.

При этом с учетом внешнеполитической ситуации, которая тогда возникла, сам момент провозглашения «правительства» был выбран в Москве крайне удачно. В день, когда произошло «официальное» объявление о создании этого «народного правительства», из Хельсинки тоже пошла информация о правительственной отставке и об образовании нового кабинета, который возглавил Р. Рюти. Все это в дипломатическом плане, как могло показаться, создавало весьма запутанную ситуацию. В финской столице это, естественно, почувствовали. Характерной оказалась и реакция на произошедшее за рубежом. В большинстве, скажем, лондонских газет вначале расценили сложившееся положение как катастрофу для официальных финских властей, а в министерстве иностранных дел Великобритании вообще стали считать, что Финляндия уже практически утрачена для западного мира⁴.

В целом, тогда из поступавшей в Москву информации было ясно, что ни одно из государств не проявило особого желания оказывать пока какую-либо реальную, действенную помощь Финляндии.

В результате советское руководство приступило к таким действиям, которые должны были продемонстрировать то, что в Москве не считают су-

шествующую в Хельсинки власть законной. 5 декабря в советской печати было опубликовано сообщение, что Верховный совет СССР получил еще 1 декабря обращение от «финского народного правительства» с предложением установить с Советским Союзом дипломатические отношения, и Президиум Верховного Совета постановил «признать Народное Правительство Финляндии и установить дипломатические отношения»⁵. К тому же до этого в органах массовой информации СССР сообщалось, что 2 декабря с «правительством» Куусинена заключён Договор о взаимопомощи и дружбе⁶. Все эти действия четко указывали на то, что в Москве образованию в Терийоки «правительства» явно придавали международное звучание.

Это особенно четко проявилось 4 декабря. Тогда шведскому посланнику в СССР В. Винтеру уже официально сообщили, что Советский Союз «признает только Правительство Финляндской Демократической Республики»⁷. Более того, советское руководство даже явно пыталось показать, что СССР с Финляндией вообще не воюет... а лишь «оказывает помощь восставшему народу Финляндии». Так, в частности, в терминологии при дипломатической переписке советской стороной стали употребляться такие формулировки, как: «вхождение советских войск в Финляндию», «военное продвижение» и т. д.⁸ Также тогда предпринимались еще дипломатические усилия, чтобы создать за рубежом представление о возникновении в Финляндии «революции». В частности, 4 декабря в органах массовой информации СССР уже появились сведения, что финское правительство «в неизвестных целях» уже покинуло Хельсинки⁹. Эту же мысль тогда высказал В. Винтеру и В. М. Молотов¹⁰.

В целом в Москве всеми своими действиями явно показывали стремление решать важнейшие дипломатические вопросы только непосредственно с «правительством» Куусинена. В частности, 7 декабря в Терийоки официально сообщалось об установлении Военно-Морским флотом СССР блокады побережья Финляндии¹¹. Тем самым проявлялось очевидная склонность создать за рубежом представление о реальной значимости «народного правительства».

Эти действия указывали еще и на то, что в Москве явно надеялись на какую-либо международную поддержку «народному правительству». Важным в данном случае для советского руководства могло стать официальное его признание другими странами.

Однако возникал вопрос, какие страны могли поддержать данную линию Москвы?

Здесь, конечно, не все было просто. Первое, что сразу уже бросалось в глаза, являлось то, что провозглашенное в Терийоки «правительство», как это всем было понятно, «появилось неоткуда», но сам факт его обра-

зование провозглашался как некая масштабная «миссия сделать Финляндию счастливой»¹². Это не могло не вызывать общее удивление и весьма критическое к себе отношение. Более того, достаточно быстро законное правительство Финляндии стало открыто демонстрировать свое реальное существование. С этой целью в финской столице был даже организован 6 декабря, в День независимости, официальный прием, на котором присутствовали члены правительства и были также приглашены представители иностранных государств. Этот прием, несмотря на войну, проходил в фешенебельных апартаментах гостиницы «Кемп»¹³.

С другой стороны, в Наркомате иностранных дел уже стали ясно чувствовать, что именно после сообщения о создании «народного правительства» за рубежом начало наблюдаться усиление антисоветских настроений. Как справедливо отметил известный финский исследователь профессор К. Рентола, «если бы Советский Союз начал наступление без марионеточного правительства, ссылаясь лишь на вопросы безопасности Ленинграда... положение было бы иным и на международной арене, и в самой Финляндии»¹⁴. Историк в данном случае имел в виду, что военная уязвимость Ленинграда была достаточно очевидной, в том числе и за рубежом¹⁵. Создание «народного правительства», естественно, приводило к тому, что стремительно стало нарастать откровенное недоверие к СССР, которое, естественно, теперь начало распространяться на все действия, связанные с советской внешней политикой. Это особенно, естественно, стало заметным в среде руководства соседних СССР малых европейских государств¹⁶.

Но с точки зрения международных отношений, в Москве, несомненно, не могли не учитывать существующие у СССР договоры, которые накануне начала «зимней войны» были уже подписаны в Кремле. В частности, очевидно, имелись особые надежды на эффективность советско-германского договора о ненападении, а точнее секретного к нему приложения. Несомненно, советское руководство полагало, что Берлин сможет в международном плане поддержать «народное правительство» Финляндии.

Эта уверенность подтверждается тем, что уже в первый день войны нарком иностранных дел В. М. Молотов четко решил «проинформировать» германского посла в СССР Ф. В. Шуленбурга, что «не исключено, что в Финляндии будет создано другое правительство — дружественное Советскому Союзу, а также [!!! — Авт.] Германии»¹⁷. Фактически, этим заявлением выражалась надежда на перспективу поддержки рейхом задуманной в Москве акции. Причем, заявление затем получило свое дальнейшее развитие, когда 4 декабря Молотов германскому послу еще указал, что сами военные действия, осуществляемые СССР в Финляндии,

имеют форму лишь только помощи «народному правительству Финляндии»¹⁸. Однако прямого обращения к рейху, с предложением признать провозглашенное в Терийоки «правительство», так и не последовало. Таким образом в Москве лишь обозначили перспективу возможных дальнейших переговоров по данному вопросу.

Тем не менее, кроме Германии в начале войны в советском руководстве явно надеялись на дипломатическую поддержку по данному вопросу еще от трех прибалтийских республик. С ними, как известно, СССР тоже накануне начала «зимней войны» подписал военно-политические договоры. Это тоже могло создать условия для их международной поддержки «терийокского правительства». Некоторые исследователи даже утверждают, что советские дипломаты уже негласно начали стремиться побуждать прибалтов именно к этому¹⁹. Однако прямых доказательств данных действий СССР пока не обнаружено.

Единственным более заметным в данном направлении действием стало неофициальное заявление И. В. Сталина в момент официального визита в Москву главнокомандующего эстонской армией Й. Лайдонера, который с 11 по 12 декабря провел в столице СССР ряд официальных и неофициальных переговоров и лично встречался со Сталиным. С эстонским генералом, действительно, начали вестись «прозрачные» беседы о «финском народном правительстве». Причем, как свидетельствуют источники, на Й. Лайдонера произвело большое впечатление неофициальное заявление И. В. Сталина, которое было произнесено им на торжественном ужине. Так, в момент одного из тостов советский лидер неожиданно предложил эстонскому генералу выпить «за независимость» и «народное правительство Финляндии»²⁰. Это, несомненно, потрясло Й. Лайдонера. Он явно почувствовал определенную опасность, прежде всего, для своей страны.

Однако ход советско-финляндской войны не создавал больших перспектив в деятельности «народного правительства». Части Красной армии наступали медленно. Результаты боевых действий в декабре 1939 г. были для советских войск явно не впечатляющими. При этом, как заметил финский исследователь К. Рентола, функционирование «правительства Куусинена, основанного на идеологических представлениях и вере в быструю победу, которая позволила бы превратить театральное представление в реальность», не складывалось²¹. К тому же на занятой СССР финской территории практически отсутствовало гражданское население. Таким образом «правительство» оставалось без «своего» народа. В итоге в Москве уже в течение второй половины декабря вынуждены были, признавая сложившуюся ситуацию, поэтапно отказываться от своего изобретения и вообще от всего прежнего военного и политического замысла.

Более того, в СССР, как и во всем мире, не могли не заметить, что никаких перспектив социального взрыва, который мог привести к возможности начала в Финляндии «революции» и таким образом явиться условием формирования иного «народного» правительства, не случилось. На Западе все это, естественно, тоже учитывали. Достаточно быстро мировое общественное мнение стало более адекватно оценивать случившееся. В частности, советскому руководству по линии наркомата иностранных дел, а также через агентурные каналы НКВД начали четко сообщать, что нигде не воспринимается реально «правительство» Куусинена, как и его внешнеполитические акты²².

Объективно создание «правительства» Куусинена вызвало лишь самый бурный всплеск резкого осуждения СССР. Мировая печать все это квалифицировала не иначе, как только попытку Москвы осуществить идею «экспорта революции». Причем волна критики Советского Союза только нарастала. Она оказалась намного мощнее, чем, скажем, во время вступления советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию или в связи с размещением гарнизонов Красной армии в Прибалтике. Из Парижа, в частности, в Москву тогда сообщалось, что «мы сейчас зачислены в число прямых врагов» и что «больше всего ярости вызвало появление на сцене правительства Куусинена». Советский полпред во Франции Я. Суриц придерживался мнения, что создание «народного правительства» произвело негативное впечатление «даже большее, чем сами военные действия»²³. На Западе стремились своим отношением к «народному правительству Финляндии» создать для СССР, как отметили немецкие дипломаты, только лишь «большие трудности»²⁴.

Но возникает вопрос о позиции тех стран, на которые в Москве рассчитывали? Была ли перспектива международной поддержки «правительства Куусинена»?

Как и во всем мире, в руководстве прибалтийских стран также не особо полагались на перспективу и жизнеспособность «терийокского правительства». Фиксируя это, как доносили в Ригу 17 декабря 1939 г. из латвийского представительства в Москве: «день ото дня чаще слышны утверждения, что Сталин совершил грубую и непоправимую ошибку, признав правительство Куусинена»²⁵. В результате, государства Прибалтики четко дистанцировались от идей какой-либо дипломатической поддержки «кабинета» Куусинена.

Это означало отсутствие всякой перспективы получить содействие по данному направлению «терийокскому правительству». В целом в Москве не моли не скрыть свое разочарование позицией прибалтийских государств. Особенно критически рассматривалась в данном случае позиция Литвы и Латвии. В разговоре с литовским посланником в Мо-

скве В. М. Молотов тогда ее определял тем, что она «отвратительна»²⁶. Но, безусловно, иное трудно было себе представить. Как прямо докладывал в Москву полпред в Латвии И. С. Зотов, здесь «появление Финляндского народного правительства породило испуг в правительственной верхушке»²⁷.

Единственной, наиболее дояльной к политике СССР считалась позиция Эстонии²⁸. Но и у генерала Й. Лайдонера, формально неофициально поддерживавшего И. В. Сталина, выводы, относительно существования финского «народного правительства», тоже были вполне адекватными. В Таллинне 1 января 1940 г. он открыто заявил, что «мы, в известной мере, находимся под угрозой, и мы могли бы попасть первыми под удар, правда, не Германии, а нашего восточного соседа»²⁹. В отношении же «герийокского правительства» Й. Лайдонер, внимательно наблюдая за отношением к факту его существования у руководства СССР, тоже фиксировал изменение советской позиции по данному вопросу. Об этом он прямо говорил в беседе с германским дипломатом, подчеркивая, что у него уже сложилось ясное представление, что «Сталин без колебания откажется от Куусинена, если ему покажется, что это будет необходимо для русских». Далее, раскрывая свою позицию по данному вопросу, он указал, что «Куусинен просто является заложником Сталина»³⁰.

Таким образом прибалтийские государства вполне адекватно оценивали ситуацию и трудно было предположить, что они смогли бы в годы войны признать «кабинет» Куусинена.

Что же касается Германии, то ситуация здесь выглядела несколько сложнее. Там также, естественно, особо не собирались «поддерживать» советские инициативы. Более того, по мнению известного финского историка, профессора М. Якобсона, в Берлине даже полагали, что «они уже заплатили Сталину гораздо дороже за то, чтобы им не воевать на два фронта»³¹. Это утверждение, однако не до конца соответствует действительности. Как свидетельствует польский историк С. Дембски, 12 декабря в МИД Германии все же последовал запрос, который исходил от скандинавского куратора в нацистском руководстве Г. Геринга. В нем конкретно интересовались «собирается ли германский МИД признавать “финское народное правительство”»³². Ответ на него, вне сомнения, мог многое прояснить на перспективу советской внешней политики.

В немецком МИДе, однако, дали вполне канцелярский ответ. В нем явно указывалось на то, что там особо не собираются выступать с какими-то инициативами по признанию «кабинета» Куусинена. Герингу просто отписали, что «о существовании этого правительства мы формально ничего не знаем»³³. Это, действительно, «формально» было именно так, поскольку Москва, объективно, никаких переговоров с немецкими ди-

пломатами по поводу действий германской стороны в отношении «правительства» Куусинена не вела. Как подчеркнули в нацистском МИДе, «русские не требовали от нас нотификации по этому правительству»³⁴.

Но тут, конечно, являлось наиболее важным понимать, как действовали бы в рейхе, если бы советское руководство все же решило обратиться с просьбой о признании «терийокского правительства». В данном плане линия МИДа тоже была выработана вполне конкретная. В Берлине посчитали, что, если СССР все же поставит этот вопрос, то «мы будем затягивать время с формулировкой своей позиции»³⁵. Таким образом, в случае успешной операции Красной армии на финском фронте и обращении советского руководства к германской стороне, в Берлине ничего бы не оставалось, как после проволочек признать «кабинет Куусинена».

Любопытным представляются и мнения, которые тогда высказывали также еще американские дипломаты. В соответствии с перехваченным в конце декабря 1939 г. советской разведкой разговора в американском посольстве в Москве, там обсуждали перспективу замены «народного правительства» на законный финский кабинет. Этот кабинет, по мысли американских дипломатов, мог бы возглавить умеренный буржуазный государственный деятель Финляндии Ю. К. Паасикиви, к которому, как утверждалось, Молотов «остаётся благосклонным». По сложившимся тогда представлениям у второго секретаря американского посольства Чарльза Болена, именно таким образом «сохранился бы вид преемственности народного демократического правительства Финляндии и Советский Союз получил бы все, что предусмотрено в договоре с правительством Куусинена»³⁶.

Но эта идея также, как известно, не получила своего развития. В целом было очевидно, что признание «правительства Куусинена» ни коем образом не входило в планы Запада. Там существующую в Финляндии власть продолжали рассматривать в качестве единственной и законной. Также финское руководство рассматривали и в качестве потенциального союзника в деле продолжения борьбы против СССР. Эти представления в годы войны существовали как в Лондоне, так и в Париже. Те же взгляды выражали и в рейхе³⁷. Наиболее ярко данная тенденция проявилась уже в феврале 1940 г., когда Верховный совет союзников принял решение направить в Финляндию регулярные войска, а из Берлина наоборот последовала рекомендация в Хельсинки идти на любых условиях при подписании с Советским Союзом мирного договора. Конкретно тогда Г. Геринг финскому руководству прямо указал: «Мир надо заключить даже на тяжелых условиях, потери можно будет возратить в будущем»³⁸. Из этой фразы можно, фактически, понять то, как в рейхе относились к «терийокскому правительству».

В итоге идея провозглашения «финского народного правительства», с точки зрения международного признания, была обречена на провал. Это в Москве уже поняли к началу 1940 г. А 29 января в Хельсинки получили сообщение о готовности СССР вступить в непосредственные контакты для мирных переговоров с реальным правительством Финляндии. Как не без удовлетворения в своих мемуарах отметил министр иностранных дел Финляндии В. Таннер, «это свидетельствовало, что правительство Отто Вилле Куусинена выброшено за борт»³⁹. Таким образом идея возможного международного признания «кабинета» Куусинена явно утрачивала свою прежнюю актуальность, и Москве оставалось лишь подумать, как побыстрее забыть факт провозглашения «терийокского правительства». В целом роспуск «народного правительства Финляндии» в Советском Союзе состоялся очень тихо. Об этом, как на завершающей стадии войны, когда в Москве шли переговоры с Финляндией о прекращении боевых действий, так и уже после подписания мирного договора, даже не было официально объявлено. Лишь спустя неделю после того, как боевые действия прекратились, 21 марта 1940 г. О. Куусинен, а также некоторые другие члены «правительства» были приглашены в Кремль и приняты лично И. В. Сталиным⁴⁰. Очевидно, именно тогда и решились дальнейшие перспективы бывших членов этого «правительства».

О том, каковы же были их перспективы, стало известно спустя несколько дней. 24 марта Политбюро ЦК ВКП(б) «признало необходимым» принять решение о преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику⁴¹, в руководство которой собственно и вошел О. В. Куусинен. Никакого международного признания этой республики, естественно, уже не требовалось. Затем же 29 марта 1940 г. на XVI сессии Верховного Совета СССР В. М. Молотов сообщил, что в результате подписания мирного договора с Финляндией «встал вопрос о самороспуске Народного Правительства, что и было осуществлено».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 12.

² Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 2588. Оп. 13. Д. 30. Л. 6.

³ *Лайне А.* Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 224. См. также: *Rentola K.* Stalin ja suomen kohtalo. Hels., 2016. S. 34–35.

⁴ См.: *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972. S. 68–69.

⁵ Правда. 1939, 5 декабря.

⁶ Там же. 3 декабря.

⁷ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 140; Правда. 1939, 5 декабря.

⁸ Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII, кн. 2. М., 1992. С. 396, 400.

⁹ См.: Ленинградская правда. 1939, 4 декабря.

¹⁰ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 140; Правда. 1939, 5 декабря.

¹¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-1877. Оп. 1. Д. 93. Л. 16; Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 188. Л. 34.

¹² См.: *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana.* Hels., 1951. S. 172.

¹³ См.: *Ibid.* S. 180.

¹⁴ *Rentola K. Stalin ja suomen kohtalo.* S. 33.

¹⁵ *Ibid.* S. 28.

¹⁶ Документы внешней политики СССР. С. 363–364, 418, 423, 444; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. М., 1990. С. 187–188; От пакта Молотова—Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990. С. 213–214.

¹⁷ Документы внешней политики. 1939 год. С. 351; Зимняя война // Международная жизнь. 1989, № 12. С. 217.

¹⁸ Документы внешней политики. 1939 год. С. 366.

¹⁹ *Странга А. Гибель государства // Даугава, 1990, № 5.* С. 86.

²⁰ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D (1937–1945). Vol. VIII. Washington, 1954. p. 687. Конкретно И. В. Сталин сказал следующее: «Я поднимаю свой бокал за здоровье честного и работающего финского народа, но я поднимаю бокал также за здоровье правительства демократической Финляндии» (См.: Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 гг. Сборник документов. М., 2019. С. 188).

²¹ *Rentola K. Stalin ja suomen kohtalo.* S. 33.

²² См.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 12; Документы внешней политики. 1939 год. С. 201.

²³ Документы внешней политики. 1939 год. С. 634.

²⁴ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. P. 707.

²⁵ Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 гг. С. 168.

²⁶ Там же. С. 174.

²⁷ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. М.: Международные отношения, 1990. С. 246.

²⁸ Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 гг. С. 169, 174.

²⁹ От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. С. 213–214.

³⁰ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. P. 687.

³¹ *Jakobson M. The Diplomacy of the Winter War. An Account of the Russo-Finnish War, 1939–1940.* Cambridge; Massachusetts, 1961. P. 185.

³² Дембский С. Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг. М., 2017. С. 324.

³³ Цит. по: Там же. С. 324.

³⁴ Цит. по: Там же. С. 324–325.

³⁵ Цит. по: Там же. С. 324.

³⁶ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 398.

³⁷ См.: Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб., 2004. С. 80–90.

³⁸ Цит. по: *Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota*. Keuruu, 1975. S. 110. Подробно см.: Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2012. С. 56; Барышников В. Н. Герман Геринг и проблема окончания «зимней войны» // Скандинавские чтения 2008 года. СПб., 2010. С. 144–154; Барышников В. Н. Роль Германии в окончании советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2009. № 2. С. 236–263.

³⁹ *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana*. S. 235.

⁴⁰ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1996, № 2. с. 12.

⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3 (ПБ). Д. 1017. Л. 6.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 80–90.

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 93–102.

Барышников В. Н. Роль Германии в окончании советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2009. № 2. С. 236–263.

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб. Изд-во РХГА, 2012. 196 с.

Барышников В. Н. Цели СССР в «зимней войне» в контексте возникновения терийокского «правительства» // Терийоки (Зеленогорск), 1548–1998. История, культура, традиции: Посвящается 450-летию города. Санкт-Петербург, 1999. С. 64–68.

Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 гг. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2019. 448 с.

Дембский С. Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг. М.; Политическая энциклопедия, 2017. 814 с.

Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета; Kikumora publications, 1998. С. 223–250.

От пакта Молотова—Риббентропа до договора о базах. Таллинн: «Периодика», 1990. 214 с.

Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. М.: Международные отношения, 1990. 539 с.

Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб: ООО «Издательство Полигон», 2000. 544 с.

Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D (1937–1945). Vol. VIII. Washington: Publisher. United States Government Printing Office, 1954. 974 p.

Jakobson M. The Diplomacy of the Winter War. An Account of the Russo-Finnish War, 1939–1940. London: Oxford University Press, 1961. 281 p.

Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty. Hels.: Tammi, 1972. 306 s.

Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. Keeruu: Otava, 1975. S. 255.

Rentola K. Stalin ja suomen kohtalo. Hels.: Otava, 2016. 240 s.

Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels.: Tammi, 1951. S. 439.

О. Ю. Пленков

НОРДИЧЕСКАЯ МИСТИКА ГИММЛЕРА И ИССЛЕДОВАНИЯ «АНЕНЭРБЕ» В КАРЕЛИИ*

«Аненэрбе» (наследие предков), полное название организации «*Studiengesellschaft für Geistesgeschichte Deutsches Ahnenerbe*» («Общество изучения духовной истории немецкого наследия») было основано Генрихом Гиммлером, «аграрным папой» нацистов Вальтером Дарре и историком Германом Виртом 1 июля 1935 г.

Предыстория «Аненэрбе» началась с выставки, которую голландско-немецкий профессор Герман Вирт открыл 23 июля 1933 г. Язычник и оккультист Фридрих Хильшер порекомендовал посетить выставку Гиммлеру. Последний был буквально потрясен увиденным. Обрадованный Вирт же подсовывал ему все новые артефакты: «Хроники Ура Линды» (XVIII век, на староголландском языке) о жизни древних германцев, германский меч, которому 6 тысяч лет. Гиммлер предложил Вирту создать на базе фондов выставки институт «Наследие предков». Вирт был автором нескольких работ («Происхождение человека», «Хроники Ура Линда», «Протописьменность человечества», «Вавилонский вопрос»), отстаивал мысль, что у истоков современного человечества стоят две проторасы: нордической расе принадлежит заслуга создания цивилизации, южная же раса не способна к созидательному труду, её удел — подражание и зависть¹.

На выставке были представлены различные артефакты — оружие, окаменелости, которые должны были показать, что германцы первыми перешли к сложному земледелию, научились обращаться с металлами, освоили ремесла². Особое место занимали руны, которые, на взгляд Вирта, были прочно связаны с «чистой расой», и куратор старался удлинить их возраст. Вирт собрал руны со всей планеты — от Палестины до Ла-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

брадора, оценивая их возраст в 12 тыс. лет. На самом деле письменность началась не более 5 тыс. лет назад у финикийцев (семитов). Вирт и его последователи верили в то, что всеми своими достижениями от Шумер до инков человечество обязано арийцам. Напротив, евреи, в мировоззрении нацистов, представляли исключительно как разрушители культуры. Они обладали исключительным свойством проникать внутрь культуры и разрушать ее изнутри. Это утверждение совершенно не соответствовало истине — между 1901 и 1939 гг. 21 еврейский ученый удостоился Нобелевской премии. 30% ученых из Германии, получивших Нобелевскую премию, были евреями.

После основания «Аненэрбе» постепенно монополизировало древнегерманские исследования — все научные группы, занимавшиеся сходной проблематикой, были интегрированы в состав «Аненэрбе». К 1937 г. «Аненэрбе» насчитывала почти пятьдесят институтов. На исследования «Аненэрбе» были израсходованы солидные суммы, исследования велись с огромным размахом. «Аненэрбе» организовывало экспедиции на Канарские острова, в Ирак, Финляндию, Боливию, Тибет, Скандинавию, Ближний Восток. К 1939 г. в «Аненэрбе» было 137 научных сотрудников по платежным ведомостям и 82 вспомогательных работника — фотографов, библиотекарей, лаборантов, секретарей и пр.

Как формулировал Гиммлер, эта организация должна была заниматься научным исследованием арийских древностей вплоть до каменного века. Второй задачей ведомства было доведение полученных сведений до немецкой публики путем организации музейных экспозиций, публикации книг и статей, организации научных конференций.

Целью «Аненэрбе» было проведение исследований «локализации духа», свершений и наследия индогерманской расы³. В принципе, эти странные увлечения Гиммлера не были оригинальными: так же поступали и представители других европейских наций. К примеру, о христианской Руси известно очень мало, поэтому русские националисты использовали преимущественно мифы; для утверждения представлений о превосходных качествах своей нации чешские националисты использовали так называемую «Краледворскую рукопись» якобы тысячелетней давности. Понадобился авторитет основателя Чехословацкого государства Т. Г. Масарика, чтобы положить конец распространению подделки. В России наибольшую известность получила фальшивка «Влесова книга», в которой утверждалось, что в России еще до принятия христианства существовала великая цивилизация, восходящая к 1000 г. до нашей эры. Оживил идеи «Влесовой книги» доктор исторических наук Скурлатов, который хотел доказать, что именно русские — истинные арии, раса суперменов... Скурлатову не удалось убедить историков, но его

проповеди нашли спрос у романистов вроде Владимира Чивилихина, чей роман-эссе «Память» (Государственная премия 1982 г.) был опубликован в начале 1980-х гг.⁴ Такие фальсификации схожи с тем, что делали в «Аненэрбе», которое систематически занималось собиранием (и подделкой) свидетельств о «славном» языческом и арийском германском прошлом.

Также и «Аненэрбе» занималось мифотворчеством. Ученые этого заведения должны были намеренно искажать действительность в угоду расовым мифам, являвшимся основой нацистского режима. Некоторые ученые сознательно подгоняли свои находки под требуемые цели, другие прямо искажали факты в угоду доктрине. В «Аненэрбе» даже цыганскую культуру воспринимали как арийскую. Вальтер Вюст в 1939 г. в своей публичной лекции указывал, что «с помощью изучения цыганских легенд, которые в оригинале рассказывались на индоарийском диалекте, можно было показать сокровище арийской мысли и арийского восприятия, которые не были возвращены»⁵.

Впрочем, за короткий период существования рейха активисты «Аненэрбе» совершили столько экспедиций в разные точки планеты, изучили столько древних книг, проанализировали такое количество артефактов — подобного не было осуществлено за весь предшествующий период существования человечества. Они искали не только доказательства превосходства арийцев и их права управлять судьбами мира. Они искали технические тайны, которые, как они — и справедливо — считали, могут быть скрыты среди мифов, легенд. Их интересовало, какие знания были доступны в прошлом и затем безвозвратно утеряны. Если учесть, что в рейхе были очень хорошие талантливые инженеры, то иногда какая-то малозначительная, на обычный взгляд, деталь могла подтолкнуть мысли в правильном направлении⁶.

Вскоре Гиммлер и Вирт разошлись, поскольку Вирт ориентировался на исторические и теоретические изыскания, а Гиммлер хотел практической пользы. Вирт не понимал, какая может быть практическая польза от древностей, знание о которых уже чудо? В 1937 г. Вирта изгнали (умер немецко-голландский исследователь в 1981 г. в возрасте 95 лет). Его заменили на Карла Виллигута. Он был офицером (майором) в Австро-Венгрии в войну. В 1920 г. он познакомился с Ланцом фон Либенфельсом. Виллигут утверждал, что германцы написали Библию. История древних германцев, утверждал Виллигут, началась 200 тыс. лет назад. Свой собственный род Виллигут скромно сделал менее древним — 80 тыс. лет, когда был основан город Гоцлар. Не случайно однажды в 1924 г. жена и дочь отправили его в психбольницу, настолько дикими были его фантазии.

В 1933 г. Гиммлер, очарованный красноречием Виллигута, сделал его руководителем отдела германских древностей. Вскоре он стал группен-

фюрером (генералом). В отличие от Вирта Виллигут представлял Гиммлеру различные проекты, могущие дать сверхъестественную силу, невероятные способности. К примеру, он предлагал исследовать рунические надписи в поисках очень древней, но не стареющей мудрости. Гиммлер сам обладал иррациональным складом ума и свято верил в оккультные практики.

Иные ученые из «Аненэрбе» поднимали голос против профанаций Виллигута, но Гиммлер заставил их замолчать. Гиммлер назначил Виллигута руководителем строительства замка Вевельсбург — орденового замка СС. На основании ирминистского ритуала (сторонники ирминистической религии отвергали языческий культ Вотана и молилась германскому богу *Krist*, который, по мнению Виллигута, был впоследствии заимствован христианской религией) был изобретен ритуал посвящения в СС.

Виллигут разработал и другие праздники: праздник весны, праздник урожая, зимнего и летнего солнцестояния. Виллигут уточнял тонкости ирминистической религии, составлял всевозможные мантры, календари, астрологические прогнозы⁷. Завистники нашептали Гиммлеру про его пребывание в психической лечебнице и Виллигут был уволен в 1939 г.

В феврале 1937 г. к «Аненэрбе» был присоединен «Pflegestätte für indogermanische-finnische Kulturbeziehungen» («Ведомство исследований индогерманско-финских культурных связей»). Его руководителем стал немецкий финн Юрьё фон Грёнхагеном (Yrjö von Grönhagen)⁸.

С помощью знаний, добытых учеными «Аненэрбе» (в том числе и Грёнхагеном) Гиммлер планировал культивировать арийскую культуру в Германии и Европе, везде, где обнаружены были следы предков — арийское мышление, ритуалы, религия, народная медицина, образ мысли. Первый руководитель «Аненэрбе» — эксцентричный транжир и мот Герман Вирт, человек очень увлекающийся, но обладавший большим личным шармом, что и помогало ему увлекать своими проектами других людей. Так, одной из его выдумок были поиски самых древних в мировой истории арийских письмен в Швеции. Молодому финну аристократического происхождения Ю. Грёнхагену Гиммлер поручил искать в восточной Финляндии следы древних арийских культов и ритуалов, с целью затем использовать их в эсэсовских обрядах.

Тонкого знатока классической истории Франца Альтхайма и его помощницу Эрику Траутман Гиммлер отправил с теми же целями сначала в Хорватию и Сербию, а затем в Ирак с тем, чтобы они выяснили роль белокурых арийцев в Римской империи. Продавшийся нацистам голландский историк древности Ассъен Бомерс приступил к поискам ключей к разгадке происхождения древних ариев в южной Франции. Тем-

пераментный и вспыльчивый Эрнст Шёфер и Бруно Бергер, эксперт СС по расовым вопросам, были направлены с той же целью в Тибет — искать следы арийского завоевания Гималаев. Во время войны с СССР Гиммлер отправил на поиски следов ариев в Крыму Герберта Янкуна. Находки последнего должны были «теоретически» подтвердить «право» нацистов на переселение в Крым немцев, и, соответственно, вытеснение (уничтожения) оттуда других народов. После захвата немцами Крыма Гиммлер отправил туда ученых из «Аненэрбе» Эрнста Шёфера и Бруно Бергера для изучения происхождения местных евреев, которых уничтожали опергруппы СД. Бергер в Крыму собрал для «научных целей» коллекцию еврейских скелетов⁹.

После экспедиции «Аненэрбе» в Швецию (там работал Герман Вирт), Гиммлер финансировал экспедицию в Карелию в поисках древней арийской культуры колдовства и магии. Ее возглавил Грэнхаген, который был совершенно неискушенным исследователем, даже не имевшим систематического образования, но совершенно очарованным карельской культурой и народным творчеством. Особенное впечатление на него произвел карело-финский древний эпос «Калевала». Собравший древние тексты в народе Элиас Лённрот опубликовал их в 1835 г. Он защитил диссертацию по одному из персонажей «Калевалы» Вяйнямёйнену.

В 1935 г. Грэнхаген опубликовал статью о финском эпосе во Франкфуртской газете. Статья называлась «Страна героев», что перекликалось со знаменитой формулировкой Вернера Зомбарта о Германии как стране героев в противовес Англии — «стране торгашей». Гиммлер был захвачен этой статьей, сразу поверив в то, что в этом эпосе ключи к арийским древним верованиям, культуре и обычаям. Разумеется, Гиммлер не был одинок в своем восхищении «арийскими» древностями. Среди ультра-националистов это было обычным делом. У них особенным вниманием пользовалась «Песнь о Нибелунга», по смутным мотивам которой Вагнер сочинил знаменитый цикл опер «Кольцо Нибелунгов». Также популярна была исландская сага «Эдда», вдохновившая Дж. Толкиена на создание эпопеи «Властелин колец». Интересно, что Толкиен в 1944 г. проклинал Гитлера за то, что он испортил, извратил, приплел ни к месту и обрек вечному проклятию тот благородный духовный вклад Севера в сокровищницу Европы. Между тем, в простом и прекрасном мире фантазии, как в споре «нордической хвои», архетипически содержится все, что нужно для прорастания нацизма — деление разумных существ на расы, закрепление за расами устойчивых моральных качеств, социального статуса, неизбежность войн между расами, культ героев, манихейское разделение мира на «плохих» и «хороших», отсутствие «презумпции невиновности» по отношению к «плохим расам»¹⁰.

Нацисты считали, что «Эдда» является важнейшим источником арийской интеллектуальной истории. Основатель «Общества по изучению Эдды» Джон Горслебен был автором книг с говорящим названием «Высший расцвет человечества»¹¹. Горслебен часто публиковал различные тексты на эту тему в правом листке «Deutsche Freiheit» и Гиммлер с удовольствием это читал. Они его убеждали в том, что некая катастрофа разрушила древнюю культуру, которая по уровню своего развития была гораздо выше современной. Со временем Гиммлер находил все новые перлы арийской мудрости — не только в «Эдде», но и в «Песне о Нибелунгах», других древних легендах Северной Европы. Гиммлер стремился приспособить их для собственных целей. После прочтения статьи Грэнхагена о «Калевале» он предложил ему сотрудничество в 1935 г.

Грэнхаген был романтическим идеалистом, он родился в 1911 г. в Санкт-Петербурге в семье русско-финляндской знати по линии матери и шведско-немецко-голландской — по линии отца. Его старший двоюродный брат сражался на стороне «белых» в Гражданской войне и был расстрелян «красными» в 1920 г. в Москве.

После окончания гимназии его определили стажером в финское консульство в Париже. В 1933 г. Грэнхаген решил изучать в Сорбонне антропологию с тем, чтобы заняться тем, о чем он мечтал — полевыми этнографическими исследованиями в Индии. Весной 1935 г. он планировал осуществить экспедицию из Парижа до Хельсинки, изучая по дороге «практическую социологию», и приступил к реализации своего плана. Через Францию и Бельгию Грэнхаген попал в Германию, которая вследствие языка показалась ему особенно близкой и притягательной. Он еще ребенком изучал немецкий, а нацисты ему были весьма «симпатичны» по причине антибольшевизма.

После публикации статьи Грэнхагена о «Калевале», некоторое время спустя после принятия Нюрнбергских законов, молодой финн встретился 1 октября 1935 г. с Гиммлером. Оба провели дружественную беседу. После этой беседы Гиммлер отметил в своем дневнике: «немцы и финны никогда не забудут, что имели общих предков».

Гиммлер сразу проявил личный интерес к привлекательному молодому антропологу с утонченными аристократическими манерами и немецкой родословной. Разговор с Грэнхагеном убедил Гиммлера в «арийском происхождении» финнов.

На самом деле в финском языке, как известно, было очень мало общего с индоевропейскими языками. Но эта лингвистическая классификация «действовала на нервы» немецким ультра-националистам — если финский язык не индоевропейский, то как возможно, что «они являются арийцами»? Иные считали, что финны — это «потомки» монголов или

древних венгров. Грэнхаген же был твердо убежден в том, что первобытные финны жили между Скандинавией и Черным морем. Он считал, что финны — «кровные братья» арийцев и у них общие предки.

Гиммлеру очень понравилось то, что Грэнхаген говорил о «Калевале». Особенно то, что Грэнхаген подчеркнул, — что народы Карелии, чьи песнопения увековечены в «Калевале», до сих пор сохраняют многое из древних обычаев и религиозных верований. В самом деле, финские исследователи фольклора отмечали, что отдаленные территории Восточной Карелии находились под влиянием язычества, во многих местах практиковались традиционные формы либо тотемизма и анимизма, а также политеизма. В Карелии наблюдатели до последнего времени отмечали магические практики вызова духа предков, обращения к богам, которые предсказывали будущее, могли помочь при родах, лечить болезни, защищать семьи от всяческой скверны.

Грэнхаген отмечал, что вся жизнь крестьян наполнена языческими обычаями и песнопениями. Особенно это относится к врачеванию, в котором «огромную роль играют разные заговоры, являющиеся частью веры народа». Гиммлера это просто заинтриговало... И он отправил юного финна к Карлу-Марии Виллигуту, бывшему пациенту психиатрической лечебницы, у которого арийцы были идефикс. На шефа СС он производил просто магическое воздействие. Он его считал способным «вбирать мудрость предков, будучи в трансе». На посторонних наблюдателей он производил впечатление помешанного на рунах. Среди здравомыслящих эсэсовцев у него были кличка «Weise Tor» («Мудрый дурень»). Именно по совету Виллигута Гиммлер сделал Вевельсбург главным орденом замком СС. Эпизод в автомобиле, когда у Виллигута пошла пена изо рта и он остановил машину, побежав в поле, и встал именно в определенном месте — где, по его мнению, было когда-то древнее поселение. Гиммлер был в полном восторге...

Гиммлер в разговоре с Виллигутом высказал желание, чтобы тот оценил молодого финна и его интригующие суждения. Грэнхаген и Виллигут несколько раз встречались. Как выяснилось после этих встреч, молодой финн выдержал испытания и вскоре Гиммлер предложил ему работать в «Аненэрбе». Юный антрополог начал работать 1 ноября 1935 г. Его первым заданием было вернуться в Финляндию для работы в архиве финского Литературного общества. В этом архиве хранились оригиналы полевых записей Элиаса Лённрота и других крупных финских фольклористов и экспертов, изучавших «Калевалу». Эти исследования, как считали Гиммлер и Виллигут, должны быть полезными во многих отношениях. Они должны были подготовить Грэнхагена к полевым исследованиям в Карелии, собиранию и записям древних мифов и магических песнопений.

ний. Виллигут считал, что исследование древних арийских магических церемоний пригодится для использования их в СС.

Гиммлер всегда стремился заменить христианские ритуалы и церемонии «более арийскими» древними ритуалами. Он верил, вслед за Виллигутом, что солнце играло центральную роль в исконных религиях древних ариев. Придерживаясь такой мысли, он хотел сделать празднование летнего солнцестояния фестивалем жизни, а зимнего — поминовение мертвых и почитание предков. Поэтому Гитлер и поручил Виллигуту и профессору Карлу Дибичу изучить эти древние ритуалы и разработать соответствующий церемониал в соответствии с древними обычаями для СС. К тому времени эти двое уже создали церемониал для СС, заменяющий христианское крещение новорожденного.

Будучи в экспедиции в Финляндии, Грэнхаген переписывался с Гиммлером и Виллигутом, держа их в курсе дел. По совету Виллигута Грэнхаген нанял финского художника для зарисовок с натуры — Оля Форселла. Еще более серьезной проблемой для Грэнхагена было отсутствие у него музыкального образования для нотной записи мелодий песен. Виллигут рекомендовал ему доктора Фрица Бозе, музыковеда из университета Берлина. Бозе был членом партии и сам себя позиционировал как специалиста по расовым вопросам в сфере музыки. Вслед за Вагнером он был твердо убежден в том, что раса накладывает решительный отпечаток на музыкальное творчество. В возрасте 28 лет Бозе стал главой Берлинского акустического института.

Гиммлер был уверен, что Бозе, вооруженный теорией о взаимосвязи расы и музыкального творчества, сможет установить являются ли арийскими или родственными им заклинания и песнопения Карелии. Бозе был рад этому назначению. Он вступил в СС, был назначен в RuSHA (расовое и переселенческое ведомство СС) и состоял в личном штабе Гиммлера. Бозе тщательно подготовился к экспедиции — он смог обеспечить высокое качество звукозаписи благодаря использованию незадолго до этого изобретенному магнитофону.

В июне 1936 г. Грэнхаген, Форселл и Бозе прибыли в Выборг, откуда они направились на северный берег Ладожского озера в поисках волшебников и магов с их заклинаниями и обрядовыми песнопениями. На Грэнхагена особое впечатление произвел визит к Тимо Липитсё, известному среди финских фольклористов исполнителю традиционных песнопений. Этот человек никогда не посещал школу, был неграмотным, как Грэнхаген писал впоследствии, не знал ничего о современной цивилизации, технике. Когда Грэнхаген попросил его исполнить стихи из «Калевалы», тот сказал, что не знает, что это такое, но взявшись за руки со своим сыном, они запели «про сотворение мира», эти руны как раз были опубликованы

незадолго до этого в новом издании «Калевалы». Грёнхаген был сражен: «они пели на древнем языке, не имея даже представления о том, что существуют ученые исследования об этом песнопении».

Бозе, несмотря на свою озабоченность качеством записи, также был очарован представлением рунопевцев. Бозе отмечал, что при исполнении песнопения казалось, что старик впадал в транс. Эффект от его способа представления «Калевалы» был полный — слушатели были просто вне себя от восторга. В заключении представления Грёнхаген попросил Липитсё позировать для фото, что тот и сделал.

В другой маленькой карельской деревне трио фотографировало и записывало выдающегося карельского сказителя и рунопевца Ханнеса Форнанена, который пел, играя на кантеле. Этот музыкальный инструмент, с его совершенно неясным темным происхождением, особенно заинтересовал Бозе. Он считал, что в соответствии со старинным рунопением, именно один из героев «Калевалы» Вяйнямёйнен создал первую кантеле «из челюсти щуки». Это, как полагал Бозе, как и другие аргументы, было исключительно в пользу финского происхождения кантеле. В целом, Бозе утверждал, что кантеле — это инструмент «чисто арийского происхождения», что особенно обрадовало Грёнхагена, обеспокоенного возражениями против арийского происхождения финнов¹².

Затем троица переместилась в леса у деревни Салми на реке Тулемайоки. Там Грёнхаген особенно был впечатлен 92-летней колдуньей Мирон-Аку, она ошарашила его, заявив, что несколько дней назад видела его во сне и поняла, что он хочет выведать ее секреты, что ее до крайности обеспокоило. Грёнхаген пытался ее успокоить. Бозе записал на магнитофонную пленку ее пророчества в отношении будущего, но после того, как они дали старушке прослушать ее же речи, она была до крайности расстроена и сказала, что из-за этого она утратила всякую способность провидчества.

Потом команда Грёнхагена переместилась дальше. Грёнхаген особенно старательно описывал обычаи Карелии, связанные с сауной, «древним финским изобретением», поскольку финские «знахари» свято верили в то, что сочетание воды и огня имеет особенно большой врачевательный эффект. Впоследствии Гиммлера особенно заинтересовали финские обычаи врачевания, связанные с сауной, и он распорядился использовать это в эсэсовской практике.

Бозе пополнил свою коллекцию звукозаписей. Он особенно гордился записью старинного танцевального песнопения «Путешествующие» и «Дети на скале», он записывал старинные колыбельные песни, песни, которые исполняли во время работы, патриотические распевы, обрядовые женские плачи, которые его особенно потрясли. В целом команда Грёнхагена записала свыше сотни песен, песнопений и инструментовок,

а Бозе мог твердо высказать свое мнение об именно арийском происхождении «Калевалы», бывшей по его мнению «самым старым проявлением нордической культуры», по его мнению восходящим даже к доарийским временам.

По возвращению из экспедиции фон Грэнхаген отправил Гиммлеру отчет о ней, а также фотографию Тимо Липитсё с кантеле во время исполнения им рунического песнопения «о сотворении мира». Позже, во время визита к Гиммлеру, фон Грэнхаген увидел фото Липитсё над рабочим столом рейхсфюрера СС.

Позже фон Грэнхаген опубликовал отчет об экспедиции в археологическом журнале «Germanien», который частично принадлежал «Ане-нэрбе». В статье рассматривались карельские магические песнопения. С журналистским красноречием фон Грэнхаген описал вековые обычаи изгнания «карельскими колдуньями» злых духов во время обряда похорон, а также обряд излечения хворей в сауне.

В Хельсинки, однако, финские ученые отнеслись к предприятию в восточной Карелии Грэнхагена с подозрением, не без оснований подозревая, что материалами экспедиции нацисты будут манипулировать в собственных идеологических целях. В 1936 г. директор фольклорного архива и председатель Финского литературного общества Мартти Хаавио рекомендовал своим карельским корреспондентам отказаться от сотрудничества с фон Грэнхагеном.

Сам Грэнхаген не очень распространялся о трудностях у себя на родине. 27 января 1937 г. он и Бозе были дома у Гиммлера в Берлине. Гиммлер и его жена Марга были в восторге от рассказов о Карелии. Гиммлеру так понравился кантеле, что визитеры решили его подарить рейхсфюреру. Впоследствии Гиммлер распорядился приобрести еще десять кантеле для эсэсовских ритуалов. Более того, он также потребовал от них продолжить исследования в этом направлении, а главному психотерапевту СС, доктору Эрнсту-Роберту фон Гравитцу приказал приступить к изучению использования сауны для СС.

Далее, месяц спустя Гиммлер назначил Грэнхагена руководителем нового отдела индо-германо-финских исследований, что было весьма лестно для 26-летнего финна, не имевшего даже законченного образования. Задачей его отдела было доказательство общего в происхождении арийцев и финнов. Самым главным приоритетом было изучение метафизического значения «Калевалы», а также исследования магии, заговоров, рунического песнопения.

На следующий 1938 г. фон Грэнхаген отправился во вторую летнюю экспедицию в Карелию, она растянулась на пять месяцев. Он снял на киноплёнку много материалов о традиционном церемониале празднования

летнего солнцестояния. Также он привез в Берлин пару сотен книг о финской культуре для библиотеки «Аненэрбе».

Но во время отчета штандартенфюреру СС Вальтеру Вюсту (профессору Мюнхенского университета, квалифицированному индологу и востоковеду, полиглоту), тот подверг его безжалостному разгрому. Грёнхаген не смог ответить ни на один вопрос, касающийся родственных связей финского языка и языков индоевропейской группы. После этого разноса Вюст написал Гиммлеру докладную записку о том, что знания Грёнхагена совершенно недостаточны для работы на месте заведующего отделом «Аненэрбе». По мнению Вюста, единственным выходом было послать Грёнхагена учиться. Геббельс, несмотря на симпатии к молодому финну, вынужден был признать правоту Вюста. Грёнхагена, к его огорчению, понизили в должности до простого исследователя и отправили учиться. Больше он с Гиммлером не встречался¹³.

Во время «зимней войны» Грёнхаген устремился в финскую армию, чтобы «защитить страну от большевизма». После подписания перемирия в марте 1940 г. он вернулся в Берлин. Некоторое время он работал на финский МИД в качестве сотрудника, ответственного за финско-германское культурное сотрудничество. В этом качестве он написал серию книг о Финляндии для немецких читателей, продюсировал радиопередачу о Выборге на немецком радио, а также документальный фильм «Мир для Финляндии». Будучи в информационном бюро финского МИДа, Грёнхаген разрабатывал теорию финского жизненного пространства, которое должно было включать Восточную Карелию и Ингерманландию.

Когда закончилась война, финский МИД перевел Грёнхагена в Осло, где он и был репатриирован как военнопленный. Английские следователи освободили Грёнхагена от всякой ответственности и от всяких связей с СС. Грёнхаген хотел вернуться к своим штудиям «Калевалы», хотя все его магнитофонные записи были утеряны. Финские фольклористы избегали его за приверженность к расовому учению нацистов и за убеждение, что финны — «это арийцы». Выдающийся финский ученый, академик Кустаа Вилкуна публично обвинил Грёнхагена, что тот немецкий шпион, маскировавшийся под фольклориста. Двери академических учреждений для него были закрыты.

В 1947 г. Грёнхаген опубликовал книгу «Секретное общество Гиммлера». Одно время Грёнхаген работал переводчиком с русского в доках, а затем купил и содержал отель в Лапландии. В 1964 г. он некоторое время работал на Крите в секретариате екуменического ордена Св. Константина. Умер в 2002 г. в возрасте 92 лет¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Краниц Х. У., фон. Аненэрбе. «Наследие предков». СПб., 2006. С. 75.*
- ² Там же. С. 64.
- ³ *Равенскрофт Т. Копье судьбы. СПб., 1998. С. 276.*
- ⁴ *Kater M. Das „Ahnenerbe“ der SS. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches // Studien zur Zeitgeschichte, 1974, Bd. 6. S. 173.*
- ⁵ *Gilad M. Germany and its Gypsies. Madison, 2002. P. 42.*
- ⁶ *Паль Л., фон. Аненэрбе: Оккультный демарш. М., 2012. С. 172.*
- ⁷ *Kater M. Das „Ahnenerbe“ der SS. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. S. 85.*
- ⁸ *Ibid. S. 45.*
- ⁹ *Pringle H. The Master Plan. Himmler's Scalars and the Holocaust. New York, 2006. P. 12.*
- ¹⁰ *Кудрин О., фон. Кихот Готический // Вопросы литературы. 2011, № 12. С. 347–349.*
- ¹¹ *Pringle H. The Master Plan. Himmler's Scalars and the Holocaust. P. 463.*
- ¹² *Ibid. P. 87.*
- ¹³ *Ibid. P. 98.*
- ¹⁴ *Ibid. P. 303.*

ЛИТЕРАТУРА

- Краниц Х. У., фон. Аненэрбе. «Наследие предков». СПб.: Вектор, 2006, 189 с.*
- Кудрин О., фон. Кихот Готический. // Вопросы литературы, 2011, № 12, с. 330–350.*
- Лакёр У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М.: Текст, 1994, 430 с.*
- Паль Л., фон. Аненэрбе: Оккультный демарш. М.: АСТ, 2012, 270 с.*
- Равенскрофт Т. Копье судьбы. СПб.: Амфора, 1998. 305 с.*
- Gilad M. Germany and its Gypsies. Madison: Paperback, 2002, 351 p.*
- Kater M. Das „Ahnenerbe“ der SS. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches // Studien zur Zeitgeschichte, 1974, Bd. 6. S. 164–180.*
- Pringle H. The Master Plan. Himmler's Scalars and the Holocaust. New York.: Hyperion, 2006, 463 p.*

J. Bäckman

**THE TRAGEDIES OF SANDARMOKH:
FROM AN ANTI-STALIN CULT
TO AN ANTI-PUTIN PROPAGANDA CAMPAIGN***

FOREWORD

There is not much positive to say about the debate over the mass graves of Sandarmokh. Found in the late 1990s, the Sandarmokh forest in Karelian Republic, Russia, contains hundreds of mass graves. In 1997, the activists of the anti-communist organization “Memorial”, which is known to be financed from abroad, launched an anti-Stalin political cult around the graves, claiming they contain approximately 10000 victims of political terror of the late 1930s representing 58 nationalities. However, later professional Russian historians suggested the Sandarmokh graves might contain political prisoners executed or starved by Finns, who occupied Karelia during 1941–1944.

Exhumations were carried out in Sandarmokh in three phases: first in 1997 lead by “Memorial”-linked amateurs, later in 2018 and 2019 by search groups assisted by the Russian army. Exhumed bodies were given to Investigative Committee of Russia (equivalent of FBI in the U.S.) and results were published in August 2020. They showed that the Sandarmokh had 342 grave pits, of which 60% were empty and the rest contained up to 2000 bodies. The 16 exhumed bodies were 25–35 years of age, including females, buried in Soviet army clothes. Engravings in the shells point at Finnish army during the 1940s.

Thus the mystery of Sankarmokh was solved. But there was another tragedy: the fierce fight between the Russian liberals and Russian professional historians, and the aggressive anti-Putin propaganda in the Finnish anti-Russian press to defend the anti-Stalin cult of Sandarmokh. The fact is that the

*The author wishes to thank PhD Anastasiya Karaziya for her help in preparing the text.

Sandarmokh issue was not only the bitterest history dispute, but also the most politicized, and the most aggressive debate concerning a concrete historical event, for more than 20 years.

INTRODUCTION

The purpose of this article is to investigate three issues: 1) Who is buried in the mass graves of Sandarmokh forest in Karelia? 2) What kind of cult has been created around these mass graves? and 3) Who is behind the anti-Putin propaganda campaign against the scientific investigation of the graves?

The hypothesis is to say that there is in fact dual tragedy in this: 1) the tragedy of thousand innocent victims being executed or starved and buried unknown in mass graves, and 2) the tragic way of how these victims are abused by the liberal media and politicians in building a fake cult around the grave site for political purposes, in order to accuse the Russian state of falsifying and white-washing the history of political repression. A sub-version of the second tragedy of political abuse is the Finnish approach to the issue, claiming that a thousand Finns would be buried in Sandarmokh (or that up to 20,000 Finns would have been executed in political terror of the late 1930s).

There is huge amount of propagandistic information available about Sandarmokh in the Russian liberal media and Finnish media, claiming that Sandarmokh is the execution and burial site of up to 10000 victims of 58 nationalities. This cult also includes the idea that this version cannot be disputed, and if that happens, it would be an attempt to white-wash Stalinist crimes by the Putin regime. This version has been delivered worldwide in several “New York Times” articles, as well as materials in the Finnish tabloid “Ilta-Sanomat”, belonging to the anti-Russian media holding “Sanoma Corporation”. Also “The Washington Post” has joined the campaign.

However, for a long time, there was no scientific historiography about the Sandarmokh issue available, until in 2019, when Karelian professor Sergei Verigin and Karelian journalist Armas Mashin published their book titled “The Riddle of Sandarmokh”, on archival findings and analysis of politicized debate on Sandarmokh¹. The main problem is, that there is no primary source nor any kind of evidence showing, that victims of political terror of the late 1930s would have been executed and buried in Sandarmokh. However the logic of the creators of the anti-Stalin cult of Sandarmokh is, that most victims of political terror of the 1930s in Karelia, would have been buried in Sandarmokh.

In her book “Never Remember” (2018), Masha Gessen investigates also the Sandarmokh issue, explaining how “Memorial” activists Veniamin Iofe and Irina Flige identified the graves in 1997, on the basis of archival documents,

pointing at Solovki camp prisoners executed near Medvezhyegorsk in Russian Karelia. However, there is no indisputable evidence pointing at Sandarmokh as their burial site, not to mention that 10000 victims of 58 nationalities would have been buried there².

The first publication concerning Sandarmokh and the starting point for constructing the anti-Stalin cult, was a Russian-language book titled “Execution Site Sandarmokh” (1999), published by Karelian authorities and activists. The book contains lists of executed individuals compiled from the local archives. Significant part of the book is written in Finnish and consists of a listing of executed Finns. Although the publication claims all the individuals mentioned in the book were executed in Sandarmokh, even the editor of the book gives rather hesitating statement in the preface: “[...]I cannot give an official conclusion that they were shot in Sandarmokh. I know they’re there, but I can’t prove it”³. This is a clear evidence of the fact that even the creators of the cult did not have evidence that the Sandarmokh mass graves contain executed victims of political terror. But who are the victims then? Who is buried in Sandarmokh, why they were buried there, and why did they die?

THE KILIN-VERIGIN HYPOTHESIS AND ANTI-PUTIN REVENGE

The issue of Sandarmokh was raised again in an opinion piece by a leading Karelian historian, professor Juri Kilin, in the Finnish newspaper “Kaleva”, July 3rd 2016. Kilin is widely known expert in Soviet-Finnish war history. In his column, Kilin proposed a hypothesis suggesting that instead of victims of political repression, the Sandarmokh graves would contain Soviet prisoners of war executed or starved by Finnish occupiers during the Finnish occupation of Karelia 1941–1944. After professor Sergei Verigin, another well-known historian from Karelia joined Kilin in developing the idea, the initiative was called the “Kilin-Verigin hypothesis”. This was also the starting point of the scientific research of the Sandarmokh case.

It should be noted that the Finnish occupation regime in occupied Karelia during 1941–1944 was extremely harsh and cruel. Professor Sergei Verigin says the Finnish occupation regime was even more cruel than the German one, which is proven by the size and quantity of the Finnish concentration camps. Finns occupied the territory with approximately 86000 Soviet citizens. The Finnish occupation regime established in occupied Karelia 14 concentration camps for Soviet civilians, 42 camps for the prisoners of war, 34 labour camps, and nine prisons — all together about a hundred penitentiary establishments. Russian archives contain information about arbitrary execution of prisoners of war by

Finns and death rate of 100% at some of the camps. The Finnish scholar Lars Westermarck found out in 2009, that some Soviet prisoners of war were shot even before being taken to the camps and the murders were covered up by falsifying documents. Soviet prisoners of war were kept close to Sandarmokh as well⁴.

Later in 2019 Sergei Verigin published the first scientific inquiry about the Sandarmokh problem, together with his colleague, the Karelian journalist Armas Mashin. The book titled “The Riddle of Sandarmokh”⁵, published in Russian and Finnish⁶ in separate versions, suggests that the Finnish occupiers might have buried Soviet prisoners of war in Sandarmokh during 1941–1944. For the book, the journalist Armas Mashin compiled a unique media analysis on the politicized debates over Sandarmokh. It showed that some liberal journalists, scholars and politicians from Karelia joined Finns on building the anti-Stalin Sandarmokh cult and some of them even “defected” to Finland to avoid conflicts with the supporters of the Kilin-Verigin hypothesis. The clear goal of the supporters of the Sandarmokh cult was to prevent the exhumation and the scientific investigation of Sandarmokh, which was called “illegal” by the activists, although it was carried out with state support.

The anti-Russian part of the Finnish press reacted with a fierce campaign against the exhumation and Kilin-Verigin hypothesis. Especially Finnish popular tabloid “Ilta-Sanomat” launched an unheard of anti-Putin campaign, claiming that exhumations and the hypothesis were an attempt to falsify history and deny Stalinist crimes by the Putin regime and that the supporters of the Kilin-Verigin hypothesis were “3rd class historians” presenting “insane claims” and “living in KGB-bubble” of “Stalinist reality”⁷.

As we see, the Finnish anti-Russian press started to defend the anti-Stalin cult of Sandarmokh with another anti-Putin propaganda campaign. This makes us to think that the anti-Stalin cult of Sandarmokh was mostly planned and probably also financed by Finnish anti-Russian circles, who tried to create an anti-governmental cult site inside the Russian territory.

PERSONAL EXPERIENCE

My personal interest concerning Sandarmokh forest grave site is based on my work with the Russian-Finnish wartime history issues. In late 1990s, the Finnish press started to write about Sandarmokh. I visited the site first during wintertime in 2003. I noticed the place is gloomy, it is far away, hard to find, the roads are not necessarily good and have been much worse. It would be difficult to believe the site would have been accessible in the 1930s.

At the site, typical Karelian pines rise to heights. At the entrance of the site, there is a small temple including name lists of the political repression victims,

and a huge stone with the engraving “People, do not kill each other” (which is a quotation from a poem dedicated to Sandarmokh, by the Karelian poet Oleg Mishin, known in Finland as Armas Hiiri, and supported by Finns). There is huge amount of memorial items, such as stones, plates and crosses, for victims of a certain nationality or for individual victims, often with photographs. Everywhere around one can see large round graves which are easily recognisable since they have sunk a little into the ground.

When the history dispute started again in 2016, I followed the topic and asked to visit the exhumation site in August 2019 and was granted the right to observe the process. In principle the site looked the same: the small wooden temple, the big stone, maybe even more of the small memorial objects scattered in the forest, in addition to the visible round mass graves sunk into the ground. The exhumation was carried out in few graves (all together 16 victims were exhumed in 2018 and 2019). Also, several other items were lifted from the graves, such as, bullets and shells, and also private items, such as dishes and shoes, and of course victims’ clothes.

Despite the fact that the Russian side invited Finnish observers and experts to participate in the exhumation process (knowing the anti-Stalin cult includes the idea of 1000 Finns executed there), I was the only Finn and foreigner, to witness the process. In addition, there were lots of Russian liberal media journalists wondering around the site and asking provocative questions. This made my visit to some extent unpleasant. I got the impression that some liberal organisations had sent journalists from far away to harm and disturb the exhumation process.

However, observing the site and routes, I made the conclusion, that in the late 1930s, especially wintertime, it would have been logistically impossible to bring 10000 people to this site to be executed and buried. Even the contemporary roads were hard to drive.

In Finland, I was witnessing the anti-Putin media campaign over Sandarmokh, claiming that the scientific research and the exhumation process was actually an attempt to deny Stalinist crimes and falsify history of Stalinism. Most of this campaign was concentrated in media outlets owned by notoriously anti-Russian media holding “Sanoma Corporation”, such as “Ilta-Sanomat” and “Helsingin Sanomat”. Also “New York Times” published several articles, and “The Washington Post” joined the campaign.

RESULTS OF EXHUMATIONS 2018–2019

Bodies and objects exhumed from Sandarmokh in 2018 and 2019 were given to the experts of the Investigative Committee of Russia for further

ballistic, forensic, anthropologic and archeologic analysis. Results were published July 2nd 2020. They show that Sandarmokh has 342 grave pits of three different sizes, of which 60% proved to be empty. Number of bodies at the site cannot exceed 2000. Of them 16 were exhumed and identified as 25–35 years old individuals, among whom several women. While Irina Flige from “Memorial” said that most of the alleged Sandamokh victims were executed naked, the exhumation showed most bodies had clothes on. Buttons found in the graves point at Soviet army uniforms and engravings in the shells to weapons used by the Finnish army during the 1940s. Especially the shells and their engravings were profoundly analysed and traced. Thus professor Verigin has said that Kilin-Verigin hypothesis is correct: Sandarmokh is a grave site for Soviet prisoners of war and Soviet civilians who assisted them, executed and starved by Finnish occupiers in prisoner camps during Karelian occupation 1941–1944. Verigin also suggested to erect a new monument at Sandarmokh to commemorate the victims of Finnish occupation 1941–1944. This new monument would mean the end of the anti-Stalin cult of Sandarmokh⁸.

CONCLUSION

The case of Sandarmokh presents us a new kind of politicised and propagandistic debate. It started in the summer 1997, when “Memorial” activists found a huge mass grave site and started to develop an anti-Stalin cult, claiming that up to 10000 victims of political repression were executed and buried there in the late 1930s, from almost 60 different nationalities, including up to 1000 Finns. However even the authors themselves admitted, that they had no evidence that the victims buried at the site indeed were victims of the political repression. The cult-building continued however for two decades, making Sandarmokh a significant international memorial site for the victims of Stalinist repression, and resulting vast amount of monuments and artefacts erected at the site, from tombstones, crosses and pictures of real individual victims of Stalinist terror, to monuments for various nationalities. The cult-building was opposed by a scientific project called Kilin-Verigin hypothesis, which suggested that the victims buried in Sandarmokh might be Soviet prisoners of war executed and starved by Finnish occupiers during 1941–1944. This hypothesis was based on archival findings and supported by exhumations carried out in summers 2018 and 2019.

The scientific hypothesis and exhumations were attacked fiercely by an anti-Putin media campaign in the Finnish and American press, mostly in the notorious anti-Russian Finnish newspapers “Helsingin Sanomat” and “Ilta-Sanomat”, and also in the “New York Times”. They claimed the exhumation plan

is a plot orchestrated by the Putin regime to forge history, deny Stalinist terror and falsely accuse Finns of the executions. The anti-Putin campaign was mainly concentrated in “Ilta-Sanomat” which published several large materials on the issue, quoting the hypothesis and the exhumation project as “insane” claims from “Stalinist reality” and “KGB-bubble”. This anti-Putin campaign was also a clear example of an anti-scientific propaganda, while the goal was to ridicule and prevent independent scientific research and exhumation procedure.

Interestingly enough, the most active part of the anti-Putin campaign was carried out by the popular tabloid “Ilta-Sanomat”, owned by the Finnish media holding “Sanoma Corporation”. For a long time, the “Sanoma” is known as the heritage of the Erkkö family, the patron of which, Mr. Eljas Erkkö, during the second world war, served as the director of the war prisoner office of the Finnish army, being thus responsible of the fate of the Soviet prisoners of war in the Finnish hands, including the ones buried at Sandarmokh. This is the possible reason why the media holding “Sanoma” put lots of efforts to prevent the scientific investigation of the Sandarmokh graves.

Thus the history of the Sandarmokh issue can be divided in three episodes: the anti-Stalin cult-building, the scientific denial of the cult, and the fierce anti-Putin an anti-scientific propaganda campaign to reject any scientific findings, in order to preserve the anti-Stalin cult. This process, which mostly happened between Finland and Russia, is clearly a new element in history-writing of Soviet era and the second world war.

One can say that executions at Sandarmokh are a gross human tragedy but not the less tragic is the abuse of these victims for anti-Stalin campaign and later for anti-Putin and anti-scientific propaganda. Unfortunately, the victims were victimized again.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Веригин С. Г., Машин А.* Загадки Сандармоха. Часть I: Что скрывает лесное урочище. Хельсинки, 2019.

² *Gessen M.* Never Remember: Searching for Stalin’s Gulags in Putin’s Russia // Columbia Global Reports. 2018. С. 42–54.

³ Место расстрела Сандармох. Петрозаводск. 1999. С. 3.

⁴ *Bäckman J.* Sandarmohin arvoitus // *Kanava.* 2020. N 5. S. 61–62.

⁵ *Веригин С. Г., Машин А.* Загадки Сандармоха.

⁶ *Verigin S., Mashin A.* Sandarmohin arvoitus. Osa I: Hiekkakankaan salatut vainajat. Helsinki. 2019.

⁷ Quotations retrieved from «Ilta-Sanomat» online archive is.fi.

⁸ *Bäckman J.* Sandarmohin arvoitus. S. 61–62.

ЛИТЕРАТУРА

Веригин С. Г., Машин А. Загадки Сандармоха. Часть I: Что скрывает лесное урочище. Helsinki: Johan Bäckman Publications. 2019. 90 с.

Место расстрела Сандармох. Петрозаводск: Администрация Представителя Правительства Республики Карелия. 1999. 350 с.

Bäckman J. Sandarmohin arvoitus // Kanava. 2020. N 5. S. 61–62.

Gessen M. Never Remember: Searching for Stalin's Gulags in Putin's Russia. Columbia Global Reports. 2018. С. 42–54.

Verigin S., Mashin A. Sandarmohin arvoitus. Osa I: Hiekkakankaan salatut vainajat. Helsinki: Johan Bäckman Publications. 2019. 96 с.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. Н. Борисенко, В. Н. Чепик

**«ГРЕНЛАНДСКАЯ КОНТРЕВОЛЮЦИЯ».
ОТВЕТ ГРЕНЛАНДИИ НА НЕОКОЛОНИАЛЬНУЮ
ПОЛИТИКУ ДАНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРОФЕССОРА В. Е. ВОЗГРИНА)***

В начале XX века в отношениях метрополий со своими колониями происходят кардинальные изменения, связанные с наступлением эпохи неокOLONIALИЗМА. Её характерными чертами стало внедрение новых принципов организации промышленного производства, системы управления и трудовых отношений, а также предоставление самоуправления и независимости бывшим колониям. Революционные по своей сути изменения затронули и колониальные владения бывшей Датской империи, к которым относилась Гренландия. Она занимала специфическое положение среди колониальных владений и выглядела, по крайней мере внешне, «чужеродным элементом», который вряд ли можно было отнести к колониям «классического» типа, сложившегося в Америке, Азии и Африке. Особенности экономического, социокультурного и политического развития Гренландии, а также специфику её взаимоотношений с метрополией исследовал в своих работах известный российский историк, член Королевской Датской академии наук, доктор исторических наук профессор кафедры истории Нового и Новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Валерий Евгеньевич Возгрин¹.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Гренландия стала датской колонией в XVII в., а в 1721 г. на её берегах появились первые поселения датчан-колонистов, которые по ряду причин не воспринимали новую территорию и её местных жителей как «объект эксплуатации». Объясняя «уникальность модели полного колониального владычества, но без колониальной эксплуатации», в своих работах В. Е. Возгрин отмечает причины «привилегированного» положения гренландских эскимосов (инуитов), которые в последующем привели к противодействию местного населения острова углублению интеграции Гренландии в единое государство с Данией². На наш взгляд их можно свести к следующие основным группам: *во-первых*, ограниченные возможности для воспроизводства рабочей силы, вследствие высокой смертности населения в результате голода и болезней; *во-вторых*, сохранение на протяжении длительного периода традиционного уклада жизни, ограниченного двумя основными видами деятельности: охотой и рыболовством; *в-третьих*, отсутствие стимулов для развития местного производства вследствие низкой стоимости ввозимых на остров орудий охоты и рыболовства фабричного производства; *в-четвёртых*, отсутствие условий для организации внеэкономической формы эксплуатации, поскольку ожидаемая прибыль от возможного расширения деятельности не могла компенсировать расходы на содержание армии и многочисленного административного аппарата.

В целом характеризуя колониальную политику Дании до начала XX в., В. Е. Возгрин называет её патерналистской и направленной не на «интенсификацию промыслового хозяйства, а на консервацию до нужного времени традиционных форм экономики»³. Действительно, главной целью датской администрации являлось сохранение населения острова, находившегося во второй половине XIX в. на уровне 10 тыс. В результате к началу XX в., как верно указывает в своих работах В. Е. Возгрин, численность населения выросла ещё на 30%, в то время как вывоз товаров сократился на 20%⁴. При этом он весьма четко отмечает, что рост численности населения и активизация хозяйственной активности датской администрации (в том числе и за счёт ежегодных финансовых дотаций) в начале XX в. способствовали началу процессов разрушения традиционного образа жизни эскимосского общества. Началось строительство мелких промышленных предприятий, добыча полезных ископаемых: с 1924 г. — угля, с 1933 г. — мрамора, продолжалась добыча криолита. Возрождалось овцеводство, где скудный подножий корм дополнялся привозным концентрированным. С 1939 г. расширяется производство и начинается вывоз с острова солёной рыбы⁵.

Распространение европейского образования при финансовой поддержке Данией, несомненно также способствовало появлению в сре-

де коренного народа собственных экономистов, учителей, работников искусства и политиков. В этом отношении, по мнению В. Е. Возгрин, усилия Дании по подготовке «национальных кадров» для нужд хозяйственной деятельности, так называемая «коренизация» Гренландии, начавшись ещё в первой половине XIX в., закончилась «едва ли не впервые в мире полным успехом». Свой вывод исследователь подтверждает тем, что в 1970 г. 92% численности персонала предприятий и служащих контор приходилось на долю эскимосов⁶.

С другой стороны, В. Е. Возгрин признаёт, что нести в полной мере ответственность за сохранение традиционного гренландского этноса Дания не могла, поскольку экономика самого королевства, вплоть до начала Второй мировой войны, не могла справиться с последствиями мирового экономического кризиса. Поэтому «пока пришлось оставить остров закрытым, а его коренное население предоставить самому себе, что негативно сказалось на развитии местной экономики современного типа»⁷. В тоже время ученый не без основания также подчеркнул, что консервация острова, «предпринятая с самыми добрыми намерениями, сыграла злую шутку с её создателями»⁸. Действительно, в исторически благоприятный для модернизации гренландского социума момент здесь не сложились условия, характерные для других бывших колоний, с их развитыми товарно-денежными отношениями. К тому же, с началом Второй мировой войны остров привлёк к себе внимание Соединённых Штатов, которое не ослабело и в период «холодной войны», вследствие его стратегического положения. С целью предотвратить выход острова из-под своей юрисдикции, в послевоенные годы Дании пришлось значительно увеличить свою помощь Гренландии, по сравнению с довоенной. Это касалось также завоза на остров самого современного медицинского оборудования и лекарств. Был введён островной коэффициент, согласно которому уроженцы острова получали дотации к зарплате, пенсии и пособия, в отличие от временно проживающих на острове датских специалистов. Первыми результатами такой помощи стали победа над болезнями, голодом и, как следствие, демографический взрыв, аналогов которому не было в истории Гренландии⁹. Неслучайно, поэтому исследователь совершенно справедливо указал на то, что прирост численности населения в отдельные годы достигал 4,8%, а продолжительность жизни в 1970-е гг. составляла 65 лет, по сравнению с 25 годами в 1920-е гг.¹⁰

Несомненно важным является то, что ученый, указывая на демографический всплеск в Гренландии, обращал естественное внимание на то, что ее географические особенности несомненно отличали остров от других стран третьего мира, с более тёплым и благоприятным климатом для развития сельского хозяйства. Рост численности населения не мог

способствовать, в отличие от южных колониальных стран, расширению сельскохозяйственных угодий, поскольку «зелёная революция» в Гренландии вследствие сурового климата, была невозможна. Единственным способом обеспечения работой возросшую численность населения являлось осуществление индустриализации, путём увеличения лова рыбы до промышленных масштабов, а также её переработки на уровне требований мирового рынка. Параллельно, с развитием морских промыслов, требовалось создать буквально на голом месте промышленную и социальную инфраструктуру, поднять уровень общего и специального образования, повысить крайне низкую производительность труда, основать совершенно новые отрасли экономики, организовать научно-техническое сотрудничество с развитыми странами и т. д. Понятно, что подобный скачок в социально-экономическом развитии был невозможен при сохранении островом статуса датской колонии и режима «закрытой» территории.

Поэтому, как замечает ученый, уже летом 1948 г. датский премьер-министр Х. Хедгофт (1903–1955) заявил в ООН о намерении правительства превратить колонию в равноправную часть государства¹¹. Одновременно датский кабинет, опасавшийся, что антиколониальное большинство государств-членов ООН может настоять на полном отделении Гренландии от Дании, подготовил доклад, в котором обрисовал положение эскимосов. В докладе указывалось, что все положительные сдвиги — результат последовательно проводимой национальной политики королевства, которое не ставило себе цель эксплуатации аборигенов. В этом отношении В. Е. Возгрин обращает внимание на тот факт, что в тот период наибольшая угроза статусу Гренландии исходила от США¹², заинтересованных в её полном отделении, с целью размещения там своих капиталов и военных баз в разгар «холодной войны» (Заинтересованность США подтверждают и современные публикации. Так, по данным американского новостного портала CNN, ссылающегося на документы Национального архива США, в 1946 г. Соединенные Штаты предложили Дании \$100 млн золотом за продажу Гренландии (или \$1,3 млрд по современным ценам, с учетом инфляции¹³). Поэтому, не дожидаясь активизации со стороны американской делегации в ООН, датское правительство пригласило на остров двух экспертов (граждан СССР, аккредитованных при ООН) для анализа ситуации. Они и сделали вывод о том, что доклад датчан соответствует действительности¹⁴.

Именно после этого в Дании был проведен общегосударственный референдум, на котором подавляющее число граждан высказались за предоставление Гренландии статуса равноправной части королевства. На основании волеизъявления датского и гренландского народа в 1953 г. было

внесено соответствующее изменение в конституцию страны. Через год это решение получило официальное признание ООН и в дальнейшем вопрос о государственной принадлежности Гренландии никем более не поднимался¹⁵.

В послевоенные десятилетия датская администрация провела в Гренландии многоплановые реформы. Однако план «массированного вмешательства в социально-экономическую и культурную жизнь» эскимосов Гренландии, названный «Г-50», разрабатывался все же без участия коренного народа. Возгрину, в данном отношении, удалось доказать, что при составлении этой программы не были проведены этнопсихологические, социальные и иные исследования, не были проиграны различные варианты совмещения традиционной и современной экономики европейского типа. Главным недостатком программы «Г-50», как справедливо заметил ученый, стала несостыкованность хозяйства двух типов, «породившая массу больших и малых проблем»¹⁶. По мнению В. Е. Возгриня, программа «Г-50» разрушила древние институты традиционного общества, ничего не дав ему взамен. Возникший при этом морально-психический вакуум немедленно оказал вторичное воздействие на уже распадавшееся общество¹⁷. В целом очевидно, что длительная искусственная изоляция острова ослабила иммунитет «к чуждым влияниям», которые к тому же обрушились не на крепкие своей солидарностью традиционные «большие семьи», а на их «осколки, семьи-одиночки, оторванные от родных мест, привычного образа жизни»¹⁸. «Ни один институт или символ новой среды не обладал для эскимосов никаким значением, не мог привести в движение соответствующие стереотипы их поведения. Традиционный регулятивный механизм не срабатывал, он, возможно, и не годился в новых условиях», — писал В. Е. Возгрин¹⁹.

В этом отношении вызывает несомненный интерес объяснение причин социального неравенства. Низкие доходы гренландцев, несмотря на ранее отмечавшиеся доплаты и пособия, В. Е. Возгрин справедливо объясняет «неравномерным распределением выделяемых для оплаты труда средств между лицами гренландского и негренландского происхождения — здесь действует так называемый критерий места рождения, согласно которому труд всех лиц местного происхождения (неважно, эскимосов или датчан) тарифицируется ниже, чем труд «южан» из Скандинавии, временно работающих на Севере»²⁰. Действительно, согласно закону от 27 мая 1964 г., разница в ставках местных и приезжих специалистов с высшим образованием была равна 20% (у учителей — 14%; местные техники получают 50–55%, квалифицированные рабочие — 60–65%, неквалифицированные рабочие — 50% от ставки приезжих)²¹. Однако, такие «ножницы» частично выравнились налоговой политикой (мест-

ные жители освобождались от уплаты налогов, достигающих 40–55% от заработной платы приезжих). Как отмечает В. Е. Возгрин, труд приезжих не только выше оплачивался, но им предоставлялись такие льготы, как бесплатные квартиры, отопление, бронирование жилищ в Дании и пр. После двух лет работы на острове от налогов освобождали и их, а реальные заработки превосходили датские нормы почти вдвое²².

Сейчас известно, что чиновникам из министерства по делам Гренландии понадобилось десять лет, пока они осознали, что ситуация, к которой привела социально-экономическая политика Дании, — это тупик. Лишь в 1964 г. был принят план «Г-60» — и снова без участия гренландцев²³. Правда «данизаторские» тенденции звучали в нём слабо. Напротив, большее внимание теперь уделялось развитию эскимосской культуры, хотя авторы «Г-60», как это стало достаточно понятно, не знали ни этой культуры, ни гарантировавших методов её успешного вживания в современность. Положение во многом исправлялось благодаря пополнению рядов молодой гренландской интеллигенции. Теперь не было ни одной школы, гимназии или семинарии, где не работали бы эскимосские преподаватели; они же зачастую являлись авторами-составителями первых пособий, знакомивших датчан с традиционной культурой Гренландии²⁴. При этом правительство Дании, как известно, финансировало повышение квалификации сотен молодых гренландских специалистов. Такие курсы работали в Копенгагене, обучение на них длилось месяцами. Расширились политические права коренного населения. В 1965 г. гренландцам была предоставлена возможность избирать всех работников местного управления, вплоть до председателя влиятельного Островного совета.

Подводя итог данным реформам, В. Е. Возгрин ещё раз справедливо подчёркивает, что «ни разу до конца 1960-х гг. инициатором этих перемен (или, наоборот, активным их противником) коренное население не являлось»²⁵. В целом из работ ученого совершенно понятно, что инициатива по осуществлению важных реформ всегда исходила от датчан. Это, конечно, несколько ослабляло роль жителей Гренландии в решении своих внутренних вопросов. Причем очевидно, что причиной возникновения этой необычной, как для колоний, так и для освободившихся стран, ситуации было отнюдь не стремление датчан отсечь саму возможность участия коренного народа в общественной и политической жизни острова. Ею являлась, несомненно, крайняя отсталость эскимосов, вызванная их многовековой тотальной изолированностью. И эту отсталость не удалось до сих пор преодолеть ни путём всеобщего обучения и просвещения, ни посредством развития национальной литературы и искусства. Хотя, как указывал исследователь, на острове самоотверженно трудились

несколько поколений датских просветителей: от Ханса Эгедэ до Кнуда Расмуссена (1879–1933) и уже нашего современника Эрика Хольтведа²⁶.

В этом отношении показательно, как четко отметил исследователь, образовавшаяся в результате разрушения традиционных производственных отношений диспропорция между традиционным и современным укладами, несбалансированность социальной и экономической жизни стали явной причиной возникновения «поля высокого социального напряжения»²⁷. Снять это напряжение датские субсидии, как известно, не смогли. Более того, они оказали обратное воздействие. В сознании гренландцев стало укореняться убеждение в том, что в рамках капиталистической модели разрыв между уровнем жизни на острове и в развитых капиталистических странах непреодолим. И виновником такого положения оказался именно датский капитал²⁸. Вследствие этого в конце 1960-х гг. начался и более не прекращался процесс поиска альтернативных путей развития. По мнению В. Е. Возгрина, такой альтернативой стала «именно, автономизация Гренландии, ликвидация её зависимости от Копенгагена и введение самоуправления»²⁹. Профессор В. Е. Возгрин приходит к выводу о том, что исключительно социальное по своей сути движение, направленное против наступления капитализма, приняло в Гренландии — в условиях активной инфильтрации в островную экономику именно датского капитала — форму национально-освободительной борьбы³⁰. Эскимосские политики, осознававшие всю глубину различий между своей и датской культурой, с момента предоставления Гренландии статуса равноправной части королевства в 1953 г. начали борьбу за автономию своей родины. Важно отметить, что эта борьба встретила поддержку большинства датчан, всегда сочувственно относившихся к своим гренландским соотечественникам³¹. Её целью провозглашалась борьба за «национальный суверенитет в хозяйственной сфере и достижение на его основе реальной экономической самостоятельности», которая в тоже время не предполагала проведения политики автаркии, искусственного разрыва исторически сложившихся мирохозяйственных связей. Задача состояла в том, чтобы, опираясь на достигнутые успехи в борьбе за суверенитет, достичь равноправия во внешнеэкономических отношениях, «изменяя их условия в благоприятном для развивающейся страны направлении», добиваясь «рациональной разработки и использования природных богатств», превращая «взаимозависимость из фактора, обостряющего вражду и конфликты, в фактор расширения равноправия и взаимовыгодного сотрудничества суверенных государств». Такой путь, по ряду мнений, становился реальностью именно в то время, когда управление экономикой перешло в руки гренландцев³².

Эскимосы, осознав своё национальное и социальное единство, как известно, затем подняли голос против засилья датчан во всех областях культуры, массовой информации и образования, против навязываемой им чужой, во многом недостаточно гуманной модели многоплановой модернизации, против лишения их права самим выбирать пути перспективного развития своей родины.

Первые демонстрации за введение в Гренландии автономного самоуправления прошли в Копенгагене в начале 1970-х гг. По оценкам В. Е. Возгрин, «ни о каком силовом разгоне этих шествий в демократической Дании и речи быть не могло»³³. Показательным оказалось совсем иное. В демонстрациях участвовали, кроме эскимосов, постоянно проживавших или обучавшихся в столице, массы простых датчан, обеспокоенных увеличением отчислений из бюджета на поддержку гренландских предприятий, и как следствие, ростом государственных налогов. В. Е. Возгрин утверждает, что не только митинги в Копенгагене, но и другие акции участников гренландской национально-освободительной борьбы протекали — в отличие от подобных процессов в странах третьего мира — спокойно и бескровно. Судя по всему, этот процесс уже тогда вполне удовлетворял правящие партии, чьи лидеры осознали полную бесперспективность насильственного сохранения изживших себя отношений между метрополией и бывшей колонией³⁴.

Весьма показательным, что у Возгрин четко фиксируется, что тогда у эскимосских политических партий (Сиумут, Атассут, Инуит Атакатигит и Сулиссартут) предвыборная полемика была явно проникнута неподдельной тревогой за будущее острова. Ученый, выделяя сходство крупнейших из этих партий, отмечает, что они выступали за самоуправление острова, хотя вкладывали в это понятие различное содержание. Сиумут считала частичную автономию лишь началом пути к конечной цели — полной политической, культурной и экономической независимости от Дании. Атассут же, считавшая, что возможности исторически сложившегося, а ныне поднявшегося на более высокую ступень датско-гренландского сотрудничества еще не исчерпаны, находила в частичной автономии наиболее приемлемую форму для развития в будущем³⁵. Различные позиции заняли эти партии и по отношению к «Общему рынку». Сиумут, выражая мнение большинства гренландцев, выступала против членства в ЕЭС. Атассут же, как сторонница форсированной интеграции, настаивала на сохранении членства. Инуит Атакатигит поддерживала Сиумут в вопросе о ЕЭС, но выступала против самоуправления, считая его несвоевременным, так как без реальной экономической самостоятельности оно являлось лишь ширмой для неизбежной неокolonialной экономической экспансии³⁶.

По мнению В. Е. Возгрина, программы двух крупнейших эскимосских партий — Сиумут и Атассут схожи в том, что с «введением полного самоуправления, т. е. с отделением Гренландии от Дании», спешить не следовало, пока островная экономика «не разовьется до степени, позволявшей добиться хозяйственной независимости от Дании»³⁷. В этом отношении, очевидно, позиция эскимосских партий сближалась с позицией Коммунистической партии Дании (КПД), утверждавшей через свой орган печати — газету «Ланд от Фольк» — в 1976 г., что промышленно-банковские магнаты Дании были заинтересованы в полном отделении острова от Дании. Более того, позиция датских коммунистов по вопросам развития Гренландии сформулирована в программе Компартии Дании. В ней говорится, что «прогрессивные силы Дании должны оказывать всестороннюю поддержку переходной стадии к независимости острова». Дания должна предоставить возможность Гренландии «самостоятельно определять свое будущее и использовать свои природные богатства на благо трудового населения». Гренландский народ должен иметь возможность развивать свою культуру, сохранять и развивать гренландский язык и литературу³⁸.

Показательно, что и вступление Дании в 1973 г. в Общий рынок вызвало неоднозначную реакцию со стороны гренландских политиков и также способствовало дальнейшему отдалению Гренландии от своей бывшей метрополии³⁹. Интересна позиция В. Е. Возгрина по этому вопросу. В частности, он утверждает, что в процессе интеграции усиливалась зависимость Дании от партнёров по «Общему рынку». Остальные члены ЕЭС, располагавшие собственными сырьевыми ресурсами или получавшие их в результате неколониальной эксплуатации бывших колониальных стран и поставляющие часть их на Общий рынок, давно проявляли свое недовольство Данией, всячески тормозившей расширение концессий на разработку месторождений Гренландии. В. Е. Возгрин пришёл к выводу, что датский крупный капитал предпочёл втянуть в «Общий рынок» Гренландию, формально уменьшая свои шансы на её эксплуатацию в будущем, а фактически, сохраняя все ключевые позиции в Гренландии, рассчитывая на преимущество по отношению к другим странам ЕЭС, в случае полного отделения Гренландии от Дании. Отсюда, по утверждению В. Е. Возгрина, становится понятной поддержка правительством слабых ростков сепаратистского движения в Гренландии. В случае осуществления выше озвученных планов, Гренландия «превратилась бы из расходной статьи бюджета в доходную»⁴⁰.

В целом известно, что гренландская печать отмечала чисто внешние, но весьма настораживающие нюансы в конкретном подходе датской администрации и политической элиты к проблеме автономии острова.

В годы, предшествовавшие принятию законопроекта о внутреннем самоуправлении, радио, телевидение, буржуазные газеты Дании с поразительным единодушием говорили о положительных сторонах самоуправления, совершенно замалчивая огромные трудности, которые неизбежно должны при этом возникнуть. Лишь гренландская газета «Сермитсак» и журнал «Гренландия» с тревогой писали об опасности проникновения на остров гигантских сырьедобывающих ТНК, о болезненности ломки социального развития в новых условиях, об опасности ассимиляции этноса, утрате возможности реального самоуправления при возрастающей зависимости от внешних, глухих к интересам эскимосов сил и т. п. В частности, журнал «Гренландия» опубликовал информацию о том, что два десятка компаний (среди них такие гиганты, как «Шеврон»), получивших концессии на поиск нефтяных месторождений, с нетерпением ожидают полного отделения острова от Дании, готовясь добиться у правительства нового государства концессии на северном и восточном шельфах. Об этом также достаточно аргументировано отмечает и В. Е. Возгрин⁴¹.

В развернувшейся борьбе вокруг проблемы самоуправления, тем не менее, основное участие принимали различные социальные прослойки гренландцев: представители административного аппарата, системы образования, здравоохранения, культурных учреждений и церкви, а также мелкие предприниматели, недовольные низким уровнем прибыли. В. Е. Возгрин задаётся риторическим вопросом: сможет ли партия Сиумут, придешая к власти, возглавить национальное и социальное движение, успешно бороться с инфильтрацией пришлого капитала, принудит ли она иностранные компании, с которыми ей, возможно, придется сотрудничать, к соблюдению некоего «кодекса поведения»?⁴² Для анализа сложившейся в Гренландии ситуации в середине 1970-х гг. В. Е. Возгрин использует работу гренландского исследователя А. Ольсена «Гренландия сегодня» (1976 г.). Обращаясь к датскому читателю, А. Ольсен в отношении нынешнего положения гренландцев говорит следующее: «Как могут чиновники и политики, и те, кто стоит за ними, с их экономическими и политико-стратегическими интересами, прийти к чудовищной мысли, что можно «нормализовать» или «данизировать» Гренландию и гренландцев так, чтобы она реально стала «Северной Данией» или «Малой Данией», без того чтобы не совершить насилия над страной и народом...»⁴³.

В 1979 г. сторонники самоуправления, как известно, достигли важной победы мирным путём. На референдуме по вопросу о предоставлении острову статуса самоуправляющейся территории абсолютное большинство метрополии и Гренландии высказалось за автономию. В результате, 1 мая 1979 г. длившееся два с половиной столетия господство Дании над островом прекратилось. Гренландцы получили право на самоуправление

в областях внутренней политики, экономики, социального и культурно-строительства⁴⁴. Тогда же, в мае 1979 г. началась передача управления островом новообразованным гренландским парламенту (дат. landsting) и правительству (дат. hjemmestyre).

Сама передача различных властных полномочий осуществлялась поэтапно. Уже к концу 1970-х гг. под управление гренландцам перешло образование, культура, средства массовой информации; в 1986 г. — Королевская Гренландская торговая компания, в подчинении которой кроме торговли находилась большая часть предприятий; с 1 января 1987 г. — Гренландская Техническая организация, крупнейшее объединение, осуществлявшее всё научно-техническое обеспечение экономики острова, всех обрабатывающих отраслей, транспортного и коммунального хозяйства, в которых было занято около 2 тыс. человек⁴⁵. Однако под совместным датско-эскимосским управлением оставалась горная отрасль промышленности несмотря на то, что управление Общим советом по минеральному сырью было поручено эскимосу Й. Мотифельду. В ведении министерства по делам Гренландии осталась и система здравоохранения, оплачиваемая из государственного бюджета Дании⁴⁶. Что касается внешних политических, экономических и культурных контактов, то для разработки соответствующих программ в крупнейшем городе острова Нууке (бывший Годтхоб) был создан Институт Севера. Практическим результатом его деятельности стал выход Гренландии из числа членов Общего рынка, в то время как Дания в нем осталась⁴⁷.

Формально остров оставался административной единицей Дании. Гренландские депутаты продолжали участвовать в работе датского парламента, остров подчинялся решениям датского парламента в вопросах внешней политики, государственной безопасности, здравоохранения и выполнения различного рода международных обязательств. Пока Гренландия не могла полностью выйти из состава королевства по чисто экономической причине. В те годы отказ от безвозмездных ежегодных датских субсидий (2,5 млн крон плюс 1 млн ежегодных вложений в инфраструктуру острова) был бы равнозначен развалу гренландской экономики, здравоохранения, образования, социального обеспечения, поскольку, как заметил В. Е. Возгрин, «эскимосы получали пенсии и пособия по безработице из того же, что и датчане, источника»⁴⁸.

Более того, Гренландия по-прежнему нуждалась в экономическом и научно-техническом сотрудничестве с высокоразвитыми странами. В этом отношении связи с Данией оставались наиболее предпочтительными, проверенными веками, нежели контакты с администрацией и деловыми кругами соседних США или гигантскими транснациональными компаниями, известными своей экспансионистской политикой. Нера-

зумно было бы сбрасывать со счетов и сложившуюся культурно-историческую общность двух народов одного государства — датчан и эскимосов.

В то же время эскимосские депутаты датского парламента (фолькетинга) ставили вопрос о полном гренландском самоуправлении. В начале 1990-х гг. местный парламент-ландстинг декларировал начало новой компании «гренландизации»⁴⁹. Её сущность заключалась в переходе от тактики «самоспасения» при помощи дотаций Дании к организации единого социально-экономического пространства, которое способствовало бы формированию в сознании гренландцев восприятия острова как общего дома. Что же касается «структур, созданных ранее Данией», то они квалифицировались как наследие колониальной системы и как таковые должны были заменяться новыми, «самостоятельно спланированными». Предполагалось, что лишь с помощью такого рода модификаций возможно было осуществить все назревшие преобразования. В частности, были отменены последние патерналистские статьи в таможенном законодательстве, с целью обеспечения максимально полной интеграции Гренландии в мировой рынок. Главный упор делался на развитии траулерного лова рыбы и креветок, с полной переработкой морских продуктов на крупных судах-комбинатах и островных предприятиях пищевой промышленности. Однако для осуществления такого рода планов, как справедливо указал профессор Возгрин, потребовались очередные реформы, которые от начала до конца проводили гренландские парламент и правительство⁵⁰. Председатель ландстинга Л. Е. Йохансон, характеризуя особенность экономических преобразований отметил, что их главная цель заключалась «в сохранении в экономической политике ориентации на ...человеческие отношения и социальную справедливость»⁵¹. При этом в ведении копенгагенских министров по-прежнему оставались внешняя политика и государственная безопасность острова. Последней из общегосударственных структур, перешедших в ведение парламента Гренландии, стало здравоохранение (1992 г.), после чего лечение стало обходиться гренландцам дешевле, а качество медицинских услуг заметно улучшилось. Несколько раньше ландстинг по собственной инициативе отменил все экономические и социальные льготы для уроженцев острова, как унижающие национальное достоинство эскимосов.

В первые годы самоуправления значительные капиталы были вложены в обрабатывающую промышленность, туризм, геологические изыскания, в одновременное строительство семи аэродромов, в развитие структуры социального обеспечения. В результате, по мнению ученого, уровень социального обеспечения стал самым высоким в мире среди территорий схожего статуса⁵².

Очевидно, что подтолкнула к отделению Гренландии и деятельность ООН. В 2007 г. произошло, давно ожидавшееся во всем мире, событие. 16 сентября в ООН, наконец, была принята (после десятилетий доработок и консультаций) Декларация о правах коренных народов. Статья 3 Декларации гласила: коренные народы «сами свободно устанавливают свой политический статус», а статья 26 устанавливала право этих народов на «земли, территории и ресурсы, которые они традиционно занимали, использовали и приобретали»⁵³. После этого, уже в конце 2008 г., в Гренландии произошли большие перемены. Ряд политиков как Гренландии, так и Дании, развернули кампанию подготовки к референдуму, на котором островитяне должны были высказать свое отношение к первому шагу на пути к полной независимости своей родины, а именно, предоставлению ей статуса самоуправляющейся территории. Примечательно, что ещё до того, как была определена дата голосования, выяснилось, что почти все датские и гренландские партии впервые дружно выступили за новый статус острова. Это был, по словам В. Е. Возгрина, редчайший случай в мировой практике. Даже и те две партии, что противопоставили себя общей позиции — датская Народная партия и гренландская партия Демократы, — не критиковали избранный курс на перемены. Однако слишком резкий разрыв Гренландии с Данией мог, по их мнению, оказаться невыгодным, в первую очередь, для населения острова. По выражению В. Е. Возгрина, «эти скептики недоумевали — как страна с населением всего в 56 тыс. человек сможет создать (и сохранить!) новую национальную валюту, собственный бюджет (половину которого составляла датская ежегодная дотация), собственную оборону, которая оплачивалась той же Данией и отчасти США». При этом некоторые политики (П. Педерсен, к примеру) предрекали, что она просто станет ещё одним американским штатом⁵⁴.

Между тем, самые ярые сторонники самоуправления, отдавая себе отчет в слабости гренландской экономики, отнюдь не призывали к полному разрыву с бывшей метрополией. Один из старейших политиков-инициаторов, 30 лет тому назад добивавшихся права на частичное самоуправление, Ларс-Эмиль Йохансен (партия Сиумут, крупнейшая в Гренландии) заявил: «Будущее самоуправление не означает полную самостоятельность в результате разрыва с Данией. Гренландии, это не нужно, поскольку у нас слишком сильны исторические и семейные связи. Но нам нужно строить национальную экономику, которая поможет нам стать независимыми на деле, поскольку отношения нашей зависимости вредят и Гренландии, и Дании. Только грядущая экономическая независимость принесет нам и политическую свободу»⁵⁵.

25 ноября 2008 г. состоялся референдум, на котором 75,4% избирателей высказались за статус самоуправления. В ходе референдума Гренландия

дия проголосовала за то, чтобы взять под контроль правоохранительные органы, систему правосудия, береговую охрану и добиться большего равенства в доходах от продажи нефти. Гренландия получила право заключать международные договоры и проводить самостоятельную внешнюю политику. Однако Дания сохранила за собой окончательный контроль над внешней политикой и обороной Гренландии⁵⁶. Премьер-министр Дании А. Фог Расмумсен высказал удовлетворение результатом: «Голосование продемонстрировало мнение народов, общее для Гренландии и Дании»⁵⁷. После окончания референдума ветеран национального движения гренландцев, член гренландского и датского парламентов Л. Е. Йохансон высказал благодарность премьер-министру Дании А. Фогу Расмумсену за «уникальную поддержку», оказанную инуитам в их стремлении добиться окончательной самостоятельности.

Подводя итоги «завоевания» самоуправления Гренландией В. Е. Возгрин справедливо и весьма аргументировано отмечает как положительные, так и отрицательные моменты:

1) Гренландцы получали право распоряжаться собственными ресурсами. В частности, нефтяными месторождениями, как в самой Гренландии, так и в прибрежных шельфах Арктики. Потенциальные доходы от нефтяных разработок, будут полностью поступать в распоряжение гренландского народа, а не иностранных компаний. Этот аспект являлся ключевым для будущей экономической, а, следовательно, и политической независимости Гренландии. То же право народ получал в отношении других природных богатств своего острова. Здесь были обнаружены и отчасти уже разрабатывались огромные месторождения урана, золота и алмазов. Проблема заключалась лишь в экстремально сложных климатических условиях ледяного острова и в сложностях поиска источников финансирования геологоразведки и начальной фазы разработки этих богатств.

2) Гренландцы получали международно-правовой статус самостоятельного этноса, который позволял отстаивать национальные интересы в международном масштабе за рамками независимого государства.

3) Право самоуправления открывало возможности для дальнейшего продвижения в вопросе окончательного отделения острова от Дании, не дожидаясь согласия на это датских властей. В ближайшей же перспективе гренландцы надеялись, что статья расходной части бюджета Дании, по которой ежегодно безвозмездно выделялось в гренландский бюджет 3,2 млн крон, не будет проходить унизительную для гренландских депутатов процедуру предварительного обсуждения.

Летом 2009 г. королева Дании Маргрет II, одетая в костюм эскимосских женщин, передала председателю гренландского парламента

Й. Мотцфельду долгожданный акт — Конституционный закон о самоуправлении Гренландии. В. Е. Возгрин обращает внимание на речь, которую произнесла королева. Это обращение было исполнено теплой благодарности и, естественно, родственных чувств к инуитам, столь долго бывшим подданными датских королей. «Для меня настало великое мгновение — передать тебе, а через тебя — всему гренландскому народу Закон о самоуправлении»⁵⁸. Этот акт свидетельствовал о получении эскимосами всех прав, которые они отстаивали на протяжении полувека.

В октябре 2009 г. новая Гренландия сделала первый шаг в области собственной внешней политики, заключив с Канадой межгосударственный договор о совместных мероприятиях, направленных на сохранение популяции белого медведя. С обретением самоуправления открывались возможности не только для развития национальной культуры, но и для того, чтобы сбросить ярмо «данизации», против которого на протяжении нескольких десятков лет боролся гренландский народ. По словам В. Е. Возгриной, это понятие означало не только повсеместное использование датского языка в официальной сфере. Оно включало и использование датской валюты в качестве расчётной единицы на острове, и покупку в датских же магазинах товаров, привезенных из-за моря, например, таких как хлеб и молоко. Сбросить ярмо «данизации» означало также отказ от датских традиций и культуры и замена их национальными, близкими по духу местному населению. Кардинальные изменения ожидали и местное законодательство, и юридически оформленные администрацией метрополии сроки охотничьих сезонов, одинаковые для Дании и Гренландии, несмотря на огромное географическое пространство между ними⁵⁹.

Выход Гренландии из Датского королевства, по мнению В. Е. Возгриной, явил собой уникальный случай, когда метрополия добровольно рассталась не с колонией (таких случаев немало), а с частью уже собственной территории, составлявшей более 9/10 общей площади королевства⁶⁰. В 2015 г. Гренландии стала «полностью независимой», но с одной оговоркой — «Дания продолжает выплачивать эскимосам субсидии в прежнем размере до тех пор, пока гренландская экономика не станет давать такой же доход». Это позволяло поддерживать уровень жизни коренного народа на вполне европейском уровне. В. Е. Возгрин объясняет это уникальное в истории колониализма только нестареющей максимой Антуана де Сент-Экзюпери: «Ты навсегда в ответе за тех, кого ты приручил»⁶¹.

В заключение отметим, что сложившийся характер отношений с Данией и современная международная ситуация не способствуют использованию Гренландией «завоёванного» права объявлять о полной независимости. Можно утверждать, что Гренландия движется по пути расширения автономии, постепенно создавая основу для следующего

шага на пути к независимости от Дании. Экономической самодостаточности способствуют климатические изменения. В частности, потепление арктического климата и таяние ледников, расширяет доступные площади для горнодобывающих проектов и разработки месторождений нефти и газа прибрежного шельфа. В 2013 г. правительство Гренландии сняло запрет на добычу и переработку на своей территории урана, «успешно отразив судебные нападки» со стороны датского правительства, завершившиеся в мае 2016 г.⁶² Вместе с тем продолжаются дискуссии о том, сколько времени потребуется горнодобывающей промышленности и энергетике для получения ощутимого дохода в Гренландии и будут ли экономические выгоды достаточными для того, чтобы подтолкнуть остров к полной независимости, с учётом других экономических и социально-политических факторов. Однако сохраняющиеся низкие цены на энергоносители и сырьё ослабили энтузиазм гренландцев относительно реализации некоторых крупномасштабных проектов в Арктическом регионе⁶³.

С другой стороны, гренландцы оказались перед новым «вызовом» со стороны США, проявивших заинтересованность в покупке острова у Дании. В ответ на неофициальное предложение в августе 2018 г. президента США Д. Трампа сначала представители Дании отвергли эту идею как «абсурдную», а затем и гренландцы, несмотря на одобренный их правительством пакет помощи от США в размере 12,1 млн долл.⁶⁴, выразили своё возмущение предложением Д. Трампа, которое представляло «смертельную» угрозу их суверенитету и институту прав человека⁶⁵. По словам гренландской правозащитницы С. Олсвиг, «говорить о покупке целой нации и народа слишком империалистично»⁶⁶. Воодушевляя гренландцев на дальнейшую борьбу за равноправие и независимость, она заявила, что «мы не должны слышать такое от мировых лидеров в 2019 г.»⁶⁷, а современный мир не должен оставаться тем местом, где коренные народы, или самоуправляющиеся нации, рассматривались бы как нечто, что можно купить и продать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Возгрин В. Е. Летописцы и хронисты Швеции // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19(2). С. 151.

² Возгрин В. Е. История шведской и датской колониальных империй. СПб., 2011. С. 207.

³ Возгрин В. Е. Модели колониальной политики Дании: Сходства и различия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010, № 4. С. 58.

⁴ Там же.

- ⁵ Возгрин В. Е. История шведской и датской колониальных империй. С. 208.
- ⁶ Возгрин В. Е. Модели колониальной политики Дании: Сходства и различия. С. 58.
- ⁷ Возгрин В. Е. История шведской и датской колониальных империй. С. 211.
- ⁸ Там же.
- ⁹ История Дании XX век. М., 1998. С. 231.
- ¹⁰ Возгрин В. Е. История шведской и датской колониальных империй. С. 211.
- ¹¹ Там же. С. 212.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Angela Dewan, Michelle Toh*. Here's what it could cost for America to buy Greenland (if it was for sale, that is). CNN Business. August 21, 2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/08/16/business/how-much-greenland-cost-intl/index.html> (Дата обращения: 10.05.2020).
- ¹⁴ Возгрин В. Е. История шведской и датской колониальных империй. С. 212.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 212.
- ¹⁶ Там же. С. 213.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Возгрин В. Е. Гренландия и гренландцы. М., 1984. С. 127.
- ²¹ История Дании XX век. С. 232.
- ²² Возгрин В. Е. Гренландия и гренландцы. С. 128.
- ²³ История Дании XX век. С. 233.
- ²⁴ Там же. С. 234.
- ²⁵ Возгрин В. Е. История шведской и датской колониальных империй. С. 214.
- ²⁶ Там же. С. 215.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ История Дании XX век. С. 234.
- ²⁹ Возгрин В. Е. История шведской и датской колониальных империй. С. 216.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Возгрин В. Е. Модели колониальной политики дании: Сходства и различия. С. 59.
- ³² Возгрин В. Е. Гренландия и гренландцы. С. 130.
- ³³ Возгрин В. Е. История шведской и датской колониальных империй. С. 216.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Возгрин В. Е. Гренландия и гренландцы. С. 141.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 139.
- ³⁸ Цит. по: Там же. С. 143.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 139.
- ⁴¹ Там же. С. 137.
- ⁴² Там же. С. 143.
- ⁴³ Там же. С. 145.
- ⁴⁴ История Дании XX век. С. 235.

- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Возгрин В. Е.* История шведской и датской колониальных империй. С. 217.
- ⁴⁹ История Дании XX век. С. 236.
- ⁵⁰ *Возгрин В. Е.* История шведской и датской колониальных империй. С. 218.
- ⁵¹ Цит. по: Там же. С. 219.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Цит. по: Там же. С. 221.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Цит. по: Там же.
- ⁵⁶ Matt Rosenberg. April 11, 2019. <https://www.thoughtco.com/> (Дата обращения: 10.05.2020).
- ⁵⁷ Цит. по: *Возгрин В. Е.* История шведской и датской колониальных империй. С. 221.
- ⁵⁸ Цит. по: Там же. С. 223.
- ⁵⁹ *Возгрин В. Е.* История шведской и датской колониальных империй. С. 225.
- ⁶⁰ Там же. С. 220.
- ⁶¹ Цит. по: *Возгрин В. Е.* Закат датской колониальной империи // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (1). С. 82.
- ⁶² Matt Rosenberg. ThoughtCo. April 11, 2019. URL: <https://www.thoughtco.com/> (Дата обращения: 10.05.2020).
- ⁶³ *Mingming Shi.* On Greenland's Political Future: State or Wait? Posted on *December 18, 2017* URL: <https://overthecircle.com/2017/12/18/on-greenlands-political-future-state-or-wait/> (Дата обращения: 10.05.2020).
- ⁶⁴ US announces millions in aid for resource-rich Greenland. 23 April 2020. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-52396715?intlink_from_url=https://www.bbc.com/news/topics/c302m85q1d0t/greenland&link_location=live-reporting-story (Дата обращения: 10.05.2020).
- ⁶⁵ What Do Greenlanders Think of Trump's Interest in Buying Greenland? August 23, 2019. <https://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2019/08/23/753479744/what-do-greenlanders-think-of-trumps-interest-in-buying-greenland> (Дата обращения: 10.05.2020).
- ⁶⁶ Ibidem.
- ⁶⁷ Ibidem.

ЛИТЕРАТУРА

Аржакова Л. М., Барышников В. Н., Бодров А. В., Возгрин В. Е., Борисенко В. Н., Василик В. В., Гончарова Т. Н., Заостовцев Б. П., Кибинь А. С., Сидоренко Л. В., Смолин А. В., Пленков О. Ю., Филошкин А. И., Шагинян А. К., Шершинева С. В. Академический словарь теории и истории империй. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. 728 с.

Барышников В. Н., Возгрин В. Е., Гончарова Т. Н., Евдокимова Н. П., Климова Г. С., Сидоренко Л. В., Соколов О. В., Пленков О. Ю., Фокин В. И. От националь-

ных государств к единой Европе: Проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2016. 620 с.

Барышников В. Н., Возгрин В. Е. У истоков российской «нордистики». А. С. Кан и история стран Северной Европы // Клио. № 10 (106). СПб., 2015. С. 227–231.

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С. 172–190.

Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский — основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 136–148.

Возгрин В. Е., Гончарова Т. Н., Пленков О. Ю., Соколов О. В. Из истории конституционного строительства в Западной Европе в Новое и новейшее время. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. 353 с.

Возгрин В. Е. Гренландия и гренландцы. М.: Мысль. 1984. 157 с.

Возгрин В. Е. Гренландские норманны // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 186–192.

Возгрин В. Е. Датский путь к деколонизации Гренландии: Вызов современной колониальной идеологии и практике // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010, № 11. С. 259–275.

Возгрин В. Е. Есть ли у демократии темная сторона // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 17 (2). СПб., 2017. С. 202–211.

Возгрин В. Е. Закат Датской колониальной Империи // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (1). С. 72–82.

Возгрин В. Е. История шведской и датской колониальных империй: Учебное пособие. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 262 с.

Возгрин В. Е. Кнуд Расмуссен и Ханс Баггер — датские историки России // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16 (2). С. 205–219.

Возгрин В. Е. Летописцы и историки Дании: эволюция национальной историографии от средневековья до современности. СПб.: Издательство: Крига, 2019. 816 с.

Возгрин В. Е. Летописцы и хронисты Швеции // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19(2). С. 151–171.

Возгрин В. Е. Модели колониальной политики Дании: Сходства и различия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010, № 4. С. 53–60.

Возгрин В. Е. Свежий взгляд на путь Норвегии к европейской интеграции (Рецензия на книгу: К. В. Воронов. Евроинтеграция Норвегии: Особый курс малой страны. М.: Прогрестрадиция, 2008) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2009. № 3. С. 304–310.

Возгрин В. Е. Скандинавизм: Первая попытка интеграции европейских народов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. № 3. С. 54–64.

Возгрин В. Е. Современная датская историография холодной войны // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 16. СПб., 2016. С. 299–308.

Возгрин В. Е. Современная историография датской колониальной империи //

Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017, № 18/1–2/. С. 112–130.

Возгрин В. Е., Арзамасцева Е. Проблемы европейской интеграции в Новое и новейшее время в отношениях России и стран Северной Европы (взгляд историков) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Вып. 2. СПб., 2015. С. 189–192.

Гончарова Т. Н. Библиография научных трудов профессора Возгрин В. Е. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 19 (2). СПб., 2019. С. 13–29.

Дубинко-Гуща Е. О. Исторические предпосылки шлезвиг-голштинского конфликта и его влияние на формирование внешней политики Дании // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 132–138.

Заостровцев Б. П. Рецензия на издание: «Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной конференции. С.-Петербург, декабрь 2006 г.» — СПб., 2007 // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2008. № 2. С. 364–368.

История Дании XX век. М.: Наука, 1998. 379 с.

Ченик В. Н., Борисенко В. Н. От национальных государств к единой Европе: Проблема западноевропейской интеграции во внешней политике Великобритании. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2016. 160 с.

Ченик В. Н., Ченик Л. В. Федерализм как теория европейской интеграции // Гражданский мир — гражданская война: Осмысление и прогнозы. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 297–300.

Dewan A., Toh M. Here's what it could cost for America to buy Greenland (if it was for sale, that is). CNN Business. August 21, 2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/08/16/business/how-much-greenland-cost-intl/index.html>

Rosenberg M. ThoughtCo. April 11, 2019. URL: <https://www.thoughtco.com/> (Accessed: 10.05.2020).

What Do Greenlanders Think of Trump's Interest in Buying Greenland? August 23, 2019. <https://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2019/08/23/753479744/what-do-greenlanders-think-of-trumps-interest-in-buying-greenland>.

US announces millions in aid for resource-rich Greenland. 23 April 2020. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-52396715?intlink_from_url=https://www.bbc.com/news/topics/c302m85q1d0t/greenland&link_location=live-reporting-story (Accessed: 10.05.2020).

Т. Г. Фруменкова

**ПРИКАЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ
ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
(80–90-е гг. XVIII в.)**

7 ноября 1775 г. было опубликовано «Учреждение для управления губерний Российской империи», положившее начало важнейшей реформе Екатерины II. В 1783 г. на территории присоединенных от Швеции земель было создано Выборгское наместничество из 6 уездов¹ (вместо Выборгской губернии). Его образование должно было стать этапом унификации управления на всей территории империи, включая национальные окраины. По сведениям русского исследователя М. И. Бородкина, при Екатерине продолжалось «обрусение» губерний². Вскоре последовал именной указ губернатору, по которому «за недостатком дворян в наместничестве Выборгском» предлагалось определять в должности «из дворян чиновных людей других губерний»³.

В 1780-е гг. в Выборгском наместничестве появился и приказ общественного призрения — «наиболее яркое проявление политики просвещенного абсолютизма в проведении областной реформы»⁴. Документов приказа обнаружено немного. В фонде приказа в Ленинградском областном государственном архиве в Выборге (ЛОГАВ) сохранились 7 дел с указами наместнического правления, а также журналы и реестры приказа за 1786–1788 и 1794–1795 гг.

По закону в 1786 г. приказ возглавил наместник генерал-поручик герцог Ф. В. Вюртембергский, брат великой княгини Марии Федоровны, в 1795 г. — правитель генерал-поручик князь Ф. П. Щербатов⁵. В 1795 г. заседающими в приказе были дворянские заседатели Карл фон Дрешерн и Антон фон Геннин, заседатели от магистрата Александр Тессен и Кристиан Бартрам, а также заседатели, видимо, от крестьянского сословия Матиас Рюсюляин и Томас Каукинен⁶. Неизвестно, на каком языке проходили заседания приказа, в составе которого русских до 1795 г. не было, а в 1795–1796 гг. им являлся только сам правитель губернии, но штатных

единиц в приказе было две. Кроме сторожа, это переводчик наместнического правления Ульрих Лавониус, который получал от приказа жалование по 100 руб. в год за «исправление в сем правлении письменных на российском языке дел»⁷.

Как и другие подобные учреждения, приказы превратились в значительной степени в кредитно-финансовые учреждения регионального масштаба. Из 172 вопросов, по которым приказ принимал решения в 1795 г., 63, то есть, около 37% были посвящены проблемам частных займов и вкладов, еще 5 сообщали о зачислении в приход штрафов, значит, до 40% «вступающих дел» этого года отражали заботу учреждения о пополнении своей казны⁸.

«Учреждения» разрешали приказу отдавать выделенные ему средства в «проценты на верные заклады». Залогом могла стать недвижимость — населенные имения с ревизскими душами или земли на территории наместничества, займы на сумму от 500 до 1000 руб. полагалось выдавать на срок до года с возможностью продления. Отсутствие подробных инструкций и некоторая автономность наместничества привели к финансовым нарушениям. По сведениям историка В. В. Морозана (их позволяют дополнить материалы Выборгского архива), в 1795 г. Ф. П. Щербатов представил Сенату рапорт, в котором сообщал о раздаче приказом займов под залог каменных и деревянных домов, дворовых мест, пильных мельниц и долей во владении ими, а также находившихся во владении чиновников казенных «гейматов», то есть, земель, состоявших в крестьянском пользовании. Всего приказ выдал 22 700 руб., преимущественно губернским чиновникам. В ходе сенатского разбирательства правителю наместничества указали на нарушение правил деятельности приказов и банковских норм. Сенат приказал немедленно вернуть все кредиты, а Ф. П. Щербатов был отстранен от должности⁹.

Архивные документы выявляют и другие нарушения правил выдачи займов, и картину, типичную для других подобных учреждений того времени, в частности, для сохранный казны воспитательного дома. Многие заемщики в лучшем случае вносили проценты и из года в год просили о продлении срока займа. В 1795 г. приказ одобрил продление 22 займов. Некоторые просители получили предупреждение о последней отсрочке. Так, надворный советник Клипт получил 1000 руб., кстати, с незаконным «залогом дворового места и геймата его Нурмела», и эта сумма «в долге 11 лет незаконно в одних руках». Участники заседания заявили, что в продлении следовало отказать, но «есте законные препятствия», и продлили заем «на последний год»¹⁰. Вильманstrandская купеческая вдова А. Х. Ванен взяла в приказе 500 руб. под залог принадлежавших ей и пасторской вдове Варенберг «права владения к двум

«коронным гейматам». Она не возвращала долг более 3 лет, но убедила приказ, что без продления вернуть его вообще не сможет, и получила отсрочку «на последний год». Двух чиновных просителей — коллежского ассессора Г. Горнборга (1000 руб., залог — «наследооброчный геймат») и уездного судью Таваста (500 руб. — «дворовое место с двумя каменными погребками и в Новокирхском киршпиле геймат») также предупредили, что отсрочка дается им на «последний год», а третьему — коллежскому советнику фон Рейценштерну продлили заем в 500 руб. на 6 месяцев вместо года¹¹.

Еще 11 заемщикам в отсрочке отказали: выборгскому купцу П. Г. Янишу («по ненадежности поручителей»), тому же фон Тавасту («залог недостаточен»), коллежскому советнику Линдену — он просил продлить заем под залог деревянного дома. Отказы участились после принятия 5 июля 1795 г. Сенатом указа, регламентировавшего залогов. Со ссылкой на него участники заседания отказали в отсрочке уплаты 1000 руб. статскому советнику Ореусу, генерал-майору Эйлеру, надворному советнику Г. Горнборгу, у которого также был не один заем, заседателю совестного суда Г. Сутгофу, выборгским земскому исправнику Сюхевичу, купцу Ф. Венроту, регистратору ревизского архива Лебергу, из-за запрещенных залогов — деревянных домов, «дворовых мест» и «гейматов». За 1795 г. были возвращены только 6 займов, новые кредиты получили всего 3 человека, еще одному — советнику наместнического правления фон Свенсону — в займе 500 руб. под залог «дворового места с погребом» было отказано¹².

В законное русло пытались вернуть ситуацию вокруг займа вдовы Векман: серебряник К. Форсман купил у нее заложенный дом, с переходом на него и самого долга, затем внес в приказ 100 руб. и сообщил, что «за бедностью своею принужден был сказанной дом продать... за 250 руб.». Приказ сделал запрос в гражданскую палату, допустившую сделку с запрещенным к продаже домом, который оказался «погорелым дворовым местом», сделка не была утверждена¹³.

В 1795 г. в приказе несколько раз составлялись списки должников. Два крестьянина вскоре вернули половину долга — 50 руб. с процентами и получили полугодовую отсрочку на вторую его половину. Штрафа с них не взяли — причины задержки с выплатой были признаны уважительными. Вильманstrandский врач Меларт вернул в приказ, в котором служил, заем в 150 руб. на покупку медикаментов с процентами и попросил еще 150 руб. «на таковую же покупку с тем, чтобы их не требовали обратно, а велели на оную сумму иметь медикаментов в наличии». Заседание постановило «на медикаменты впредь выдавать с поручительством 100 руб. с обязательством, чтоб в медикаментах недостатка не было. Проценты не узаконены»¹⁴.

Во второй список, кроме тех, кому отказали в отсрочке, был включен часовой мастер Гулковиус. 14 ноября всем им предоставили «срок для исправления их до 1 февраля, буде внесены не будут, будет поступлено по силе закона». Сохранялись и нарушения в размерах выдаваемых и продлеваемых сумм: документы называют займы в 4000, 3500, 2000 и 1800 руб.¹⁵

Кроме того, в приказ поступали судебные штрафы и отчисления от конфискованных контрабандных и т. п. товаров. К примеру, 1794 г. суды и губернский прокурор внесли в приказ штрафные деньги, взятые за правонарушения, «пустое вчинение тяжбы и спора», «недопоставление протоколов» и «неявку к суду», — 373 руб. 70 коп. Из суда же поступили отчисления за продажу сала — 20 руб. 70 коп. Из казенной палаты прислали конфискованные у шведских крестьян российские деньги — 24 руб. 24 ½ коп. Из судов, а также из портовой таможни пришли штрафы за конфискованное хлебное вино — 333 руб. 10²/₃ коп.¹⁶

Средства приказа расходовались в том числе на народные школы. После утверждения Устава народных училищ 1786 г. в ведении приказа общественного призрения должны были находиться главное училище в губернском городе и малые в уездных городах. В Выборгском наместничестве малые училища работали в Нейшлоте, Фридрихсгаме, Вильманстранде, Сердоболе и Кексгольме. Главное училище действовало в Выборге. Директором народных училищ являлся губернский прокурор А. фон Брант. Ему регулярно выделялись деньги на жалование учителям, средства на содержание школьных зданий, другие хозяйственные нужды.

Например, в 1794 г. «учителю Котловскому за выстроение при Нейшлотском школьном доме бани и сарая» было выдано 35 руб. Большие суммы на хозяйственные цели могли выдаваться «в заимообраз». Так, в сентябре 1795 г. Кексгольмская градская дума вернула в приказ 502 руб. 50 коп., полученные «для покупки школьного дома». Время от времени А. фон Брант делал «словесное представление... отпустить ему из школьной суммы на расходы» по какому-либо из малых училищ 50 руб.» или заявлял, что «на разные расходы по здешнему главному народному училищу потребно 200 руб.», и получал их. Он сообщал, например, что училищу нужны деньги «на покупку книг». В 1794 г. он предложил выписать для главного училища экземпляр «Трудов Вольного экономического общества». Значительную часть денег на содержание училищ присылали в Выборг местные Думы из городских доходов¹⁷.

О педагогах удалось узнать немного. 15 июня 1794 г. в Выборг прибыл «выписанный из Эрфурта учитель Иоганн Фелькер». За проезд ему было выдано 25 руб. В июне 1795 г. учитель рисования главного училища подпоручик Дрейер указом Сената был определен в Сердобольский

уезд землемером, а уже упоминавшийся учитель Котловский в октябре того же года получил займы 100 руб. «на расплату долгов» с небольшими вычетами из будущего жалования¹⁸. Доходы учителей явно были очень скромными.

«Неимущих сирот» разрешалось отдавать на воспитание «надежным... людям... за умеренную плату»¹⁹. За «найденшей» в приказе отвечал заседатель верхнего земского суда А. фон Геннин. В апреле 1795 г. под контролем приказа находились два «женского полу найденыша» — Варвара, которая с 7 декабря 1794 г. воспитывалась в семье крестьянина Суйканена, и Настасья, 20 декабря отданная «женке Наталье Максимовой». Оба воспитателя получили по 10 руб. за треть года. В июле к ним добавилась «женка Агафья», принявшая «найденыша Екатерину», и получила за первую треть года 9 руб. Летом в неназванную приемную семью поступила Марья, которая вскоре умерла. На ее «прокормление», крещение и погребение было отпущено 2 руб. 85 коп. В октябре А. фон Геннин сообщил о смерти маленькой Екатерины. За два месяца воспитательница получила 4 руб. и еще 1 руб. на погребение ребенка. 25 октября фон Геннин сообщил, что «находящаяся при здешней больнице сидельницею женка Наталья Максимова желает отданного ей на выкормление младенца Настасью, приняв в воспитание яко собственное дитя, и для того просит отдать ей в приемыши». Сиделке заплатили 5 руб. за работу с 20 августа, на удочерение согласились²⁰.

«Учреждение» рекомендовало приказам устроить богадельни. Проблема призрения нищих волновала и наместническое правление. В мае 1786 г. правление, отметив, что «нищие и убогие... питаются шатанием в прошения весьма стыдным позорным образом милостины в уездах по киршилям и деревням, а в городах по обывательским домам», потребовало от земских исправников принять меры к их «прокормлению» в соответствии с «Учреждением». В августе 1786 г. разрабатывались планы строительства в Выборге каменного здания богадельни приказа «из завещанной купцом Ладо суммы», однако влиятельные наследники купца заявили, что завещанные средства поступили «в ведомство» городского магистрата и должны оставаться «под смотрением» наследников, о чем они сообщили в Сенат. Но, несмотря на сенатский указ, призвавший составить проект, дело, видимо, остановилось. В 1794–1795 гг. о выборгской богадельне в приказе не упоминалось. Есть сведения только о ладожской богадельне, которой ведала особая комиссия. «Вспоможение бедным» оказывали по уездам. Ежегодно градские думы посылали в приказ отчет о расходовании средств и «проект» городских расходов на помощь бедным на следующий год. Приказ давал разрешение на их расходование и выступал в роли контролирующей организации. В Выборге в 1795 г.

предполагалось израсходовать на эти цели 5500 руб., во Фридрихсгаме — 1876 руб. 40 коп., в Вильманстранде — 200 руб., а в Кексгольме — 196 руб. Речь шла о помощи неимущим вдовам и девицам из высших и средних сословий. Выборгская дума, видимо, в ответ на претензии приказа, заявила, что «купеческие вдовы Шредер, Аудар, Бартрам и Тето, вильманстрандская вдова Поссе, рентмейстерская вдова и девица Кульманова, некоторое и имеют собственное имение и доход, но по недостаточеству оного на их содержание, равно как и вдова нотариуса Бурхгарта,.. по бедности их имеют право на получение такового вспоможения». Суммы бедным выделялись небольшие. Так, 15 октября из Вильманстрядского нижнего земского суда сообщили, что «сержантская вдова фон Нандельстед еще находится в живых, обретается в Савитайпальском киршпиле, и по крайнему убожеству имеет нужду в вспомошествовании». Приказ разрешил выдать ей 15 руб. Фридрихсгамская дума, напротив, отказалась выполнить просьбу правителя наместничества «о произведении вдове поручика Тепловой в треть по 10 руб.», так как о ней по «Учреждению» должна заботиться дворянская опека²¹.

В ведении приказа находились госпитали и оспенный дом — медицинское учреждение, в котором делали прививки от оспы. «Материю» для прививки тогда брали у переболевшего человека, и получившие прививку, обычно дети, должны были какое-то время находиться под наблюдением. За деньгами на содержание дома наместник или дворяне-заседатели лично ездили в Петербург и получали их из Кабинета Ее Величества — по 1910 руб. в год. Их передавали в рост «в верные руки». Все медицинские учреждения отчитывались перед приказом шнуровыми приходо-расходными книгами и списками пациентов. Смотрителю дома доктору Поссе выдавали суммы на содержание дома и на жалование. Кроме смотрителя, получавшего 500 руб. в год, в доме работал писарь Лаврентий Лингнель (100 руб.), ученик — отставной сержант Прохор Матвеев (60 руб.), 2–3 служанки (по 18 руб.). Приходилось обращаться и за дополнительными средствами — на покупку дров, на содержание детей и т. п. В августе 1795 г. губернский архитектор Брокман составил смету на ремонт оспенного дома в 524 руб. 50 коп. Выборгский купец Я. Лунд вызвался «ветхости... исправить» за 687 руб. Завершив ремонт за два месяца, купец потребовал сверх контракта 74 руб. 28 коп., заявив, что дополнительные «исправления» делал по требованию смотрителя. После проверки ему заплатили сверх контракта 60 руб.²²

Госпиталей в наместничестве было по меньшей мере три — один обычный и два для венерических больных. В 1786 г. их снабжали всем необходимым: из наместничества в приказ передали холст, чулки, бумагу, мыло, свечи, вощеную бумагу, были шиты простыни и белье для боль-

ных. Туда же были присланы 10 медных колокольчиков (с их помощью больные могли позвать на помощь). Лазареты требовали немалых затрат. В марте 1795 г. Ф. П. Щербатов передал в приказ копию сенатского указа, предписывавшего об «удалении всех излишеств и о принятии в больницы такого только числа опаснейших больных, какое процентом принадлежащего приказу капитала без упадка других заведений содержать можно». Действительно, уездный лекарь Шиндлер регулярно предъявлял счета аптекаря Грече на оплату лекарств с уступкой для приказа в 10% их цены (181 руб. 89 коп. за год), приобретались инструменты, очевидно, для обоих выборгских лазаретов (456 руб. 20 коп.), на дрова дополнительно было выделено 100 руб. Кроме того, еще в 1791 г. доктор занял в казенной палате 150 руб. «на порцию больным и на покупку дров» и представил документы, подтверждающие расходы (так же приходилось поступить и врачу К. Меларту). 23 мая 1795 г. правитель наместничества решил уволить Шиндлера, «по малому числу больных, в больнице... находящихся», и поручил ее «смотрение» доктору Поссе²³.

Если привычка лечить обычные болезни в лазаретах, видимо, еще не сложилась, то венерический лазарет не пустовал. Между тем, еще в 1785 г. в Сенате узнали, что в числе казенных строений в наместничестве состоят построенные в 1756 г. для «случившихся в опасной заразной болезни больных два земские лазарета». Из них выборгский «в такую пришел ветхость, что без починки одного одержимых венерической болезнью чрез будущую зиму в нем никак пользоваться не можно». Сенат приказал правлению отремонтировать здания, но возник спор о том, за чей счет следует провести «починки» — города или приказа. Чем дело окончилось, документы не сообщают, но в мае 1795 г. доктор Шиндлер представил в приказ рапорт, в котором писал «о ветхости занятого под венерический лазарет дома, и что в оном лазарете не достает постелей, кроватей и белья». Участники совещания направили архитектора для осмотра здания. Он заявил: «Дом... не стоит уже потребной на исправление одного суммы, почему он, осмотрев все поблизости одного находящегося дома, нашел принадлежащий экзекутору Коммандеру удобнейший и стоящий... 400 руб.» В январе и феврале 1795 г. в госпитале лечились 33 больных, что, очевидно, превышало его возможности, и доктор постоянно требовал дополнительных средств на них, на отопление ветхого дома, на лекарства. За 1795 г. только на медикаменты со скидкой было потрачено более 370 руб. Часть пациентов должна была оплачивать лечение в госпитале. 10 августа 1795 г. доктор Шиндлер представил в приказ рапорт «о взимании следуемых за содержание и лечение в венерическом лазарете с наименованных в том рапорте крестьян денег, всего 47 руб. 49 коп. чрез кого следует». Недостаток средств «на лечение одержимых прилипчи-

282

выми болезнями бедных людей» в районе, граничившем со столичным, вызвал беспокойство в Петербурге. В августе 1795 г. императрица, узнав «о недостатке в сем приказе суммы», повелела «для означенной надобности» ассигновать из доходов Петербургского приказа общественного призрения ежегодно по 791 руб. 22 коп. в течение 4 лет»²⁴.

О втором венерическом госпитале документы упоминают лишь однажды. В 1794 г. приказ получил рапорт уездного лекаря Олонгрена о том, что за пользование венерических больных в Вильманstrandском лазарете, а также доктору К. Меларту за дрова и свечи следует отпустить соответственно 137 руб. 63 коп. и 36 руб. 45 коп. К. Меларт, видимо, принимал больных на дому. В 1786 г. он представил в приказ на оплату счет «за излечение... одержимой в меланхолей болезни неимущей женки Маргареты Корпеляны издержанные медикаменты» 64 руб. 54 коп. Жалованье от приказа получала и повивальная бабка Векман²⁵.

История Выборгского приказа общественно призрения в 1780–1790-е гг. показывает, как на территории наместничества проходил процесс унификации системы управления в специфическом окраинном районе империи. Финансово-кредитное направление работы приказа испытывало трудности: местные чиновники и купцы оказались столь же необязательными в возвращении долгов, как и русские дворяне, а населенных крепостными крестьянами имений здесь было мало. Зато в наместничестве появились патронируемые приказом городские народные училища, госпитали, вели прием врачи, складывались начатки системы помощи сиротам и бедным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (Далее: ПСЗ РИ. Собр. 1). Т. 20. № 14392; Т. 21. № 15795.

² *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912. С. 25.

³ ПСЗ РИ. Т. 21. № 15850.

⁴ *Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М., 2004. С. 181; *Каменский А. Б.* От Петра до Павла. Реформы в России XVIII в. М., 2001. С. 431.

⁵ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее: ЛОГАВ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 80; Д. 5. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 6. Л. 42; д. 7. Л. 15 об.

⁸ Там же. Д. 7. Л. 1–42 об.

⁹ *Морозан В. В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 120.

¹⁰ ЛОГАВ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 19–19 об.

¹¹ Там же. Л. 10 об., 11 об., 21 об., 24.

- ¹² Там же. Л. 12, 16 об., 24, 26, 27–27 об., 31 об., 34, 35–35 об., 40.
- ¹³ Там же. Л. 10, 13 об., 16.
- ¹⁴ Там же. Л. 22, 23,
- ¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 29; Д. 5. Л. 103; Д. 7. Л. 7 об., 8 об., 20 об., 37 об., 40 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 5, 19, 22, 36, 41, 48, 55, 59, 68, 77.
- ¹⁷ Там же. Л. 6, 11, 34, 42, 46, 49, 74; Д. 5. Л. 28, 56, 60, 94, 127.
- ¹⁸ Там же. Д. 3. Л. 26; Д. 5. Л. 67, 108.
- ¹⁹ ПСЗ РИ. Т. 20. № 14392.
- ²⁰ ЛОГАВ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 41, 66, 75, 79, 83; Д. 7. 153, 171.
- ²¹ Там же. Д. 1. Л. 223–223 об., 341, 343–343 об.; Д. 6. Л. 17, 25, 27, 84; Д. 7. Л. 2–2 об., 17 об.
- ²² Там же. Д. 3. Л. 27; Д. 6. Л. 15, 40, 80; Д. 7. Л. 3, 6 об., 13 об., 20, 32 об., 36 об., 38–38 об.
- ²³ Там же. Д. 1. Л. 55, 69; Д. 6. Л. 71; Д. 7. Л. 1–1 об., 11 об., 12 об. — 13, 18, 20 об., 40 об.
- ²⁴ Там же. Д. 1. Л. 52–53 об., Д. 6. Л. 14, 24, 46, 82; Д. 7. Л. 1, 5 об., 9, 18, 21, 25, 29, 33.
- ²⁵ Там же. Д. 1. Л. 191; Д. 3. Л. 37, 50; Д. 7. Л. 5.

ЛИТЕРАТУРА

- Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб.: Государственная типография, 1912. 446 с.
- Каменский А. Б.* От Петра до Павла. Реформы в России XVIII в. (Опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
- Морозан В. В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб.: Книга, 2004. 400 с.
- Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2004. 405 [1] с.

Ю. Д. Балащенко

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ХУДОЖНИКА И. Е. РЕПИНА

В первой четверти XX века произошли события, перевернувшие ход человеческой истории. В результате Первой мировой войны ушли в небытие Австро-Венгерская, Германская, Российская и Турецкая империи. Знаменитый русский художник Илья Ефимович Репин (1844–1930) на протяжении своей долгой жизни стал свидетелем нескольких войн и трех революций, произошедших в России в 1905 г., феврале и октябре 1917 г., и в конечном итоге приведших к крушению Великой империи. Репин, став очевидцем судьбоносных событий тех лет, отразил в своем творчестве многие из них. Причем нужно отметить, что талантливые картины художника, связанные с революционной тематикой, оказывали на зрителя большое воздействие, исподволь подтачивая государственные устои империи.

В СССР И. Е. Репин считался «великим пролетарским художником», и даже «И. В. Сталин назвал Репина в числе лучших представителей великой русской нации»¹. Основанием для такого утверждения служили его картины на темы народной жизни и революционных движений в обществе. Советские искусствоведы считали, что своими работами Илья Ефимович разоблачал существовавший в царской России режим. Основными в ряду его обличительных полотен называли «Бурлаков на Волге» (1873) и «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года, в день столетнего юбилея со дня его учреждения» (1903). При этом советские исследователи как-то «забывали», что картина «Бурлаки» была написана по заказу Великого Князя Владимира Александровича, который в 1873 г. приобрел ее у художника за 3 тысячи рублей. А «Заседание Государственного Совета», было выполнено по заказу российского правительства.

Искусствоведы СССР называли «Бурлаков» «художественным “приговором” современному Репину общественному строю с его варварской

эксплуатацией народа»². Они считали, что картина «Бурлаки», составившая славу художнику, была одной «из первых, в которой изображался пролетарский труд»³.

В то же время необходимо отметить, что еще в 1873 г. друг И. Е. Репина критик В. В. Стасов по поводу «Бурлаков» написал, «что подобной, глубоко потрясающей картины из народной жизни еще не видели...»⁴. Кажется странным, но из приведенных цитат видно, что оценки шедевра Репина дореволюционным критиком Стасовым и советскими искусствоведами практически не отличаются.

Один из первых исследователей жизни и творчества Репина российский и советский художник, реставратор, искусствовед И. Э. Грабарь справедливо отметил, что «гораздо больше, чем в России, оценили картину за границей...»⁵. До 1917 г. картина «Бурлаки на Волге» экспонировалась на семи художественных выставках России и Европы. Успех репинского полотна на Западе был, вероятно, предопределен тем, что превосходно написанные Репиным типажи бурлаков, одетых в живописные лохмотья, вполне соответствовали европейскому пониманию России. «Цивилизованные» европейцы считали, что на картине показана рабская сущность русского народа. Надо отметить, что даже сейчас, когда Россия стала открытой демократической страной, в западной «желтой» прессе время от времени появляются сюжеты о «дремучих» русских и «медведях», разгуливающих по улицам российских городов.

В своих воспоминаниях «Далекое близкое» Репин подробно описал, как и где он разыскивал подходящие персонажи для своей будущей картины, при этом необходимо учесть, что труд бурлаков физически был очень тяжел, но он хорошо оплачивался. Это были сильные и выносливые люди. Бурлаки же, которых мастерски изобразил Илья Ефимович, не то что не могли тянуть огромную баржу, а вряд ли смогли бы стронуть ее с места. При внимательном взгляде на картину, создается впечатление, что лямки, в которые впряжены эти несчастные, забытые работой и жизнью люди, только их и держат в вертикальном положении. Иначе они рухнули бы на песок и вряд ли бы снова смогли встать.

Выйдя из среды военных поселян города Чугуева, И. Е. Репин в своем творчестве конца XX века весьма сочувственно относился к ниспровергателям существующего режима. Об этом свидетельствует ряд его картин и зарисовок, таких как «Казнь Каракозова» (1866), «Под жандармским конвоем» (1876), «Арест пропагандиста» (1878–1892), «Не ждали» (1883–1884), «Перед исповедью» (1879–1885). Эти полотна, так же как и деятельность изображенных на них персонажей, расшатывали основы государства. Подтверждением тому служат слова друга И. Е. Репина, скульптора И. Я. Гинцбурга. В своих воспоминаниях он писал, что «...косвенно и он

[Репин. — *Авт.*] участвовал в том движении, которое привело к великой революции...»⁶.

События Первой русской революции 1905 года особо Репина не коснулись. Но, тем не менее, художник не остался равнодушным к тому, что происходило в стране. На «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. в Петербурге последовала быстрая реакция Репина. Уже 11 января художник отправил письмо врачу и коллекционеру А. П. Ланговому. В нем он писал, что «невозможно, чтобы европейски образованный человек искренно стоял за нелепое, потерявшее всякий смысл в нашей сложной жизни самодержавие — этот допотопный способ правления годится только еще для диких племен, неспособных к культуре»⁷. Тем самым живописец выразил свое резко отрицательное отношение к существовавшему режиму в России. И эта позиция И. Е. Репина не изменилась и в последующие годы. Прославленный живописец «до конца жизни, — как писала профессор Колумбийского университета Элизабет Валкениер, — оставался противником русской монархии и самодержавия. Именно это не позволило художнику безоговорочно и во всем осуждать советскую власть...»⁸. Об этом же свидетельствовал и ученик И. Е. Репина, Исаак Бродский, когда писал в своих воспоминаниях, что «политические взгляды [Репина] всегда были оппозиционны царскому правительству»⁹.

Подтверждение негативного отношения к правителям империи можно обнаружить и в послереволюционной переписке И. Е. Репина. 28 июня 1923 г. Илья Ефимович писал бывшему золотопромышленнику и меценату В. И. Базилювскому: «До чего дошли! Безграмотный сверхъестественный мужик [Распутин] уже правил самодержавно Россией и держал в своей пятерне всю, до очевидности выжившую из ума, императорскую комедию»¹⁰. Те же мысли содержит и послание художника поэту К. И. Чуковскому от 24 марта 1925 г. «А. А. [Император Александр III. — *Авт.*] — осел, — писал Репин, — во всю натуру. Все яснее и яснее становится подготовленная ими самими для себя русская катастрофа... Конечно, безграмотный мужлан *Распутин* был их гений, он и составил достойный финал им всем — завершилось... — ведь, сколько их предупреждали»¹¹.

Отношение художника к Григорию Ефимовичу Распутину было типичным в среде просвещенной столичной публики. Хотя фигура Распутина была явно неоднозначна, и это признавалось даже в те годы. Но только в настоящее время, когда прошло более ста лет после его злодейского убийства, началась некоторая переоценка роли и значения Распутина в истории предреволюционной России. Однако надо заметить, что неприятие монархии не мешало И. Е. Репину писать заказные портреты, как высшей российской знати, так и российских самодержцев.

В октябре 1905 г. Репин сделал зарисовки манифестации, проходившей по Невскому проспекту Петербурга. Но только через восемь лет в 1913 г. большое красочное полотно «17 октября 1905 года» было представлено живописцем на 41-й Передвижной выставке. Начав работать над картиной в 1907 г., Илья Ефимович дописал ее только в 1911 г. На ней, правда, несколько в гротескном виде Репин изобразил практически все те группы людей, которые участвовали в событиях 1905 г. По своему виду и содержанию это полотно резко отличается от полотен, связанных с революционной тематикой, которые были написаны художником ранее. Первоначально картина была запрещена цензурой, вероятно, власти не увидели в ней того, что прекрасно понял русский философ В. В. Розанов, написав ей хвалебную статью в журнале «Новое время»¹². Практически во всех других печатных изданиях рецензии на произведение Репина были отрицательными. Исследователь П. Ю. Климов, анализируя картину Репина и статью Розанова, писал, что «читая сегодня эту удивительно эмоциональную статью перед картиной Репина, долгие годы скрытой в музейном запаснике, начинаешь понимать именно историческую ценность этого произведения художника... Он попытался... создать живой, обобщающий образ громадного социального явления. Это “портрет” первой русской революции, написанный Репиным и “расшифрованный” Розановым, говорит о ней современному зрителю, пожалуй, не меньше иных увесистых томов»¹³.

Начало Первой мировой войны в 1914 г. ничем особо не поколебало размеренную жизнь Репина. Однако Февральскую революцию 1917 г. живописец, как и многие другие представители интеллигенции, встретил с восторгом. Эти люди искренне верили, что падение монархии приведет к всеобщему благоденствию и процветанию. У них и в мыслях не было, что их ожидает менее чем через год, когда крушение Российской империи полностью изменит страну и перевернет судьбы многих людей. В начале марта 1917 г. Илья Ефимович написал своему ученику Антону Михайловичу Комашке, который в те дни отправлялся военным корреспондентом на фронт: — «Да здравствует Русская Демократическая Республика!»¹⁴. 18 марта того же года Репин, воодушевленный революционными событиями, происходившими на его глазах, присутствовал на заседании Совета рабочих депутатов в Таврическом дворце. Там он сделал ряд набросков, запечатлевших участников заседания.

Своим праздничным настроением И. Е. Репин поделился с соседкой по имению в Куоккале, А. Л. Стаценко, 29 марта 1917 г.: «...при мысли, что в России республика, — отмечал живописец, — готов скакать от радости. Да — республика. Об этом я даже мечтать не смел, и теперь еще боюсь — не сон ли это!..» — и далее — «Слава! Слава! Прав Достоевский: 288

русский народ удивил весь мир и внес новое в жизнь!.. Дай Бог быть достойными и удержать, что добыто народом»¹⁵.

Восторг Ильи Ефимовича по поводу Февральской революции явно не распространялся на «большевиков» и на их лидера В. И. Ленина, приехавшего в Петроград в апреле 1917 г. «А Ленин-то каков фрукт! — писал Репин 22 апреля Чуковскому. — Вот церемонятся с явным мерзавцем и глупцом»¹⁶. Здесь необходимо отметить, что Репин, обозвав Владимира Ильича «глупцом», погрешил против истины. Незаурядные умственные способности Ленина признавали как друзья и соратники, так и враги «вождя мирового пролетариата». Но это отношение к руководителю Октябрьской революции и будущему главе государства не изменилось у Репина и в дальнейшем. «Ленин был по своей натуре, — писал Илья Ефимович 10 июля 1926 г. Виктору Ивановичу Базилевскому, — по своей деятельности, самый большой государственный преступник!»¹⁷.

В то же время Репин искренне восхищался главой временного правительства России Александром Федоровичем Керенским, что нашло отражение в письме от 20 июля 1917 г. к начинающему скульптору М. П. Оленину, где Репин отмечал: «...Керенский. Какая сложная, гениальная натура! Вот — человек родился Наполеоном; какой талант, какая энергия! И до чего он всегда неожиданно оригинален; а вообще прост и добр, как отмеченный Божиим перстом»¹⁸.

Летом 1917 г. обстановка в Петрограде накалилась до такой степени, что в городе повсеместно возникали стычки между противоборствующими сторонами революционеров и полицией. В это сложное время, а именно в конце июля—начале августа, между Ильей Ефимовичем и художником Василием Семеновичем Сварогом возникла интереснейшая переписка по поводу покупки и реставрации портрета Юрия Ильича Репина. Превосходное изображение сына Ильи Ефимовича было написано Сварогом в «Пенатах» в 1915 г. На нем Юрий Репин изображен с мольбертом и кистями в руках. Кажется, что он на какой-то момент приостановил работу и внимательно смотрит на зрителя. Полотно, высоко оцененное Репиным, пострадало от пуль во время летней уличной перестрелки, произошедшей рядом с мастерской художника. Сейчас этот портрет украшает мемориальную экспозицию Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты».

Этим же летом 1917 г. издательство «Свободная Россия» обратилось к Репину с просьбой написать портрет А. Ф. Керенского. Художник ответил согласием, тем более что лидер новой России ему, несомненно, нравился. Об этом Репин недвусмысленно написал в пространным письме от 15 августа¹⁹. Оно, как установила старейший сотрудник Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» Е. В. Кириллина, было направленно

в адрес Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской²⁰, которую называли «бабушкой русской революции». В письме, находящимся в архиве Академии художеств, Репин писал, что «неожиданно я попал в кабинет Керенского во время заседания Генералитета, собравшегося по экстренному прибытию ген[ерала] Корнилова. Здесь я сподобился видеть и Савенкова, и красавца Терещенко²¹ и ещё несколько лиц, освещавшихся солнцем Керенского»²². Это событие произошло 2 августа 1917 г. и, как следует из текста письма, И. Е. Репин во время заседания в Зимнем дворце сумел сделать ряд зарисовок наиболее колоритных личностей, присутствовавших на собрании, в том числе и Е. К. Брешко-Брешковской. К сожалению, альбом с этими набросками пропал и не обнаружен до сих пор.

Осенью 1917 г. И. И. Бродский по просьбе И. Е. Репина получил согласие Керенского позировать. Сеанс, как писал Исаак Израилевич, «проходил за месяц до Октябрьского восстания [и] Керенскому было уже не до нас»²³. Он состоялся в бывшей библиотеке Николая II в Зимнем дворце, где находился кабинет Главы Временного Правительства. Фотография работающих художников была опубликована в журнале «Огонек». Позже Репин и Бродский по своим этюдам написали портреты Керенского, причем Илья Ефимович написал два портрета. Один из них он подарил в 1926 г. Музею Революции СССР²⁴, а другой попал на современный антикварный рынок России.

Современному зрителю достаточно поверхностного взгляда на портреты А. Ф. Керенского кисти И. И. Бродского и И. Е. Репина, чтобы увидеть огромную разницу между ними. Как очень правильно подметил один современный любитель живописи и знаток русской истории: «Портрет, написанный Бродским, это чрезвычайно профессионально выполненный официальный образ Главы Временного Правительства. Художник отнесся к своему персонажу чисто формально. В то же время на репинском портрете видна вся подноготная этого “великого временщика” и приходит осознание того, что с таким “вождем” Россию ничего хорошего не ждет». Можно только поражаться глубине таланта живописца, выразившего на полотне слабость и «никчемность» амбициозного политика, в то время как в письмах той поры он восхищался Керенским. Но надо отдать должное чести И. Е. Репина, чье последующее прозрение произошло значительно позже и нашло подтверждение в воспоминаниях П. Е. Безруких²⁵. Он познакомился с художником весной 1926 г., выполняя поручение журнала «Жизнь искусства». «Ах, как жаль, — привел слова Репина Павел Ефимович, — что я писал этого прохвоста и болтуна Керенского... Этот мелкий жулик, обманщик затуманил голову своей болтовней, напутал, навертел и убежал, поджав хвост»²⁶.

К концу 1917 г. восторги Репина по поводу революции явно поуба-вились. Свидетельством тому стала картина «Быдло империализма» — вариант «Бурлаков на Волге» в новых исторических условиях. Несмотря на то, что полотно не было дописано, Репин представил его на 46 выставке Передвижников, которая открылась в Петрограде в залах Общества поощрения художеств в декабре 1917 г.

Илья Ефимович, объясняя необычное название картины, писал, что «быдло — слово польское, оно разумеет оскотинившегося раба... глубоко развращенное существо: постоянно соприкасаясь с полицией, оно усваивает его способности хищничать по-волчьи, подхалимствовать, но быстро приходит к расправе над своими господами, если они ослабеют»²⁷. В этих словах художника как-то не чувствуется былого восхищения бурлаками. Скорее, в них предчувствие того, что последует, когда такие вот «бурлаки» придут к власти.

Несмотря на напряженную обстановку 1917 г. в Петрограде, И. Е. Репин продолжал плодотворно работать. Начиная с лета, он много времени уделял написанию портрета английского посла в России, сэра Дж. Бьюкенена, в его квартире у Марсова поля. Заслуживает внимания, характеристика данная художником послу Великобритании: «Сэр Джордж Бьюкенен — умный англичанин (ведь они — наша надежда в будущем; недаром такое чувство: эти люди выведут нас из наших трущоб, куды мы по макушку забрались по нашей дикости)»²⁸. В этих строках, обращенных Репиным упомянутому выше скульптору Ленину, сказались, с одной стороны, упования интеллигенции на помощь России, которую окажет Запад и в частности Англия, а с другой — полное непонимание того, что Западу сильная и образованная Россия абсолютно не нужна.

В январе 1923 г., вспоминая о тех днях, Репин писал художнику П. И. Нерадовскому, что «заканчивать портрет пришлось осенью... время становилось все беспокойнее. Напр[имер] вчера я удостоился завтракать у Бьюкенена вместе с нашими молодыми министрами — Терещенко и Третьяковым, а сегодня они уже арестованы и сидят в крепости...»²⁹. В этом письме Репина нашли отражение уже реалии Октябрьской революции.

Чрезвычайно интересное определение революции содержит послание Репина «ответ анониму» в 1918 г. В нем он писал, что «...революция есть пропасть, через которую необходимо только перейти к республике»³⁰.

Неоднозначное отношение художника к событиям 1917 г. ярко проявилось в письме Репина к Чуковскому. В нем отсутствует начало, поэтому датировка его весьма приблизительная: 1920–1922 гг. «...Вы знаете, — писал Репин, — ни за кем я не признаю права разбоя и грабежа чужого, а след[овательно] никакая *революция* мне не может внушить по-

чтения, но и в темных движениях бывают светлые проблески, так и в нашей революции: *отделение церкви от государства, свободу религиозной совести и равенство перед законом — священные и почтенные принципы.* Но не верьте, что это было дано в *серьоз ...*»³¹.

31 декабря (по н. стилю) 1917 г. Совнарком РСФСР признал независимость Финляндии. Репин, покинув революционный Петроград, 3 апреля 1918 г. вернулся в «Пенаты». А уже 14 апреля граница между Советской Россией и Финляндией была закрыта. Российская империя развалилась, а на ее просторах запылала Гражданская война. Репин очень вовремя переехал в свое имение, став при этом вынужденным эмигрантом. Он потерял все свои сбережения, которые были национализированы в Советской России, но остался жив и мог продолжать относительно спокойно работать, так как боевые действия не затронули усадьбу. В Финляндии, в отличие от остальной России, гражданская война быстро закончилась. А в 1920 г. к Репину пришло признание со стороны финского правительства. Он был награжден высшим знаком отличия страны «Орденом Белой Розы».

Здесь необходимо отметить, что много интереснейших подробностей жизни И. Е. Репина в независимой Финляндии и его суждений о происходивших событиях и людях, начиная с 1918 г. и до его кончины, содержит переписка живописца с В. И. Базилевским и К. И. Чуковским.

Надо заметить, что И. Е. Репин не замкнулся в своем имении, а вел полноценную жизнь, продолжая не только творить, но и быть в курсе всего того, что происходило в стране и в мире. В этой связи представляет интерес оценка Репиным русских эмигрантов из Советской России в Финляндии, данная им 29 июня 1920 г. в послании к Базилевскому. Из нее следует, что пожилой художник был весьма наблюдателен и прекрасно осознавал сложившуюся в стране ситуацию и откровенно о ней писал: «...русские, несмотря на свою многочисленность и прохвостанную ими на весь мир силу, все больше скотеют: из кровожадных волков перекрашиваются в баранов и нищенствуют по всему миру...»³².

Заключительным аккордом практически полного разочарования Репина в революции и революционерах, вероятно, служит картина «Большевик», известная еще и под другим названием — «Революционный солдат Троцкого отбирает хлеб у ребенка». На полотне художник изобразил тех, в кого, возможно, превратились бурлаки, запечатленные на картине «Быдло империализма».

Негативное отношение И. Е. Репина к переменам, произошедшим на просторах бывшей Российской империи, нашло отражение в письме 1920 г. к богослову Г. С. Петрову: «Я все еще не забываю Вашего образного выражения: из прорвавшейся плотины несутся старые брошенные

резиновые калоши и прочая дрянь»³³. Здесь Репин, в иносказательной форме, использовав слова Петрова, дал великолепную оценку событиям конца 1917–1918 гг. Этому способствовало и наблюдения самого Репина, видевшего окружающую разруху в бывшем процветающем дачном поселке в окрестностях Санкт-Петербурга. «Куоккала вся в развале, — писал Репин в Петроград своей старшей дочери Вере, — стекла выбиты, заборчики развалены, мостики провалились, многие домики проданы на слом — увезены»³⁴. В то же время в послании к В. И. Базилевскому Илья Ефимович был гораздо более откровенен, когда 29 октября 1920 г. написал: «Что делать — во власти бунтующих рабов, — можно ли гадать о каких-то человеческих традициях, жизнях. Грабежи, разбои, казни, голод и мор — вот что нам дали обманщики...»³⁵.

И не следует удивляться тому, что еще за несколько лет до визита советских художников в «Пенаты» в 1926 г., когда они уговаривали Репина переселиться в СССР, умудренный жизненным опытом живописец, написал Чуковскому 18 января 1922 г., что «может ли меня тянуть в Россию?! России нет»³⁶. Практически эти же мысли Илья Ефимович высказал Базилевскому 30 апреля 1922 г., написав, что «Чуковский и нек[оторые] другие приглашают меня переехать в Петроград и сулят всякие блага... Но надо быть набитым дураком, чтобы верить этим нищим грабителям...»³⁷.

Еще более мрачная картина предстает из другого письма Репина к Чуковскому. «О, какая тоска видеть теперь Куоккала и Оллила, — писал Илья Ефимович 19 июля 1923 г., — остаются только фундаменты от снесенных дач: частоколы растасканы, фруктовые деревья сломаны, торчат только трубы, еще не разобранные — их разберут. Пустота, выморочность. Коровы пасутся на дорогах и по канаве; лошади — редкость, издадека разве, проездом»³⁸.

В это же время в мировоззрении Репина произошли значительные изменения, касающиеся всех сторон жизни художника. Если раньше до Октябрьской революции он относился к церкви достаточно негативно, то теперь он «увидел церковь — великая сила для народа; она только может собрать и опять восстановить Россию», — признался Илья Ефимович в письме к Базилевскому 12 марта 1920 г.³⁹ В очередном послании к Виктору Ивановичу от 8 декабря 1921 г. Репин высказал надежду на будущие перемены, связав их с помощью Святителя Николая: «Третьего дня мы праздновали Николая Чудотворца по новому стилю. Ох, молятся ему православные, горят жаркие — дорогие свечи, даже верится, что сей излюбленный Угодник поможет нам — больше некому»⁴⁰. При этом надо помнить, что тема, связанная с Николаем Чудотворцем, особо почитаемым святым в России, была Репину близко знакома. В 1888 г. он написал

великолепное полотно «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных», причем оно существует в трех вариантах. Первый был приобретен Императором Александром III в 1889 г., а два других были написаны живописцем в 1890 г.

Но надо отметить, что упования Репина на помощь и заступничество Николая Угодника не оправдались. 14 мая 1922 года художник написал Базилевскому: «К самой Пасхальной Субботе Вера вернулась из ада, и мы вместе были [у] Светлой заутрени. ... выздоровление России, ... едва ли скоро наступит ... что если России суждено прожить под этим игом еще около 200 лет?»⁴¹. После приезда Веры Ильиничны из Советской России к отцу в «Пенаты» и ее бесконечных рассказов об ужасах, которые Илья Ефимович сравнивает с «Дантовым адом», творившихся в «государстве рабочих и крестьян», пессимистический прогноз Репина на будущее возрождение России вполне оправдан.

Вместе с тем, вполне размеренная жизнь в «Пенатах» продолжалась, несмотря на все жизненные невзгоды. По средам, как в былые спокойные времена, когда Куоккала была многолюдным дачным поселком в окрестностях столицы Империи, у Репина собирались гости, конечно, публика была не та, что посещала гостеприимный дом художника раньше. Тем не менее, постоянно велись дискуссии и читались разнообразные лекции. В том числе и совершенно экзотические, о чем художник сообщил 25 мая 1921 г. Базилевскому: «Мы тут немножко причастились буддийской мудрости: *йоги* и *карма* — такие премудрые понятия, нельзя не пожелать им успеха и распространения»⁴².

В то же время И. Е. Репин продолжал интенсивно работать. Он, отказавшись от современных тем, обратился к сюжетам из Евангелия, посвященных жизни и смерти Христа. Кроме того, он писал портреты окружавших его людей, таких же как он — русских вынужденных эмигрантов. Пожалуй, единственным исключением стал портрет академика И. П. Павлова, который летом приезжал из СССР на дачу в Келломяки (Комарово). Об этой своей работе Репин 16 августа 1925 г. сообщил Базилевскому: «Недалеко от нас живет Иван Петрович Павлов — знаменитый ученый-физиолог. Я затеял с него портрет»⁴³.

Еще одним примером изменившегося мировоззрения Репина может служить рассказ о посещении «Пенатов» супружеской парой из СССР. Он был записан другом художника, К. И. Чуковским. В нем говорилось, что к Репину явились «ленинградский доктор Штернберг и его молодая жена. Оба любители живописи и друзья художников... Смотрю я на этого Штернберга... морда у него — вот — комиссарская, хотя держится он очень симпатично — и спрашиваю: Разве Вы художник? Нет, говорит, я не художник, я доктор. Это меня разъярило»⁴⁴. Из приведенной ко-

роткой зарисовки следует, что престарелый художник не особо жаловал визитеров из страны рабочих и крестьян, особенно если те появлялись у него без приглашения и с неизвестными целями. Этот же эпизод нашел отражение и в воспоминаниях Ильи Яковлевича Гинцбурга, который посетил Репина в 1925 г.⁴⁵

Заслуживают внимания размышления И. Е. Репина о состоянии искусства, высказанные им 2 ноября 1925 г. в очередном послании к Базилевскому: «...теперь с делами искусства вообще плоше да плоше, — писал Илья Ефимович. — Во-первых, только наивный чудака может приобретать сию драгоценность — не сегодня-завтра запылает *«всемирный пожар»!* Потом — самые полезнейшие деятели культуры — *«буржуи»* — обобранны разной бесполезной и очень вредной сволочью. ... Ведь и истинных любителей и ценителей искусства все меньше и меньше становится»⁴⁶. Примерно эти же мысли художник повторил в письме 10 июля 1926 г., написав, что «Кому теперь надо искусство, если наши мерзавцы только и думают *«о всемирном пожаре»!* На пожаре только *грабить* можно. Вот гражданская доблесть!!! Неужели найдутся простаки, которые дадут им взаимы?!! При этом они откровенно говорят, что *они не заплатят*. Только бешенные собаки могут конкурировать с ними в добродетели. Еще претендуют на название *культурных* людей!.. Какое понижение всех достижений культуры!»⁴⁷. Причем следует заметить, что это письмо было написано Репиным уже после визита советской делегации художников, пытавшихся уговорить Илью Ефимовича переехать в СССР.

В этой связи интересна оценка жизни и творчества Репина после Октября советским писателем Иваном Евдокимовым, который спустя десять лет после смерти художника написал, что «он не разглядел, что поднялся на ноги тот самый трудовой, любимый, уважаемый народ, во славу которого Репин работал сорок пять лет. Народ репинских “Бурлаков”, “Не ждали”, “Проводов новобранца”, “Ареста пропагандиста”, “Отказа от исповеди”...»⁴⁸.

Но, если судить по переписке И. Е. Репина с бывшим богатейшим человеком в Российской империи, золотопромышленником и меценатом В. И. Базилевским, жившим в Эстонии, то престарелый живописец прекрасно разбирался во всех хитросплетениях современной ему жизни. Тем более, если вспомнить то, что Репин не только читал газеты и журналы, издаваемые русскими эмигрантами в Прибалтике и Европе, но и постоянно слушал передачи Ленинградского радио через детекторный радиоприемник, о чем он сообщал Базилевскому. «Я все радиом развлекаюсь, — писал Репин 14 июня 1927 г., — много, много интересного»⁴⁹. Вера Ильинична Репина не раз делала зарисовки отца в наушниках, слушающим радио.

В заключение можно привести слова К. И. Чуковского: «Мнения Репина о разных людях, вещах и событиях порой очень круто менялись, но, каковы бы они ни были, он вкладывал в них всю свою искренность»⁵⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Илья Ефимович Репин. Сборник статей. М., 1952. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Моргунов Н. С. И. Е. Репин. М., 1924. С. 5–6.

⁴ Стасов В. В. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1952. С. 239.

⁵ Грабарь И. Э. Репин. Журнально-газетное обозрение. М., 1933. С. 66.

⁶ Гинцбург И. Я. «Первый» русский художник // Воспоминания о художнике. М., 2019. С. 212.

⁷ Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 164.

⁸ Валкениер Э. Творчество Ильи Репина и проблемы современного реализма // Материалы международной научной конференции ГТГ. М., 215. С. 324.

⁹ Бродский И. И. Мой творческий путь. М.—Л., 1940. С. 79.

¹⁰ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. Миръ. СПб.; М., 2012. С. 140.

¹¹ Репин И. Е. Избранные письма. 1867–1930. Т. 2. М., 1969. С. 356.

¹² Розанов В. В. О картине И. Е. Репина «17 октября 1905» // Новое время. 1913, 12 марта.

¹³ Климов П. Ю. Великий «щупальщик» существа человечества // Илья Ефимович Репин. СПб., 1995. С. 115.

¹⁴ Комашка А. М. Три года с Репиным // Репин. Художественное наследство. Т. 2. М.—Л., 1949. С. 299.

¹⁵ Новое о Репине. Статьи и письма художника, воспоминания учеников и друзей, публикации. Л., 1969. С. 256.

¹⁶ Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка 1906–1929. М., 2006. С. 122.

¹⁷ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 205.

¹⁸ Тимофеев Л. В. Теперь я совсем на Вашей стороне // Илья Ефимович Репин. СПб., 1995. С. 173.

¹⁹ Научно-библиографический архив Российской Академии художеств (далее: НБА РАХ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 473. Л. 1–2. Репин И. Е.

²⁰ Брешко-Брешковская (урожденная Вериго) Екатерина Константиновна (1844–1934) — профессиональная революционерка. Была одним из основателей и лидеров Партии Социалистов-Революционеров (эсеров). Поддерживала Временное правительство и А. Ф. Керенского, который называл ее «Бабушкой русской революции». К Октябрьской революции отнеслась враждебно. Эмигрировала из России в конце 1918 г. Умерла в Чехословакии, на похоронах присутствовал Керенский.

²¹ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — крупный российский предприниматель, землевладелец и банкир. Во Временном правительстве занимал посты министра финансов (с марта по май) и министра иностранных дел (с мая

по октябрь) 1917 года. Был арестован большевиками в Зимнем дворце вместе с другими членами Временного правительства и заключен в Петропавловскую крепость. Весной 1918 г., после освобождения, эмигрировал в Финляндию, оттуда в Норвегию, затем жил во Франции и Англии.

²² НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 1–2. *Репин И. Е.*

²³ *Бродский И. И.* Мой творческий путь. М. — Л., 1940. С. 79. С. 80.

²⁴ Портрет Керенского был подарен Репиным летом 1926 г., когда в «Пенаты» приезжала делегация советских художников во главе с И. И. Бродским. Задачей делегации было склонить Репина к переезду из Финляндии в СССР.

²⁵ Безруких Павел Ефимович (1892–1952) — советский государственный служащий, журналист и дипломат. Часто посещал Финляндию по делам Октябрьской железной дороги.

²⁶ *Безруких П. Е.* Очарованный мастер // Репин. Воспоминания о художнике. М., 2019. С. 30.

²⁷ *Репин И. Е.* Избранные письма. С. 324.

²⁸ *Тимофеев Л. В.* Теперь я совсем на Вашей стороне. Неизвестные письма И. Е. Репина // Илья Ефимович Репин. СПб., 1995. С. 173.

²⁹ Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка 1906–1929. С. 123–124.

³⁰ *Репин И. Е.* Избранные письма. С. 324.

³¹ Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка 1906–1929. С. 154.

³² Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 41.

³³ *Репин И. Е.* Избранные письма. С. 328.

³⁴ Там же. С. 326.

³⁵ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 52.

³⁶ Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка 1906–1929. С. 144.

³⁷ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 115.

³⁸ *Репин И. Е.* Избранные письма. С. 340.

³⁹ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 24.

⁴⁰ Там же. С. 97.

⁴¹ Там же. С. 119.

⁴² Там же. С. 73.

⁴³ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 179 (Письмо И. Е. Репина от 16 августа 1925 г.).

⁴⁴ *Чуковский К. И.* Илья Репин. Воспоминания. М.—Л., 1936. С. 94.

⁴⁵ *Гинцбург И. Я.* Воспоминания. Статьи. Письма. Л., 1964. С. 120.

⁴⁶ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 185.

⁴⁷ Там же. С. 205.

⁴⁸ *Евдокимов И.* Репин. М., 1940. С. 281.

⁴⁹ Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. С. 223.

⁵⁰ *Чуковский К. И.* Илья Репин. М., 1969. С. 14.

ЛИТЕРАТУРА

Аржакова Л. М., Барышников В. Н., Бодров А. В., Возгрин В. Е., Борисенко В. Н., Василик В. В., Гончарова Т. Н., Заостовцев Б. П., Кибинь А. С., Сидоренко Л. В., Смолин А. В., Пленков О. Ю., Филюшкин А. И., Шагинян А. К., Шершинева С. В. Академический словарь теории и истории империй. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. 728 с.

Балащенко Ю. Д. И. Е. Репин и творческое сообщество независимой Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017, № 18/1–2/. С. 20–30.

Балащенко Ю. Д. Как и почему И. И. Бродский уговаривал И. Е. Репина переехать из Финляндии в СССР // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016, № 17/1/. С. 46–53.

Бородина Т. П. И. Е. Репин в финский период 1918–1930-х гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010, № 11. С. 49–60.

Бородина Т. П. Надзор сыскной полиции Финляндии за И. Е. Репиным и его семьей (По материалам Национального архива Финляндии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011, № 12. С. 33–45.

Бродский И. И. Мой творческий путь. М.—Л.: Искусство, 1940. 131 с.

Гинцбург И. Я. Воспоминания. Статьи. Письма. Л.: Художник РСФСР, 1964. 280 с.

Грабарь И. Э. Репин. М.: Журнально-газетное обозрение, 1933. 264 с.

Евдокимов И. В. Репин. М.: Сов. писатель, 1940. 324 с.

Илья Ефимович Репин — Виктор Иванович Базилевский. Переписка 1918–1929 годы. Мирь. М.; СПб.: РГАЛИ, 2012. 384 с.

Климов П. Ю. Великий «щупальщик» существа человечества // Илья Ефимович Репин. СПб.: Русский музей, 1995. С. 111–116.

Комашка А. М. Три года с Репиным // Репин. Художественное наследство. Т. 2. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 283–30.

Моргунов Н. С. И. Е. Репин. М.: Гос. изд-во, 1924. 126 с.

Новое о Репине. Статьи и письма художника, воспоминания учеников и друзей, публикации. Л.: Художник РСФСР, 1969. 436 с.

Репин И. Е. — Чуковский К. И. Переписка 1906–1929. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 352 с.

Репин И. Е. Избранные письма. 1867–1930. Т. 2. М.: Искусство, 1969. 464 с.

Репин И. Е. Сборник докладов и материалов. М.: Академия художеств СССР, 1952. 134 с.

Репин И. Е. Письма художникам и художественным деятелям. М.: Искусство, 1952. 408 с.

Репин. Воспоминания о художнике. М.: Гелиос АРВ, 2019. 416 с.

Стасов В. В. Избранные сочинения. Т. 1. М.: Искусство, 1952. 680 с.

Тимофеев Л. В. Теперь я совсем на Вашей стороне. Неизвестные письма И. Е. Репин // Илья Ефимович Репин. СПб.: Русский музей, 1995. 170–176 с.

Чуковский К. И. Илья Репин. Воспоминания. М.—Л.: Искусство, 1936. 104 с.

Чуковский К. И. Илья Репин. М.: Искусство, 1969. 142 с.

В. И. Фокин

**СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ
КАК ОБЪЕКТ «КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ» СССР
В 20–30-е гг. XX в.**

Российская революция 1917 г., как и американская — полтора столетия до нее, — в поисках международного признания обратилась через голову правительств за поддержкой к народам зарубежных стран. Отцы-основатели США, организовав сеть корреспондентских комитетов, рассчитывали на влияние своих единомышленников в правящих кругах европейских стран. Большевицкое правительство надеялось на мировую революцию, поддержку широких масс в борьбе против мировой войны и против иностранной интервенции в Советскую Россию.

Мировая революция, как известно, не случилась. Революционный кризис был преодолен Западом к 1923 г. Перед Советской Россией в международном плане стали проблемы, связанные с мирным сосуществованием государств с различным общественным строем, и реальная угроза превращения страны в зависимый сырьевой придаток индустриально развитых стран. Для решения этих проблем Советская страна должна была добиться установления дипломатических отношений с ведущими странами Запада и обеспечить экономическую независимость в исторически короткие сроки.

В условиях экономической и политической стабилизации СССР мог рассчитывать не только на внутренние ресурсы, но и на поддержку трудящихся и общественности зарубежных стран. Поэтому внешняя политика СССР стремилась реализовать возможности, которые могли преодолеть Коминтерн и интеллектуальные круги зарубежных стран.

«Культурная дипломатия» СССР была рассчитана на привлечение внимания интеллектуалов Запада к советскому эксперименту — созданию благоприятного впечатления о нём. Учитывая, что в то время интеллектуальная элита имели значительное влияние на формирование общественного мнения, «культурная дипломатия» позволяла решать задачи

международного признания Советского государства и получения необходимой научно-технической помощи в экономическом развитии СССР.

Развивая дипломатическую деятельность в этом направлении Советское правительство опиралось на некоторые особенности послевоенного развития. Во-первых, призыв к демократическому миру без аннексий и контрибуций «Декрета о мире» получил широкую поддержку общественности многих стран мира, уставшую от войны. Моральные и политические принципы европейского либерализма рухнули в траншеи первой мировой войны. Кровавая, небывалая по своим масштабам и жестокости трагедия потрясла до основания здание европейской цивилизации. Кризис охватывал основы общества, которые считались незыблемыми на протяжении нескольких веков. Т. Манн в статье «Гёте и Толстой. Фрагмент к проблеме гуманизма» писал в годы войны: «Мы... присутствуем при конце эпохи, эпохи буржуазно-гуманистической и либеральной, которая родилась в эпоху Возрождения, достигла расцвета в период Французской революции, и сейчас мы присутствуем при ее последних судорогах и агонии»¹. Характеру времени соответствовало и кризисное состояние сознания. А. В. Луначарский, имевший в 20-е гг. немало встреч с представителями европейских интеллектуальных кругов, отмечал: «...почти ни у кого не осталось незыблемых убеждений, в большей или меньшей степени ищут все. Отсюда стремление познакомиться с новыми путями и возможностями, какими бы чуждыми они не казались»².

Еще в годы мировой войны для значительной части интеллектуалов, чье сознание не было втянуто в текущую политическую борьбу, стало очевидным, что общество зашло в тупик, и начались процессы его саморазрушения, включающие человеческие жертвы. Академик В. И. Вернадский, член Государственного Совета, член ЦК партии кадетов в 1915 г., пришел к выводу о том, что причины войны коренятся в несправедливом характере общественного устройства, и для их устранения необходимо изменение самого общества³. Это был вывод не политика, а ученого-натуралиста, но тем очевиднее он отражал представления интеллигенции. По инициативе А. Барбюса в 1917 г. возникает объединение интеллигенции под названием «Кларте» (Ясность). Оно выступало за революционный выход из войны и за преобразование общества на социалистических началах⁴.

Вскоре близкие по духу общества возникли в скандинавских странах, на Британских островах. В 1919 г. «Кларте» стало международной организацией. Организация выступала с разоблачением милитаризма и с осуждением интервенции в Россию⁵. В августе 1920 г. появился «Призыв к пролетариату» А. Франса, в 1921 г. — «Диктатура пролетариата» Б. Шоу⁶. Критический подход к действительности, ее основополагаю-

щим элементам достиг максимального накала в творчестве М. Андерсена-Нексе и других, критика милитаризма, эксплуатации, формализма государственной системы соединяются с идеей революции, способствующей изменению сознания людей и рождающей надежду на разумное преобразование общества. Представители различных мировоззрений, художественных течений и социальных слоев в то время зафиксировали свое негативное отношение к существующим условиям общественной жизни, приверженность революционному обновлению общества⁷. На протяжении 20-х гг. падает значение радикальных общественных и литературно-художественных направлений. Лишившись революционного содержания, они сохраняли модернистские формы, придавая им большое значение. На смену органичному образу приходит откровенный конструктивизм.

Именно в этой среде возникают настроения в поддержку молодого советского государства. Деятели Норвежской рабочей партии в 1917 г. выдвинули В. И. Ленина на Нобелевскую премию мира. Большой отклик в том числе и в Скандинавских странах получили репортажи Джона Рида из России, книга Герберта Уэллса «Россия во мгле», рассказывающие о революционной России. В свою очередь, успехом завершились в начале 20-х гг. миссии А. Н. Крылова и С. Ф. Ольденбурга, посетившие Швецию и Данию и направленные на развитие экономических и научно-технических связей. Все эти события показывали, что Россия стремится к развитию сотрудничества с европейскими странами, а главное — остается неотъемлемой частью мировой культуры, несмотря на трудности революционного времени и Гражданской войны. Опираясь на эти настроения общественности удалось в конечном итоге преодолеть дипломатическую блокаду СССР в середине 20-х гг. Связи с деятелями мировой культуры и науки способствовали крупнейшему успеху советской дипломатии.

Вторым фактором, позволившим преодолеть отчуждение России от европейской цивилизации, явилось апеллирование к пацифистским настроениям, имевшим значительное распространение в общественном мнении того времени. После Первой мировой войны европейцы и американцы жили в условиях мира, который почти открыто был «сконструирован» на их глазах в Версале. Они осознавали, что условия жизни целых народов и государств, вся система международных отношений родились не стихийно, а в результате усилий политиков и дипломатов. В их сознании это было одним из выдающихся доказательств того, что человек на разумной рациональной основе может создать новые условия жизни. Одним из ключевых элементов нового мирового порядка являлась Лига Наций. В объединении интеллигенции вокруг Лиги Наций многие деятели культуры видели возможность для создания предпосылок к форми-

рованию «интернационального духа», обеспечивающего умиротворение планеты⁸.

Во время работы II сессии 2 сентября 1921 г. Ассамблеи Совет Лиги рассмотрел меморандум Генерального секретаря о деятельности Лиги в сфере образования, где развивалась мысль о том, что без взаимного понимания государств и народов не может существовать Ассоциация Наций, а достичь этого, без духовного общения, нельзя. Были сформулированы принципы, которыми должна была руководствоваться организация интеллектуальной элиты, для формирования мирового общественного мнения и доброй воли народов, для организации международного обмена идеями при непосредственном участии интеллектуалов, для упорядочения и расширения международных научных и культурных связей. Авторы очерка о деятельности в 1925–1937 гг. Комитета международного интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций писали: «...минули времена, когда они (интеллектуалы) не разделяли в столь высокой степени ответственность за общественную жизнь своих наций и всего мира. Никогда ранее мастера литературы, искусства и науки не оказывали такого обширного влияния, как в наши дни, благодаря числу их учеников и последователей, благодаря прогрессу общей культуры... В настоящее время необходимость международного сотрудничества во всех областях интеллектуальной деятельности становится более очевидной, чем когда-либо»⁹.

Идеи пацифизма, международного сотрудничества в области безопасности, образования и культуры пользовались большой популярностью среди жителей Скандинавских стран, поэтому интеллектуалы этих стран активно участвовали в совместной работе с Лигой Наций в этой области. СССР, несмотря на то, что не являлся членом Лиги Наций до 1934 г., тем не менее в 1929 г. стал членом Комитета международного интеллектуального сотрудничества. В 1931 г. был создан Постоянный международный комитет писателей и художников при Лиге Наций. В состав Комитета входили известные деятели культуры и гуманитарных наук из Норвегии, Швеции, Дании и СССР. Так в 1933 г. представители этих стран участвовали в исследовании работы университетов¹⁰. В результате были выработаны рекомендации по правовому регулированию отношений высшей школы и государства, организации трудоустройства преподавателей университетов в условиях экономического кризиса. Система финансирования вузов в СССР была тогда признана наиболее эффективной. Значительное внимание в международном сотрудничестве 30-х гг. уделялось поискам новых методик в школьной педагогике. Основные усилия сосредоточились на разработке и внедрении новых средств обучения. Координировалась работа по радиофикации школ

и организации учебных радиопередач. Был организован обмен радиопередачами и опытом¹¹. Особое значение сторонники пацифизма уделяли преподаванию истории. В 1931–1932 г. Комиссия по историческому образованию Международного комитета историков, который возглавлял норвежский историк Х. Кут, к 1933 г. выработала рекомендации, которые позволяли преодолеть основные проблемы и противоречия в преподавании истории. В 1937 г. были приняты предложения советского профессора М. Панкратовой о соотношении преподавания отечественной и всеобщей истории, истории военной, политической и истории культуры, изучения в школе принципов и деятельности Лиги Наций¹². Предложения М. Панкратовой были горячо поддержаны Х. Кутом, ставшем к тому времени министром иностранных дел Норвегии.

По поручению Ассамблеи Лиги Наций Комитет интеллектуального сотрудничества предпринял исследования влияния СМИ на формирование международного климата. В этой работе участвовали советские и скандинавские ученые. В 1932 г. были разработаны рекомендации по использованию радиовещания и кинематографии в деле укрепления духа мира и сотрудничества между народами. В них отмечалось, что международные радиопередачи и кинофильмы могут либо нанести вред отношениям между народами, либо способствовать укреплению духа доверия между ними. Было предложено активнее использовать радио в сфере образования для повышения уровня культуры народов, в распространении лучших образцов мировой культуры, в формировании международного сознания, в пропаганде идеалов Лиги Наций в деле воспитания молодежи в пацифистском духе, в борьбе против националистической лжи и за сближение народов. Особая роль в этой работе отводилась передачам новостей и кинохронике¹³. По поручению XII Ассамблеи Лиги Наций (1934 г.) Комитет приступил к разработке универсальной международной конвенции по радиовещанию, которая должна была регулировать этот род деятельности на уровне государств¹⁴. Однако разногласия между государствами, не желавшими рассматривать содержание своего радиовещания, не позволили реализовать и это начинание МКИК.

Такое участие советской дипломатии в многостороннем сотрудничестве позволяло донести позицию СССР по вопросам гуманитарного сотрудничества до правительств государств-членов Лиги Наций и международной общественности. Особенно важно это было в период обсуждения в Лиге Наций советских предложений о коллективной безопасности. Стороны, заинтересованные в предотвращении новой мировой войны, были чрезвычайно заинтересованы в реализации концепции коллективной безопасности в Европе. Но скандинавские страны, будучи

естественными сторонниками этой идеи не решились пойти на сотрудничество, вопреки позиции западных держав, стремившихся направить гитлеровскую агрессию на СССР.

В своей внешней политике руководители СССР стремились использовать международные научные и культурные связи для упрочения авторитета СССР на международной арене. Опираясь на стремление деятелей мировой культуры к восстановлению связей с представителями культуры России, Советское правительство добивалось изменения общественного мнения в странах Западной Европы и Северной Америки в пользу отмены блокады и установления дипломатических отношений с СССР. Успех этой политики в середине 20-х гг. создал определенную традицию, которая требовала подтверждения правильности избранного руководителями страны курса «широким признанием мировой прогрессивной общественностью».

И в дальнейшем политическое руководство страны уделяло большое внимание позиции, которую по отношению к СССР занимали видные представители культуры Запада. С течением времени этот аспект международного культурного обмена превращался не только в фактор внешней политики государства, но и в фактор внутривнутриполитической борьбы. В условиях острого противостояния между лидерами большевиков, после смерти В. И. Ленина, «международное признание» авторитета того или иного политического деятеля становилось необходимым атрибутом политического имиджа. Особое значение этому придавал И. В. Сталин, который стремился произвести максимально благоприятное впечатление на всемирно известных писателей, хотя всегда скептически оценивал возможности интеллигенции как самостоятельного социального слоя. Ему было крайне важно добиться признания успеха советского эксперимента, проводимого под его руководством, на международной арене, ослабить впечатление, которое оказала на общественное мнение критика Л. Д. Троцким сталинизма.

В середине 30-х гг. внешняя политика СССР, в том числе в области международных культурных связей, стала диктоваться обстоятельствами, вызванными ростом угрозы новой мировой войны. В 1935 г. было принято известное решение VII конгресса Коминтерна о создании широкого антифашистского фронта. В это время советское внешнеполитическое ведомство стремилось получить поддержку у мировой общественности в создании системы коллективной безопасности в Европе.

Крупной акцией, организованной советской «культурной дипломатией», было участие представителей литературы скандинавских и других стран в работе I съезда советских писателей в 1934 г.¹⁵ В международном плане Съезд прошел под лозунгом объединения писателей и худож-

ников против фашизма и войны¹⁶. Заметим, что это произошло за год до VII Конгресса Коминтерна.

Развитием инициативы явилось создание Международной ассоциации писателей в защиту культуры и мира. Первый конгресс Ассоциации состоялся летом 1935 г. в Париже, где были представлены 38 стран мира, включая скандинавские страны¹⁷. В работе Ассоциации активное участие приняли М. Андерсен-Нексе и С. Лагерлёф¹⁸. В 1937 г. в Испании состоялся II Международный конгресс под лозунгом «Культура в опасности»¹⁹. Проведение Конгресса в Испании явилось актом солидарности прогрессивной писательской общественности с борьбой испанских республиканцев против мятежников Франко. В Мадриде собралось 60 делегатов из многих стран.

Международная Ассоциация писателей объединила писателей многих стран на платформе борьбы против фашизма и готовившейся им мировой войны. В рамках объединения выросли и окрепли международные связи писателей многих стран, была продемонстрирована воля к сотрудничеству на миролюбивой основе. Цели и задачи Международной Ассоциации позволили привлечь к активной общественной деятельности многих популярных литераторов, к мнению которых прислушивались широкие слои населения и политические деятели. Пользуясь большим авторитетом, члены Ассоциации многое сделали для консолидации антивоенных и антифашистских сил в своих странах. Это способствовало формированию единой антифашистской платформы, объединившей многие народы мира в годы Второй мировой войны.

Таким образом, важнейшим направлением «культурной дипломатии» СССР стало предотвращение развязывания новой войны в Европе. Многостороннее сотрудничество в гуманитарных вопросах способствовало решению этой задачи.

Считалось, что этого можно добиться при развитии культурных связей с зарубежными странами. Эта работа возлагалась на Всесоюзное общество культурных связей с иностранцами (ВОКС). Ему принадлежало ведущее место в организации в СССР акций международного культурного обмена. Общество было создано на собрании представителей ряда государственных организаций и научной общественности и деятелей культуры. Датой создания считается 5 апреля 1925 г. Учредителями ВОКС явились Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР), Народный комиссариат иностранных дел, Высший Совет Народного Хозяйства СССР (ВСНХ СССР), Народный комиссариат просвещения, Российская Академия наук, Академия художеств и другие организации. Устав ВОКС, утвержденный правительством СССР 8 августа 1925 г., определял следующие цели организации: «... содействовать установлению и развитию научной

и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза СССР и заграницы»²⁰. Для решения поставленных перед ним задач общество устанавливало связи с советскими и иностранными учреждениями, общественными организациями, оказывало содействие обществам «Друзей СССР» и культурного сближения с нашей страной за рубежом.

ВОКС было создано как организация всесоюзная и координировало организацию культурных связей с заграницей всех союзных республик, крупных научных и культурных центров страны. Были созданы Украинское, Белорусское и Закавказское общества культурных связей с заграницей, отделения ВОКС в Ленинграде, Владивостоке, Ташкенте. Членство в ВОКС было как коллективным, так и индивидуальным. Средства общества складывались из членских взносов и доходов различных предприятий ВОКС, а также субсидий заинтересованных учреждений и организаций.

В первые годы деятельности Общество имело в своем составе секторы: науки и техники (включая секции по отдельным отраслям), художественной культуры (секции — театральная, музыкальная, кинематографическая, литературная, архитектурная). В этих секциях объединялись представители научной и художественной интеллигенции СССР, стремившиеся к активному участию в международном культурном обмене. В составе аппарата ВОКС действовали бюро: приема иностранцев, международного книгообмена, печати, выставок и устройства вечеров²¹. Председателем Общества стала О. Д. Каменева²². Деятельность Общества находилась под особым контролем политического руководства страны. Так, в сентябре 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав отчет ВОКС, распорядилось активизировать работу по установлению культурных связей с США²³. Комиссия Рабоче-крестьянской инспекции СССР, проверявшая работу Общества в 1928 г., высоко оценила его вклад в расширение международных связей страны. Тем не менее, в 1929 г. решением Политбюро О. Д. Каменева была заменена на посту председателя ВОКС Ф. Н. Петровым (профессиональным революционером, работником госучреждений, занимавшихся научными исследованиями). В апреле 1931 г. Политбюро возложило на ВОКС задачу оказания помощи народному хозяйству страны с учетом изучения зарубежного научно-технического опыта²⁴. ВОКС в те годы становится одним из элементов общей политики государства. Деятельность общества позволяла привлечь к ее реализации научную и художественную интеллигенцию. В конце 1933 г. председателем ВОКС был назначен А. Я. Аросев (однокашник В. М. Молотова по гимназии, профессиональный революционер, который с 1922 по 1933 г., находился на дипломатической работе, был полпредом СССР в Чехословакии)²⁵.

Председатель ВОКС рассматривал развитие культурного сотрудничества с зарубежными странами как важную, составную часть ленинской политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем. На встречах с иностранными представителями и делегациями он не раз высказывал мысль о том, что «укрепление мирных отношений всегда содействует установлению более тесных культурных связей между народами, совершенно так же, как установление культурных связей является необходимым условием для мирной политики, которую неизменно проводит правительство нашей страны»²⁶. Осуществление этой политики в практике международного обмена требовало установления тесных связей с обществами культурного сближения с СССР в зарубежных странах и участия в деятельности международных организаций, обеспечивающих развитие культурного обмена. В 1934 г. в аппарате полпредств СССР были назначены сотрудники, отвечавшие за организацию культурных связей со страной пребывания. С 1934 г. ВОКС сотрудничало на регулярной основе с Парижским институтом международного интеллектуального сотрудничества. Тогда же по предложению НКВД на ВОКС были возложены функции, аналогичные тем, которые выполняли национальные комиссии интеллектуального сотрудничества в других странах. Главным образом речь шла о координации связей советских научных и учебных заведений с соответствующими зарубежными организациями, об участии в работе международных комиссий экспертов по актуальным проблемам международной жизни и культурного развития. При этом интенсивность работы организаций международного интеллектуального сотрудничества и обществ культурного сближения с СССР за рубежом постепенно возрастала. Большой интерес вызывали не только вопросы культурного, но и общественно-политического, социального характера. Число запросов, адресованных непосредственно ВОКС и через полпредства СССР, составляло, например, в 1935–1936 гг. в среднем от 25 до 30 в день. В это время было налажено сотрудничество с общественными организациями и отдельными деятелями культуры в 80 странах мира²⁷. Таким образом, ВОКС обладало значительным потенциалом сотрудничества (напомним, что дипломатические отношения с СССР тогда установили лишь 34 государства).

В июне 1934 г. Бюро правления Всесоюзного общества установило новую структуру аппарата ВОКС по производственно-территориальному принципу. Было создано 11 подразделений, которые занимались развитием связей с отдельными странами: Третий западный отдел (Польша, Финляндия, Голландия, страны Прибалтики и Скандинавского полуострова). В октябре 1935 г. для приема иностранных деятелей науки и искусства, посещавших ВОКС, был создан Протокольный отдел. Все

отделы Общества были призваны поддерживать регулярные связи с обществами культурного сближения с СССР в зарубежных странах и уполномоченными ВОКС в них, изучать положение интеллигенции в капиталистических странах²⁸.

Назначение председателем ВОКС А. Я. Аросева, имевшего опыт дипломатической работы, и новая структура аппарата Общества свидетельствовали о том, что его деятельность переориентировалась на решение, прежде всего, задач внешней политики. В эти годы ВОКС обращается к влиятельным кругам интеллектуалов, чтобы усилить воздействие на мировое общественное мнение советских предложений по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Интересы деятелей науки и культуры совпали с целями руководителей страны в данном случае.

Развивая двусторонние связи с общественностью скандинавских стран, ВОКС учитывало, что скандинавские страны объединяет не только географическое положение, но и историко-этнографическое развитие, близость языков и культур. Осуществление в течение длительного времени политики нейтралитета, продолжительное сохранение мира — все это наложило глубокий отпечаток на психологию народных масс, породило в широких слоях общественности пацифистские традиции. Эти особенности скандинавских стран сказывались на политических и культурных отношениях с Советской страной. Важное значение ВОКС придавало сотрудничеству с обществами сотрудничества с СССР в скандинавских странах. Они позволяли организовать акции культурного сотрудничества.

Общество «Датско-русское сотрудничество» было создано в 1923 г. и объединяло около 60 представителей интеллигенции. Активную роль в нем играли М. Андерсен-Нексе и видный деятель Социал-демократической партии Г. Болган²⁹. В 1933 г. при Обществе было создано Бюро переводчиков советской литературы «Литаг». Заслуженным успехом у датских читателей пользовались переводы А. Чемеринской-Кон произведений Ф. Гладкова, М. Панферова, М. Шолохова и других советских писателей. В ее переводе на сцене Королевского театра в Копенгагене шла пьеса советского автора В. Киршона «Хлеб» (1934 г.). В 30-е гг. XX в. по данным ВОКС переводы советской и русской литературы на языки скандинавских стран заняли второе место после переводов английской и американской литературы.

Несколько активизировалась деятельность Общества в 1936–1937 гг., были прочитаны доклады об СССР и взаимном влиянии русской и датской литератур, с помощью общества была организована выставка и прочитан доклад о советской детской книге, которые вызвали многочисленные отклики в датской прессе³⁰. Под эгидой Общества прошли «Пушкинские дни»: собрание состоялось 8 марта 1937 г. в офицер-

ском клубе Копенгагена. В фойе располагалась выставка, посвященная А. С. Пушкину, преобразованная затем в экспозицию Королевской библиотеки. Зрительный зал, вмещавший 400 зрителей, был переполнен. Присутствовали представители правительства и общественности страны. Доклад сделал поэт и литературный критик О. Галстед. 10 февраля датское радио передало выступление известного писателя Томансена, посвященное памяти А.С. Пушкина³¹.

В 1924 г. в Стокгольме было образовано «Шведско-русское общество сближения», которое вело довольно активную деятельность до 1930 г., когда под впечатлением информации о жестоких методах коллективизации, широко развернувшейся зимой и весной в СССР, Общество было распущено. Восстановленное в 1932 г., оно уже не проводило активной работы³². Только в марте 1935 г., по инициативе группы шведских ученых, состоялось открытие «Общества для поощрения культурных и научных связей между Швецией и Советским Союзом». Помимо организации сотрудничества, Общество ставило своей задачей популяризацию успехов народов СССР. Его первыми активистами стали прогрессивно настроенные шведские интеллигенты: исследователь Арктики проф. Альман, лауреат Нобелевской премии, проф. химии Т. Сведберг, проф. медицины И. Хольмгрен, член Парламента, адвокат Г. Брантинг, писатели, ученые, артисты. Среди членов общества были представители финансовых и промышленных кругов. Председателем Общества был избран проф. химии В. Пальмер³³. Тенденция к расширению культурных связей получила развитие в 1936 г. В апреле этого года А. М. Коллонтай писала о том, что среди «радикальной интеллигенции Швеции, несомненно, намечается усиливающийся рост симпатий к СССР. Это сказывается в составе групп туристов, едущих в Союз (технические и научные силы, студенчество, общественные и коммунальные деятели и пр.), в тоне прессы, в закреплении общества культурных связей»³⁴.

В 1936 г. Общество организовало выставку, посвященную охране материнства и детства в СССР, приняло делегацию советских врачей. Повышенное внимание в Швеции вызвало принятие Конституции в СССР. Полпредство, совместно с Шведско-советским обществом, опубликовало статьи и организовало доклады о Советской Конституции. Конституция СССР была переведена на шведский язык³⁵. По сообщениям А. М. Коллонтай, «Шведско-русское общество» с большим успехом провело «Пушкинские дни». Были прочитаны доклады о М. Горьком и А. С. Пушкине, также по инициативе Общества в прессе были опубликованы статьи о творчестве великого русского поэта³⁶. С большим интересом следила общественность Швеции за советской экспедицией на Северный полюс, другими достижениями советского общества. Широкий отклик полу-

чило выступление в Шведско-русском обществе 6 сентября 1937 г. советского электротехника, проф. Г. Графтио о советских гидростанциях. В 1938 г. общество организовало выставку, посвященную М. Горькому³⁷.

Со второй половины 30-х годов внимание членов Общества культурного сближения все больше привлекает внешнеполитическая деятельность Советского государства. Отражением настроений того времени явилась мысль, высказанная известным шведским социал-демократическим публицистом, ставшая крылатой фразой: «Как не вертись, факт остается фактом, что в настоящее время малые народы живут под защитой советских штыков»³⁸. Скандинавская общественность с глубокой симпатией относилась к антифашистской направленности советского искусства. Так, с большим интересом был встречен просмотр советского фильма «Профессор Мамлок», устроенный по инициативе Общества в декабре 1938 г.³⁹

Улучшение в 1933 г. советско-норвежских отношений способствовало созданию Общества культурного сближения с СССР в Норвегии. Многое сделала для создания Общества и его активной деятельности К. Ханстеен — секретарь общества. Среди членов Общества были видный ученый-экономист У. Кольбьерсон, писательница Р. Хаген, талантливый художник-антифашист Х. Серенсен, многие члены группы «Мут даг», объединявшей представителей левой интеллигенции Норвегии⁴⁰. Важную роль в развитии научных связей с советскими учеными в эти годы сыграл президент Академии наук Норвегии Хальфдан Кут — видный исследователь средневековья, высоко ценивший достижения советских историков и с симпатией следивший за развитием культуры в СССР. Будучи членом общества, при выступлении на митинге, организованном Норвежской рабочей партией в 1934 г., он заявил: «Буржуазия говорит о широкой культуре, а в России ведется колоссальная работа для того, чтобы культура и искусство стали достоянием народа»⁴¹. Норвежское общество культурного сближения представляло весьма значительные круги общественности и располагало немалыми возможностями. Сразу же после образования оно организовало две выставки: «15 лет советского кино» и «Сагира и юмор в СССР». Большой успех у посетителей выставки имела демонстрация советских фильмов, которые не шли в прокате⁴². Члены Общества читали доклады об СССР перед широкой аудиторией. Со вниманием были встречены в Норвегии статьи известного норвежского писателя Нурдаля Грига о театральной жизни в СССР и журналиста Арне Эстведта о советской музыке. Общество установило контакты с Институтом сравнительного изучения культур, академическими и студенческими организациями, крупными издательствами и журналами Норвегии, медицинскими, педагогическими и архитектурными органи-

310

зациями⁴³. Норвежско-советское общество организовало поездку представителей скандинавского искусства на театральную неделю в Москву (июнь, 1933 г.). В состав группы вошли Х. Серенсен, режиссер и актриса Агнес Мовинкель, поставившая на норвежской сцене «Ингу» Глебова, директор Центрального театра Отто, редактора ряда журналов, а также известные шведские актрисы Паулина Бруниус и Молли Фаустман⁴⁴. Возросший объем культурных связей позволил Норвежско-советскому обществу в 1934 г. на высоком уровне провести несколько тематических вечеров, посвященных советскому искусству и положению художников в нашей стране, рассказу о советских женщинах, о личных впечатлениях от посещения СССР. Вечера проходили с демонстрацией советских фильмов, вызывая интерес у жителей норвежской столицы⁴⁵. В волнующее событие вылился вечер, организованный в Осло и посвященный памяти А. С. Пушкина 11 февраля 1937 г., в университетской библиотеке столицы открылась выставка, посвященная русскому поэту, которая действовала в течение 6 недель и пользовалась популярностью у посетителей. Вечером 11 февраля в Актовом зале университета состоялось собрание общественности. На нем присутствовал министр иностранных дел Х. Кут, деятели науки и искусства. Был прочтен пролог о гибели Пушкина, воспевавший поэта-борца за свободу народа, написанный специально для этого вечера Н. Григом. Здесь же читались отрывки из произведений А. С. Пушкина, лекция о его эпохе. С серьезным докладом о творчестве А. С. Пушкина выступил литературный критик Э. Краг. Пушкинской теме была посвящена передача норвежского радио⁴⁶.

Проведение Пушкинских дней в скандинавских странах в 1937 г. было не только свидетельством уважения к великому русскому поэту в год 100-летия со дня его смерти, но было использовано советской стороной для представления советской концепции о творчестве поэта. А. С. Пушкин был представлен не только как крупнейший русский поэт, но и как представитель революционно-демократического крыла русского общества. Такая позиция основывалась на исследованиях советских филологов, публикации вновь выявленных и расшифрованных сочинений поэта. Скандинавская общественность положительно восприняла такую трактовку творчества А. С. Пушкина. А советская сторона тем самым представляла советскую культуру как естественное развитие революционно-демократического наследия русской классической культуры.

Деятельность обществ культурного сближения с СССР в скандинавских странах свидетельствовала о глубокой заинтересованности части интеллигенции в развитии и укреплении культурных связей с нашей страной. В орбиту их деятельности было вовлечено немало влиятельных политических деятелей, которые высоко оценивали советскую инициа-

тиву по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Но при этом они предпочитали не проявлять самостоятельности, излишне доверяясь ведущим державам и рассчитывая остаться в стороне от грядущих потрясений.

В 30-е гг. в широкую практику вошла такая форма общения народов, как международный туризм, ставший столь привычным сегодня. Все более широкие масштабы приобретали зарубежные туристические поездки. В СССР уже в те годы иностранный туризм рассматривался не только как источник получения иностранной валюты. Выступая на торжественном собрании в Большом театре СССР, посвященном пятилетию образования «Интуриста», председатель правления Общества В. А. Курц отмечал, что «туризм является естественным проводником больших культурных связей, которые укрепляют взаимоотношения между отдельными странами и народностями»⁴⁷.

Крупным совместным мероприятием ВОКС и «Интуриста» стала организация в нашей стране международных театральных фестивалей. Они привлекли внимание деятелей театра из скандинавских стран. В это время театральное искусство в регионе переживало подъем и пользовалось европейской известностью. Инициатором фестивалей выступил «Интурист», который летом 1933 г. организовал поездки туристических групп на спектакли в театрах Москвы. Однако первый опыт оказался не совсем удачным — летом театры в Москве почти все отправлялись в отпуск или на гастроли. На следующий год «Интурист» совместно с ВОКС и руководителями московских театров организовали Второй театральный фестиваль в начале сентября 1934 г. К его открытию были выпущены монографии о советском театре и два альбома, гидами «Интуриста» читались лекции о театре.

На фестиваль приехали преимущественно деятели зарубежного театра и западные журналисты, благодаря чему он получил большой резонанс за границей. Гости смогли посетить спектакли в Малом театре и во МХАТе-I (филиале МХАТ), в Камерном театре, в театре Революции, в театре на «Красной Пресне», в Еврейском театре, в Цыганском театре, в Центральном детском театре, в Театре детской книги, в Театре Р. Симонова, в Театре Красной Армии, в Театре им. Евгения Вахтангова и в Театре Ю. Завадского. Кроме показа спектаклей, проводились дискуссии о проблемах современного театрального искусства. Интерес зарубежных участников фестиваля вызвала современная советская драматургия.

Театральный фестиваль 1935 г. был организован в Ленинграде и в Москве. В его программу были включены симфонические концерты в Ленинградской филармонии, выступления Д. Ойстраха, спектакли Кировского театра, Малого оперного театра и ТЮЗа⁴⁸. В Москве иностран-

ным гостям были показаны спектакли ГАБТ СССР, ЦТЮЗа, Музыкального театра им. В. Немировича-Данченко, МХАТ-I (филиала МХАТ), Цыганского театра, МХАТ-II и др. Участники фестиваля впервые широко представили не только драматическое, но и музыкальное советское театральное искусство.

Особенность IV театрального фестиваля (1936 г.) состояла в том, что на нем можно было познакомиться с театрами не только из Москвы и Ленинграда, но и из Украины, Грузии. В этот раз на фестиваль прибыли более 500 любителей театра из США, Европы и Скандинавских стран⁴⁹. Фестиваль проходил в сентябре 1936 г. в Москве и Ленинграде. Помимо столичных театров были представлены спектакли грузинского Театра им. Ш. Руставели, Государственного украинского театра им. Т. Шевченко⁵⁰.

Устойчивый интерес за рубежом к театральным фестивалям в СССР свидетельствовал о сохранении высокой репутации в мире отечественного театра. Это было особенно важно для театрального искусства потому, что после триумфальных гастролей Московского Камерного театра в Европе и Лагинской Америке, в 1930–1931 гг. гастроли советских театров за рубежом стали невозможны. Театральная антреприза в большинстве стран мира в условиях жестокого экономического кризиса оказалась в тяжелом финансовом положении. Организация театральных гастролей практически прекратилась, поэтому театральные фестивали в СССР вызвали огромный интерес среди театралов. Привилегированное положение и выдающиеся достижения советского театрального искусства были подтверждены на Международном театральном конгрессе, созванном в Вене Всемирным театральным союзом в 1937 г.⁵¹ Таким образом, организованные ВОКС и «Интуристом» театральные фестивали оказывались едва ли ни единственной формой международного обмена в сфере театрального искусства в те годы.

Общество принимало активное участие в организации выставок за рубежом. До 1925 г. организацией выставок занимался Наркомат просвещения. В 1933 г. советские выставки состоялись в 12 странах. В 1934 г. выставки советского изобразительного искусства прошли также в Финляндии, Швеции, Дании и в других странах⁵². В 1936 г. выставки советской графики устраивались в Норвегии и Дании. В 1937–1938 гг. они прошли в Осло и других городах Норвегии. Позже число художественных выставок в мире стало сокращаться из-за финансовых затруднений. К тому же художники в СССР высказывали недоверие выставочному бюро ВОКС, которое не вернуло несколько картин, представленных для выставок за рубежом⁵³.

Успехом пользовались советские книжные выставки: детской книги в 1936 г. в Норвегии и Дании. Выставка «Охрана материнства и детства

в СССР» с 1933 по 1937 гг. демонстрировалась в 20 странах мира, включая скандинавские страны⁵⁴.

Таким образом, деятельность ВОКС в довоенный период способствовала развитию международных культурных связей СССР. Возникнув как общественная организация, ВОКС осуществляло международный культурный обмен в соответствии с государственной политикой, направленной на развитие экономики, науки и образования в стране, обеспечение международной поддержки внешней политики СССР. Международные культурные связи СССР способствовали экономическому и духовному развитию общества в сложный период исторического развития страны и мира в целом.

Реорганизация, проведенная в ВОКС в середине 30-х годов, — ликвидация секторов и создание территориальных отделов — привела к тому, что была утрачена непосредственная связь с общественностью. Отсутствие массового актива превратило Общество в государственное учреждение по международным культурным связям, что не способствовало установлению личных контактов деятелей науки и искусства. Культурные связи теряли непосредственный характер, государство, в лице ВОКС, становилось назойливым посредником и контролером.

Для многих участников культурного сотрудничества с СССР пассивное отношение к совместной политической борьбе против угрозы войны определялось представлением о своей национальной культуре как части западной цивилизации. Они не считали возможным действовать вопреки внешнеполитическому курсу ведущих западноевропейских государств даже тогда, когда считали его неэффективным, опасаясь остаться вне рамок западного общества.

Непонимание этого обстоятельства порождало у организаторов культурного сотрудничества с советской стороны неоправданные иллюзии. Они предполагали, что преодолеть предубеждения западной интеллигенции можно хорошо организованной контрпропагандой. В письме в ЦК ВКП(б) председатель ВОКС А. Я. Аросев предлагал сделать Общество центром пропаганды за рубежом. Но он не получил положительного ответа⁵⁵. Очевидно, политическое руководство страны предпочитало сохранить за ВОКС его изначальные задачи, что соответствовало прагматически понимаемым интересам государства. Задачи предотвращения войны на данном этапе оказались важнее задач развития революционного процесса. Разумеется, международные культурные связи СССР не могли быть полностью лишены идеологического содержания, ибо культура включает в себя определенную систему общественных идеалов. Участники культурного обмена не могут быть лишены собственных убеждений, однако, в условиях роста междуна-

родной напряженности, необходимо было заручиться поддержкой широких политических сил за рубежом, не раздражая их излишней «идеологической щепетильностью».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Манн Т. Собр. соч. Т. 9. М., 1960. С. 598.
- ² Луначарский А. В. На Западе. М.; Л., 1927. С. 13.
- ³ См.: Вернадский В. И. Очерки и речи. Вып.1. Пг., 1922. С. 130.
- ⁴ Dottaget M. Histoire du Premier mai. Paris, 1953. P. 259.
- ⁵ Ланжевен Л. Французская интеллигенция и Октябрьская революция // Французский ежегодник. 1967. М., 1968. С. 19–30.
- ⁶ См.: Франс А. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М., 1960. С. 753; Шоу Б. Диктатура пролетариата // Красная Новь. 1922. № 1. С. 133–145.
- ⁷ Луначарский А. В. На Западе (Литература и искусство). М.—Л.: Госиздат, 1927. С. 36–43.
- ⁸ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuelle (далее: Bullenin...). 1931. N47–48. P. 534.
- ⁹ La Cooperation Internationale. Lection et Information. Genève, 1937. P. 10.
- ¹⁰ Ibid. P. 671–673.
- ¹¹ Ibid. P. 672.
- ¹² Bullenin... 1935. N 47–48. P. 605–606.
- ¹³ Ibid. 1932. N 16. P. 819–828; N 17–18. P. 964; N 19. P. 10, 359; N 20–21. P. 1150.
- ¹⁴ Ibid. 1934. N 31. P. 673; N 47–48. P. 533–534.
- ¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 5. Д. 547. Л. 137.
- ¹⁶ См.: Приветствия съезда Р. Роллану, А. Барбюсу, Т. Драйзеру, Э. Синклеру, Г. Манну, Лу Синю // Известия. 1934. 26, 28 авг.
- ¹⁷ Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935 г. М., 1936. С. 3–490
- ¹⁸ Там же. С. 485–486.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 142. Д. 308. Л. 60
- ²⁰ Там же. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 147. Л. 36.
- ²¹ Подробнее об образовании общества см.: Кузьмин М. С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917–1932 гг.). Л., 1971. С. 19–46.
- ²² О. Д. Каменева была сестрой Л. Д. Троцкого и женой Л. Б. Каменева.
- ²³ Кузьмин М. С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917–1932 гг.). С. 27.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Литвин А. Л., Ненароков А. П., Несмелов В. В. Александр Аросев. Казань, 1974.
- ²⁶ Там же. С. 60–61.
- ²⁷ Там же. С.63.
- ²⁸ Там же.

²⁹ *Иоффе А. Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932 гг. М., 1975. С. 100.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 366. Л. 61, 62.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 218, Л. 46; Оп. 5. Д. 377. Л. 12.

³² Там же. Оп. 9. Д. 46. Л. 23.

³³ Там же. Оп. 5 Д. 540. Л. 40.

³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., 1974. С. 225–226.

³⁵ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 540. Л. 8, 35; Д. 546. Л. 44, 58.

³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 20. М., 1976. С. 455.

³⁷ Там же. Т. 19. С. 500–501; Т. 20. С. 293–295; Т. 21. М., 1977. С. 233.

³⁸ Цит. по: *Кан А. С.* Новейшая история Швеции. М., 1964. С. 149.

³⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 455.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 43. Л. 8.

⁴¹ Там же. Д. 429. Л. 6.

⁴² Там же. Д. 418. Л. 1, 86.

⁴³ Там же. Оп. 2. Д. 186. Л. 1–7.

⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 219. Л. 46; Оп. 5. Д. 418. Л. 1–2; Д. 517. Л. 17.

⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 186. Л. 1–7.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Д. 2. Л. 3.

⁴⁸ Там же. Л. 24, 70.

⁴⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее: РГА-ЛИ). Ф. 962. Оп. 1. Д. 40. Л. 3. 22; Театр и драматургия. 1937. № 5. С. 124.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 7. Д. 6. Л. 4, 10–23.

⁵¹ Театр и драматургия. 1937. № 10. С. 4.

⁵² Там же. Оп. 5. Д. 520. Л. 79–80.

⁵³ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 328. Л. 20–21; Оп. 11. Д. 496. Л. 58.

⁵⁴ Там же. Д. 218. Л. 23; Д. 274. Л. 12; Д. 328. Л. 17–26.

⁵⁵ *Литвин А. Л., Ненароков А. П., Несмелов В. В.* Александр Аросев. С. 65.

ЛИТЕРАТУРА

Вернадский В. И. Очерки и речи. Вып.1. Петроград, 1922. 230 с.

Жаров Б. С. Кафедра скандинавской филологии — центр преподавания и изучения культуры и языков Скандинавии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2001, № 2. С. 102–105.

Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932 гг. М.: Наука. 1975. 430 с.

Кан А. С. История скандинавских стран. (Дания, Норвегия, Швеция). М.: Высшая школа, 1971. 328 с.

Кан А. С. Новейшая история Швеции. М.: Международные отношения, 1964. 304 с.

Кузьмин М. С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917–1932 гг.) Л., 1971. 198 с.

Куманев В. А. Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20–30-х годов. М.: Наука, 1987. 294 с.

Ланжевен Л. Французская интеллигенция и Октябрьская революция // Французский ежегодник. 1967. М., 1968. С. 19–30.

Литвин А. Л., Ненароков А. П., Несмелов В. В. Александр Аросев. Казань: Татарское книжное издательство, 1974. 72 с.

Луначарский А. В. На Западе (Литература и искусство). М.—Л.: Госиздат, 1927. 128 с.

Манн Т. Гете и Толстой. Фрагмент к проблеме гуманизма. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1960. 683 с.

Рогинский В. В. Историографическая наука в странах Северной Европы // Современная зарубежная немарксистская историография. М., 1989. С. 160–180.

Тетеревлева Т. П. Страны Северной Европы глазами русских послереволюционных эмигрантов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006, № 7. С. 36–46.

Фокин В. И. Научные связи Петрограда-Ленинграда и стран Северной Европы в 20–30-е гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2001, № 2. С. 96–98.

Фокин В. И. Пушкинские дни в Скандинавских странах в 1937 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002, № 3. С. 211–214.

Фокин В. И. Советско-скандинавские культурные связи в 1930-е годы // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 1999, № 1. С. 486–489.

Фокин В. И. Театральные связи Скандинавских стран и Ленинграда в 20–30-е гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003, № 4. С. 391–397.

Франс А. Против колониального варварства. Собр. соч. в 8 т. Том. 8. М.: Художественная литература, 1960. С. 753 с.

Шоу Б. Диктатура пролетариата // Красная Новь. 1922. № 1. С. 133–145.

Barichnikov V. N., Fokin V. I., Shirin S. S. Cultural contacts of the Nordic countries with Soviet Russia and the USSR in the 1920s — 1930s. // Kasetsart Journal of Social Sciences. Volume 040. Issue 3. September 2019 — December 2019. P. 602–608.

Dommaget M. Histoire du Premier mai. Paris, 1953. 259 p.

А. А. Бутакова, М. Д. Портнягина

ФЕНОМЕН «СЕВЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Во второй половине XX в., когда происходят значительные изменения в Европейском регионе, Северным странам приходится искать свое место на международной арене. На протяжении истории эти страны демонстрировали высокий уровень международного сотрудничества. Это способствовало и тому, что регион стал рассматриваться как единое геополитическое и культурное целое. Близость Северных стран, обусловленная не только географическим фактором, имеет глубокие корни. Схожесть государственного устройства, тесные торговые связи, религиозный фактор, единое культурное наследие — все это навсегда связало народы региона. Такое родственное положение стран способствовало выработке единого подхода к решению многих внутренних и внешних проблем региона, однако северное сотрудничество встретило на своем пути и множество препятствий. Признавая тот факт, что сотрудничество Северных стран обладает собственным значительным потенциалом и является уникальным образцом кооперации, нельзя забывать и о том, что история североευропейских стран является неотъемлемой частью общеевропейской истории. Таким образом, мы выделяем «северную идентичность» из более масштабной и не менее сложной по осознанию — европейской.

К понятию «идентичность» обращаются многие исследователи общественно-гуманитарных наук. Прежде всего, понятию идентичности посвящены труды известных психологов и психоаналитиков. Например, американский психолог и философ У. Джеймс писал: «Индивид имеет столько же различных социальных самостей, сколько имеется различных социальных групп, чье мнение для него важно». Подобно индивидам государства имеют много идентичностей, причем основная — это корпоративная идентичность¹.

Современное социологическое теоретическое осмысление феномена идентичности, как отмечает исследователь И. В. Барышникова, формируется к концу 60-х гг. XX века, и связано, прежде всего, с именем американского психолога, философа и социолога Дж. Г. Мида, который утверждал, что личностная целостность, ее «самость» не есть *apriori* человеческого поведения, напротив же — она складывается из свойств, продуцируемых в ходе социального взаимодействия («социальной интеракции»)².

«Идентичность» — это не свойство индивида, группы, сообщества, а некое субъективное отношение индивидов к самим себе. Отношение формируется под воздействием различных факторов: окружающей среды, социально-политической и культурной ситуации.

Головнева Е. В., опираясь на идею конструктивистов о пространственно-временной и ситуационной относительности содержания коллективной идентичности, акцентирует внимание на том, что идентичность — это нечто такое, что может выбираться, что может быть сконструировано и чем можно манипулировать. Однако, при рассмотрении региональной идентичности как средства достижения обособления в политико-административном смысле, на первый план выходят вопросы, связанные с созданием привлекательности имиджа своего региона, построения его брендинговой стратегии³.

Доктор социологических наук, исследователь сущности понятия «идентичность» в международных отношениях, Кочетков В. В. отмечает следующие факторы развития национальной идентичности: общность территории проживания, общность экономической деятельности, культурное единство, общее этническое происхождение людей, общий исторический опыт, общность национального самосознания⁴.

Исследователь Московского государственного университета Янкова В. Р. в своей работе формулирует определение политической идентичности как сложного общественного, социально-культурного и политико-культурного образования, использующего опыт прошлого, формирующего политические ценности в настоящий период и определяющего векторы развития государства в будущем⁵.

Таким образом, «идентичность» — особое понятие, которое указывает на то, как человек или конкретное сообщество себя идентифицирует, исходя из исторических предпосылок, культурных традиций, национальных стереотипов. «Идентичность» — некий конструкт и инструмент политической власти, используемый для выражения того или иного общества, региона.

Европейская идентичность является достаточно динамичным явлением, это подтверждает факт обращения к данной проблематике на различных международных конференциях, таких как научная конференция

«Европейский перекресток наук и культуры», прошедшая в 1996 г. в Коимбра в Португалии или Международная конференция «Россия и Европа: вопросы идентичности», состоявшаяся в 2008 г. в Москве, и др.

Согласно Декларации Европейской идентичности 1973 года ее определение сводится к следующему: общее наследие, интересы и особые обязательства, динамичный характер европейского объединения. Данный документ апеллирует к общим ценностям и принципам, многообразию культур в рамках единой европейской цивилизации. Все это должно придать европейской идентичности оригинальность и динамизм⁶.

По мнению кандидата социологических наук, исследователя Берендеева М. В., европейская идентичность возводится на институциональных принципах, что подтверждает текст Декларации европейской идентичности. В этом состоит один из ключевых смыслов Европейской идентичности: именно институализация идентичности становится инструментом по формированию из Европы единого целого, закрепляя за ней субъективность⁷.

Формирование европейской идентичности — важнейшее условие эффективного функционирования Европейского Союза. В частности, кандидат политических наук Александрова Н. В. объясняет, что существует два подхода к изучению европейской идентичности. Первый подход — «сверху—вниз», где признается существование общих образцов и ценностей, которые объединяют европейцев и отличаются от социальных норм в других странах. Второй подход — «снизу—вверх», сторонники которого выявляют количество людей, которые осознанно дифференцируют себя как европейцев и что они под этим понимают⁸.

Европейская идентичность становится ключевым понятием для Европейского Союза и препятствует его фрагментации, возникновению хаоса и конфликтов. Кроме того, именно осознание себя как единого целого способствует росту солидарности, согласия и сотрудничества среди европейцев.

Как справедливо утверждает кандидат культурологии Яковук Т. И., современное видение Европы заключается в экономической и политической интеграции, которая опирается на европейскую культуру, а мотивом объединения является не общая угроза, а чувство общей идентичности. Основу нового видения составляет не геополитика, а геокультура. В фундаменте здания новой Европы, с которым так охотно отождествляли себя жители стран, вступавших в Европейский Союз — идея свободы и идея солидарности⁹.

Однако стоит отметить и противоположную тенденцию в рассмотрении понятия «идентичности», а именно искусственность построения такой категории как «европейская идентичность». Например, исследо-

ватель Е. В. Доновая отмечает, что это понятие весьма размыто и содержит неопределенность. Прежде всего, неточность заключается в идее самой «Европы», так как у этого феномена нет четких пространственных и временных характеристик. Следовательно, европейская идентичность не может быть заключена в определенных политических границах, «европейское» может существовать и не в Европе. Не «европейское» не тождественно понятию «европейская идентичность»¹⁰.

«Европейскую идентичность», безусловно, можно рассматривать как единство государств Европы, исходя из единой территории, единства цивилизационного и исторического развития, иными словами, как особое европейское самосознание собственной принадлежности к Европе. Однако в научном дискурсе мы сталкиваемся с такой точкой зрения, что данный феномен является специально сконструированным. Одной из ключевых характеристик мы считаем институализацию европейской идентичности, а также юридическое закрепление его основных принципов и ценностей в международно-правовых актах.

В научной литературе мы почти не встретим трудов, посвященных философско-культурологическому анализу понятия «северная идентичность», речь идет именно о политико-экономическом, отчасти социальном наполнении, что, по аналогии с европейской идентичностью, является логичным. Кроме того, о существовании данного явления нам позволяет говорить и территориальный фактор, «северная идентичность» объединяет группу Северных стран Европы (Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, Исландия).

«Северная идентичность» — это сформированное и сконструированное еще в XX веке понятие, которое объединяет определенный ряд ценностных идеалов, присущих картине мира народов стран Северной Европы, а именно: взаимное уважение, добровольность, эгалитаризм, терпимость, равноправие, защита прав человека. Объединить Северные страны в одно целое нам позволяет также ряд особенностей, которые мы можем встретить в каждом из перечисленных выше государств. В первую очередь, это показатель ВВП на душу населения, который в странах Северной Европы год от года находится на высоком уровне, что позволяет говорить о высокой степени экономического развития. Во-вторых, созданная в данной части региона модель социального государства, благодаря которой обеспечиваются равенство доходов населения, высокие показатели гендерного равенства. Кроме того, данная модель предлагает оригинальные программы образовательной, молодежной, семейной политики. В-третьих, как следствие проводимой социальной политики, Северные страны демонстрируют наибольшую степень доверия в различных аспектах и на различных уровнях: дове-

рие населения к власти и проводимой политике, доверие к внешнеполитическим партнерам¹¹.

Первым институтом, возникшим в том числе и благодаря осознанию существования понятия «северная идентичность», можно считать Северный Совет, организацию межпарламентского сотрудничества, образованную в 1952 г. Его целью стало обсуждение трансграничного сотрудничества в различных областях: экономика, право, культура и др. Изначально работа Северного Совета определялась Уставом, который был заменен в 1962 г. Хельсинским договором о северном сотрудничестве. С подписанием договора окончательно были закреплены ключевые позиции североευропейского сотрудничества: правовое, культурное, социальное, экономическое, сотрудничество в сфере охраны окружающей среды и создание единой зоны паспортного контроля между Северными странами¹². Затем в 1971 г. в дополнение к Совету был образован Совет министров Северных стран в рамках Копенгагенского соглашения, который на сегодняшний день играет роль общескандинавского правительства¹³. Создание всех этих институтов, на которые были возложены значительные полномочия по регулированию политики, экономики, культуры целого региона, было бы невозможно без осознания единства ценностей и целей.

Стоит также отметить, что, несмотря на выделение понятия «северная идентичность», не следует его полностью отделять от «европейской идентичности». Как было отмечено выше, понятие «идентичность» весьма сложное и многоуровневое, и процессы интеграции, происходившие после Второй Мировой войны в регионе Северной Европы, осуществлялись параллельно с общеевропейской интеграцией. Скандинавскими странами были созданы собственные наднациональные институты, которые становятся инициаторами различного рода программ как внутри региона, так и за его пределами, оставаясь в то же время и полноправными участниками общеевропейской интеграции. На наш взгляд, выделить «северную идентичность» как часть «европейской» следует еще и потому, что европейская идентичность усиливается при процветании локальных культур¹⁴.

Именно поэтому стоит обратить внимание на программу взаимодействия Европейского Союза, стран Северной Европы и России — проект «Северного измерения» («Northern Dimension»), регламентируемый Рамочным документом по политике «Северного измерения» от 24 ноября 2006 г.

Целью политики, проводимой «Северным измерением», является обеспечение общей основы для развития диалога и практического сотрудничества, а также устойчивого развития на Севере Европы¹⁵. Извест-

ный скандинавист Воронов К. В. обозначил термин «Northern Dimension» как определенный набор северных ценностей: общественное благосостояние, равенство, открытость и жесткое экологическое регулирование¹⁶. Политические проекты «измерений» и «инициатив» представляют собой пример подхода конструирования региона снизу вверх¹⁷.

Проекты, реализованные под влиянием «северной идентичности», отличаются духом солидарности и поиском компромисса, развитием гражданских инициатив и социального благосостояния. Государства, входящие в группу Северных стран, понимая значимость принципов равенства и терпимости, успешно используют их в политике. Тем самым имеет место тезис, применимый при анализе европейской идентичности — «северная идентичность» — грамотно сконструированный и успешно транслируемый в определенном пространственно-временном ключе проект.

В настоящее время существуют примеры влияния «северной идентичности» на международные отношения в различных сферах: здравоохранение, окружающая среда и проблемы климата, культура и искусство, наука и образование, оборона и военная безопасность, экономика и бизнес. Приведем наиболее яркие из них.

Ключевую роль в сотрудничестве Северных стран в сфере культуры и искусства играет Соглашение о культурном сотрудничестве 1971 г., цель которого — укрепление культурных связей между североευропейскими государствами, продвижение общей северной культуры, а также повышение эффективности совместных инвестиций в образование, научные исследования и культурную деятельность¹⁸. Крупнейшим и успешно реализованным в рамках Соглашения проектом является «Nordic Game Programme», цель которого — поддержка североευропейских разработчиков по созданию игр на одном из национальных языков, их производству и сохранению за ними прав на интеллектуальную собственность¹⁹.

Следующей важной программой сотрудничества является взаимодействие стран в составе Совета Баренцева Евро-Арктического региона, официальным документом выступает Киркенесская Декларация 1993 г., согласно которой целями приграничного сотрудничества являются содействие устойчивому развитию между регионами двусторонних и многосторонних отношений в экономической, торговой, научно-технической, экологической, транспортной, культурно-образовательной и туристической сферах²⁰.

Сотрудничество в области развития средств массовой информации и журналистики между Северными странами и Россией активно развивается, например, в 2018–2019 гг. совместная работа была дополнена анализом освещения Северных стран в российских СМИ и России в СМИ Северных стран. В рамках данного направления осуществляется финан-

совая поддержка журналистской деятельности от Совета министров Северных стран Центру журналистики Северных стран и Датской школе медиа и журналистики, которые в рамках своей деятельности организуют обучающие курсы и мероприятия²¹.

В рамках трансграничного сотрудничества малого и среднего бизнеса, а также в сфере энергетики и энергосбережения осуществляется Программа «Коларктик», участниками которой являются северные регионы Финляндии, Швеции, Норвегии и Северо-западные регионы России. Так, например, многоформатный проект «ArcticSkills» является уникальным примером координации образовательных учреждений, предприятий и бизнес-компаний, служб занятости и специалистов по профориентации в приграничных районах Норвегии, Финляндии, Швеции и России. Общий бюджет проекта составляет около одного миллиона евро²².

Подводя итог, хотелось бы отметить, что понятие «идентичность» играет особую роль в гуманитарно-общественных науках. В основе всех видов идентичности лежит определенная коллективная сплоченность, где все участники объединены по социально-экономическим, культурным, языковым, политическим и другим признакам.

На примере европейской идентичности мы увидели, что данный термин в современных международных отношениях является, с одной стороны, стержнем, и инструментом — с другой. Иными словами, «европейская идентичность» в большей степени отвечает политическим запросам. Сила европейского единства заключается в солидарности, сотрудничестве и многообразии локальных культур, что подтверждает пример уникального и успешно развивающегося феномена «северная идентичность».

«Северная идентичность» как феномен в современных международных отношениях проявляется в различных областях сотрудничества, которые объединяют коллектив по социально-экономическим, культурным, языковым, политическим и другим признакам. Однако северное сотрудничество встречает на сегодняшний день и новые вызовы, в том числе и со стороны углубления европейской интеграции. Поэтому вопросы, касаемые северной идентичности, общих северо-европейских ценностей, требуют дальнейшего уточнения и проработки. Здесь перспективным кажется привлечение к проектам, реализуемым в рамках северного партнерства, северо-западных регионов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фадеева Т. М.* Проблемы идентичности в Европе (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2011. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2011-03-027-028-problemy-identichnosti-v-evrope-svodnyu-referat> (дата обращения: 28.10.2019).

² *Барышникова И. В.* Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Logos et Praxis. 2009. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-identichnosti-v-sotsiologicheskom-diskurse> (дата обращения: 15.11.2019).

³ *Головнёва Е. В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-identichnost-kak-forma-kollektivnoy-identichnosti-i-ee-struktura> (дата обращения: 11.11.2019).

⁴ *Кочетков В. В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-i-etnicheskaya-identichnost-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 17.04.2020).

⁵ *Янакова В. Р.* Политическая идентичность: Концептуализация понятия // Социально-политические науки. 2017. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-kontseptualizatsiya-ponyatiya> (дата обращения: 17.04.2020).

⁶ Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (дата обращения: 10.04.2020).

⁷ *Берендеев М. В.* «Европейская идентичность» сегодня: Категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-identichnost-segodnya-kategoriya-politicheskoy-praktiki-ili-diskursa> (дата обращения: 16.04.2020).

⁸ *Александрова Н. В.* К вопросу о формировании европейской идентичности // ПОЛИТЭКС. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovanii-evropeyskoy-identichnosti> (дата обращения: 17.04.2020).

⁹ *Яковук Т. И.* Национальная идентичность в русле идеи европейской интеграции // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6. № 24. Вып. 4. С. 219–224.

¹⁰ *Донова Е. В.* Размышления о европейской идентичности (обзор) // Полит. наука. 2005. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-o-evropeyskoy-identichnosti-obzor> (дата обращения: 15.04.2020).

¹¹ *Valkonen T., Vesa V.* Nordic Model: Challenged but Capable of Reform. Copenhagen [Denmark]: Nordic Council of Ministers. 2014. URL: <http://proxy.library>.

spbu.ru:2124/login.aspx?direct=true&db=nlebk&AN=970169&lang=ru&site=eds-live&scope=site (дата обращения: 15.04.2020).

¹² *Шлапек Е. А.* Конструирование региональной идентичности в Северной Европе: Институты и инструменты // Южно-российский журнал социальных наук. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-regionalnoy-identichnosti-v-severnoy-evrope-instituty-i-instrumenty> (дата обращения: 28.10.2019).

¹³ *Фадеева Т. М.* Проблемы идентичности в Европе.

¹⁴ *Гирко Л. В.* Европейская идентичность и национализм // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. 1998. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/98-03-005-006-evropeyskaya-identichnost-i-natsionalizm> (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁵ Рамочный документ по политике «Северного измерения» // Президент Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3736> (дата обращения: 10.04.2020).

¹⁶ *Воронов К. В.* «Северное измерение»: Затянувшийся дебют // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 2. С. 76–86.

¹⁷ *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 336.

¹⁸ *Водопьянов В. С.* Сотрудничество государств Северной Европы в сфере науки и образования // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-gosudarstv-severnoy-evropy-v-sfere-nauki-i-obrazovaniya> (дата обращения: 05.11.2019).

¹⁹ Nordic Game Programme [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nordicgameprogram.org/> (дата обращения: 13.04.2020).

²⁰ Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евро-Арктическом регионе [Электронный ресурс]. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/abb/deklaratsiya-o-sotrudnichestve-_bear_.pdf (дата обращения: 10.04.2020).

²¹ Nordic co-operation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.norden.org/ru> (дата обращения: 13.04.2020).

²² ArcticSkills [Электронный ресурс]. URL: <http://arcticskills.com/> (дата обращения: 15.04.2020).

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Н. В. К вопросу о формировании европейской идентичности // ПОЛИТЭКС. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovaniy-evropeyskoj-identichnosti>.

Барышникова И. В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Logos et Praxis. 2009. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-identichnosti-v-sotsiologicheskom-diskurse>.

Берендеев М. В. «Европейская идентичность» сегодня: Категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. 326

№ 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-identichnost-segodnya-kategoriya-politicheskoy-praktiki-ili-diskursa>.

Водопьянов В. С. Сотрудничество государств Северной Европы в сфере науки и образования // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-gosudarstv-severnoy-evropyv-sfere-nauki-i-obrazovaniya> (дата обращения: 05.11.2019).

Воронов К. В. «Северное измерение»: Затянувшийся дебют // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 2. С. 76–86.

Гирко Л. В. Европейская идентичность и национализм // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. 1998. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/98-03-005-006-evropeyskaya-identichnost-i-natsionalizm>.

Головнёва Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-identichnost-kak-forma-kollektivnoy-identichnosti-i-ee-struktura>.

Донова Е. В. Размышления о европейской идентичности (Обзор) // Политическая наука. 2005. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-o-evropeyskoy-identichnosti-obzor>.

Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-i-etnicheskaya-identichnost-v-sovremennom-mire>.

Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва: Новое издательство, 2004. с. 336

Фадеева Т. М. Проблемы идентичности в Европе (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Реферативный журнал. 2011. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2011-03-027-028-problemy-identichnosti-v-evrope-svodnyu-referat>.

Шлапек Е. А. Конструирование региональной идентичности в Северной Европе: Институты и инструменты // Южно-российский журнал социальных наук. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovaniye-regionalnoy-identichnosti-v-severnoy-evrope-instituty-i-instrumenty>.

Яковук Т. И. Национальная идентичность в русле идеи европейской интеграции // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6. № 24. Вып. 4. С. 219–224.

Янакова В. Р. Политическая идентичность: Концептуализация понятия // Социально-политические науки. 2017. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-kontseptualizatsiya-ponyatiya>.

Valkonen T., Vihriälä V. Nordic Model: Challenged but Capable of Reform. Copenhagen [Denmark]: Nordic Council of Ministers. 2014. URL: <http://proxy.library.spbu.ru:2124/login.aspx?direct=true&db=nlebk&AN=970169&lang=ru&site=eds-live&scope=site>.

РЕЗЮМЕ / ABSTRACT

Акишин М. О. Династия Сенявиных в истории России XVIII — начала XX вв. (историографические заметки)

В статье проводится анализ историографии рода Сенявиных, личностей и служб его представителей в XVIII — начале XX вв. Из российских исследований наиболее полная генеалогия этого рода начала XVI — середины XIX в. составлена А. Б. Лобановым-Ростовским. Биографические исследования о наиболее выдающихся представителях этого рода (У. А. Сенявине, И. А. Сенявине, Н. А. Сенявине, А. Н. Сенявине, Д. Н. Сенявине и др.) проводятся уже на протяжении трех столетий, введен в научный оборот и опубликован значительный массив исторических источников о деятельности Сенявиных на военно-морском флоте, армии, государственной гражданской и придворной службах. Отмечается значительный вклад Ф. Ф. Веселаго, В. Г. Гончарова, А. Л. Шапиро, П. А. Кротова и других историков в изучение биографий наиболее выдающихся представителей морской династии Сенявиных. Перспективным представляется создание комплексного исследования истории рода Сенявиных в XVIII — начале XX в.

Akishin M. O. Senyavin Dynasty in the history of Russia of XVIII — early XX century. (historiographical notes)

The article analyzes the historiography of Senyavin genus, the personalities and services of its representatives in XVIII — in early XX century. From Russian studies, the most complete genealogy of this genus of early XVI — of middle XIX century was compiled by A. B. Lobanov-Rostovsky. Biographical research on the most prominent representatives of this genus (U. A. Senyavin, I. A. Senyavin, N. A. Senyavin, A. N. Senyavin, D. N. Senyavin and others) have been conducted for three centuries introduced into scientific circulation and published a significant expanse of historical sources about the activities of the Senyavins in the Marine Navy, Army, government civil and court services. The significant contribution of F. F. Veselago, V. G. Goncharov, A. L. Shapiro, P. A. Krotov and other historians to the study of biographies of the most prominent representatives of the Senyavin marine dynasty is noted. It is promising to create a comprehensive study of the history of Senyavin genus in the XVIII — of early XX century.

Ключевые слова: Род Сенявиных, генеалогия, биографические исследования, военно-морской флот, армия, государственная гражданская и придворная служба.

Keywords: Senyavin genus, genealogy, biographical research, Marine Navy, Army, government state civil and court service.

Бажанов Д. А., Бугаев Р. А. Деятельность комиссаров революционных органов власти в Финляндии по подавлению наступления Л. Г. Корнилова

В статье рассматривается деятельность органов революционной власти, направленной на поддержку Временного правительства в борьбе с Л. Г. Корниловым в конце августа 1917 г. Выявляются обстоятельства создания важного механизма поддержки «революционного порядка» в Финляндии — института комиссаров. Достижение соглашения в этом вопросе между Центробалом и созданным Ре-

волюционным комитетом Финляндии стало одной из важнейших причин сохранения спокойствия в Финляндии. Авторы приходят к выводу о распространении упомянутыми органами власти чрезвычайных методов руководства, что объяснялось ростом авторитета Советов, а не правительственных учреждений. В то же время имели место случаи борьбы комиссаров, назначенных различными инстанциями, между собой. Из-за этого произошел ряд отдельных эксцессов в отношении представителей командного состава.

Bazhanov D. A., Bugaev R. A. The activities of revolutionary commissars in Finland government during the suppression Lavr G. Kornilov's offensive

The article discusses the activities of the revolutionary authorities, aimed at supporting the Provisional Government in the fight against Lavr G. Kornilov at the end of August 1917. The circumstances of the creation of an important mechanism for supporting the “revolutionary order” in Finland, which was the institution of commissars are studied. The achieved agreement on this issue between Tsentrobalt and the Finnish Revolutionary Committee has become one of the most important reasons for maintaining calm in Finland. The authors conclude, that they have spread extraordinary methods of leadership, due to the growing authority of the Soviets, but not government institutions. At the same time, there were cases of the confrontation among the commissars appointed by various authorities among them. It caused some accidents against the command staff.

Ключевые слова: Центробалт, Революционный комитет Финляндии, Гельсингфорский Совет, комиссар, Балтийский флот, 1917 г., революция, Л. Г. Корнилов.

Keywords: 1917, Baltic Fleet, commissar, Revolutionary Committee of Finland, Helsingfors Council, revolution, Tsentrobalt, Lavr G. Kornilov.

Базарова Т. А., Проскурякова М. Е. Русская армия и Ингерманландия в начале Северной войны (по материалам походной канцелярии А. Д. Меншикова): Новые подходы к изучению

В статье представлена концепция исследования документов походной канцелярии А. Д. Меншикова с использованием приемов сетевого анализа (Social Network Analysis). В фокусе внимания авторов находятся письма и донесения корреспондентов светлейшего князя за 1702–1705 гг. Большая часть писем содержит сведения о действиях русской армии в Ингерманландии в первые годы Северной войны (1700–1721), а также организации управления на новых территориях. Отвоєванные у шведов земли были объединены под властью шлиссельбургского (позднее ингерманландского) губернатора А. Д. Меншикова. На основании систематизации данных об авторах, содержании и историческом контексте писем начато исследование социальных контактов А. Д. Меншикова и реконструкция структуры его социальных связей с представителями российских элит. В настоящей статье акцент сделан на корреспондентах губернатора в среде военачальников и интенсивности переписки с ними в течение 1704 и 1705 гг. Кроме того, приведены данные об одном из направлений деятельности А. Д. Меншикова — принятии решений о местах расквартирования полков русской армии в Ингерманландии.

Bazarova T. A., Proskuryakova M. E. Russian Army and Ingermanland in the Beginning of the Great Northern War (according to the documents from the Field Chancellery of A. D. Menshikov): New Approaches to Research

The article presents the concept of the study of documents from the Field Chancellery of A. D. Menshikov applying methods of the Social Network Analysis. Letters and reports from his correspondents for 1702–1705 are in the center of investigation. These letters mostly contain information about the actions of the Russian army in Ingermanland during first years of the Great Northern War (1700–1721), as well

as the administrating decisions referring to the new territories. The lands conquered from Swedes were united under the rule of Shlisselburg (later Ingermanland) governor A. D. Menshikov. The study of his social contacts with representatives of Russian elites and structure of his social network was begun based on the systematization of data on authors, content and historical context of letters. This article focuses on governor contacts with military leaders and intensity of correspondence during 1704 and 1705. In addition, the scholars present one of the directions of governor activity: the making decisions on places of quartering of Russian regiments in Ingermanland.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, П. М. Апраксин, Р. В. Брюс, А. И. Репнин, Б. П. Шереметев, И. И. Чамберс, канцелярия, письма, донесения, социальные связи, сетевой анализ

Keywords: A. Menshikov, P. Apraksin, R. Bruce, J. Chambers, A. Repnin, B. Sheremetev, chancellery, letters, reports, social connections, Social Network Analysis

Балаценко Ю. Д. Крушение империи глазами русского художника И. Е. Репина

Знаменитый русский художник Илья Ефимович Репин (1844–1930) прожил долгую жизнь, став свидетелем нескольких войн и трех революций, произошедших в России в 1905 году, феврале и октябре 1917 года. Он был последовательным противником российской монархии, что не мешало ему писать заказные портреты придворной знати и Российских императоров. До Октябрьской революции Репин сочувственно относился к революционерам. Февральскую революцию художник принял с восторгом. После Октября его отношение к революции, революционерам и Церкви кардинально изменилось. Подтверждением тому служат его многочисленные живописные работы и переписка с друзьями и знакомыми.

Balacenko Yu. D. The collapse of the empire through the eyes of the Russian artist I. E. Repin

The famous Russian artist Ilya Efimovich Repin (1844–1930) lived a long life, witnessing several wars and three revolutions that took place in Russia in 1905, February and October of 1917. He was a consistent opponent of the Russian monarchy, which did not prevent him from painting custom portraits of the court nobility and Russian emperors. Before the October Revolution, Repin was sympathetic to revolutionaries, and the February Revolution was welcomed by the artist with enthusiasm. After the October Revolution, his attitude towards revolution, revolutionaries and the Church changed dramatically. This is confirmed by his many paintings and correspondence with friends and acquaintances.

Ключевые слова: история, революция, И. Е. Репин, живопись, Карельский перешеек.

Keywords: history, revolution, I. E. Repin, painting, Karelian Isthmus.

Барышников В. Н. Проблема международного признания «народного правительства» О. В. Куусинена

В СССР, после провозглашения 1 декабря 1939 г. «народного правительства», были предприняты определенные дипломатические шаги, чтобы оно получило международное признание. 4 декабря в Москве заявили, что не считают существующую в Хельсинки власть законной. 5 декабря было опубликовано сообщение, что СССР установил дипломатические отношения с «правительством» О. В. Куусинена. Кроме того в Москве надеялись еще получить международное признание «правительства» Куусинена от Германии. Но в Берлине этого делать не собирались. В рейхе решили по данной проблеме стремиться «затягивать время с формулировкой своей позиции». Кроме того, советское руководство рассчитывало на определенную поддержку прибалтийских государств. Но официальное обращение к этим странам также не последовало.

В целом ход советско-финляндской войны не создавал больших перспектив в деятельности «народного правительства». В итоге в Москве поэтапно стали отказываться от своего изобретения. 29 января 1940 г. в Хельсинки получили информацию, что СССР готов вступить в контакты с финским правительством и начать мирные переговоры. Таким образом идея возможного международного признания «кабинета» Куусинена была похоронена.

Baryshnikov V. N. The problem of international acceptance of the O. W. Kuusinen's "People's Government"

The USSR, after the proclamation of a "People's government" on December 1, 1939, took certain diplomatic steps so that this "government" received international recognition. On December 4, they said in Moscow that they did not consider the power existing in Helsinki legal. On December 5, a message was published that the USSR had established diplomatic relations with the «government» of O. W. Kuusinen. In addition, Moscow still hoped to receive international recognition of the Kuusinen's «government» from Germany. But the German leadership was not going to do this. The Reich Ministry of Foreign Affairs decided on this issue to strive to «drag out time with the wording of its position». In addition, the Soviet leadership counted on some support from the Baltic states. But there was no official appeal to these countries either.

In general, the development of the Soviet-Finnish War did not create great prospects in the activities of the "people's government". As a result, Moscow gradually began to abandon its invention. On January 29, 1940, information was received in Helsinki that the USSR was ready to make contacts with the Finnish government and begin peace negotiations. Thus, the idea of a possible international recognition of Kuusinen's «cabinet» was buried.

Ключевые слова: «зимняя война», «правительство» Куусинена, советская внешняя политика.

Keywords: Winter war, "government" of Kuusinen, Soviet foreign policy.

Барышников В. Н. Победа контрреволюции в Финляндии в 1918 г. и ее значение для политики большевиков в Советской России

Победой контрреволюции в Финляндии было первый опыт, когда в XX веке на территории Российской империи сначала возникла, а затем и кровавым образом завершилась гражданская война. В России не знали ничего подобного ранее. Большевики в начале установления советской власти старались избежать кровавых репрессий. Лояльное отношение к своим политическим противникам наблюдалось и в начале революции в Финляндии. «Красные финны» отнюдь не стремились к кровавым расправам над своими политическими противниками. В Финляндии была предпринята попытка «введения социализма законодательным путем». Но финал финской гражданской войны, оказавшийся разгромом красного движения, стал невероятно кровавым. Победа «белых» сопровождалась невиданными ранее в Финляндии репрессиями, невероятным количеством жертв и массовым террором.

Белый террор, развернутый победителями, не мог не быть «незамечен» в Советской России. В результате из этого делались соответствующие выводы. Важную роль здесь сыграл член ЦК РКП (б) И. Смилга. Он лично мог наблюдать все этапы гражданской войны в Финляндии, поскольку являлся представителем Совета Народных комиссаров в этой стране. И именно И. Смилга, уже спустя буквально всего несколько дней после подавления последнего очага сопротивления «красных финнов», 19 мая 1918 г. открыто выступил об этом на заседании ЦК РКП(б). В своем выступлении, используя пример подавления революции в Финляндии, он предложил также начать массовые расстрелы политических противников большевиков. В результате, в руководстве большевиков пришли к решению, что «в настоящий момент... против расстрела нескольких человек никто не возражает» и необходимо «вести в практику приговоры к смертной

казни за определенные преступления». Официально, однако, окончательный переход к красному террору в Советской России произошел лишь в сентябре 1918 г.

Таким образом, белый террор в Финляндии весной—летом 1918 г. стал первым и одним из наиболее наглядных аргументов, который был использован большевиками для развертывания широких репрессий в отношении уже «белых» в России. Однако красный террор в России стал широко осуществляться только в условиях, когда здесь начиналась Гражданская война.

Baryshnikov V. N. The victory of the counter-revolution in Finland in 1918 and its significance for the policy of the Bolsheviks in Soviet Russia

The victory of the counter-revolution in Finland was the first experience when, in the 20th century, a Civil War ended in a bloody manner on the territory of the Russian Empire. Nobody knew anything like this in Russia before. At the beginning of the establishment of Soviet power, the Bolsheviks tried to avoid bloody repression. Loyalty to their political opponents was also observed at the beginning of the revolution in Finland. The «Red Finns» did not seek bloody reprisals against their political opponents. They tried to «establish socialism by legislative means». But the finale of the Finnish Civil War, which turned out to be the defeat of the Red Movement, became incredibly bloody. The victory of the «Whites» was accompanied by unprecedented repression and mass terror in Finland.

The White Terror organized by the victors of the Civil War in Finland was immediately recorded in Soviet Russia. As a result, relevant conclusions were drawn from this. The greatest attention to the outbreak of terror in Finland was shown by a member of the Central Committee of the RCP(b). I. Smilga. He could observe all the stages of the Civil War in Finland, since he was the representative of the Soviet government in this country. I. Smilga, just a few days after the suppression of the resistance of the «Red Finns», on May 19, 1918 reported this to the session of the Central Committee of the RCP(b.). In his speech, using the example of the suppression of the revolution in Finland, he also proposed to begin mass executions against political opponents of the Bolsheviks. As a result, the Bolshevik leadership decided that «at the moment ... no one objects to the execution of several people» and it is necessary «to put into practice death sentences for certain crimes». Officially, however, the final transition to the Red Terror in Soviet Russia occurred only in September 1918.

Thus, the White Terror in Finland in the spring and summer of 1918 was the first and one of the most obvious arguments that the Bolsheviks used to launch widespread repressions against the already «White» in Russia. However, the Red Terror in Russia began to be widely implemented only in conditions when here began the Civil War.

Ключевые слова: 1918, гражданская война в Финляндии, белый террор, красный террор, большевики, И. Смилга.

Keywords: 1918, Civil War in Finland, White Terror, Red Terror, Bolsheviks, I. Smilga.

Бекман Й. Трагедия Сандармоха: от антисталинского культа к антипутинской пропагандистской кампании

Статья рассматривает споры вокруг урочище Сандармоха в Карелии в 1990–2020 гг. Дебаты можно разделить на три этапа: 1) Активисты антикоммунистической организации «Мемориал» в 1997 г. развернули антисталинский культ вокруг Сандармоха, утверждая, что там похоронены якобы до 10 000 жертв сталинского террора из 58 национальностей, в том числе, около 1 000 финнов, хотя даже сами авторы этого культа признали, что у них нет прямого доказательство о расстелах именно в Сандармохе. Антисталинский культ отражается в наличии часовне, мемориальных камней, многочисленных крест и фотографии, и также международных мероприятий, в Сандармохе. 2) В 2016 году профессиональные карельские историки предположили, что в могилах могут находиться советские военнопленные, казненные и замориечные голодом финнами в 1941–1944 годах. По словам

двух карельских профессоров, которые изобрели и развили эту идею, эта идея носит название «гипотеза Килина—Веригина». Они также предложили провести финансируемые государством научные эксгумации, которые проводились в 2018 и 2019 годах. 3) Финские СМИ, особенно антироссийские «Ilta-Sanomat», развернули антипутинскую кампанию, утверждая, что процесс эксгумации является отрицанием сталинского террора путинским режимом. К кампании присоединились российские либеральные СМИ и некоторые зарубежные газеты, такие как «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост». Российские историки, призывающие к научному исследованию этого места, были изображены в «Ильта-Саномат» как «сумасшедшие», живущие в «пузыре КГБ». В июле 2020 года окончательные результаты эксгумации показали, что в братских могилах Сандармоха захоронены до 2000 советских военнопленных, какие были расстреляны финнами или умерли от голода и мучения финскими оккупантами 1941–1944 гг. Вывод состоит в том, что ни в чем не повинные жертвы, похороненные в Сандармохе, сначала стали жертвами лживого антисталинского культа, потом инструментами антипутинской и антинаучной пропагандистской кампании, финансируемой и организованной за рубежом. Решающую роль здесь сыграли финские антироссийские акторы, особенно антироссийская газета «Ilta-Sanomat», принадлежащая медиахолдингу «Sanoma». В частности ситуацию можно объяснить тем, что создателем газеты «Ilta-Sanomat» и руководителем медиаконцерны «Sanoma» был русофоб Эльяс Эркко, который во время войны отвечал за судьбу советских военнопленных руководителем бюро военнопленных финской армии.

Bäckman J. The Tragedies of Sandarmokh: from an anti-Stalin cult to an anti-Putin propaganda campaign

The Sandarmokh forest is a controversial mass grave site in Russian Karelia. The article divides the debates over the Sandarmokh graves during 1997–2020 in three phases: 1) Activists of anti-communist "Memorial" organization launched in 1997 an anti-Stalin cult around Sankarmokh, claiming that up to 10,000 victims of Stalinist terror from 58 nationalities were executed and buried there, including up to 1,000 Finns. Lists of victims were compiled from the archives and published, although there was no evidence they were executed and buried in Sandarmokh. An exhumation was carried out in 1997, however without due scientific process. A temple, grave monuments and individual crosses were erected and events organised at the site. 2) Professional Karelian historians suggested in 2016 that the graves might contain Soviet prisoners of war, executed and starved by Finns during 1941–1944. This idea bears the name "Kilin-Verigin hypothesis", according to the two Karelian professors who invented and developed the idea. They also suggested to carry out state-sponsored scientific exhumations, which were carried out in 2018 and 2019. 3) Finnish media, especially anti-Russian "Ilta-Sanomat", launched an anti-Putin campaign, claiming that the exhumation process was a denial of Stalinist crimes by the Putin regime. Russian liberal media and some foreign newspapers, such as the "New York Times" and "The Washington Post", joined the campaign. Russian historians, calling for scientific research of the site, were depicted by "Ilta-Sanomat" as "insane" historians living in a "KGB-bubble". In July 2020, the final results of the exhumation showed, that up to 2,000 Soviet prisoners of war were executed during Finnish occupation of Karelia in 1941–1944 and buried in Sandarmokh mass graves, majority of which are however empty. The conclusion is that the innocent victims buried in Sandamokh also became the victims of an anti-Stalin cult-building and an anti-Putin and anti-scientific propaganda campaign, financed and organised abroad. Finnish anti-Russian actors had a crucial role here, especially the anti-Russian newspaper "Ilta-Sanomat", belonging to the media holding "Sanoma Corporation".

Ключевые слова: Вторая мировая война, Сандармох, Сталин, Финляндия, Россия, Карелия, политические репрессии, сталинизм, военнопленные, эксгумация, война-продолжение, пропаганда.

Keywords: Second World War, Sandarmokh, Stalin, Finland, Russia, Karelia, political repressions, Stalinism, prisoners of war, exhumation, continuation war, propaganda.

Борисенко В. Н., Чепик В. Н. «Гренландская контрреволюция». Ответ Гренландии на неокOLONиальную политику Дании (по материалам исследования профессора В. Е. Возгрин)

В статье рассматривается переходный этап от колониализма к неокOLONиализму на примере политики Датского королевства по отношению к Гренландии. На основе проведённых исследований «уникальности гренландской модели», выступавшей в качестве «чужеродного элемента» для классической модели отношений метрополии с колониями, авторы предлагают собственный подход к интерпретации работ известного российского историка, профессора В. Е. Возгрин. В статье утверждается, что на предпринятые правительством Дании революционные по своей сути реформы, направленные на кардинальную перестройку хозяйственной деятельности и уклада общественной жизни, Гренландия ответила контрреволюцией, итогом которой стала «гренландизация» и отделение территории, которая с 1953 г. являлась полноправной частью Датского королевства. Состав и тактика движущих сил, принимавших участие в контрреволюции, полноценную роль которых ещё предстоит изучать, предопределили её мирный характер и длительный период подготовки.

Borisenko V. N., Chepik V. N. Counterrevolution in Greenland: Greenland's answer to the Danish Kingdom's neo-colonial policy (based on research materials by professor V. E. Vozgrin)

The article examines the transition from colonialism to neo-colonialism based on the example of the Danish kingdom's policy towards Greenland. While analyzing the research papers which were previously conducted on the «uniqueness of the Greenland model» which acted as an «alien element» for the classical model of the metropolis's relations with their colonies, the authors offer their own approach to the interpretation of the works of the famous Russian historian Professor V. E. Vozgrin. The article argues that Greenland responded to the revolutionary reforms undertaken by the Danish government which aimed at radically restructuring economic activity and social life, resulting in a «grendlandizing» and secession of the territory, which since 1953 has been a full part of the Danish Kingdom. The composition and tactics of the driving forces involved in the counter-revolution, the full role of which has yet to be studied, predetermined its peaceful nature and long period of preparation.

Ключевые слова: Возгрин В. Е., история Гренландии, История Дании, неокOLONиализм, контрреволюция, историография.

Keywords: Vozgrin V. E., history of Greenland, history of Denmark, neo-colonialism, counter-revolution, historiography.

Бутакова А. А., Портнягина М. Д. Феномен «северная идентичность» и его влияние на современные международные отношения.

Сотрудничество стран Северной Европы признаётся уникальным образцом кооперации, что обусловлено географическим фактором, историко-культурными корнями и схожестью государственного строя. Понятие «идентичность» в отношении Северных стран Европы означает как осознание населением своей принадлежности к ним, так и инструмент политической власти, используемый для выражения данного региона.

В статье определяется, что европейская идентичность является важнейшим условием эффективного функционирования Европейского союза. Процессы интеграции, происходившие после Второй Мировой войны в Северной Европы, осуществлялись параллельно с общеевропейской интеграцией, поэтому в статье «северная идентичность» рассматривается как часть европейской. Проанализи-

ровам международно-правовые и научно-исследовательские аспекты феномена «северная идентичность», формулируются ключевые его характеристики: солидарность и многообразие форм сотрудничества.

Создание таких институтов, как Северный совет и Совет министров Северных стран, показывает положительный опыт реализации различного рода программ как внутри региона, так и за его пределами. Успешная реализация их полномочий по регулированию политики, экономики и культуры целого региона возможна на базе осознания единства ценностей и целей.

Институционализация «северной идентичности» признаётся одним из признаков влияния данного феномена на международное сотрудничество. Современное международное сотрудничество под влиянием «северной идентичности» проявляется в различных сферах, таких, как: культура, наука и образование, экология и окружающая среда, экономика, бизнес и другие. В статье анализируются наиболее успешные современные проекты сотрудничества стран Северной Европы, и делается вывод, что на первый план выходят именно политические интересы сотрудничества. Таким образом, северное сотрудничество встречает новые вызовы, что требует дальнейшего уточнения вопросов, касающихся феномена «северная идентичность».

Butakova A. A., Portnyagina M. D. The phenomenon of «northern identity» and its impact on modern international relations.

The cooperation of the Nordic countries is recognized as a unique model of cooperation, owing to geographical factors, historical and cultural roots and the similarity of the state system. The concept of «identity» in relation to the Nordic countries of Europe means both the awareness among the population of their belonging to them, and the instrument of political power used to express the region.

The article defines European identity as an essential condition for the effective functioning of the European Union. The integration processes that took place after the Second World War in Northern Europe were carried out in parallel with European integration, therefore the article «Northern identity» is considered part of European integration. Having analysed the international legal and scientific aspects of the phenomenon of «Northern identity», the key characteristics of it are formulated: solidarity and diversity of forms of cooperation.

The establishment of institutions such as the Nordic Council and the Nordic Council of Ministers has shown positive experience in the implementation of various programmes both within and outside the region. The successful exercise of their powers to regulate the politics, economy and culture of the whole region is possible on the basis of an awareness of the unity of values and objectives.

The institutionalization of «northern identity» is recognized as one of the signs of the impact of this phenomenon on international cooperation. The international modern cooperation is under the influence of «Northern identity» manifested in different areas of human activity, such as culture, science and education, ecology and environment, economy and business and so on. The article analyses the most successful modern cooperation projects of the Nordic countries and concludes that it is the political interests of cooperation that come to the fore. Thus, northern cooperation is finding a new challenges, which requires further clarification of issues concerning the phenomenon of «northern identity».

Ключевые слова: идентичность, европейская идентичность, северная идентичность, страны Северной Европы, международное сотрудничество

Keywords: Identity, European identity, Northern identity, Nordic countries, international cooperation.

Востров А. В. Русские солдаты на Аландских островах в 1915–1918 годах: служба, быт и взаимоотношения с местными жителями

Статья посвящена Або-Аландской укрепленной позиции во время Первой мировой войны с точки зрения присутствия на Аландских островах русского гарнизона. Кратко описывается укрепленная позиция, приводится численность солдат, офицеров и вспомогательных чинов в период 1915–1918 годов. Опираясь на источники, в указанный период рассматриваются служба и быт русских солдат, а также их взаимоотношения с местными жителями. Особое внимание уделено восприятию гарнизона жителями Аландского архипелага и взаимодействию властей (как русских военных, так и местных гражданских) в случае контактов аландцев и солдат.

Vostrov A. V. Russian soldiers on the Aland Islands in 1915–1918: The military service, daily life, and relations with locals

The article deals with the Abo-Aland Archipelago Position during World War I from the point of the Russian garrison dislocation on the Aland Islands. It gives a short description of the fortified position, and the number of officers, soldiers and auxiliary ranks in years from 1915 to 1918. Basing on sources, we survey the service and daily life of Russian soldiers and their relations with the locals. The article puts special attention on how Alanders perceived the garrison and on the interaction of authorities (both Russian militaries and local civil bodies) in cases of contacts between Alanders and soldiers.

Ключевые слова: Або-Аландская укрепленная позиция, Первая мировая война, Российская империя, Аландские острова.

Keywords: Abo-Aland Archipelago Position, World War I, Russian Empire, Aland Islands.

Гехт А. Б., Цверьяншвили И. А. Из истории академического расизма в Швеции в первой половине XX века: основные вехи научной карьеры Хермана Лундборга

Статья рассматривает вопрос создания и функционирования первого в истории Государственного института расовой биологии, работавшего в Швеции в 1920–1950-е гг. В статье прослеживается появление расовой биологии как направления научных исследований в конце XIX — начале XX века. Особое внимание уделяется идеологическим установкам, лежавшим в основе деятельности института, а также практическим результатам его деятельности. Рассматриваются причины трансформации института в середине 1930-х гг. и его эволюция как научно-исследовательского заведения в 1940-е гг. Данные вопросы рассматриваются совместно с научной биографией Хермана Лундборга — шведского медика, биолога и преподавателя, ставшего не только идейным вдохновителем создания Государственного института расовой биологии, но и его первым руководителем.

Gekht A. B., Tsvorianashvili I. A. Academic Racism in Sweden in the First Half of XX Century: Herman Lundborg's scientific biography key aspects.

This article considers the issue of foundation and functioning of the first State Institute of racial biology in the history, which worked in Sweden in the 1920s-1950s. The article traces the emergence of racial biology as a direction of scientific research in the late XIX — early XX century. The particular attention is paid to the ideological attitudes which made the basis of the Institute, as well as the practical results of its activities. Also the paper deals with the main reasons for the Institute's transformation in the mid-1930s as well as its evolution into a research institution in the 1940s. These issues are studied together with Herman Lundborg's scientific biography. This Swedish physician, biologist and teacher not only inspired the State Institute for racial biology's creation but became its first head.

Ключевые слова: расовая биология, Государственный институт расовой биологии, Херман Лундборг, Гуннар Дальберг, Швеция.

Keywords: racial biology, State Institute for racial biology, Herman Lundborg, Gunnar Dahlberg, Sweden.

Жаров Б. С. Захоронения российских военнопленных периода Первой мировой войны на датской земле: К 100-летию воссоединения Северного Шлезвига с Данией

В 2020 году Дания отмечает столетие важного события в своей истории. 10 июля 1920 г. датский король Кристиан X верхом пересек датско-германскую границу и был встречен приветствиями населения Северного Шлезвига, который вновь стал частью Королевства Дания в соответствии с итогом проведенного в этом году референдума. На вновь обретенной датской территории обнаружили захоронения военных из различных стран, попавших в германский плен в период Первой мировой войны, в большинстве случаев это были солдаты из Российской империи. Германские власти создали здесь два больших лагеря и несколько малых. Часть военнопленных использовались на торфоразработках, мелиоративных работах, другие группами по 8–20 человек направлялись на сельскохозяйственные работы к крупным и средним землевладельцам. Отношение к пленным у жителей Шлезвига было разным: у продатски настроенного населения весьма положительным, у пронемецки настроенного — отрицательным. Военнопленные умирали в результате заболеваний, в том числе от эпидемий, а также гибли при попытке бегства в нейтральную Данию. На территории Южной Ютландии до сих пор существуют захоронения российских военнопленных датского периода, где покоятся останки 175 русских воинов.

Zharov B. S. Burials of Russian prisoners of war during the First World War on Danish land: On the 100th anniversary of the reunification of Northern Schleswig with Denmark

In 2020 Denmark marks the centenary of an important event in her history. On July 10 1920, Danish King Christian X on horseback crossed the Danish-German border and was greeted by the people of Northern Schleswig, who again became part of the Kingdom of Denmark in accordance with the outcome of the referendum this year. On the newly acquired Danish territory there were burial places of military men from various countries who were captured by the Germans during the First World War, in most cases soldiers from the Russian Empire. The German authorities created two large camps and several small ones. Some prisoners of war were used in peat mining, reclamation works, and the other — in groups of 8–20 people were sent for agricultural work to large and medium landowners. The attitude towards the prisoners among the inhabitants of Schleswig was different: among the prodatishly minded population it was very positive, among the pro-German negative. Prisoners of war died as a result of diseases, including epidemics, and also died while trying to escape to neutral Denmark. On the territory of South Jutland there are still burials of prisoners of war from Russia of this period, where the remains of 175 Russian soldiers are buried.

Ключевые слова: Дания, XX век, воссоединение Северного Шлезвига, военнопленные Первой мировой войны, захоронения военнопленных из России.
Keywords: Denmark, XX century, the reunification of Northern Schleswig with Denmark, prisoners of war during the First World War, burials of prisoners of war from Russia.

Захарова И. М. Первый шведский резидент при русском дворе Иоганн Мёллер по материалам фонда рукописей и документов Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа

В статье идет речь об Иоганне Мёллере — первом постоянном дипломатическом агенте при Дворе русского царя Михаила Федоровича. На основании анализа печатных источников и историографических материалов дается характеристика деятельности шведского резидента в Москве в контексте русско-шведских

дипломатических, экономических и военных отношений конца 1620-х — 1632 г., подчеркивается роль Мёллера в подготовке военного союза России и Швеции против Польши. Особое внимание уделено материалам, хранящимся в Государственном Эрмитаже — жалованным грамотам шведских королей Густава II Адольфа (1631) и Густава III (1781), позволяющих не только в значительной степени дополнить биографию Иоганна Мёллера, но и дающих возможность провести историко-генеалогическое исследование рода Моллеров. Жалованные грамоты вводятся в научный оборот впервые.

Zakharova I. M. The first Swedish resident at the Russian Court, Johann Möller, based on materials from the manuscripts and documents of the Russian Department of the State Hermitage

The article is about Johann Möller — the first permanent diplomatic agent at the Court of the Russian Tsar Mikhail Fedorovich. Based on the analysis of printed sources and historiographic materials, the characteristics of the activities of the Swedish resident in Moscow in the context of Russian-Swedish diplomatic, economic and military relations of the late 1620s — 1632 are given, the role of Möller in preparing the military alliance between Russia and Sweden against the Poland is emphasized. Particular attention is paid to the materials stored in the State Hermitage — charters of the Swedish kings Gustav II Adolf (1631) and Gustav III (1781), which not only greatly complement the biography of Johann Möller, but also make it possible to carry out historical and genealogical research of the Moller genus. Charters are introduced into scientific circulation for the first time.

Ключевые слова: Иоганн Мёллер, Густав II Адольф, Михаил Федорович Романов, Густав III, русско-шведские отношения в XVII в., род Моллеров.

Keywords: Johann Möller, Gustav II Adolf, Mikhail Fedorovich Romanov, Gustav III, Russian-Swedish relations in the 17th century, the Moller genus.

Мусаев В. И. Восточно-каральская эмиграция в Финляндии в 1920-е — 1930-е гг.: проблема адаптации.

В Финляндии к концу 1920-х гг. оставалось от 5000 до 6000 восточнокаральских беженцев. Процесс адаптации карельских беженцев в Финляндии в 1920-х — 1930-х гг. протекал схожим образом с аналогичным процессом, через который проходили выходцы из Ингерманландии. Считаясь соплеменниками, восточные карелы, как и ингерманландцы, пользовались большим сочувствием местного населения и более благожелательным отношением со стороны властей, чем выходцы с Востока в целом. Тем не менее, и для соплеменников имелись сложности с устройством на работу, процесс натурализации и получения гражданства был долгим и весьма непростым. Средствами, которые до известной степени облегчали беженцам и эмигрантам адаптацию в новых условиях, были организация школьного обучения для детей в особых народных школах, духовного призрения для православных карелов в форме особого прихода, карельских клубов, занимавшихся культурно-просветительской деятельностью, проведение карельских праздников, издание собственного печатного органа («*Vapaa Karjala*» — «Свободная Карелия»). Карельские эмигрантские организации пытались участвовать и в политической деятельности, хотя и без ощутимого успеха. Ускорению процесса натурализации беженцев и членов их семей, начавшегося еще в межвоенный период, способствовал, наряду с закрытием особых школ для беженцев и ликвидацией беженских церковных приходов, роспуск почти всех эмигрантских организаций, предпринятый вскоре после перемирия 1944 г. между Финляндией и Советским Союзом по требованию Союзной контрольной комиссии.

Musaev V. I. East-Karelian Emigration in Finland in 1920–1930s: the Issue of Adaptation

In Finland, by the end of 1920–1930s there remained between 5,000 and 6,000 East Karelian refugees. The process of adaptation of the Karelian refugees in Finland in the interwar period proceeded in a similar way with the same process through which the natives of Ingermanland passed. Being treated as co-nationals («heimolaiset»), the Eastern Karelians, like the Ingermanlandians, enjoyed greater sympathy from the local population and a more benevolent attitude from the authorities than people from the East as a whole. Nevertheless, even for the co-nationals there were difficulties with finding a job, the process of naturalization and obtaining citizenship was a long and very difficult one. The means which, to a certain extent, made it easier for refugees and emigrants to adapt to the new conditions were the organization of schooling for children in special public schools, spiritual care for the Orthodox Karelians in the form of a special parish, Karelian clubs engaged in cultural and educational activities, holding Karelian holidays, publication of their own print organ (“Vapaa Karjala” — “Free Karelia”). Karelian emigrant organizations tried to participate in political activities, albeit without tangible success. The acceleration of the naturalization of refugees and their families, which began in the the interwar period, was accelerated after the closure of special schools for refugees and the elimination of refugee church parishes, the dissolution of almost all emigrant organizations, undertaken shortly after the armistice of 1944 between Finland and the Soviet Union at the request of the Allied Control Commission.

Ключевые слова: советско-финляндские отношения, Карелия, эмиграция, адаптация, натурализация

Keywords: Soviet-Finnish relations, Karelia, emigration, adaptation, naturalization

Красноженова Е. Е., Ковалев Б. Н., Кулик С. В. Дети и война: к вопросу об особенностях оккупационной политики на территории Ленинградской области (1941–1944 гг.)

В статье показаны особенности нацистского оккупационного режима на территории Ленинградской области в период Великой Отечественной войны. Из всего гражданского населения от голода, болезней и жестокости оккупационной политики больше всего пострадали дети. Символом трагедии ленинградских детей, попавших под фашистские бомбы, стал эпизод у станции Лычково. Апофеозом нацистской репрессивной политики на оккупированных территориях Ленинградской области стала система концентрационных лагерей. Печально знаменит Вырицкий детский лагерь. Дети, оставшиеся в разрушенных городах и сёлах, становились беспризорными, обречёнными на голодную смерть. Несмотря на массовые репрессии против гражданского населения, жители региона оказывали сопротивление проводимой нацистской политике, уклонялись от отправки на принудительные работы в Германию, оказывали помощь партизанам.

Krasnozhenova E. E., Kulik S. V., Kovalev B. N. Children and War: on the specifics of the occupation policy on the territory of the Leningrad region (1941–1944)

The article shows the features of the Nazi occupation regime on the territory of the Leningrad region during the great Patriotic war. Of the entire civilian population, children suffered the most from hunger, disease and the brutality of the occupation policy. The episode at Lychkovo station became a symbol of the tragedy of Leningrad children who fell under the Nazi bombs. The apotheosis of the Nazi repressive policy in the occupied territories of the Leningrad region was the system of concentration camps. The Vyritsky children's camp is infamous. Children left in the destroyed cities and villages became homeless, doomed to starvation. Despite mass repressions against the civilian population, the inhabitants of the region resisted the Nazi policy, avoided being sent to forced labors in Germany, and provided assistance to the partisans.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинградская область, оккупация, военное детство, эвакуация, Лычково, Вырица, концентрационные лагеря, принудительные работы, голод.

Keywords: Great Patriotic war, Leningrad region, occupation, military childhood, evacuation, Lychkovo, Vyritsa, concentration camps, forced labor, famine.

Кротов П. А. Вице-адмирал Н. А. Сенявин в походе русского флота к Гданьску в 1734 г.

Изученные материалы позволяют заключить, что во время экспедиции Российского флота к Гданьску в 1734 г. ученик императора Петра Великого в морском деле, вице-адмирал Н. А. Сенявин и другие последователи создателя Российского флота были на втором плане. Главную роль в командовании флотом играл адмирал Т. Гордон, шотландец, показавший себя весьма заурядным командующим. Т. Гордон оказался недостаточно решительным и настойчивым. Французская эскадра, прибывшая к Гданьску, в итоге медлительности Т. Гордона, смогла уклониться от баталии и уйти к Копенгагену. Тем не менее, Российский флот блокировал Гданьск с моря, вынудил французский десант (2100 чел.) сдаться, доставил тяжёлую артиллерию для осады Гданьска и сделал неизбежным его быструю капитуляцию. Капитуляция Гданьска стала решающим событием для победы России в войне за польское наследство (1733–1735). Польский король Станислав Лещинский был вынужден бежать из Гданьска накануне его капитуляции во Францию. Россия в 1734 г., несмотря на все недостатки флота, подтвердила, что по-прежнему является сильнейшей державой Балтики.

Krotov P. A. Vice Admiral N. A. Senyavin in the campaign of the Russian fleet to Gdansk in 1734

The studied materials allow us to conclude that during the expedition of the Russian fleet to Gdansk in 1734, the pupil of the Emperor Peter the Great in Maritime Affairs, Vice Admiral N. A. Senyavin and other followers of the Creator of the Russian fleet were in the background. The main role in the command of the fleet was played by Admiral T. Gordon, a Scot who proved to be a very ordinary commander. The French squadron that arrived at Gdansk, as a result of T. Gordon's slowness, was able to evade the battle and go to Copenhagen. Nevertheless, the Russian fleet blocked Gdansk from the sea, forced the French landing force (2,100 men) to surrender, delivered heavy artillery for the siege of Gdansk, and made its rapid capitulation inevitable. Capitulation of Gdansk was a decisive event for the victory of Russia in the war of the Polish succession (1733–1735). Polish king Stanislaw Leszczynski was forced to flee Gdansk on the eve of its surrender to France. Russia in 1734, despite all the shortcomings of the fleet, confirmed that it is still the strongest power in the Baltic.

Ключевые слова: вице-адмирал Н. А. Сенявин, Российский флот, военно-морское искусство, русская военно-морская экспедиция к Гданьску (1734), война за польское наследство (1733–1735).

Keywords: Vice Admiral N. A. Senyavin, Russian Navy, naval art, Russian naval expedition to Gdansk (1734), war of the Polish succession (1733–1735)

Кротов П. А. «Социальный лифт» на военной службе в годы Северной войны («Случай» вице-адмирала Н. А. Сенявина и поручика П. Г. Головкова)

Успех государственной реформы Петра Великого во многом объясняется тем, что монарх создал эффективную систему стимулирования ревностной службы подданных на благо Отечества. Путем военной службы люди могли радикально повысить свой социальный статус. Автор рассматривает «случай» среднепоместного дворянина Н. А. Сенявина, начавшего службу матросом и рядовым артиллеристом и сумевшего стать при Петре Великом контр-адмиралом (1721), потом вице-адмиралом Российского флота (1727), и «случай» холопа П. Г. Головкова, который сумел стать дворянином, дослужиться до чина армейского поручи-

ка (1712). Началом карьерного роста обоих военнoслужаших стал совершенный ими 12 октября 1706 г. подвиг по захвату шведского боевого судна на Балтийском море. Однако Сенявин вошёл в военную элиту России, а Головкин остался в числе множества низкого ранга офицеров. Автор показывает, что при Петре Великом действовала система ограничений, которая мешала большинству людей, не принадлежавших в начале карьеры к дворянству, достигать в армии и во флоте высоких офицерских чинов.

Krotov P. A. “Social Elevator” in military service during the Northern War («cases» of Vice Admiral N. A. Senyavin and Lieutenant P. G. Golovkov)

The success of Peter the Great's state reform is largely due to the fact that the monarch created an effective system to encourage zealous service of his subjects for the good of the Fatherland. Through military service, people could radically improve their social status. The author considers the «case» of the middle-class nobleman N. A. Senyavin, who began service as a sailor and ordinary gunner and managed to become a rear Admiral under Peter the Great (1721), then Vice-Admiral of the Russian Navy (1727), and the “case” of the serf P. G. Golovkov, who managed to become a nobleman, to reach the rank of army Lieutenant (1712). The beginning of the career growth of both soldiers was their feat of capturing a Swedish warship in the Baltic sea on October 12, 1706. However, Senyavin entered the military elite of Russia, but Golovkov remained among the many low-ranking officers. The author shows that under Peter the Great there was a system of restrictions that prevented most people who did not belong to the nobility at the beginning of their career from reaching high officer ranks in the army and Navy.

Ключевые слова: Петр Великий, Великая Северная война, вице-адмирал Н. А. Сенявин, поручик П. Г. Головкин

Keywords: Peter the Great, the Great Northern war, Vice Admiral N. A. Senyavin, Lieutenant P. G. Golovkov

Пашков А. М. Финские партизаны в русско-шведской войне 1808–1809 гг.

Статья посвящена роли финских партизан в русско-шведской войне 1808–1809 гг. Проанализированы предпосылки и условия возникновения партизанского движения финских крестьян против русской армии. Сделан вывод о том, что действия финских крестьян-партизан являлись проявлением реакции консервативного финского крестьянства, жившего в привычных рамках традиционного общества, на нарушение привычного жизненного уклада, вызванного вторжением иностранной армии. Типологически партизанское движение финских крестьян стоит в одном ряду с действиями испанских и русских крестьян-партизан против армии Наполеона. Второй причиной партизанского движения финнов была историческая память о вторжениях в Финляндию русских войск в 1713–1721 и 1741–1743 гг.

Pashkov A. M. Finnish guerillas in the Russian-Swedish war of 1808–1809

The article is devoted to the role of Finnish guerillas in the Russian-Swedish war of 1808–1809. The author analyzes the prerequisites and conditions for the emergence of Finnish peasant guerillas warfare against the Russian army. It's concluded that the actions of Finnish peasant guerillas were a manifestation of the conservative Finnish peasantry, who lived in the usual framework of traditional society, reaction to the violation of the usual way of life caused by the invasion of a foreign army. Typologically, the guerillas movement of Finnish peasants is on a par with the guerilla actions of Spanish and Russian peasants against the army of Napoleon. The second reason for the Finnish guerilla movement was the historical memory of the invasions of Finland by Russian troops in 1713–1721 and 1741–1743.

Ключевые слова: русско-шведская война (1808–1809), финские партизаны, финское крестьянство, Саволак, финская Карелия, Восточная Финляндия, Юхан Август Сандельс, Карл Вильгельм Мальм, Олли Тиайнен.

Keywords: Russian-Swedish war (1808–1809), Finnish guerillas, Finnish peasantry, Savolax, Finnish Karelia, Eastern Finland, Johan August Sandels, Carl Wilhelm Malm, Olli Tiainen.

Пленков О. Ю. Нордическая мистика Гиммлера и исследования «Аненэрбе» в Карелии

В статье речь идет о нацистской организации «Ahnenerbe» и ее попытке привязать карело-финскую культуру к «нордическому» арийскому наследию. Впоследствии Гиммлер планировал использовать некоторые элементы этой культуры в эсэсовских языческих обрядах. Ключевую роль в организации экспедиций в Карелию сыграл финн немецкого происхождения Ю. фон Грэнхаген. Итоги этих экспедиций весьма впечатлили Гиммлера. Особенно произведенные экспедицией магнитофонные записи рун «Калевалы». Все это должно было доказать «родство» финской культуры арийской.

Plenkov O. Yu. Himmler's Nordic mysticism and the «Ahnenerbe» study in Karelia

The article deals with the Nazi organization “Ahnenerbe” and its attempt to link the Karelian-Finnish culture to the “Nordic” Aryan heritage. Subsequently, Heinrich Himmler planned to use some elements of this culture in SS pagan rites. A key role in organizing expeditions to Karelia was played by Finn of German descent Yrjo von Grönhagen. The results of these expeditions greatly impressed Himmler. Especially produced by the expedition tape recordings of runes Kalevala. All this was to prove the “kinship” of Finnish Aryan culture.

Ключевые слова: «Аненэрбе», национал-социализм, «нордическое язычество», карело-финская культура, Калевала, Юрьё Грэнхаген.

Keywords: «Ahnenerbe», National Socialism, “Nordic paganism”, Kalevala, Karelian-Finnish culture, Yurje von Grönhagen.

Сидоренко Л. В. Вооруженный нейтралитет Екатерины Великой как удар по английской контрреволюции

Целью статьи является анализ влияния созданной в 1780 г. Екатериной Великой системы вооруженного нейтралитета на Американскую революцию в контексте противодействия британскому военно-морскому господству, чье сохранение являлось одним из контрреволюционных проявлений борьбы британцев с восставшими колонистами. Автор рассматривает создание системы вооруженного нейтралитета, описывая мотивы, которыми руководствовалась как Екатерина II, так и поддержавшие ее инициативу американцы. В статье делается вывод, что в отношении вооруженного нейтралитета столкнулись два подхода — американский принцип «свободные корабли провозят свободные товары» и британское понимание мер противодействия военной контрабанде, обеспечивавших морское и военно-политическое доминирование Туманного Альбиона. Создание Екатериной Великой Лиги вооруженного нейтралитета, основанной на близких американцам принципах, фактически сделало Россию невольным защитником Американской революции и противником британской контрреволюции в вопросах интерпретации торгового международного права и границ защиты имперского могущества.

Sidorenko L. V. Catherine the Great's armed neutrality as a blow to the English counter-revolution

The aim of the article is to analyze the influence of the created in 1780 by Catherine the Great's system of armed neutrality on the American Revolution in the context of countering British naval domination, whose preservation was one of the counter-revolutionary appearing of the British struggle with the rebellious colonists. The author examines the creation of a system of armed neutrality, describing the motives that guided both Catherine II and the Americans who supported her initiative. The article concludes

that two approaches to armed neutrality collided — the American principle of “free ships carry free goods” and the British understanding of measures to counter military smuggling, which ensured the Maritime, military and political dominance of Albion. Catherine’s creation of the League of armed neutrality, based on principles close to the Americans, actually made Russia an unwitting defender of the American Revolution and an opponent of the British counter-revolution in matters of interpretation of international trade law and the limits of its protection of Imperial might.

Ключевые слова: Вооруженный нейтралитет, Россия, британский флот, Американская революция, контрреволюция, дипломатия, Екатерина Великая.

Keywords: Armed neutrality, Russia, British Navy, American Revolution, counter-revolution, diplomacy, Catherine the Great.

Сидоренко Л. В. К проблеме бомбардировки Копенгагена британским флотом в 1801 и 1807 гг. (Борьба с международными последствиями Французской революции или немотивированный акт террора?)

Целью статьи является анализ причин нападения на Копенгаген в 1801 и 1807 гг. сил британского флота, а также прояснение вопроса, можно ли считать эти атаки контрреволюционными мерами против революционной Франции, или в их основе лежали иные мотивы. Автор рассматривает сложившуюся в тот момент в Европе дипломатическую ситуацию, описывает недовольство стран Балтики практикой жесткого контроля нейтрального судоходства со стороны англичан, исследует роль национальных интересов в принятии важных военно-политических решений малыми и крупными государствами региона. В статье делается вывод, что бомбардировки Копенгагена стали яркой демонстрацией британской мощи тем державам Европы, которые стремились изменить систему международных отношений и бросить вызов господству англичан на море. В этом плане атаки датской столицы были настоящим террором, но вполне мотивированным. В то же время, контрреволюционный мотив в действиях англичан сохранялся, ведь изменение модели поведения на море и в европейской дипломатии само по себе было революционным, из-за чего нападения на датскую столицу оказались жестокими, но необходимыми попытками спасти свой «старый порядок».

Sidorenko L. V. The bombing of Copenhagen by the British Navy in 1801 and 1807 (Fighting the international consequences of the French Revolution or an unmotivated act of terror?)

The aim of the article is to analyze the reasons for the attack on Copenhagen in 1801 and 1807 by the British Navy, as well as to clarify whether these attacks can be considered counter-revolutionary measures against revolutionary France, or whether they were based on other motives. The author examines the current diplomatic situation in Europe, describes the discontent of the Baltic countries with the practice of strict control of neutral shipping by Britain, and examines the role of national interests in making important military and political decisions by small and large States in the region. The article concludes that the bombing of Copenhagen was a clear demonstration of British power to those European powers who sought to change the system of international relations and challenge the British rule at the sea. In this regard, the attacks on the Danish capital were a real terror, but quite motivated. At the same time, the counter-revolutionary motive remained, because the change in the model of behavior at sea and in European diplomacy was itself revolutionary, and explains why the attacks on the Danish capital were cruel, but necessary attempts to save their “old order”.

Ключевые слова: Копенгаген, британский флот, Французская революция, контрреволюция, политика, дипломатия, наполеоновские войны, нейтралитет.

Keywords: Copenhagen, British Navy, French revolution, counter-revolution, politics, diplomacy, Napoleonic wars, neutrality.

Смолин А. В. Революционная Россия и Финляндии 1919 г.: противостояние

В статье рассказывается о вооружённых столкновениях, происходивших между Красной Армией и финскими воинскими соединениями в 1919 г. на приграничных с Финляндией территориях Советской России.

Smolin A. V. Revolutionary Russia and Finland 1919: confrontation

The article describes about armed clashes took place between the Red Army and the Finnish military units in 1919 on the Soviet Russian territories bordering Finland.

Ключевые слова: вооружённые столкновения, приграничные территории, Советская Россия, Финляндия, Балтийский флот.

Keywords: armed clashes, territories bordering, Soviet Russia, Finland, Baltic fleet.

Смолин А. В. Революция против контрреволюции: Советско-финляндские переговоры в Тарту. Второй этап (28 июля — 14 октября 1920).

В статье речь идёт о втором этапе переговоров между Советской Россией и Финляндией в Тарту (28 июля — 14 октября 1920). В статье рассказывается о дискуссиях, которые возникли по поднятым проблемам. Твёрдая политика Финляндии привела к уступкам Советской России.

Smolin A. V. The revolution to oppose counterrevolution: The negotiation between Soviet Russia and Finland in Tartu. Second period (28 July — 14 October 1920).

The article deals with on the second period of negotiations between Soviet Russia and Finland in Tartu (28 July — 14 October 1920). The article describes on the discussions that have arisen on the issues raised. The firm position of the Finland led to make concessions from Soviet Russia.

Ключевые слова: 1920, Советская Россия, Финляндия, Тартуските переговоры, делегация, территория, уступки.

Keywords: 1920, Soviet Russia, Finland, Tartu's negotiations, delegation, territory, concessions.

Фокин В. И. Скандинавские страны как объект «культурной дипломатии» СССР в 20–30-е гг. XX в.

На рубеже веков в сфере публичной дипломатии постепенно произошли радикальные изменения. Практически во всех странах были предприняты решающие усилия по воздействию господствующих элит на формирование общественного мнения, которое оказалось не приспособленным к такому идеологическому и психологическому натиску. Публичная дипломатия стала сферой исключительно государственной политики. Государство выступает в качестве субъекта публичной дипломатии, общественность является объектом публичной дипломатии. Тем самым в современной международной практике отсутствует полноценный общественный диалог. Автор пытается рассмотреть на примере Скандинавских стран как «культурной дипломатии» СССР удавалось сочетать государственную политику с общественным диалогом в 20–30-е годы XX века.

Fokin V. I. Scandinavian countries as an object of “cultural diplomacy” of the USSR in the 20s and 30s of the twentieth century.

At the turn of the century, radical changes gradually took place in the sphere of public diplomacy. In almost all countries, decisive efforts have been made to influence the dominant elites to shape public opinion, which has not been adapted to such an ideological and psychological onslaught. Public diplomacy has become an area of public policy alone. The state acts as a subject of public diplomacy, the public is the object of public diplomacy. Thus, in modern international practice there is no full-fledged public dialogue. The author tries to consider on the example of the Scandinavian countries as

the «cultural diplomacy» of the USSR managed to combine public policy with public dialogue in the 20s and 30s of the twentieth century.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «культурная дипломатия», внешняя политика СССР, международное гуманитарное сотрудничество, борьба за мир.

Keywords: public diplomacy, «cultural diplomacy», foreign policy of the USSR, international humanitarian collaboration, struggle for peace.

Фруменкова Т. Г. Приказ общественного призрения Выборгского наместничества (80–90-е гг. XVIII в.)

Статья посвящена работе Выборгского приказа общественного призрения, нового социального учреждения, появившегося во всех районах Российской империи в ходе губернской реформы Екатерины II. Реформа стала этапом унификации системы управления, в том числе, и на национальных окраинах. В работе приказа общественного призрения возникли проблемы и трудности, связанные с кредитно-финансовой стороной его деятельности. Однако, в результате в Выборгском наместничестве в середине 1790-х гг. сложилась система городских народных школ, работало несколько госпиталей, вели прием врачи, под покровительством приказа развивалось призрение детей-сирот, которых отдавали в семьи за определенную плату, и осуществлялась государственная помощь бедным и неимущим.

Frumenkova T. G. Department of the public charity of the Viceroyalty of Vyborg (80–90th years of the XVIII century)

The article is devoted to the work of the Vyborg order of public charity, a new social institution that appeared in all regions of the Russian Empire during the provincial reform of Catherine II. The reform was a stage of unification of the management system, including on the national outskirts. In the work of the order of the public charity, problems and difficulties related to the credit and financial side of its activities have arisen. However, as a result, in the Viceroyalty of Vyborg in the mid-1790s. there was a system of city public schools, several hospitals were operating, doctors were receiving patients, under the patronage of the order, the charity of orphaned children was developed, who were given to families for a certain fee, and state aid was provided to the poor and indigent.

Ключевые слова: Выборгское наместничество, приказ общественного призрения, займы, штрафы, училища, госпитали, сироты, помощь бедным.

Keyword: Vyborg Viceroyalty, order of public charity, loans, fines, schools, hospitals, orphans, assistance to the poor.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акишин Михаил Олегович, д. и. н., к. ю. н., профессор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, Akishin-MO@yandex.ru

Бажанов Дмитрий Александрович, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, dbazhanov@herzen.spb.ru

Базарова Татьяна Анатольевна, к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, tbazarova@yandex.ru

Балащенко Юрий Дмитриевич, Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты», yurabal@gmail.com

Барышников Владимир Николаевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Бекман Йохан, д.соц.н., доцент Хельсинкского университета, johanbek@inbox.ru

Борисенко Виктор Николаевич, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, v.borisenko@spbu.ru

Бугаев Роман Алексеевич, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Бутакова Анастасия Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет, n.butakova@yandex.ru

Востров Алексей Владимирович Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, alex.sinkriver@gmail.com

Гехт Антон Борисович, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru

Жаров Борис Сергеевич, к. фил. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, bzharov@gmail.com

Захарова Ирина Михайловна, к. и. н., Государственный Эрмитаж, zakharovairina@mail.ru

Ковалев Борис Николаевич, д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, bnkov@mail.ru

Красноженова Елена Евгеньевна, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого, eleena@inbox.ru

Кротов Павел Александрович, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, prav_krotov.naval@mail.ru; p.krotov@spbu.ru

Кулик Сергей Владимирович, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого, kulik54@mail.ru

Мусаев Вадим Ибрагимович, д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, vmusaev62@mail.ru

Пашков Александр Михайлович, д. и. н., профессор Петрозаводского государственного университета, pashkov@mail.petsu.ru

Портнягина Мария Дмитриевна, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, m.portnyagina@spbu.ru

Пленков Олег Юрьевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, oleg.plenkoff@yandex.ru, o.plenkov@spbu.ru

Проскурякова Мария Евгеньевна к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, m-proskuryakova@mail.ru

Сидоренко Леонид Владимирович, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, slv83@yandex.ru, l.sidorenko@spbu.ru

Смолин Анатолий Васильевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, smolin1947@yandex.ru, a.smolin@spbu.ru

Фокин Владимир Иванович, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, fokin.vladimir.autoreply@mail.ru

Фруменкова Татьяна Георгиевна, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, frumentat@yandex.ru

Цверлианишвили Иван Алексеевич, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, konditer14@rambler.ru

Чепик Виктор Николаевич, к. и. н., Санкт-Петербургский государственный университет, v.chepik@spbu.ru

Akishin Michael O., PhD (History), PhD (Law), professor Pushkin Leningrad State University, Akishin-MO@yandex.ru

Balacenko Yuriy D., I. E. Repin memorial estate «The Penates», yurabal@gmail.com

Baryshnikov Vladimir N., PhD (History), professor of St.Petersburg State University, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Bazarova Tatjana A., PhD (History), St.Petersburg Institute of History RAS, tbazarova@yandex.ru

Bazhanov Dmitriy A., PhD (History), associated professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, dbazhanov@herzen.spb.ru

Borisenko Victor Nikolaevich, PhD (History), associate professor of St.Petersburg State University, v.borisenko@spbu

Bugaev Roman A. Herzen State Pedagogical University of Russia, bugaev@sptgt.ru

Butakova Anastasia Al., St.Petersburg State University, n.butackova@yandex.ru

Bäckman Johan, PhD (Social Sciences), adjunct professor of University of Helsinki, johanbek@inbox.ru

Chepik Victor N., PhD (History), St.Petersburg State University, v.chepik@spbu.ru

Fokin Vladimir. I. PhD (History), professor of St. Petersburg State University, fokin.vladimir.autoreply@mail.ru

Frumenkova Tanjana G., PhD (History), associate professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, frumentat@yandex.ru

Gekht Anton B., PhD (History), associate professor of Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications, a.geht@yandex.ru

Kovalev Boris N., PhD (History), the St.Petersburg Institute of History of the Russian Academy of sciences, bnkov@mail.ru

Krasnozhenova Elena Ev., PhD (History), professor of Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, eleena@inbox.ru

Krotov Pavel Al., PhD (History), professor of St.Petersburg University, pav_krotov.naval@mail.ru; p.krotov@spbu.ru

Kulik Sergey V., PhD (History), professor of Peter of Great of St.Petersburg Polytechnic University, e-kulik54@mail.ru

Musaev Vadim I., PhD (History), St.Petersburg Institute of History of the Russian Academy of sciences: vmusaev62@mail.ru

Pashkov Alexandr M., PhD (History), professor of Petrozavodsk State University, pashkov@mail.petsu.ru

Plenkov Oleg Yu., PhD (History), professor of St. Petersburg State University, oleg.plenkoff@yandex.ru o.plenkov@spbu.ru

Proskuryakova Marija E. PhD (History), St.Petersburg Institute of History Russian Academy of sciences; m-proskuryakova@mail.ru

Portnyagina Mariya Dm., PhD (History), associate professor of St. Petersburg State University, m.portnyagina@spbu.ru

Sidorenko Leonid Bl. Сидоренко Леонид Владимирович, PhD (History), associate Professor of St.-Petersburg State University, slv83@yandex.ru, l.sidorenko@spbu.ru

Smolin Anatoly Vas., PhD (History), professor of St.Petersburg State University, smolin1947@yandex.ru, a.smolin@spbu.ru

Tsverianashvili Ivan Al., Bonch-Bruevich St.Petersburg State University of Telecommunications, konditer14@rambler.ru

Zharov Boris S. PhD (Phylology), associate professor of St.Petersburg of State University, bzharov@gmail.

Zakharova Irina M. PhD (History), State Hermitage, zakharovairina@mail.ru

Vostrov Aleksey V. Peter Great of St.Petersburg of Polytechnic University, alex.sinkriver@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Preface.....	7
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ.....	9
<i>П. А. Кротов</i> «Социальный лифт» на военной службе в годы Северной войны («Случаи» вице-адмирала Н. А. Сенявина и поручика П. Г. Головкова) ..	9
<i>Б. С. Жаров</i> Захоронения российских военнопленных периода Первой мировой войны на датской земле. К 100-летию воссоединения Северного Шлезвига с Данией.....	20
<i>В. И. Мусаев</i> Восточно-карельская эмиграция в Финляндии в 1920-е — 1930-е гг.: Проблема адаптации	27
<i>А. Б. Гехт, И. А. Цвериганашвили</i> Из истории академического расизма в Швеции в первой половине XX века: Основные вехи научной карьеры Хермана Лундборга	39
ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА.....	47
<i>А. М. Паишков</i> Финские партизаны в русско-шведской войне 1808–1809 годов	47
<i>Д. А. Бажанов, Р. А. Бугаев</i> Деятельность комиссаров революционных органов власти в Финляндии в период подавления выступления Л. Г. Корнилова	55
<i>В. Н. Барышников</i> Победа контрреволюции в Финляндии в 1918 г. и ее значение для политики большевиков в Советской России.....	66
<i>А. В. Смолин</i> Революционная Россия и Финляндия 1919 г.: противостояние	89
<i>Е. Е. Красноженова, С. В. Кулик, Б. Н. Ковалев</i> Дети и война: К вопросу об особенностях оккупационной политики на территории Ленинградской области (1941–1944 гг.)	96
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ...	104
<i>П. А. Кротов</i> Вице-адмирал Н. А. Сенявин в походе русского флота к Гданьску в 1734 г.	104

<i>М. О. Акишин</i>	
Династия Сенявиных в истории России XVIII — начала XX вв. (Историографические заметки).....	127
<i>Л. В. Сидоренко</i>	
Вооруженный нейтралитет Екатерины Великой как удар по английской контрреволюции	141
<i>А. В. Востров</i>	
Русские солдаты на Аландских островах в 1915–1918 годах: Служба, быт и взаимоотношения с местными жителями	148
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ.....	157
<i>И. М. Захарова</i>	
Первый шведский резидент при русском дворе Иоганн Мёллер по материалам фонда рукописей и документов Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа	157
<i>Т. А. Базарова, М. Е. Проскуракова</i>	
Русская армия и Ингерманландия в начале Северной войны (По материалам походной канцелярии А. Д. Меншикова): Новые подходы к изучению	168
<i>Л. В. Сидоренко</i>	
К проблеме бомбардировки Копенгагена британским флотом в 1801 и 1807 гг. (Борьба с международными последствиями Французской революции или немотивированный акт террора?)	178
<i>А. В. Смолин</i>	
Революция против контрреволюции: Сдача позиций. Заключительный этап советско-финляндской конференции в Тарту (28 июля — 14 октября 1920 г.)	190
<i>В. Н. Барышников</i>	
Проблема международного признания «народного правительства» О. В. Куусинена	224
<i>О. Ю. Пленков</i>	
Нордическая мистика Гиммлера и исследования «Аненэрбе» в Карелии	236
<i>J. Bäckman</i>	
The Tragedies of Sandarmokh: from an anti-Stalin cult to an anti-Putin propaganda campaign	248

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ	256
<i>В. Н. Борисенко, В. Н. Чепик</i>	
«Гренландская контрреволюция». Ответ Гренландии на неокOLONи- альную политику Дании (по материалам исследований профессора В. Е. Возгриня)	256
<i>Т. Г. Фруменкова</i>	
Приказ общественного призрения Выборгской губернии (80–90-е гг. XVIII в.)	276
<i>Ю. Д. Балащенко</i>	
Крушение империи глазами русского художника И. Е. Репина	285
<i>В. И. Фокин</i>	
Скандинавские страны как объект «культурной дипломатии» СССР в 20–30-е гг. XX в.	299
<i>А. А. Бутакова, М. Д. Портнягина</i>	
Феномен «северная идентичность» и его влияние на современные международные отношения	318
Резюме / Abstract	328
Краткие сведения об авторах	346

CONTENTS

Preface.....	7
--------------	---

PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY

P. A. Krotov

«Social Elevator» in military service during the Northern War («cases» of Vice Admiral N. A. Senyavin and Lieutenant P. G. Golovkov)	9
---	---

B. S. Zharov

Burials of Russian prisoners of war during the First World War on Danish soil: On the 100th anniversary of the reunification of Northern Schleswig with Denmark	20
---	----

V. I. Musaev

East-Karelian Emigration in Finland in the Nineteen-Twenties and Nineteen-Thirties: the Issue of Adaptation	27
---	----

A. B. Gekht, I. A. Tsverianashvili

Academic Racism in Sweden in the First Half of XX Century: Herman Lundborg's scientific biography key aspects.....	39
--	----

ECONOMICS, WAR AND POLITICS

A. M. Pashkov

Finnish guerrillas in the Russian-Swedish war of 1808–1809.....	47
---	----

D. A. Bazhanov, R. A. Bugaev

The activities of the revolutionary commissars in Finland during the suppression of Lavr G. Kornilov's rebellion.....	55
---	----

V. N. Baryshnikov

The victory of the counter-revolution in Finland in 1918 and its significance for the policy of the Bolsheviks in Soviet Russia.....	66
--	----

A. V. Smolin

Revolutionary Russia and Finland 1919: confront each other	89
--	----

E. E. Krasnozhenova, S. V. Kulik, B. N. Kovalev

Children and War: on the specifics of the occupation policy on the territory of the Leningrad region (1941–1944).....	96
---	----

THE BALTIC SEA: COOPERATION AND CONFRONTATION

P. A. Krotov

Vice Admiral N. A. Senyavin in the campaign of the Russian fleet to Gdansk in 1734.....	104
---	-----

<i>M. O. Akishin</i>	
The Senyavin Dynasty in the history of Russia of the XVIII — early XX centuries (Historiographical notes)	127
<i>L. V. Sidorenko</i>	
Catherine the Great's armed neutrality as a blow to the English counter-revolution	141
<i>A. V. Vostrov</i>	
Russian soldiers on the Aland Islands in 1915–1918: the service, daily life, and relations with locals	

HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS

<i>I. M. Zakharova</i>	
The first Swedish resident at the Russian Court, Johann Möller, based on materials from the manuscripts and documents of the Russian Department of the State Hermitage.....	157
<i>T. A. Bazarova, M. E. Proskuryakova</i>	
Russian Army and Ingermanland in the Beginning of the Great Northern War (according to the documents from the Field Chancellery of A. Menshikov): New Approaches to Research.....	168
<i>L. V. Sidorenko</i>	
The bombing of Copenhagen by the British Navy in 1801 and 1807 (Fighting the international consequences of the French Revolution or an unmotivated act of terror?)	178
<i>A. V. Smolin</i>	
The revolution to oppose counterrevolution: The negotiation between Soviet Russia and Finland in Tartu. Second period (28 juli — 14 octobre 1920)	190
<i>V. N. Baryshnikov</i>	
The problem of international acceptance of the O. W. Kuusinen's «People's Government»	224
<i>O. J. Plenkov</i>	
Himmler's Nordic mysticism and the «Ahnenerbe» study in Karelia	236
<i>J. Bäckman</i>	
The Tragedies of Sandarmokh: from an anti-Stalin cult to an anti-Putin propaganda campaign.....	248

SCIENCE, CULTURE AND RELIGION

V. N. Borisenko, V. N. Chepik

Counterrevolution in Greenland: Greenland's answer
to the Danish Kingdom's neo-colonial policy (based on research
materials by professor V. E. Vozgrin).....256

T. G. Frumenkova

Order of the public charity of the Viceroyalty of Vyborg
(80–90th years of the XVIII century)276

Y. D. Balacenko

The collapse of the empire through the eyes
of the Russian artist I. E. Repin.....285

Fokin V. I.

Scandinavian countries as an object of «cultural diplomacy»
of the USSR in the 20s and 30s of the twentieth century299

A. A. Butakova, M. D. Portnyagina

The phenomenon of «northern identity» and its impact
on modern international relations318

ABSTRACT.....328

INFORMATION ABOUT AUTHORS346

Научное издание

Санкт-Петербург и страны Северной Европы
Материалы Двадцать второй ежегодной научной
конференции (6–7 октября 2020 г.)

Выпуск 22 (1–2)

ISSN 2411-8796

Директор издательства *А. А. Галат*
Корректор *Л. В. Рябова*
Верстка *В. А. Смолянинов*
Художник *О. Д. Курта*

Подписано в печать 19.10.2020
Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. печ. л. 22. Тираж 300 экз. Заказ № 1017

Издательство РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310-79-29, +7 (981) 699-6595;
факс: (812) 571-30-75
E-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://rhga.ru>

Отпечатано «ИП А. М. Коновалов»
на полиграфической базе типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134